

Смена

февраль
2000

-
- *А. Русева* **Петр, но не Первый**
  - *И. Гамаюнов* **Похищение**

ВМЕСТЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

«ЛУКОЙЛ» ориентируется на потребителя и выпускает широкий ассортимент масел как для двигателей подержанных автомобилей, так и для двигателей последнего поколения.

«ЛУКОЙЛ» ценит свой товарный знак , поэтому качество масел контролируется в течение всего процесса изготовления, и каждая партия продукции перед отправкой проверяется и сопровождается паспортом качества.

ТЕЛЕФОН: (095) 207-1441.
ТОЛЬКО ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ.

ТОВАР СЕРТИФИЦИРОВАН

ЛУКОЙЛ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилев

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чингина

2000
февраль (1624)

Сдано в набор 20.12.99.
Подписано к печати 21.1.2000.
Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Заказ № 115
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.
E-mail: smena@garnet.ru
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per. № 014832

**Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"
Отпечатано в типографии
ОАО ПО "Пресса-1"
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию
ОАО ПО "Пресса-1"
257-42-29
257-41-03

Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2000.

64 *Михаил Казовский*
**ЧЕРЕПАХИ ЖИВУТ
 ТРИСТА ЛЕТ**
 Рассказ

122 *Виктор Прунин*
**СМЕРТЬ В СВОЕЙ
 ПОСТЕЛИ**
 Детектив

4 *Борис Сопельняк*
**ОТРАВЛЕННАЯ
 БАЛТИКА**

16 *Дмитрий Шеваров*
**ЭТА МУЗЫКА
 В ГОРОДСКОМ САДУ...**

20 *Игорь Гаманюков*
ПОХИЩЕНИЕ

*Николай
 28 Александров*
И АЗ ВОЗДАМ!

54 *Елена Брускова*
ЕСЛИ ВМЕСТЕ...

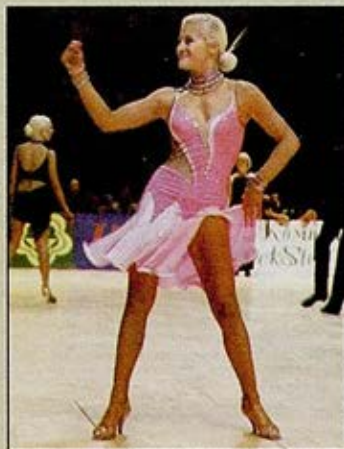
81 *Анатолий Рыбин*
**БЛЕСК И НИЩЕТА
 ПЕРВОЙ
 ДРЕВНЕЙШЕЙ**

92 *Майя Орлова*
ТАНЦУЮТ ВСЕ!

*Светлана
 219 Бестужева-Лада*
**СМИРЕНИЕ ПАЧЕ
 ГОРДОСТИ**

*Шатъяна
 227 Смольякова*
ВИТА — ЭТО ЖИЗНЬ

270 *Валерий Ильичев*
ВОТ ВАМ И ДУРА!

стр. 92

На 1-ой обложке:
 певица Алсу.
 (Читайте стр. 261)
 фото А. Рычкова.

стр. 54

34 *Яков Шугендхольд*
ДЕГА

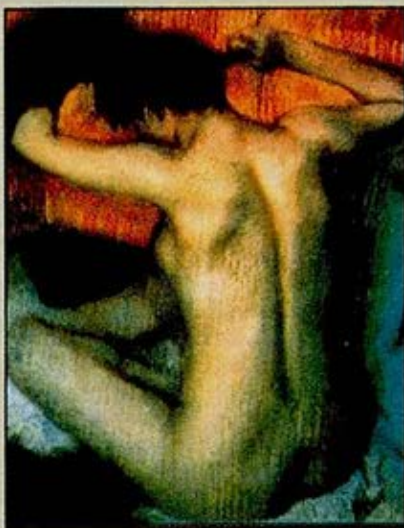
100 *Любовь Русева*
**ПЕТР,
НО НЕ ПЕРВЫЙ**

115 *Строки века*
**КОНКУРС ЗНАТOKOВ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПОЭЗИИ**

234 *Александр Кравцов*
**ВЕЛИКИЙ
ВОЛШЕБНИК**

248 *Иван Зюзюкин*
**КРАСИВАЯ
ЖЕНЩИНА?
РАСТРЕЛЯТЬ...**

261 *Рамазан Рамазанов*
ФЕНОМЕН АЛСУ

стр. 34

13 *Анатолий Смоляр*

*Арман
Делафер*
**"ОДИЛЬ,
НЕ УХОДИ!"**

Любовно-эротическая повесть написана в лучших классических французских традициях — интрига ее заключена в своеобразном любовном треугольнике: муж, жена, любовник, но... в определенный момент место любовника занимает муж.

*Джон
Сниклер*
**ИДЕАЛЬНОЕ
УБИЙСТВО**

Творчество и преступление — казалось бы, понятия несовместимые, но в этом американском рассказе они тесно переплетаются, так как именно идея создания литературного шедевра натолкнула писателя-неудачника Артура Конвея на убийство своей жены Хелен, которое он воплотил в жизнь, правда, последствия преступления оказались непредсказуемыми...

март '2000

Ш

АНОНС:

Борис СОПЕЛЬНЯК

Еще не запузырилась у побережья вода, еще не всплыла вверх брюхом рыба, еще не покрылись пляжи обжигающей до самых костей гнусно-серой слизью, еще не каждый рождающийся ребенок является дауном, еще раком болеют не так часто, как, скажем, гриппом, но... несколько лет назад рыбаки с Фарерских островов выловили бомбу с ипритом и на всю жизнь остались калеками — все тело покрылось жуткими язвами. Потом отравились рыбаки из Польши, пострадало несколько жителей Латвии... И все же больше всего видавших виды моряков поразили не чудовищные язвы на собственном теле, а какие-то пучеглазые рыбыны с крысиными хвостами.

Это было последней каплей! Если ожоги и отравления можно

было списать на выбросы нефтепродуктов, то ужасающие мутации трески аварийным разливом мазута не объяснить. Первыми всполошились ихтиологи: такие мутации могут быть вызваны ипритом, но, по их сведениям, в Балтийском море его никогда не было. Потом за голову схватились врачи, лечившие фарерских и польских рыбаков: подняв медицинские карточки солдат, пострадавших от газовых атак во время первой мировой войны, они с оторопью обнаружили, что ожоги сорокалетней давности аналогичны нынешним.

Кинулись к генералам. Но те, недоуменно пожимая плечами и блудливо отводя глаза, заявили, что знать ничего не знают и не имеют никакого понятия о том, как иприт мог оказаться у побе-

Отравленн

режья Дании, Швеции, Польши, Норвегии, Германии и Латвии. Причем, это был один из немногих случаев, когда генералы Англии, США и Советского Союза были едины и врали в унисон.

Блокада преступного сговора была прорвана лишь в 1992 году, когда в одном из английских журналов была опубликована статья отставного русского генерала Бориса Трофимовича Сурикова. Я видел и эту статью, и этот журнал, но по старой привычке не доверяя буржуазным изданиям решил поговорить с автором. Найти его было просто. Лишь после долгих и ревностных усилий мне удалось выйти на след: Борис Трофимович отлеживался в госпитале. Как я туда прорывался — особый разговор, госпиталь-то генеральский, и чтобы туда попасть, при-

шлось придумывать целый сценарий. И вот я, наконец, в уютной, неплохо оборудованной палате.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Борис Трофимович, энергично пожимая руку, — даю себя знать старые раны. Как ни хорохорься, а перебитые кости и застрявшие в теле железки напоминают о себе все чаще. Я ведь всю Отечественную отрубил с первого до последнего дня. Начинал летчиком-истребителем, пока в 1942-м не получил снаряд прямо в ноги. Машину я посадил, но сапоги были полны крови. Когда подлечился, врачи в авиацию не пустили. Пошел в пехоту, да к тому же на самую смертную должность — командиром взвода. Во время одной из атак зацепило и там, на этот раз еще сильнее.

ая Балтика

И все же после госпиталя я вернулся в авиацию, правда, не в истребительную, а дальнего действия. Летал на бомбардировщике, бомбил Берлин, а потом и японских самураев. После войны окончил академию имени Жуковского, чуть было не стал космонавтом, участвовал в атомных испытаниях, готовил противодействие американским звездным войнам и... время от времени отлеживался в госпитале.

Надо же так случиться, что в 1972 году я лечился в одном госпитале с адмиралом Трибуцем. Владимир Филиппович — ровесник века, а я — молодой полковник, но мы подружились. Во время войны Трибуц командовал Балтийским флотом и, как вы понимаете, я не раз расспрашивал его о тех или иных операциях.

Адмирал был разговорчив и словоохотлив, пока я однажды не спросил: "А есть ли в вашей жизни что-то такое, о чем вы сожалеете? Есть ли в ваших деяниях что-то такое, что вы хотели бы исправить?"

Два дня адмирал со мной не разговаривал. На приветствия не отвечал и всячески избегал встреч. А потом заманил в дальний угол, велел сесть и слушать, не перебивая.

— Молодой ты еще, полковник, и многого не понимаешь, — как-то отрешенно начал он. — А не понимаешь потому, что мало знаешь. Хотя, если бы и знал, то вряд ли бы понял и тем более одобрил. Мне вот уже за семьдесят, вроде бы не дурак — как-никак, доктор исторических наук, профессор академии Генштаба, а кое-что для меня до сих пор остается тайной. Преступной тайной! — жестко добавил он. — Есть на моей

совести один грех, да такой, что никакими молитвами его не отмогил. Я тебе кое-что расскажу, — наклонился он к самому уху. — А то ведь если унесу с собой, никто ничего не будет знать. Но ты мне поглянись, что до поры до времени будешь молчать!

Я, конечно же, дал слово офицера, что буду молчать... Через пять лет Трибуца не стало, но я молчал. Началась разрядка. Но я молчал. Исчезла страна, которой служили и я, и адмирал, но я молчал. К этому времени я работал в Генштабе, участвовал в подготовке всевозможных договоров с США, выступал в ООН и познакомился с людьми, которых я знал как профессиональных разведчиков, работающих под крышей ООН или своих посольств. И вот однажды, когда я уже был в отставке, на меня вышел один такой знакомец и попросил об интервью для английского журнала. Он просил рассказать о наших ядерных испытаниях, но я ответил, что об этом говорить рановато, а вот о Балтине расскажу. Должен заметить, что я пытался заинтересовать этой темой российских журналистов, но на дворе был 1992 год, и их интересовала политика и только политика.

Так на основе воспоминаний адмирала Трибуца появилась моя статья в английском журнале. Тогда я рассказал о том, что сразу после войны тройственная комиссия из представителей Англии, США и СССР приняла решение об уничтожении трофейного химического оружия. Союзникам досталось 303 тысячи тонн иприта, люизита, зарина, зомана и прочей гадости, упакованной в бомбы, снаряды и просто бочки. Поначалу

было принято довольно разумное решение затопить все это в Атлантике, и непременно на больших глубинах. Англичане и американцы загрузили трофейные же суда емкостями с отравляющими веществами, но в открытый океан так и не отбунсировали. Во-первых, суда были старые, а море штормило, и, во-вторых, некоторые бочки дали течь и многие пленные немцы, занимавшиеся погрузкой, сильно отравились. Судя по всему, союзники запаниковали и не придумали ничего лучшего, как затопить смертоносный груз в проливах Скагеррак и Каттегат, которые связывают Балтийское и Северное моря.

На дно ушло около 60 судов со сверхядовитой начинкой. Не могу не отметить очень важной детали: вместо того, чтобы открыть кингстоны, корабли топили

по-варварски, подрывая борта и днища. В результате хлынувшая в бреши вода поступала неравномерно, и корабли тонули, погружаясь то носом, то кормой, а то и переворачиваясь вверх дном.

— Да-да, вся операция была снята на кинолентку, и я этот сюжет видел. Но вот какой склочный возникает у меня вопрос, — перебил я Бориса Трофимовича. — Поставив на погрузку химического оружия немцев, англичане и американцы, можно сказать, прилюдно расписались в том, что прекрасно понимают, какую опасность таят емкости с ипритом и люизитом. А вопрос у меня такой: почему все эти годы о когда-то секретной операции молчали немцы? Американцев и англичан понять можно — их связывали подписки о неразглашении военной тайны. Но какой резон хранить эту тайну немцам? Или

их давным-давно нет на свете и они пошли на дно вместе с вредоносным грузом?

— Чего не знаю, того не знаю, — развел руками Борис Трофимович. — Во всяком случае Трибуц об этом ничего не говорил. Зато он рассказал об операции, выполнение которой целиком и полностью было возложено на него. Из-за бедности и послевоенной разрухи в государстве власти решили, что пускать на дно суда и баржи, которые еще могут послужить, непозволительная роскошь, поэтому 35 тысяч тонн химических боеприпасов было приказано выбросить в море россыпью. И знаете, где? Всего в 70 милях от Лиепаи и в районе острова Борнхольм. Операция была закончена в конце декабря 1947 года. Доподлинно известно, что она осуществлялась под личным контролем Сталина. Знал о ней и маршал Жуков.

— А есть ли какие-нибудь доказательства приведенных вами фактов, кроме рассказа Трибуца? — поинтересовался я.

— К сожалению, их великое множество. Во время специальной экспедиции ученые Института океанологии, работавшие на научно-исследовательском судне "Профессор Штокман", обнаружили как затопленные корабли, так и ту самую россыпь. Есть показания участников затопления, в частности, капитана 3 ранга Константина Терскова. Всплыл из небытия и один из тех немецких грузчиков, которые под контролем англичан и американцев на руках таскали бомбы и снаряды — его зовут Гельмут Кюнерт.

— Ну, хорошо. Факт затопления гигантского количества хими-

ческого оружия установлен и подтвержден. А что дальше? Что с этой гадостью делать?

— Трогать ее нельзя — это однозначно. Значит, нужно надежно изолировать. Методика существует, и существует только в России. Ведь смогли же мы изолировать затонувшую в Норвежском море атомную подводную лодку "Комсомолец". Но если изоляция "Комсомольца" была заботой России, то нейтрализация последствий затопления химического оружия в Балтийском море должна стать заботой всех стран этого густонаселенного бассейна. Нужна международная ассоциация, международное финансирование и, самое главное, понимание, что сама собой эта опухоль не рассосется — необходимо оперативное вмешательство.

Преступное бездействие

Именно так охарактеризовал сложившуюся ситуацию и доктор технических наук, вице-адмирал Тенгиз Борисов.

— Чтобы не было никаких экивоков в прошлое, должен со всей ответственностью заявить, что винить отцов и дедов за оставленную в Балтине мину замедленного действия нельзя! — решительно начал Тенгиз Николаевич. — Они исходили из уровня знаний сороковых годов и были убеждены, что морская вода разлагает и бесследно растворяет тот же иприт или люизит. Другое дело, что нельзя было затоплять груз на мелководье и в таном полузакрытом бассейне, каним является Балтийское море. Вот если бы они действовали по первоначальному плану и произвели затопление в открытом океане на глубине

четырёх-пяти километров, то о тлетворном "подарке" прошлого можно было бы забыть. Но, как вы уже знаете, этот "подарок" время от времени о себе напоминает, причем самым жестоким образом, отравляя воду, планктон и рыбу, а тем самым и человека.

— Так что же с этой гадостью делать? Не ждать же, пока вся треска обзаведется крысиными хвостами, а население приморских городов придется срочно эвакуировать?!

— Нет, ждать нельзя. Это как раз тот самый случай, когда промедление смерти подобно. Давайте-на поосновательнее разберемся в том, что лежит на дне Балтийского моря. Те бомбы, контейнеры и снаряды, которые были затоплены россыпью в районе Лиепаи и острова Борнхольм, лежат на глубине 100-115 метров. Толщина их оболочек от двух до шести миллиметров. А вот скорость коррозии металла в морской воде составляет чуть более одной десятой миллиметра в год. Значит, за десять лет вода съедает один миллиметр стали. С момента затопления прошло более пятидесяти лет, следовательно, практически все контейнеры, бомбы и снаряды должны превратиться в ничто. С некоторыми так и произошло и они дали сильную течь. В то же время снаряды, ушедшие в ил, корродируют медленнее и их начинка даст о себе знать несколько позже.

Процесс вымывания отравляющих веществ в этих местах идет достаточно медленно и морская вода успевает их гидролизировать, или, проще говоря, разложить и нейтрализовать. Следовательно, боеприпасы и контейнеры, затопленные россыпью, ката-

строфической опасности не представляют. Надо лишь оконтурить эти районы на картах, запретить там рыболовство — особенно глубоководными тралами, а также проведение буровзрывных и других работ. Само собой разумеется, нельзя там и бросать якоря.

Иначе говоря, с большой долей уверенности можно надеяться, что море справится с этой бедой и относительно безболезненно переварит валяющуюся на дне пакость. Иное дело — залповый выброс отравляющих веществ. Тут недалеко и до большой трагедии.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что Балтийское море придется, если так можно выразиться, закрывать. Да-да, я никоим образом не преувеличиваю, именно закрывать! Как вам известно, в проливах Снаггерра и Каттегат лежат оноло шестидесяти затопленных судов с ипритом, люизитом и прочей гадостью. О скорости коррозии я уже говорил, добавьте еще и мощное давление вышележащих снарядов на нижележащие. В один, далеко не прекрасный, день могут лопнуть и корпуса судов, и оболочки снарядов. Тогда-то и произойдет тот самый залповый выброс отравляющих веществ, который принесет неисчислимые беды.

Нельзя не учитывать и другой немаловажный фактор. По дну этих проливов проходит подводное течение из Северного моря в Балтийское, его скорость около трех километров в час — этого вполне достаточно для вымывания и переноса отравляющих веществ на большие расстояния. Потом эти загрязненные воды опишут полную циркуляцию, поднимутся наверх и через четыре-пять лет будут вынесены обратно в Северное мо-

ре. Что за это время произойдет с планктоном и рыбой, а заодно и с людьми, которые будут есть эту рыбу, известно не только Богу, но и ученым-генетикам.

— Хотелось бы поговорить с кем-нибудь из этих ученых, — не преминул вставить я.

— Я знаю одного из них, так и быть, познакомлю.

Не буду рассказывать, как я пробирался по телефонной цепочке, но, как бы то ни было, через несколько дней оказался в Институте общей генетики Российской академии наук, в кабинете доктора биологических наук Валентина Алексеевича Тарасова.

— Действительно ли дело обстоит так серьезно? — спросил я. — Действительно ли залповый выброс отравляющих веществ может привести к катастрофическим последствиям?

— Чтобы ответить на эти вопросы, надо детально проанализировать сложившуюся ситуацию, — протер очки профессор. — Для начала давайте зададимся самым простым вопросом: зачем были созданы боевые отравляющие вещества? Правильно, чтобы отравлять и таким способом убивать. Ного? Людей. Скоротечные последствия применения этих веществ хорошо известны: сотни тысяч убитых и миллионы искалеченных. А каковы отдаленные последствия применения того же иприта или люизита? До недавнего времени этой проблемой никто всерьез не интересовался и, следовательно, не занимался. Между тем, механизм воздействия боевых отравляющих веществ на клетку такой же, как при радиационном облучении: при сильных ожогах из-за быстрого деления клетки рвутся хромосомы,

вследствие чего клетки гибнут, а значит, гибнет и человек.

Далее... Еще в 1927 году лауреат Нобелевской премии Мёллер доказал, что радиация поражает наследственную структуру. Генетики задумались: а нет ли здесь аналогии с воздействием химических веществ? Бежавшая в Англию немецкий генетик Шарлотта Ауэрбах вскоре открыла мутагенные свойства иприта. Занимались этой проблемой и советские ученые, но после печально известной сессии ВАСХНИЛ в 1948 году, на которой генетику объявили лженаукой, ученых разогнали, а некоторых и посадили... И хотя все исследования были прерваны, и без того было ясно, что за мутацией следует патология, то есть рождение двухголовых, безруких, безногих и других уродцев. Я уж не говорю о даунах, олигофренах и других умственно отсталых особях.

Не могу не напомнить и о другом: более четырех тысяч болезней имеют наследственный характер, в том числе такие, как атеросклероз, порони сердца и другие. Рак тоже связан с мутациями. Что касается этой болезни, от которой умирает каждый шестой человек, то особую тревогу вызывает невиданный рост темпа заболеваемости, иначе говоря, больных раком становится все больше. Вне всяких сомнений, это связано с изменениями в окружающей среде. Что касается воздуха, то тут все ясно: для человека допустимой дозой является одна молекула иприта на сто миллионов молекул воздуха, а вот две — уже много, начнутся мутации. В то же время о воде ничего определенного сказать нельзя — серьезных исследований в этой области не велось.

Но механизм воздействия сомнений не вызывает: если мутация попадет в половую клетку, то она, дожидаясь второго гена папы или мамы, будет передаваться по наследству. А это значит, что цепочка: отравленная вода — планктон — рыба-человек с большой долей вероятности приведет к мутациям и, следовательно, к необратимым последствиям. Если же учесть, что пробы грунта в Скагерране неподалеку от шведского рыбного порта Люссениль показали, что мышьяка там в 60 раз больше нормы, иприта в несколько сотен раз, а рыбы в Балтийском море ежегодно ловят 1 миллион тонн, в Северном — полтора миллиона тонн, то не нужно быть провидцем, чтобы сказать, как велика для человека потенциальная опасность заражения. Может статься так, что, как говорится, пронесет и ничего не случится, но на это надеяться не приходится, так как наличие в Балтике рыб-мутантов — уже не вызывающий сомнений факт, и это значит, что процесс пошел.

А ведь залпового выброса иприта еще не было, пока что речь идет о протечках тех или иных контейнеров в тех или иных районах. Но ведь рано или поздно залповый выброс будет! И что тогда? Генетики станут констатировать гигантский рост всякого рода мутаций, медицины — не поддающихся лечению заболеваний, политики — посыпать голову пеплом. Думаю, что, образно выражаясь, не надо держать ворота наготове и открывать их настежь, когда придет беда, а, не откладывая дела в долгий ящик, всесторонне изучить проблему и всем странам Балтики и Северного моря приступить к ее немедленному решению. Тем бо-

лее, что есть несколько сравнительно недорогих и, главное, надежных способов изоляции лежащей на дне Балтики гадости.

От "Комсомолец" — к Скагерраку

Об этих способах рассказывает уже знакомый нам Тенгиз Борисов.

— Дело в том, что мне довелось заниматься локализацией реактора и ядерных боеголовок печально известной атомной подводной лодки "Комсомолец", затонувшей в апреле 1989 года. Поначалу в глубинах Норвежского моря все было тихо и спокойно, и лишь через два с половиной года лодка начала "чадить": из заглушенного реактора пошли цезий и стронций, правда, в небольших количествах, и морская вода успевала их нейтрализовать. А вот оружейный плутоний, которого в двух боеголовках было более шести килограммов, вел себя куда более агрессивно.

Боеголовки надо было нейтрализовать. Но как? Поднимать лодку нельзя — развалится на части. И тогда Комитет подводных работ особого назначения, который я возглавлял, разработал более трехсот вариантов решения этой проблемы. Среди них были довольно экзотичные, но были и представляющие практический интерес. Один из них нас особенно привлекал. Мы хотели поставить над лодкой морскую платформу, спустить с нее трубы и по ним закачать специальный бетон в разрушенную носовую часть лодки. Этот бетон, во-первых, не разлагается водой и, во-вторых, не пропускает плутоний.

Проект мы разработали до мелочей и были готовы к его реализации, но... нас остановили. И знаете, кто? Те самые люди, которые делали боеголовки. Оказывается, если плутоний наглухо закрыть и лишить его возможности охлаждаться, произойдет тепловой взрыв, последствия которого непредсказуемы. Тогда мы нашли другой способ и, если так можно выразиться, заклеили носовую часть лодки специальным пластырем. Теперь вода вокруг лодки чистая, и ни реактор, ни боеголовки никакой угрозы не представляют.

Я потому так подробно рассказываю об этой акции, что глубоко убежден: метод заливки объема бетоном, который не прошел с лодной, можно реализовать с затопленными судами, лежащими на дне Балтики.

— А как быть с бомбами и снарядами, разбросанными россыпью?

— О них можно не беспокоиться. Во-первых, там исключена угроза залпового выброса, а во-вторых, их ни поднять, ни изолировать нельзя — ведь на дне валяется более 700 тысяч контейнеров, бомб и снарядов.

А вот с тем арсеналом, который лежит в проливах, надо что-то делать, причем немедленно! Нужно помнить, что предотвратить залповый выброс можно, но ликвидировать его последствия невозможно. Нельзя забывать и о так называемом факторе случайности. Еще в октябре 1995 года моряки с датского корвета, принимавшего участие в учениях НАТО в Скагерране, уронили за борт глубинную бомбу со вставленным взрывателем. То ли Бог хранил датчан, то ли сделала свое дело ее величество халту-

ра, но взрыва не произошло. Эту бомбу, между прочим, так и не нашли, она до сих пор лежит где-то рядом с заполненными ипритом баржами и ждет своего часа.

В связи с этим не могу не отметить и другого фактора: я говорю об элементарном шантане. Представьте себе, что кто-то захочет ни за что, ни про что получить, снажем, миллиард долларов. И он его получит! Стоит только сказать правительствам этого региона, что в такое-то время с проходящей проливами яхты может упасть бочка со взрывчаткой. Упадет эта бочка или не упадет, опасна она будет или нет, проверить невозможно. А организовать заражение воды в том или ином районе проще простого: картина будет такая, будто потекло из лежащей на дне баржи. Вот и придется датчанам, шведам, норвежцам да и нам тоже основательно расношелиться... О террористах-фанатиках даже не хочется думать.

Так что нужно действовать. Мы подсчитали, что реализация проекта обойдется в полтора-два миллиарда долларов. Как только будет создан международный консорциум, который от слов перейдет к делу, мы предоставим ему все свои наработки — и народы Балтики избавятся от гнетущего страха быть отравленными или бежать в глубь континента.

Переключившись на испугание греха отцов и дедов на детей и внуков нельзя — они могут просто не успеть понять, что произошло. Еще и еще раз хочу напомнить: сам по себе этот нарыв не рассосется, необходимо безотлагательное хирургическое вмешательство. ■

Анатолий СМОЛЯР

ЗЕРКАЛО

*Бесстрастный мир зеркальных отражений,
Свидетель и побед, и поражений.
Которые в лице своем мы носим
И с отраженьем прошлым соотносим...*

*Какие чувства нас обуревают,
Когда нас отраженья убивают
Правдивостью того, что отражают?*

*Как ненавидим мы процесс старенья,
Стараясь силой вырвать из забвенья
То, что привыкли прежде созерцать.
Не могут лик былого воссоздать,
Но терпеливо ждут, когда пройдет
То, что с собою прошлое несет.*

*Но дважды в ту же реку кто войдет?
И с зеркалом нас та же участь ждет:
Как времени река оно течет
Чредою отражений, что уйдет
Навстречу веренице отражений —
Свидетелем побед и поражений
Грядущих и ушедших поколений...*

*Поверь, вставать не стоит на колени;
Не слышит Бог бессмысленных молений,
И зеркало рассматривай, как дань
Тому, что сам кладешь в свою же длань!*

СОН

*Все тот же сон: вновь у камина я,
И сквозь печаль беззвучных слов
Звучит мелодия старинная
Каминных дедовских часов.*

*Звучит мелодия старинная,
В моей руке — твоя рука,
И жизнь во сне — такая длинная,
А наяву — так коротка...*

*И поза несколько картинная,
И я по-прежнему влюблен...
Звучит мелодия старинная,
Все тот же сон, все тот же сон...*

Солдатиками оловянными
Застыли стрелки на часах,
И смотрят прочерками странными
Облезлой краски на глазах,

Мне навеяла страхи вздорные,
И мысль одна во мне стучит:
Стоят же эти стрелки черные,
Как же мелодия звучит?

Какая тайна в том пружинная?
Что жизнь мелодии дает?
...Звучит мелодия старинная...
И кто-то за плечо трясет...

* * *

Мадам, мне так хотелось вам сказать:
Париж не для того, чтоб умирать,
Он для любви восхода, не заката.
Любви себя лишили вы когда-то,
Когда пришлось в разлуку уезжать...
Ах, что сейчас об этом вспоминать!..
Париж не для того, чтоб умирать!

* * *

Простуженное сердце января
Лечить микстурой слез пытаюсь зря:
Холодных льдинок острые края
Преображенных слез в себя вонзая,
Тебя лишаю облегчений рая,
И, плоть свою на адский лад кроя,
Творю не то, что сотворить желаю,
Вернее, не творю, а сотворяю
Сам над собой беду, заговоря
Простуженное сердце января
Лечебными слезами суеверий,
Настоянных скорее на неверьи,
Чем на "доверьи" алчущих врачей...
И вот, соотнесясь с причудой сей,
Я прекратил лечить, себя коря,
Простуженное сердце января...

* * *

Не исчезай из жизни навсегда,
Не так уж часто жить нам выпадает,
И шанса своего не упускает
Рука Костлявой Дамы никогда.

*Не исчезай, пожалуйста, всерьез,
Не оставляй пустым свое окошко,
А коль исчезнешь — только понарошку:
И так немало в этой жизни слез...*

*И возвращаясь в долгожданный день,
Неси с собой хоть капельку, но чуда.
В него я очень долго верить буду,
Пока ты вновь не обратишься в тень.*

*Не исчезай из жизни навсегда,
Твой взгляд в моей душе и чист, и светел,
Не так уж долго жить на этом свете —
Не исчезай из жизни навсегда!*

ТАМАР

*С тех пор прошло уже немало лет,
Но помню, как рассказывал мне дед
Легенду о двенадцати жрецах,
От недругов укрывших царский прах*

*В пещерах потайных, в глухих горах,
В искусно изготовленных гробах:
Их было одинаковых шесть пар,
Но лишь в одном покоилась Тамар!*

*Жрецы свершили все, что было в силах,
Чтоб тайна о двенадцати могилах
Осталась нераскрытой в веках!
И был жрецам неведом смерти страх,*

*И, дабы не промолвиться невольно,
Они себя убили добровольно
С молитвой благодарной на устах
И ключ от тайны скрыли в небесах!..*

*....Легенду вам поведал я в стихах:
Как знать — где быть, где небыль в тех словах?..*

Эта Музыка в городском

Когда-нибудь забудется все, о чем нам сообщают в новостях: смены цен и министров, скандалы и рекорды, выборы и судебные процессы... А останется что-нибудь такое, чего сейчас мы не в силах оценить. Но вот хотя бы первый снег. Как он шел к земле, а мы шли домой. И эта встреча: нас, снега, сумерек, желтых окон, близкого дома... Все это останется нарисованным в душе самыми яркими красками. Как и вот это мое летнее воспоминание.

Играла музыка в городском саду, четырехлетний мальчик кружился под музыку с желтым зонтиком, а немолодая женщина в бедном платье и нелепых детских колготках сидела в сторонке и плакала... Только дома можно кружиться с зонтиком и плакать от хорошего — от музыки. Только чувствуя себя дома, можно в центре большого города упасть на траву и, следя за парением вечерних облаков слушать Грига.

Это было в Екатеринбурге. Если вам доведется попасть туда, то в конце дня зайдите в Литературный квартал, что расположен под Вознесенской горной. Летом там почти каждый вечер проходят концерты на открытом воздухе. Играет один из лучших оркестров России — Уральский академический филармонический оркестр. Играет бесплатно и при этом на высочайшем уровне, с вдохновением и со всей серьезностью, без которой невозможен симфонический концерт.

Литературный квартал — чудом сохранившийся уголок Екатеринбурга XX века с бывшим почтовым двором и несколькими старинными

фото Вячеслава Еврилова

саду

особняками. Это — удивительное и теперь уже ничем незаменимое место для жителей огромного промышленного города. Квартал живет по законам культуры, интеллигентности и доброжелательности. Здесь расположен объединенный музей писателей Урала (с великолепными экспозициями о Д.Н. Мамине-Сибиряке и Ф.М. Решетникове), намерный театр, неподалеку — сквер с памятником Пушкину, филармония, музей фотографии в реставрированном доме знаменитого уральского фотографа В.Л. Метенкова. И все это живое — с литературными вечерами, концертами, гастролями, праздниками для детей и взрослых, с дымком самовара и горнами блинов на масленицу.

Сам Литературный квартал со всеми своими переулочками — пешеходная зона. Слышно только иногда, как в отдалении несутся под проводами троллейбусы. Жаль, что когда я был студентом, такого места в городе не было и мы с ребятами ходили иснасть тихие снамейки то в парк дворца пионе-

ров, то в Зеленую рощу. Но тут куда как лучше и от университета совсем рядом. Помню, что на месте Литературного квартала еще десять-двенадцать лет назад были заброшенные и грязные улочки, весной и осенью непролазные, нищие дворики с запахом выгребных туалетов. С площадей это место не видно, вот и махнули на него рукой. К счастью, нашлись люди, которые знали, что здесь было до семнадцатого года, и они решили вернуть эти улочки к жизни. Но вернуть достойно, не бульдозером, а почти археологическими методами — очистить, отмыть, убрать позднейшие наслоения, отреставрировать уцелевшее, а новые постройки аккуратно вписать в ландшафт.

...За полчаса до начала свободные места остаются лишь на траве, на деревьях и фонарях. Многие приходят семьями, с маленькими детьми и старенькими бабушками. Заходящее солнце золотит нотные листы и головы малышей. Дети собирают одуванчики, взрослые читают программку, музыканты настра-

ивают инструменты. Но вот в черном фраке встает за свой пульт дирижер — и воцаряется благоговейное ожидание...

После этого смешно читать рассуждения шоуменов о том, что классика никому не интересна. Два часа сотни людей, затаив дыхание, слушают Бизе и Штрауса, Бетховена, Вагнера, Чайковского, Вебера, Брамса, Шостановича... Мало того — в Екатеринбурге классическая музыка достойно выдерживает самую жесткую конкуренцию с "попсой". В тот же вечер, когда я слушал Грига, в нескольких сотнях метров от Литературного квартала, около кинотеатра "Космос", проходил шумный праздник одной зарубежной лимонадной фирмы. Молодежи были обещаны "ведущие исполнители" и "крутые группы". Молодые люди с баннами пива и в самом деле валом валили к кинотеатру. При этом они не смущались, сокращая себе дорогу, пройти напрямик через сад Литературного квартала, чуть ли не через сцену, где оркестр играл фрагменты из "Пер Гюнта". Но никто не обратил на эту расхлябанную публику ровно никакого внимания. Никто не устремился вслед за ней, чтобы "оттупить по полной программе".

Только непогоде удалось снять финал концерта. При первом каплях дождя музыканты, не переставая играть, дружно отступили в глубь сцены-рановины, боясь за инструменты. Зрители достали зонтики, не собираясь уходить. Но дождь уже расходился косыми жесткими струями. Я добежал до остановки, когда хлынул почти тропический ливень. На остановке собралось множество людей, канимто чудом всем хватало места под хлипкой крышей. Взрослые снима-

ли куртки и даже рубашки, чтобы укрыть детей от поднявшегося вдруг холодного ветра. Виолончелист в белой рубашке тревожно принимал к себе черный футляр с инструментом. Сверкала молния, автобуса долго не было, но отчего-то было весело и свободно на душе. Остро пахло сиренью.

Незадолго до своего ухода композитор Валерий Гаврилин, отвечая на денурный вопрос корреспондента "А не хотелось бы вам перебраться за границу?", ответил: "Мне и на родине родины не хватает..." Меня поразили эти слова своей беспощадной простотой и мудростью. Разве только о себе с такой болью и точностью сказал Гаврилин? Это же черта под всем, что с нами случилось. Как же мы истосновались по спокойному чувству родины...

Нанонец подошел автобус и мы расстались, смешавшись с толпой. И только дождь за стеном еще соединял нас. В белых сумерках он казался продолжением музыки. ■

ПОУЩЕНИЕ

Игорь ГАМАЮНОВ

...Они — Борис и Юля — пробыли там почти сутки — сидели на кухонном полу, прислонившись к стене. Стульев не было, только стол да плита. Из комнаты доносились пьяные голоса и смех. Саднили порезы на лице, сочилась

кровь, куски ваты пропитались насквозь. В голове гудело от бессонной ночи. Он видел, как измучена жена, не знал, когда это все кончится, и думал: "Да пропади пропадом такая "жизнь по понятиям!.."

**Они ехали
к родственникам на уик-энд,
а угодили под арест,
на бандитскую блат-хату,
откуда выбрались чудом.**

Смешной зигзаг

Здесь, в поселке Недровка, в пригороде Кемерово, все знают всех. Поэтому предприниматели предпочитают свои денежные отношения не фиксировать, живут, как сейчас у многих принято, "по понятиям". У тех, кто идет в бизнес, память крепкая. Ну, а если забудет кто-нибудь о своем долге, ему напомнят. Способы разные...

Молодому бизнесмену Александру Тимофееву приглянулся "Мерседес-230" — на нем ездил бывший его одноклассник, теперь тоже бизнесмен, Константин Пелецкий. Поговорили. Пелецкому деньги нужны были очень, и он отдал автомобиль приятелю. Тот, правда, заплатил примерно одну пятую его стоимости, остальное обещал чуть позже. Это "чуть" растянулось на полгода. И Пелецкий, сам оказавшийся в долгах,

предложил одному из своих кредиторов, Борису Шарданову, взять этот "Мерседес".

— Как? — спросил Борис.

— Элементарно. Вот тебе второй комплект ключей, садись и поезжай.

— А оформление?

— Без проблем. Автомобиль пока числится за мной, поедем в Кемерово, в областное ГАИ, переоформим на тебя.

Так и сделали. И однажды Тимофеев, выглянув в окно, не увидел свой — ровно на одну пятую свой — автомобиль.

А тем временем Борис Шарданов с молодой женой, студенткой Кемеровского университета, собрался на этом автомобиле в гости — в Красноярск. Накупили родственникам гостинцев, положили в багажник. И — двинулись по Сибирскому тракту. Но случи-

лась под Мариинском авария — в этот райцентровский город им пришлось въехать на буксире. Остановились они, по словам Бориса, у знакомой бабушки.

Оставив там жену, Шардаков отбуксировал "Мерседес" в ближайшую частную автомастерскую. Ее хозяин осмотрел автомобиль, затем перевел пристальный взгляд на Шардакова и — заторопился: куда-то ему срочно понадобилось звонить. Борис надоедать не стал, зашел, как договорились, через час. С женой.

— С тобой ребята поговорить хотят, — сообщил ему хозяин мастерской. — Они там, за углом...

За углом Шардаковы увидели навалында из пяти автомобилей и группу парней определенной внешности: коротко стриженные затылки, спортивные куртки, высокие ботинки на шнуровках. Шардаков насторожился, но отступать было не в его правилах. К тому же на недостаток физической силы не мог пожаловаться — рост под метр восемьдесят, вес под девяносто. И он подошел.

— Разобраться надо, — сказали ему. — Ты, говорят, чужую тачку угнал.

Оказалось: хозяин мастерской — двоюродный брат того самого Тимофеева из Недровки, не раз приезжавшего в Мариинск на этом "Мерседесе". Узнать автомобиль было нетрудно. Борис хмыкнул — надо же, какие случаются в жизни смешные зигзаги. И объяснил:

— Автомобиль мой, документы в порядке, и пусть Тимофеев разбирается с Пелецким сам.

Но ребята упорствовали. Тимофееву в Недровку они уже час на-

зад позвонили, он вот-вот придет.

Он и в самом деле вскоре появился: высочил из подъехавших "Жигулей", резко хлопнув дверцей. Шардакова он, конечно же, знал. Выслушал хмуро его объяснения. Постановил:

— Пелецкого мои ребята сейчас найдут. А ты убирайся отсюда. На своих двоих.

Шардаковы вздохнули не без облегчения. Поймали попутную, отправились за оставленными вещами. И увидели: за ними несется все та же навалында автомобилей — видимо, сидевшие в них решили, что слишком поспешно расстались с Борисом. Обогнав, прижали их машину к бровке.

— Вылезай! — скомандовали Шардакову.

— Зачем?

— Останешься у нас, пока Пелецкого не привезем.

Но заложником Шардаков становиться не хотел.

На виду у всех

Была суббота, народ шел по заснеженным дорожкам городского парка, по центральной улице Мариинска, а на обочине в этот момент на виду у всех Шардакова брали в заложники.

Рослые парни, распахнув дверцу, пытались извлечь его из машины.

Из диктофонной записи:

— ...Прохожих было много, — вспоминает Борис Шардаков, — и хоть бы один остановился, крикнул: "Что вы делаете?" Ну, позвонили бы в милицию. Нет, все ускорили шаг, норовили пройти побыстрому. Такое ощущение, что все они там, в Мариинске, до смерти запуганы этими "качками".

Он отбивался. Тогда один из "начков" вытащил нож.

Убивать Шардакова им было не резон — легонько полоснули несколько раз по лицу. Только тогда Борис понял — лучше выйти.

— А жена пусть натится.

— Я без мужа — нинуда, — настояла Юля, и ее вместе с Борисом затолкали в один из автомобилей похитителей.

Шардаковых привезли на окраину, к панельной пятиэтажке, вокруг которой разбросаны были бревенчатые дома. По выщербленным ступеням провели на второй этаж, в сумрачную однокомнатную квартиру. В комнате резались в карты какие-то типы, неохотно прервавшие свою игру. Заложников толкнули в кухню, где не было даже табуретки.

— Идите. Пелецкого привезем — вас отпустим.

Картежники ушли. Ушел и Тимофеев. В комнате на диване расположился "конвой" — трое парней двадцати с небольшим лет. Один из них не выпускал из рук обрез.

Из диктофонной записи:

— ...Мне эти сердобольные бандиты дали, наконец, вату. Приложил к изрезанному лицу. Кровь остановилась, но только начну говорить — снова сочится. Прикидываю, что можно сделать, и понимаю: пона ничего. Слишком большой риск — ведь Юля рядом. А она у меня хрупкая, я ее иначе, как мой ребенок, не называю. И тут она изобретает повод выйти на улицу, начинает канючить у нашей "охраны" — ей, мол, срочно надо позвонить маме, сказать, что машина сломалась. Один из "начков" снизошел, вспомнив, что здесь неподалеку

живет его приятель с телефоном...

Ее вывели. Переулками она прошла с "начком" по прозвищу Севак к другой пятиэтажке. Пона шла, внимательно осматривалась. Здесь прохожих почти не было. Попытаться убедить? Позвать на помощь? Но дуболом, идущий рядом, придушит ее как цыпленка — вон он как подозрительно носится, готовый в любую секунду схватить за горло.

Пришли. Поднялись на какой-то этаж — на какой именно, Юля не запомнила. Она лихорадочно соображала, как между прочим дать знать по телефону, что они с Борисом в беде. Севак позвонил в дверь. Звякнул замок, их впустили. Телефон стоял в прихожей, на старом комоде. Юля назвала номер. Севак, сопя, стал набирать. Услышав голос, передал трубку. Пробубнил угрожающе:

— Чтoб ничего лишнего. Усекла?

Не смогла она сказать маме главное. Да и понимала: лишняя для родителей нервотрепка. Даже если успеть крикнуть: "Нас в Мариинске взяли в заложники!" — как их здесь будут искать? Ведь она даже не знает, в каком районе города находится. Нет, надо действовать иначе. Но — как?

Она вернется...

"Конвой" скучал. Тимофеев, уехавший в Недровку, почему-то не возвращался.

— Да пьянствует где-нибудь, — сказал "начкам" Борис. — Я его хорошо знаю.

В Недровке Тимофеева "хорошо знали" все. Его манеру говорить со всеми свысона. Его привычку решать споры силой. Всем

памятна история его расправы с конкурентом, осмелившимся неподалеку от его магазина поставить торговый ларек. Через несколько дней после откровенных угроз Тимофеева ларек превратился в фанел. А еще через день пострадавший коммерсант зашел в милицию и забрал написанное сгоряча заявление. "Живым хочу остаться", — объяснил он.

Скучая, "качки" выходили на балкон, смотрели вниз — не подъехал ли?

— Да где-нибудь в ресторане квасит, забыл про вас, — подначивал их Борис.

Поворчав, они заперли Шардаковых в квартире, поехали на "Жигулях" по окрестным ресторанам и кафе разыскивать начальника. Борис вышел на балкон, осмотрелся. Прыгнуть вниз? Расшибешься. Кинулся к дверям. Юля нашла в кухонном столе какие-то ключи. Борис попытался открыть — не вышло.

"Качки" вскоре вернулись — Тимофеева они не нашли и явно на него злились. А тут опять Юля с просьбой: у бабушки, где они остановились, остались еще вещи, надо взять... "Конвой" стал советовать. Решил — отпустить. Видно же, она из тех, кто без мужа — ни шагу. Вернется.

— Только не вздумай ментам звонить, — напутствовали ее. — Во-первых, у нас там все куплены. А во-вторых, если и приведешь хвоста, мы чисты, никого не крали... Вы у нас в гостях, вот сейчас чай будем пить...

И уже у самых дверей, выпустившая, шепнули:

— А если до шухера дойдет, замочим твоего Борьку, усекла?

Она, конечно же, вернулась — одна. Ей удалось поймать такси, съездить на ту квартиру, где были оставлены их вещи, взять все необходимое и быстро приехать обратно.

Среди необходимого был карабин "Сайга".

Из диктофонной записи:

— ...Борис всегда с собой этот карабин в дальние поездки брал, — вспоминает Юлия. — Разрешение на него есть. Карабин в сумке лежал в сложенном виде, у него приклад пластмассовый складывается. Я и обойму нашла. Зарядила. Борис мне показывал, как это делать. Еду обратно. Карабин на мне, под мышкой. Думаю только об одном: как незаметно пронести? Я в пальто, но его же придется снять...

Она позвонила в дверь. Ей открыли:

— Ну, без хвоста примчалась? Не переживай. Твой пока дышит. Вон он тебя встречает...

Борис вышел из кухни в коридор, обнял ее. И сразу почувствовал у нее под мышкой металлический предмет.

— Тебе плохо? Тошнит? Пойди в туалет, — подтолкнул он жену.

Уловка удалась. Из туалета она вышла, неся пальто на руке, маскируя им карабин. В кухне положила осторожно пальто на стол. Села на пол, в угол, откинувшись. Голова у нее кружилась — от волнения.

А еще через минуту появился Тимофеев. Он и в самом деле был пьян. Поставил на стол бутылку, предложил Борису:

— Иди, выпей.

Шардаков отказался.

— Конец твоему дружку, — сообщил Тимофеев. — Сидит Пелец-

ний под замком, мои ребята его сторожат. Как и тебя.

Что намеревался он делать дальше со своими пленниками? Не говорил. Почему не привез Пелецкого в Мариинск, как обещал? Объяснять не считал нужным. Борис мог себе представить все: ну, передумал или, не утерпев, начал разборку в дороге, да и прикончил бывшего своего одноклассника, выбросив его труп в тайгу, что тянется вдоль Сибирского тракта.

— Эй, ты там! — крикнул Шардакову. — Значит, так: завтра поедем к нотариусу — квартиру нам свою отпишешь.

— Не дождетесь, — ответил Борис.

— Он еще выступает, — удивился Тимофеев. — Подь сюда, говорить будем.

Похоже, кроме водки бандит употребил наной-то наркотик: движения резкие, глаза блестя.

— Не только квартиру, — продолжил Тимофеев. — У тебя там еще один автомобиль есть. Тот же отдашь.

— Не отдам.

— Гляди, наной смелый! — усмехнулся Тимофеев. — Ты теперь по жизни мне должен. Не веришь? Давай жену спросим.

Нликнули Юлию.

— Садись, не стесняйся. — Тимофеев сделал широкий жест. — Вот сюда, на диван. Значит, так: была жена твоя, станет наша. Идет?

— Не трогай ребенка! — крикнул ему Борис.

— Он на нас кричит, — веселился Тимофеев. — Он нервничает. А мы его спрашивать не будем. Мы вначале его жену попробуем, а потом и его самого опус-

тим... Так, пацаны?.. Сделаем их обоих?..

"Качки" возбужденно похихивали, перемигиваясь.

Из диктофонной записи:

— ...Я до последнего момента не верил, что это он всерьез, — вспоминает Борис. — Ну, думаю, треп такой, надо же понурачиться, зло на ком-то сорвать, потому что его поездка в Недровну не удалась. Он наврал про то, что будто бы держит Пелецкого под арестом. Костя дал знать своим охранникам, когда увидел, как Тимофеев подъезжает к офису. И того даже на порог не пустили. Поэтому он такой накрученный примчался — со мной расправляться...

"Всем встать и не двигаться!"

А Тимофеев между тем входил в раж. Кивнул "качку", не выпустившему из рук обрез — мол, смотри в оба. Потянулся к Юле.

— Ну-к, давай, штаны снимай по-быстрому.

— Убери руки, гнида! — крикнул Борис и кинулся на него. Но тот готов был к его броску: полележа на диване, ударил Шардакова ногами в грудь, вытолкнув его в дверной проем.

Хохотали "качки", глядя, как упав в коридоре на пол, поднимается Шардаков. Усмехался самодовольно Тимофеев.

— Ну, понял, с кем дело имеешь? — кричал он вслед Борису, зачем-то ушедшему в кухню.

И тут они услышали характерный щелчок — так звучит расправляемый приклад карабина "Сайга".

— Я понял. — Шардаков шагнул в комнату с оружием в руках. — Всем встать и не двигаться!

"Качок" с обрезом метнулся в угол, за телевизор, целясь оттуда в Шарданова. Но Борис опередил его, нажав на спуск. Раздались два хлопка. И — шум падающего тела. И — крик Юлии. И еще один выстрел — это кинулся к Шарданову другой "качок", тут же напорившийся на пулю.

Но слишком тесна была комната — третий успел вцепиться в ствол карабина, и следующие пули ушли в потолок.

Этот третий и вмиг протрезвевший Тимофеев схватились за умолкнувший уже карабин, как за последнюю надежду, но вырвать его у Шарданова не смогли. Он вывернул оружие из их цепких рук, взял карабин за ствол и, орудуя им, уложил обоих на пол.

Из диктофонной записи:

— ...Я был в каком-то беспомоществе, — вспоминает Борис. — И понимал только одно: жену и себя я спасу лишь тогда, когда все они осядут в горизонтальном положении. И я их уложил. Я не пытался добить их. Не думал о том, кто из них жив, кто мертв. Я видел — вот сейчас от них не исходит опасность, значит, надо быстро уйти. Ведь сюда с минуты на минуту должны приехать другие сообщники, так я понял по их разговору. Мы стали собираться. Юля была в шоке, не могла говорить, но все делала четко: собрала вещи в сумку, надела пальто. И в тот момент, когда она открывала дверь квартиры, а я стоял за ее спиной в коридоре, на меня с диким воплем набросился Тимофеев... Он, оказывается, лишь притворился оглушенным, лежал на полу, выбирая момент. И — выбрал... Он свалил меня на пол. В руках — нож. Перехватываю ру-

ку с ножом, пытаюсь его сбросить с себя и — не могу. Тут Юля бросается на помощь — хватается его сверху, тащит. Мне удается согнуть ногу. Резко распрямив ее, толкаю Тимофеева в раскрытую дверь. Он оказывается на лестничной площадке, но не задерживается там: мы услышали лишь его топот по ступенькам... Куда он помчался? За помощью?..

Цвет крови

Поздним вечером по окраинным улицам Мариинска бежали они, озираясь. Окна в одноэтажных домах погашены. Прохожих не видно. От редких сейчас автомобилей они шарахались, затаиваясь у заборов, сворачивая в темные переулки. Им назалось: Тимофеев вызвал подмогу, организовал погоню.

Пытались стучаться в двери, но им не открывали. Достаточно было взглянуть в окно, откинув занавеску, чтобы, увидев их, испугаться: рослый парень с запекшейся на лице кровью, растрепанная девушка в расстегнутом пальто, у обоих глаза полубезумные.

Наконец, на крыльце одного дома им повезло: дверь была не заперта. Вошли, бормоча извинения. Хозяйка, ждавшая, как выяснилось, припозднившуюся дочь, отшатнулась с ужасом, замахала руками: "Уходите!"

— Нас преследуют, — торопливо объяснил Борис. — Мы были заложниками у бандитов.

Этим еще больше напугал женщину.

— Я пойду в милицию, а вы оставьте у себя жену. Где здесь милиция?

Борис кинулся в сторону железной дороги, там, по словам женщины, был линейный отдел.

Нашел не сразу. Вломился в дежурку, увидел одетых в камуфляж людей. Вытащил из полиэтиленового пакета сложенный карабин и, заметив, как дежурные рванулись к своему оружию, сказал:

— Я не воюю, ребята! Я сдаю оружие... Вы только помогите мне!..

И он рассказал им, что случилось.

Из диктофонной записи:

— ...Они позвонили в РУБОП. Оттуда примчалась опергруппа, спрашивают, где тот дом. А я не знаю. Пытаюсь описать место: пятиэтажка в частном секторе, второй этаж. Один оперативник уточняет: "Второй этаж, квартира направо?" — "Да". — "Знаю, там блат-хата. Поехали". А по дороге стали искать дом, где я оставил Юлию. Нашли с трудом. Там хозяйка уже Юлину сумку за дверь выставила, ее выпроваживая, так боялась бандитов. Берем Юлю с собой, едем к дому, где нас держали. Поднимаемся на второй этаж, а там двери распахнуты, сквозняки гуляют. Слышу, один оперативник другому говорит вполголоса: "За телевизором — труп. И один раненый". Но воспринимаю это уже как сон...

Бориса и Юлию Шардановых допрашивали в Мариинске пять дней, содержа в гостинице, под охраной.

На допросах они были сначала в роли подозреваемых, которым грозила 105 статья УК РФ — покушение на жизнь трех человек и

убийство двух (раненый скончался в больнице).

Тимофеев, задержанный милицией, с выразительными ссадинами на лице, выдавал себя за пострадавшего и горячо убеждал следователей в том, что Шардановы сами напросились в гости, будто бы чаю попить, с заранее обдуманном планом покушения на их жизнь. Потому и карабин захватили.

Но следователи разобрались, что к чему, и теперь Тимофеев не скоро окажется на свободе. Кстати, в той блат-хате во время обыска были обнаружены — кроме обрезка и патронов к нему — анаша и героин. Этими наркотиками подпитывали "качки" свой куран.

Шарданов, рассказывая мне свою историю, довольно резко высказывался о широко распространенном у нас сейчас термине "жизнь по понятиям". В том смысле, что как ни романтизируй бандитские установки на якобы справедливое разрешение любых конфликтов в соответствии с "понятиями", цвет у них один — цвет крови.

Я понимаю, что он хотел сказать. И я согласен с ним: нет у нас иного пути, кроме как к торжеству силы Закона. Потому что ставка на грубую силу, не обузданную законом, может привести только к одному финалу — кровавому.

От редакции.

Суд над Борисом Шардановым и бандитами еще впереди. Мы будем следить за ходом судебного разбирательства и обязательно сообщим читателям о приговоре суда. ■

И 43

Весной прошлого года вся Финляндия возбужденно следила за ходом суда в городе Куопио. Судили проживающую в Суоми молодую женщину, гражданку Таиланда. Будучи инфицированной вирусом ВИЧ, она совершенно намеренно заразила им еще по крайней мере 5 человек. "Это моя месть человечеству!" — вот так — ни больше, ни меньше, заявила на суде молодая таиландка. Для Финляндии, где пока не отмечено случаев развития собственно СПИДа у ВИЧ-инфицированных, этот суд стал настоящим шоком. Финны с потрясением увидели, что беда одного человека из-за греховности человеческой природы, ее изменности может стать трагедией всего человечества. Христианская цивилизация, несмотря на свою двухтысячелетнюю историю и неустанное тверждение церкви о любви к ближнему, по-прежнему живет ветхозаветными страстями. "Оно за оно, зуб за зуб", — это так же не чуждо нашему времени, как эпохе бронзовых топоров и одноосных колесниц.

Суд, состоявшийся в Куопио, уже не первый подобного рода в

Финляндии. Почему так и взбудоражил всю страну. До этого в Хельсинки, также по обвинению в сознательном распространении одной из ужаснейших инфекций XX века, судили Н. Томаса, темнокожего гражданина США. Этот "гигант большого секса" наградили вирусом ВИЧ несколько десятков человек. Причем как женского, так и мужского пола, поскольку был бисексуалом. "Я ни о чем не сожалею, — заявил он на суде. — Судьба обошлась со мной несправедливо — я тоже выступил ее орудием. Наслаждение, которое я испытывал, делюсь своим "подарком" со всеми, с кем мог, ни с чем не сравнимо!". Его приговорили к 11 годам заключения.

И вот новый случай. Финляндия содрогнулась и осознала: может быть, человечество погибнет не из-за ухудшения экологии, а из-за свойственной человеку жажды мести.

Повседневная жизнь, впрочем, чаще дает примеры мести конкретной, адресной. Отчего, как правило, последствия произ-

ВОЗДАМ!

веденного акта не омазываются менее ужасными и трагичными.

Жительницы одного из северных поселков Тюменской области 18-летняя Вера и 28-летняя Наташа, большие любительницы до веселой жизни, заразили сифилисом более 50 человек. Среди них оказались и "отцы" поселка. Всем им пришлось лечиться. У многих распались семьи. А девушки, пройдя курс лечения в областном диспансере, снова вернулись к любимому образу жизни. На все упреки своих опозоренных друзей досуга они лишь весело посмеивались: "А вас кто-нибудь что-нибудь заставлял? За любовь нужно платить!" 33-летний Валерий Л., спившийся неудачник, тоже онававшийся жертвой веселых подружек, после одного такого разговора решил, что непременно должен отомстить им. И за себя, и за всех. Или же кто-то из тех самых "отцов" внушил ему эту мысль и разогрел ее алкоголем. Во всяком случае, в одно прекрасное утро девушки были обнаружены на поселковой пристани убитыми. Валерий убил их ножом, всласть навятавав его в наждаку много раз.

Ему дали 12 лет строгого заключения. Как и чернокожий К. Томас из Хельсинки, на суде он ни в чем не раскаялся. "В следующий раз будут строже себя держать", — сказал он. Что Валерий Л. подразумевал под "следующим разом", говоря о мертвых, осталось неясным. Относительно своих взглядов на инкарнацию — переселение душ — он не высказывался.

История человечества знает много видов и способов мести. Например, как сообщает Евангелие, современница Иисуса Христа царица Иродиада, мстя Иоанну Крестителю за то, что он публично осудил ее связь с Иродом, братом ее мужа, подговорила свою взрослую дочь Соломею потребовать от Ирода в награду за ее танец, восхитивший царя, голову пророка на блюде. И хотя убивать Иоанна царю не хотелось, он не мог не сдержать своего слова (танец Соломеи ему так понравился, что он в азарте разрешил ей потребовать у него все, что пожелает), и страшная месть Иродиады осуществилась.

Царь Иван Грозный, горя гневом на князя Андрея Нурбского за его бегство в Литву и не имея возможности наказать отступника, отомстил ему через наказание слуги, Василия Шибанова. Когда слуга подал царю письмо Нурбского, Иван Грозный пронзил тому ногу своим остроконечным жезлом, пригвоздив таким образом к земле, и не отнимал жезла все время, пока читал письмо.

Жажда мести — столь же естественное для человека чувство, как чувство голода или сексуального желания. Однако принцип "оно за око..." отнюдь не абсолютен. Известно такое понятие, как "китайская месть". Китайская месть — это не уничтожение врага, а его ославление. Причем — посредством собственной смерти. Повеситься на пороге дома своего обидчика — вот что такое китайская месть. Нужно очень желать отмщения, чтобы пожертвовать для того жизнью. Дом человека, "освященный" трупом самоубийцы, становится домом проклятого. А хозяину остается лишь проклинать себя за тот миг, когда он нанес своему мстителю непоправимую обиду.

Между тем есть способы мести, которые и не причинят обидчику физического вреда (не говоря уже о смерти), и позволяют обиженному почувствовать себя удовлетворенным. Это обычно мести-осмеяние, выставление обидчика в дурацком виде. Такие способы требуют некоторой выдумки и подготовки. В случае с двумя бизнесменами из Йошкар-Олы, столицы Марий Эл, Алексеем П. и Виктором С. потребовалось двое крепких парней, которых Алексей П. ниногда раньше не видел в глаза,

два комплекта камуфляжной одежды и английский ключ.

Алексей П. никак не отдавал Виктору С. долг. Не отдавал так долго, что Виктор С. понял: и не отдаст. Сумма была не очень большая, но обидно. Кроме того, дело принципа. Утираться Виктору С. не хотелось. И вот в один прекрасный день, когда Алексей П. сидел в бане, попивал в компании друзей пиво после парилки, в дверь кабинета загрохотали. Когда ее открыли, внутрь вошли двое в камуфляже и потребовали от Алексея П. срочно следовать за ними. На просьбу одеться ему было отвечено отказом. Пришлось пойти как был — в чем мать родила. Двое в камуфляже молча провели его коридором, остановились перед какой-то дверью, отомкнули ее и подтолкнули Алексея П. вперед: "Заходи!" Он ступил внутрь — и оказался в общем женском отделении, полном обнаженного прекрасного пола. Дверь за ним захлопнулась, в замке провернулся ключ. Выбираться наружу ему пришлось через общий вход, пробиваясь туда сквозь обвальный женский хохот. На выходе из отделения прекрасного пола прикрывающегося шайкой Алексея П. ждал Виктор С. "Хорошо помылся?" — ухмыляясь, осведомился он у своего должника.

Как уже ясно, современная жизнь по количеству случаев мести, по изобретательности "мстителей" ничуть не уступает временам прошлого. Разумеется, достоинством гласности становятся лишь немногие случаи. Когда, например, результатом мести последовало милицейско-полицейское вмешательство, а то и судебное пресле-

дование. Или, скажем, свидетелями и очевидцами мести стали журналисты.

Года три назад в прессе всего мира много писалось о случае, происшедшем в США, когда жена, измученная сенсуальными домогательствами мужа и не зная, как им противостоять, отмахнула кухонным ножом его мужское достоинство. О случае подобного рода, происшедшем в СССР лет 20 назад, рассказывал на своих лекциях в мединституте ведущий хирург одного из московских госпиталей. Подружка молодого человека объявила ему, что полюбила другого и уходит к нему. Молодой человек упрямился о последнем свидании. А на свидании попросил о последнем поцелуе. Но когда она приблизилась к нему губами, впился ей в нос зубами и откусил его! Так он отомстил ей за измену. Пришивать откушенный кончик пришлось этому самому хирургу. Самое удивительное наступило потом. Оказывается, девушка хотела лишь проверить чувства своего парня. Выйдя из больницы, она вышла за него замуж.

Мсть на сенсуальной почве — достаточно распространенное явление.

Молодая немка Маргарита А., живущая в Испании, узнала, что у ее мужа-испанца есть любовница. Пылая гневом, она наняла марронанца, чтобы тот изнасиловал соперницу. Марронанец свое дело исполнил, но все открылось, и суд приговорил ревнивицу к 8 годам тюрьмы, а исполнителя ее заказа аж к 17-и!

Изобретательность "мстителей" бывает подчас просто фантастической. Особой изобретательностью тут, как считается, отличаются

японские женщины, мстя своим любимым за полученную "отставку". Так, некая Теруко Хамакава позвонила своему бывшему возлюбленному в офис, дабы только сказать ему, что он "не прав", 16 333 раза! Тот едва не двинулся умом. Остановить мстительницу смогла лишь полиция, предъявив ей обвинение в незаконном вмешательстве в дела фирмы.

Впрочем, изобретательность в делах мести не чужда и американкам. Жительница города Денвера, доведя своего мужа ласками до "полной готовности" к близости, вдруг плеснула на его бойца маникюрным лаком. Бедняга сначала подумал, что она облила его шоколадным сиропом. Когда он понял, что это таное, было уже поздно. Отвердевший лак не только причинял ему невероятную боль, но и "замуровал" половой член в состоянии вынужденной эрекции. Обойтись без врачебной помощи не удалось. На суде по обвинению в нанесении телесных повреждений мужу женщина открылась, что это была ее мсть благоверному за его постоянные измены.

Бывает, что человек ждет своего часа, чтобы отомстить, долгие годы. Иногда это ожидание растягивается на целые полвека.

Жительнице австрийской деревни Кирхберг фрау Регине было 20 лет, когда ее соблазнил 25-летний сосед, обещая жениться. Однако своего слова пылкий Дон Жуан не сдержал и женился на другой. Спустя 50 лет 70-летняя фрау Регина пригласила своего соблазнителя, который к этой поре овдовел, к себе в гости. Тот пришел с букетом роз и бутылкой шампанского. Приняв подношения, старушка выбрала миг и уда-

рила обманщика бутылкой по голове. После чего вызвала полицию, заявив, что сосед пытался ее изнасиловать.

Обращение в полицию, в суд — это, конечно, грубая месть, изящная, осуществленная без особой выдумки. Но случается, что месть бывает осуществлена как настоящее эстетическое действо.

Когда Сьюзен Лоуренс из Лондона в один прекрасный день открыла свой платяной шкаф, она не заметила ничего особенного. Все вещи, аккуратно свернутые, лежали на своих обычных местах: пуловеры, блузки, чулки, бюстгалтеры. Сюрприз ожидал ее, когда она попыталась одеться. Весь ее гардероб был аккуратно разрезан пополам. Располовинены были даже меховые вещи и туфли. Сделал это ее друг Алан, которому Сьюзен после 13 лет совместной жизни изменила с более молодым мужчиной. Алан сказал: "Я хотел сделать ей по-настоящему больно. Одежда — это как никак самое важное в ее жизни". Дело в том, что его подружка-изменница работала в одном из модных лондонских бутиков, занимая там руководящую должность.

Впрочем, люди, принадлежащие к миру прекрасного, далеко не всегда тонки и эстетически безупречны в осуществлении своей мести. Так, Голливуд знает одну историю, в которой прекрасная актриса, мстя, вела себя грубее некуда.

Речь об актрисе Фей Дануэй. Во время съемок фильма "Чайнатаун" режиссер Роман Полански сильно обидел ее. Фей Дануэй не стала таить обиду, а просто на следующее утро прямо на съемочной площадке вылила ему на голову содержимое ночного горшка.

Надо сказать, мужчины бывают обидчивы не менее женщин. И, получив возможность, мстят им всласть.

Министр здравоохранения Замбии Нканду Луо (принадлежащая к прекрасной половине человечества) как-то раз не слишком одобрительно отозвалась о работе парламента, подавляющая часть депутатов которого — мужчины. Некоторое время спустя по делам своего министерства ей пришлось прийти на заседание парламента. И тотчас единодушным решением депутатов она была удалена из зала. Причина — "слишком откровенный наряд". Нканду Луо пришла в короткой юбке. Тем самым, как сформулировал один из депутатов, провоцируя своими оголенными ногами парламентариев на "проявление вполне понятных мужских чувств" и мешая им работать.

Мстительностью страдают и целые государства.

Во Вьетнаме до сих пор помнят, какую роль сыграл в развязывании американской агрессии против Вьетконга ЗО с лишним лет назад Роберт Макнамара, бывший тогда министром обороны США. В том, что Соединенные Штаты оказались втянуты в кровавую бойню, — немалая часть его вины. И вот, только у Макнамары на родине вышли его мемуары, как две недели спустя в Ханое в одном из государственных издательств был выпущен в свет их перевод, — разумеется, пиратский. Макнамара, рассчитывавший получить за официальный вьетнамский перевод солидный гонорар, не получил от Вьетнама в итоге ничего.

Если бы существовал некий "музей мести", все эти случаи не-

пременно сделались бы его "экспонатами". Увы, такого поучительного музея нет.

Жажда мести — тяжелая, разрушительная страсть. Может быть, самая кислотная из всех человеческих страстей. Полезнее для человека обуздывать ее в себе. Но что же может удерживать от нее, если христианская заповедь любви не работает? Следует помнить о мести судьбы. Есть такая поразительная вещь. Вы можете лежать на печи, а жизнь отомстит за вас наилучшим способом — так, как вам никогда бы не удалось.

Бекташ М. из Бишкена занимался куплей-продажей автомобилей, которые пригонял из Германии. Путь от Германии до Киргизстана — это целое путешествие, и всякое завершение его Бекташ отмечал как событие. Вот и в прошлом году, пригнав машину в родной город, даже еще не растаможив ее, он решил обмыть свою очередную коммерческую удачу с друзьями. Поехали на рынок, купили водки. Положили бутылки в багажник и отправились за закуской. Когда снова вернулись к месту, где оставили машину, ее там уже не было! Можете себе представить состояние парня? Машина даже не растаможена, — это все равно, что ее у него и не было.

Однако уже вечером того же дня Бекташу позвонили из милиции. Его машина была найдена на обочине одного загородного шоссе. В ней находились трупы двух молодых людей. Экспертиза установила, что угонщики отравились той самой водкой, которую Бекташ с друзьями купили

на рынке и которой так и не попробовали.

Что до бизнесмена Михаила А. из Нижнего Новгорода, то он, выйдя на свободу после трех лет лагеря, и сейчас с содроганием вспоминает тот день в 1995 году, когда решил отомстить своему компаньону Игорю Д. за его обман. Игорь Д. летел в Сыктывкар, и от того, успеет он ко времени или нет, у него зависел успех сделки. Михаил А., зная номер рейса, которым тот улетает, набрал телефон аэропорта и сообщил, что на борту самолета заложена бомба. Только что взлетевший лайнер вернули обратно в аэропорт, тщательно обыскали. Рейс задержался на несколько часов, Игорь Д. не успел к нужному времени, сделка его не состоялась.

Но жестоко поплатился за свою месть и Михаил А. Телефон, с которого он звонил, засекли, его разоблачили. Он уплатил громадный штраф, получил те самые три года лагеря, бизнес его за это время совершенно расстроился, он вышел на свободу к разбитому корыту. Жена его передала подругам слова, которые он сказал по возвращении домой: "Лучше бы я подставил вторую цену, чем так..."

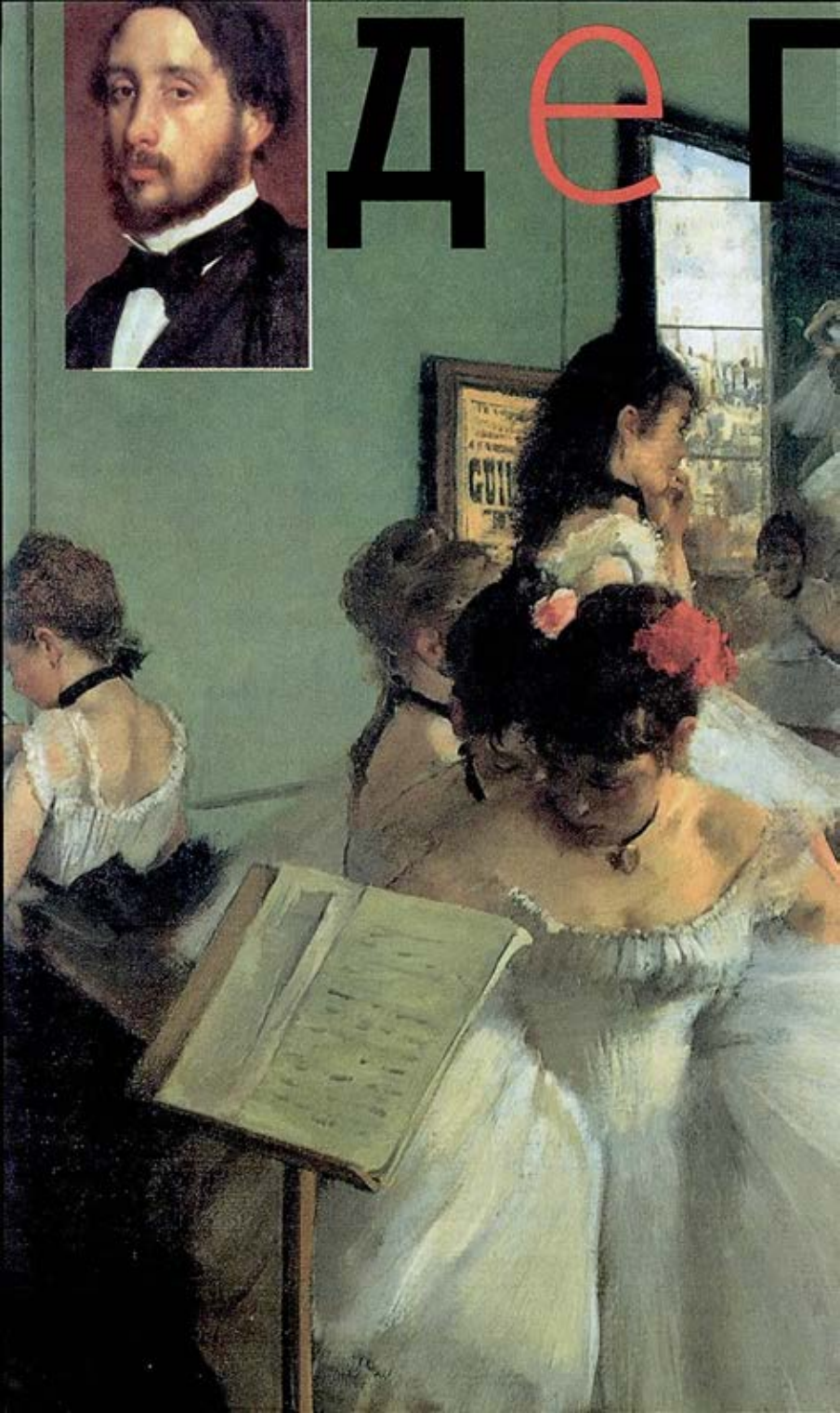
Совершенно по-евангельски.

Так что, может быть, человечество, если ему суждено спастись, и в самом деле спасется евангельскими заповедями. Но путь к осознанию необходимости жить по ним пролегает через страх.

"Страх Божий", говорили в прежние времена. Возможно, впереди нас ждет эпоха всевластия этого страха. ■

ДЕГ

а

Яков ТУГЕНДХОЛЬД

Танцкласс. 1874.

Дега — один из последних могикан славной плеяды 70-х годов XIX века, ознаменовавший собой целую эпоху французского и мирового искусства. Как француз и парижанин, Дега страстно любил жизнь и современность и, в то же время, предрасположен был к одиночеству скептика, к спокойной и насмешливой созерцательности мудреца. “Все истинные наблюдатели, — замечают братья Гонкуры, — грустны и таковыми должны быть, ибо они не актеры в жизни, но свидетели”. Именно таким был Дега, нелюдимый отшельник, ревниво замкнувший от нескромного взора двери своей мастерской, но сам — неутомимый “свидетель” окружающей жизни, изощренно зоркий взгляд которого проникал повсюду — за кулисы театра, за стены буржуазного будуара. Замкнутость Дега стала легендарной, и действительно, в ней есть нечто почти мистическое; как Гюис, “художник толпы”, хранивший инкогнито, Дега, в такой же мере плененный Парижем, все же тайлся от него.

Маленький юркий старик в широкополой шляпе, с грустными глазами, Дега всегда куда-то торопился и ускользал, встреченный на улице знакомыми. Презрение Дега к рекламе и славе (к которым, увы, далеко не равнодушны столь многие “маститые” мастера), его почти болезненная полугордыня, полускромность вызывали своеобразный заговор молчания вокруг его имени. Лучшей данью его таланту стало почтительное молчание. О нем, о его личности и творчестве писалось менее, чем о ком бы то ни было.

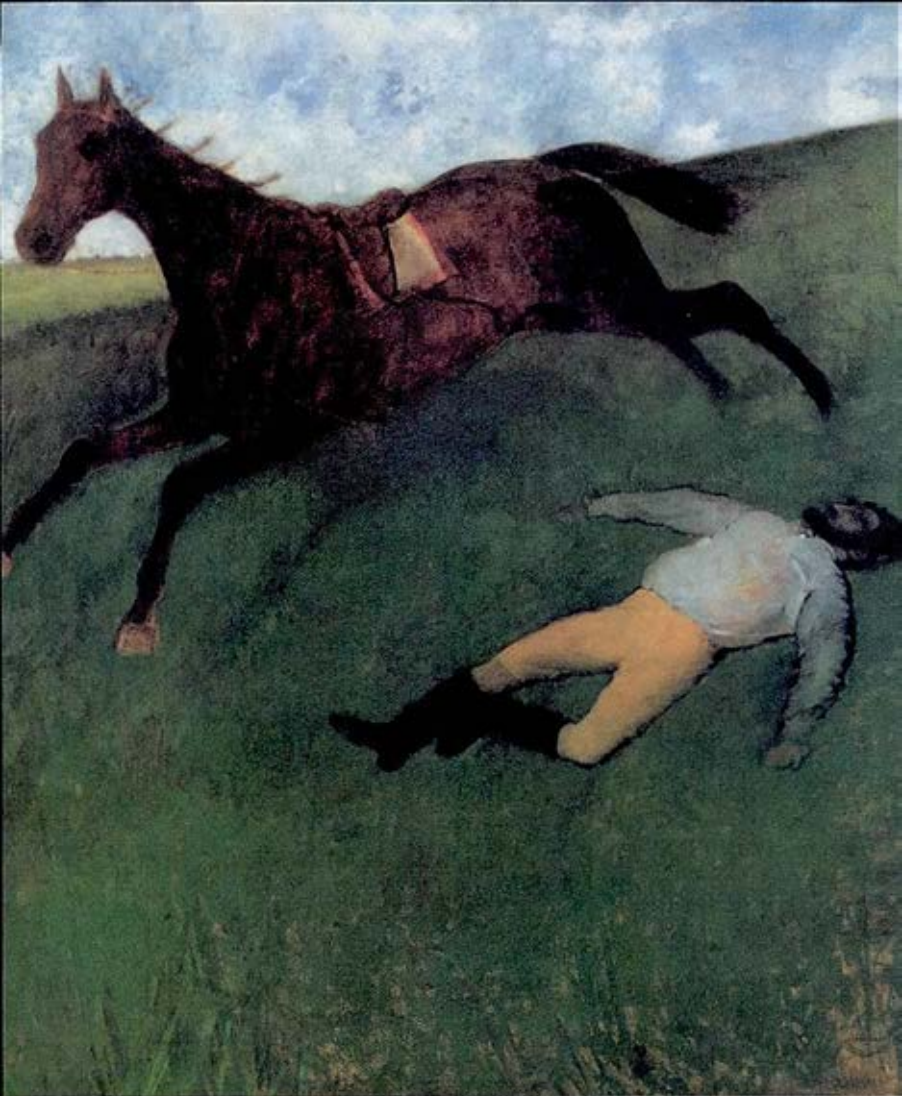
Во французской критической литературе нет ни одной серьезной монографии, посвященной ему; в парижской прессе никогда не было опубликовано интервью с ним; на парижских выставках, после Столетней выставки 1900 года, никогда не фигурировали его произведения, а в мастерскую никогда не заглядывали любопытствующие иностранцы и почитатели. Зато суждения Дега, его метко колющие отзывы о людях и вещах установили за ним репутацию умника и остряка, мизантропа и опасного человека. И всякий приезжающий в Париж знал, что где-то на Монмартре пребывает легендарный Дега, незримый, но всевидящий, престарелый, но вечно юный и неотделимый от Парижа, Дега, гениальный продукт великого города и, вместе с тем, один из его свидетелей.

Ибо несомненно, что одним из элементов нашего понимания и ощущения Парижа послужили образы, созданные Дега. Недаром при взгляде на живую балерину или настоящее кафе мы так часто готовы были сказать “это совсем Дега”... Художник научил нас смотреть на Париж его собственными глазами и любоваться тем, что однажды его первого обожгло и пленило.

Жизненная судьба Дега необычна, противоречива. Это наиболее келейный и одинокий мастер XIX века, не имевший ни

Портрет сестры Дега Терезы Морбили. (Фрагмент) 1865.

преданных учеников, ни сильных покровителей. Он индивидуалист и отщепенец, творивший не для общества, а для самого себя. Художник, почти лишенный социального инстинкта, ибо он не нуждался в том духовном общении со зрителем, какое дает выставка.

Более того, даже самый мир его “чувств” и “мечты” весьма ограничен по сравнению, например, с диапазоном такого титана, одержимого философскими проблемами, как Роден, — Дега писал лишь лошадей, жокеев, прачек, балерин, купающихся женщин...

И в то же время Дега — мировая знаменитость, всех превзошедшая своей повсеместной славой. Его живопись маслом, пастелью, рисунки и наброски ценятся на вес золота в Париже, Берлине, Лондоне, Нью-Йорке. Кто не слышал о пресловутой распродаже собрания Руара в Париже, когда одна из работ Дега продана была за полмиллиона франков, побив рекорд всех цен, когда-либо достигнутых картинами при жизни их авторов...

Чему же обязана слава Дега? Модничанью международных снобов, которые выше всего ценят то, что менее всего понимают?.. Или, может быть, творения его — золотая середина, что легко и сразу нравится всем? Нет, Дега суждено было претерпеть немало горьких часов вместе с его соратниками — импрессионистами, прежде чем его имя было увенчано ореолом мастера. Как часто бросали ему обвинения в “вульгарности”, “болезненности”, чрезмерном реализме, склонности к “преступному” и уродливому!

Именно годы непризнания и гонения еще более усилили закваску горечи и иронии, свойственных таланту Дега, сообщив художнику презрение к “человеческой комедии”. И, однако, Дега оказался пророком, когда в 1874 году с иронией говорил по поводу себя и своих столь же “отверженных” друзей-импрессионистов: “Нас расстреливают, но при этом... выворачивают наши карманы”. Художник пережил горькие часы, но его творения дождались блестящего оправдания и заняли достойное место в сокровищнице мирового гения.

Эдгар Дега (1834 — 1917) родился в артистически образованной семье парижского банкира. Перейдя двадцатилетним юношей из Юридической школы в Школу изящных искусств, он сразу же очутился в атмосфере классических традиций. Его преподавателем был ученик Энгра Ламотт. К самому Энгру Дега испытывал чувство преклонения еще с детства, когда видел его произведения и встречал самого мастера в знакомой семье. Преклонение восходящего таланта перед Энгром предопределило весь творческий путь Дега. Маститому академику было тогда около восьмидесяти лет, и слава его уже колебалась под бурей и натиском романтизма. Однако не пылкий Делакура, а именно Энгр стал духовным отцом Дега. Чем же покорила он юного парижанина? “Вот художник, который мог бы посвятить всю свою жизнь тому только, чтобы нарисовать одну женскую руку!” — воскликнул однажды Дега о своем божестве, Энгре, и эти слова дают ключ к уяснению власти великого рисовальщика над Дега. Природное влечение к линии, к ясности и четкости формы — вот что сближало молодого художника с Энгром, фанатиком рисунка, который утверждал, что рисунок составляет три четверти живописи, и что вещь хорошо нарисованная — тем самым и хорошо написана.

В 1856 году молодой Дега отправился в Рим изучать и копировать старых мастеров. Его копии с Гольбейна, Пуссена, Лау-

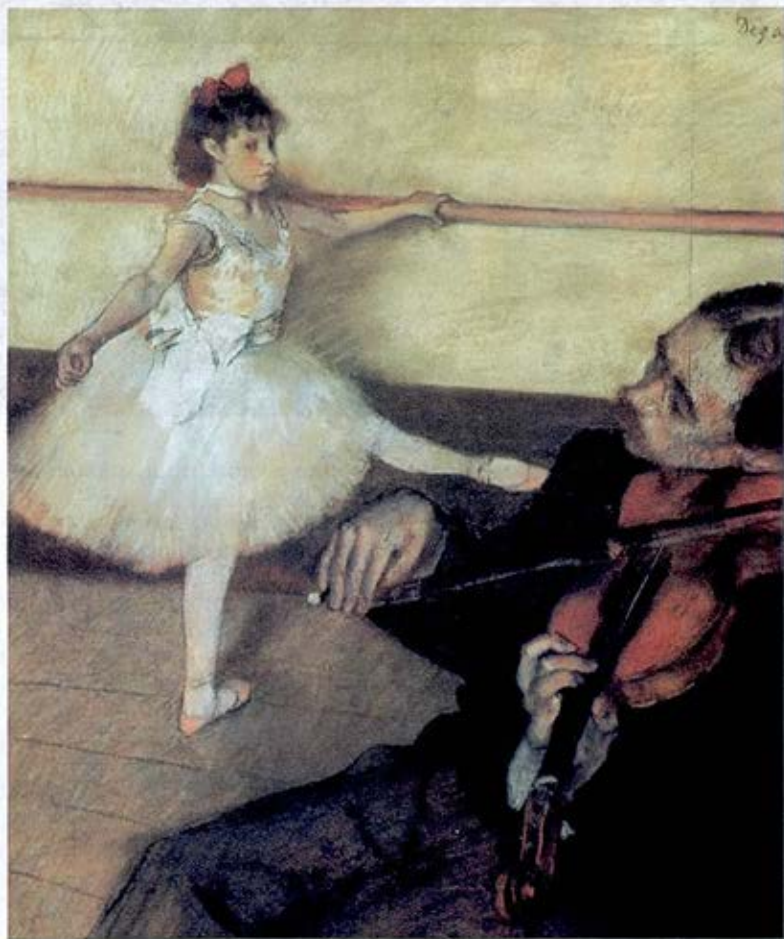

ренса исполнены с изумительной точностью и с трудом отличимы от оригиналов. Ко времени пребывания в Риме относятся и первые самостоятельные опыты Дега. Примечательно, что он начал с гравюры — с искусства иглы; эти первые портреты офортом обнаруживают влияние Рембрандта, которое и впоследствии не раз сказывалось в его понимании света и тени.

По возвращении в Париж Дега отдал дань тому, мимо чего не проходил ни один мастер недавнего прошлого — «исторической» живописи. «Семирамида, строящая город», «Молодые спартанки, борющиеся со спартамцами», «Дочь Яфета» и «Эпизод средневековой войны» — таковы темы этих академических

работ. В его карандашных рисунках к “Семирамиде” — этюдах складок и обнаженных тел — уже раскрывается, несмотря на некоторую черствость, вся изумительная, изящная четкость линейного дара Дега. С другой стороны, в этих же исторических жанрах уже пробивается росток реализма. Так, в картине “Молодые спартанки, борющиеся со спартанцами” Дега, наперекор всем требованиям академии, придал античным героиням характерный облик девушек парижского народного квартала.

Тяготение к живой правде обнаружилось с особенной силой в серии портретов, написанных Дега в начале 60-х: Леона Бона, генерала де Серме, де Мениста, “Дамы со скрещенными руками”, “Голова женщины” и др. Эти портреты — первое вполне

Урок танца. 1879.

В шляпной мастерской. 1882.

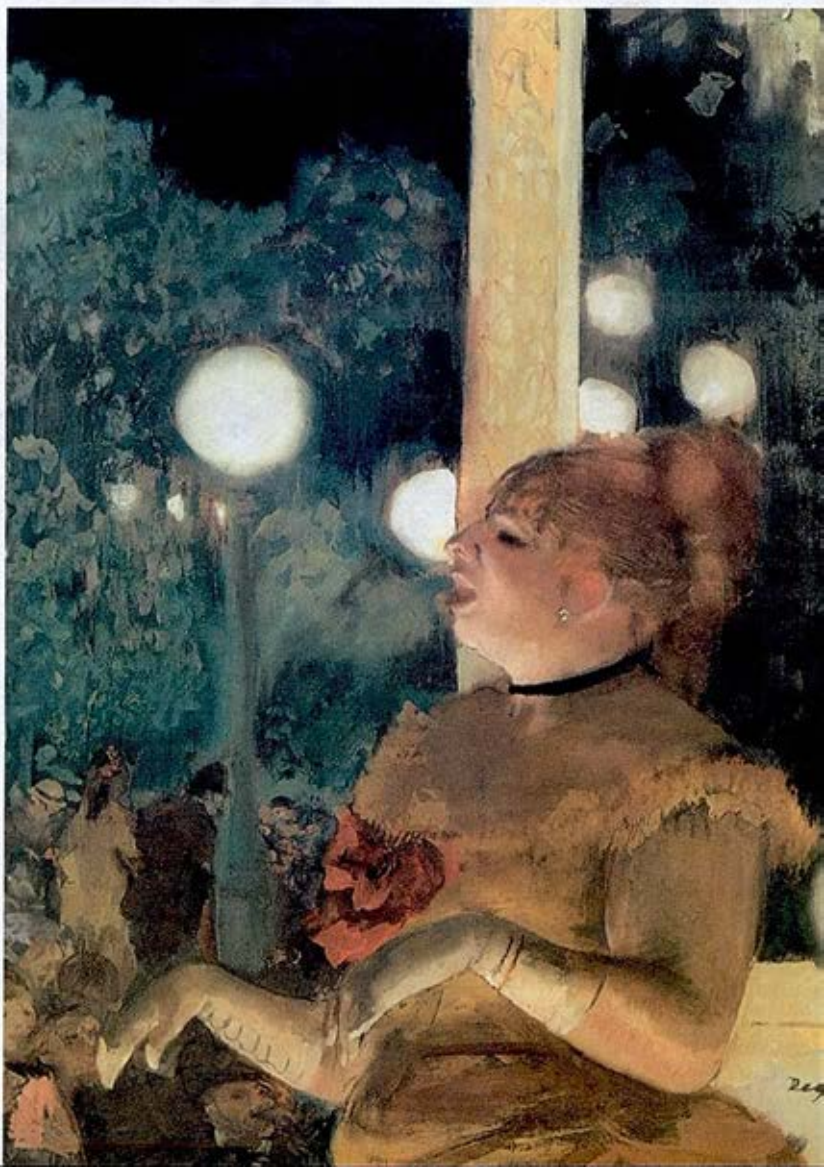
самостоятельное и зрелое выступление художника, исходная точка всего его творчества.

Несмотря на традиционность гладкой манеры и многоцветного колорита, в портретах Дега уже чувствуется современная художественная личность. Они написаны традиционно, но — с темпераментом и восприимчивостью современности. Растущий интерес Дега к современности представляется нам теперь вполне логичным и естественным процессом. Нужна ли особая смелость, чтобы писать модели такими, каковы они есть? И, однако, когда Дега изобразил вместо идеализированных спартак — парижанок, он совершил революционный шаг, аналогичный знаменитому выступлению наших художников-передвижников. От академии он взял только то, что ему было нужно: культуру и дисциплину, уважение к линии и форме; но он решительно отбросил то, что делало из классицизма безжизненный академизм — мертвенность канонов.

Но Дега не был одинок — у него были предтечи и соратники. Позади — великий художник-сатирик Оноре Домье, осмеявший

культ римской красоты в целых сериях литографий, и корифей реализма — Гюстав Курбе. Рядом с Дега шел Эдуард Мане, навлекший и принявший на себя первые удары в борьбе за новую живопись и за право художника на “вульгарные” сюжеты.

Теперь трудно понять ту первую любовь к городу, то острое любопытство к окружающей современной жизни, которые охватили поколение писателей 70-х годов, словно впервые ощутивших себя на живой и твердой земле. “Быть современным” — таков лозунг времени, провозглашенный Бодлером, Гонкурами,

Абсент. 1875 — 76.

Золя. Настало поистине чудесное и бурное время — словно весна, с ее волнующими дуновениями, уличным гамом и пестротой, ворвалась через выставленную раму в мастерскую художников. Опьяненные, они вышли на открытый воздух и, к ужасу критики, — стали писать уличные типы и синие солнечные тени...

Дега мужественно примкнул к этим художникам, собиравшимся тогда в знаменитом кафе Жефруа на бульваре Батиньоль, — к возглавляемой Э.Мане группе “Независимых”, вскоре получивших прозвище “Импрессионистов”; он стал принимать участие во всех ее боевых выставках. Однако Дега сберег собственное, индивидуальное лицо и впоследствии даже протестовал против распространения на него клички “импрессиониста”. И действительно, между ним и его собратьями сразу пролегла значительная дистанция. Они, влюбленные в солнце, посвятили себя пленэру и его многокрасочным миражам. Дега же человеческая комедия пленяла гораздо больше, нежели мир природы, и почти все его произведения писаны в мастерской, а не под открытым небом. Дега создал несколько пейзажей, но пейзажистом не был никогда.

Однако так же, как импрессионисты наблюдали природу со всеми ее переменами, Дега отдался наблюдению человеческой среды во всей живой правде ее типов и жестов. Недаром Дега — первый французский художник, совершивший путешествие в Америку, в эту страну быстроты, новизны, парадоксов. В 1873 году, во время войны между Севером и Югом, он посетил штат Виржинию. Известна лишь одна работа из американского периода Дега — “Бюро хлопчатобумажных тканей в Новом Орлеане”, но, в сущности, влияние американизма запечатлелось на его живописи навсегда. Под американизмом я разумею, конечно, отнюдь не безвкусную любовь ко всему грандиозному. Ибо вся личная жизнь художника и все его маленькие картины-пастели свидетельствуют, что эти черты Нового Света не пристали к нему. Нет, под американизмом я имею в виду ту особенную, не смягченную идеологией, обнаженную правдивость жизни — “неприкрашенную правду человеческую”, которая так больно поразила Глеба Успенского в Лондоне и которую он противопоставлял дрябло-сентиментальной правде русской.

И действительно, все творчество Дега проникнуто таким правдолюбием, такой беспощадной зоркостью созерцания, в сравнении с которыми произведения наших реалистов кажутся сентиментальностями. Вот внутренность магазина, изображенная в том виде, в каком его застал взор художника, — почти моментальный фотографический снимок. И таково свойство Дега: он строит свои произведения так, что они кажутся совсем не построенными. И, однако, это лишь кажется. Дега хитер! Он наблюдает с остротой объектива, но распределяет и окрашивает свои наблюдения как художник-режиссер и художник-колорист. Фигуры покупателей только кажутся схваченными слу-

Женщина, расчесывающая волосы. 1885.

чайно; на самом деле, в их распределении, в чередовании черных и белых арабесок и серебристого фона стен — сознательно взятая благородная и суровая гамма, мудрая режиссура живописца.

На другом полотне Дега касается сюжета, трактовка которого еще яснее раскрывает сущность его художественного созерцания. Перед нами парижская мансарда, бедное, но чистое жилище скромной работницы, и сама она, в согнутой спине которой столько безнадежности, и он, мужчина-“гость”, весь темный, такой жуткий и чужой. Жанровая, почти беллетристическая тема. Дега никого не обличает, никого не жалеет, ничего не доказывает. Его интересует не русская правда-справедливость, но лишь — правда-истина. Дега выступает здесь только как художник, “свидетель жизни”. Но зато сами мы, зрители, вполне догадываемся о том драматическом, что тут произошло; эти убогие, наивные и девственно-милые цветочки на обоях и эти злые звериные искры, потухающие в глазах мужчины, многое говорят нам своим лаконизмом. Таков закон всякого подлинного искусства — чем лаконичнее оно, тем более вкладываем в него мы, зрители.

И как “свидетель”, с зорким глазом и с ехидной полусмешкой скептика, Дега начинает с 70-х годов блуждания по Парижу. Отныне жанрово-исторические композиции окончательно отброше-

ны. Перед Дега раскрываются чары города, кафе, балета, скачек, и он создает новую, свою эстетику современности.

Вот он изучает вечерние кафе, в которых собираются такие разнообразные и выразительные типы: поэты, политики, художники, женщины — вся парижская богема. Богатство характеров, разнообразие поз, неожиданных и непринужденных, игра светлых и темных арабесок, зеркал и бокалов влечет к себе Дега. Он называет свою картину коротко и ясно: "Абсент". Потому что на столике перед бездомной и неудачливой женщиной красиво светится в бокале — словно драгоценный камень — зеленоватая жидкость. Но интерес картины не только в этом пятне. Для того, чтобы понять Дега, чтобы ощутить всю остроту его зрения и психологической проникновенности, следует сравнить эту картину, написанную в 1876-77 годах, с совершенно схожей по сюжету работой Э.Мане "В кафе" (1878). Насколько у него психологичнее и острее, и выразительнее фигуры, нежели у Мане, для которого люди прежде всего — живописные пятна. Для Дега кафе есть целый "интимный" мир.

У Дега немного работ, посвященных зрелищам ночного Парижа, но в каждой из них многое сказано и еще большее представлено воображению зрителя. Острое чувство Парижа, чутье улицы и уличной эстетики делает эти маленькие вещицы Дега перлами искусства. Вот один из них, лучший среди лучших: "Женщины перед кафе". Четыре женщины за столиками, мещанские и развратные профили которых капризно пересечены столбами навеса; четкие спинки стульев на первом плане и полутьма бульвара вдаль, нарушенная жемчугами фонарей и светящимися витринами... Всего лишь кусок уличной, случайно схваченной жизни, — но какая синтетическая картина быта и, вместе с тем, волшебной мистики парижского вечера.

Было бы, однако, ошибочно предполагать, что новаторство и самобытность Дега заключались только в обращении его к окружающей среде. Бытовые мотивы, почерпнутые из жизни, проникли в живопись и завоевали себе право гражданства еще раньше.

Но в то время, как Курбе и Мане наблюдали людей по преимуществу в спокойном состоянии или, во всяком случае, изображали их как бы позирующими, Дега первый заинтересовался и залюбовался красотой движения.

Здесь мы и подходим к тому рубежу, который отделяет Дега от других реалистов. Это был новый и вместе с тем вполне последовательный шаг. Дега был логичен и честен до конца. Ведь жизнь есть неустанное движение — только в динамике, в действиях и мимике развертывается сущность жизни. И подобно тому, как Клод Моне изучал природу в смене утр и вечеров, непогоды и солнца, так и Дега анализирует человека в различиях, ритмах. Каждая эпоха, каждый образ жизни накладывает на человека особый отпечаток, развивает в нем привычные жесты,

позы и выражения. В частности, особенно приложимо это правило к человеку городской культуры с ее разделением труда. И таков именно человек у Дега. Это не гордый человек с монументальной осанкой античности или Ренессанса — но, прежде всего, человек данной профессии. Это не оцепенелая фигура Курбе и не живописное пятно Мане, но, прежде всего, человек в движении. Дега схватывает это движение на лету, отмечает наиболее характерное в нем. Он умеет извлечь красоту одинаково — из плавности ритма и острой неожиданности контрапункта. Ибо при всей его покорности перед природой, он не копирует, не воспроизводит движение, но воссоздает его — обобщая и очищая от всего случайного и лишнего. “Всякое искусство, — сказал однажды Дега, — есть умение жертвовать”.

Более всего художника привлекает мир спорта, физическо-го труда, цирка, балета — тот мир, все бытие которого в движении, в ритме, начиная от наиболее животного (человек на лошади) и кончая ритмом наиболее утонченным (классический танец).

Дега писал жокеев, лошадей и сцены из жизни ипподрома. Разумеется, и раньше были художники, которых прельщал стройный бег скаковых лошадей и красота лошади вообще. Но все же для них лошадь — лишь пьедестал для человеческого героизма, символ бури и натиска. Таковы все батальные мотивы романтиков. Дега первый заинтересовался движением всадника на лошади, самой проблемой езды, как двуединого и слитного движения человека и животного. Он полюбил спортивные зрелища не за блеск и изящество светской толпы, но за то, что составляет самую их суть — профессиональное искусство жокеев и трепетную нервность лошадей.

Как подлинный аналитик Дега изучает самые различные моменты этих зрелищ — до и после скачек, прогулку лошадей, пробный галоп, разезд. С остротой и точностью фотографического аппарата (моментальная фотография тогда, кстати сказать, еще не была изобретена) следит он движения тонконогих жеребцов: то симметричные и согласные, как в танце — в моменты бега, то, наоборот, как бы развинченные — во время отдыха и прогулок.

Таким образом, в “скаковой серии” Дега человек выступает перед нами не как герой и субъект движения, но скорее как придаток к лошади, зависящий от малейшего ее толчка.

Следующая ступень в творчестве Дега — образ физического труда. Таковы его “Прачки, несущие белье”, “Гладильщицы”, “Модистки” и др.

Вот его “Гладильщицы” — произведение завершенное и внутренне и внешне, самая тема которого настолько завладела художником, что он возвращался к ней неоднократно (первая из его “гладильщиц” нарисована была, кажется, еще в 1869 году). Чем вызвано это особенное влечение художника к прачеч-

ному ремеслу? Гонкуры, роман которых “Manette Salomon” стал первой защитой трудящейся женщины, дают на этот счет интересный ответ на одной из страниц своего дневника, касаясь мимоходом произведений Дега. Профессия прачек и гладильщиц, говорят они, доставляет современному артисту наиболее живописные женские модели. “Эти розовые краски тела среди белизны белья, среди молочного тумана газа — прелестнейший предлог для белокурого и нежного колорита. И Дега показывает нам прачек одну за другой, выражаясь при этом как бы на их же языке и технически уясняя нам их приемы”.

Но, конечно, важнейшее по количеству место в искусстве Дега занимает “балетный” цикл, картины из жизни танцовщиц — за кулисами, в фойе, на сцене. Балетом художник пленился еще в 70-х годах, и до последних своих дней остался ему верен. Карандаш и уголь, масло и пастель, нежно-серые гризайли и яркие гармонии, отдельные фигуры и многолюдные композиции — все пути испробовал Дега для все новых и новых воплощений завладевшей им темы.

Усердный посетитель театра, Дега, однако, совершенно иначе, чем его собратья-художники, подошел к представительницам балета. Дега заинтересовался балетом вообще, балетом, как своеобразным организмом, живущим особой жизнью, средней рядовой балериной. Конечно, это не значит, что художник развертывает перед нами целостное зрелище того или иного балета, как представления; верный своему обычному композиционному принципу, Дега показывает нам только уголки театра: части сцены, фойе или уборной (иногда видимой даже через дверную щель) — но даже там, где у Дега всего лишь две или одна танцовщица, мы чувствуем все характерные грани балета...

Для скольких художников всех времен и народов пляшущие женщины и дети были символами гармоничной, физической и душевной красоты, молодости, страсти и изящества! Но Дега отнюдь не подражает Боттичелли или Донателло, он современен и правдив до конца. Балерина Дега — живой автомат — кости и мускулы, облеченные газом и шелком, юбочкой и трико. Ее пляска не одухотворена и не осмыслена внутренним переживанием, просто — движение и только движение.

Даже перед лицом балетной феерии Дега хранит ту же силу наблюдательности и анализа, с которой присутствовал на ипподроме. Там он изучал механику скачек, здесь созерцает механику танца, там он пленен особой породой лошадей, породистых, нервных, выращенных и тренированных специально для бега, — здесь зачарован особой породой женщин, профессия которых — движение. Дега хочет быть последовательным: разве хореография — не грамматика движений, разве искусство современной балерины не свелось к усвоению различных поворотов, трюков и па? И разве это искусство — не труд, тяжелый и упорный, такой же, как труд жокея и акробатки?

Все повороты и телодвижения Дега схватывает с точностью анатома и четкостью каллиграфа. Как некогда Леонардо изучал пальцы Моны Лизы или Энгр — руки своих моделей, как сам он, Дега, “следил” контур лошадей на скачках, — так теперь изучает все мимолетные линейные извивы женских ног вплоть до трепетных касаний к полу эластичной ступни с напудренной подошвой. Ноги балерины, длинные, тонкие, нервные, поистине рабочие ноги, с мускулистыми икрами, в розовых трико и в сатиновых туфлях, являются главными “героями” интересной пастели, относящейся еще к 1879 году, где из двенадцати балерин, срезанных рамой, только одна в сильном ракурсе показана целиком, от остальных уцелели лишь конечности. Эти ноги, худые, чрезмерно развитые — те же “рабочие” ноги, что у лошадей на картине “Проездка лошадей перед скачками”. Есть нечто поистине “символическое”, почти жуткое в этой толчее конечностей, в этой самостоятельной жизни ног, в их ненормальной растопыренности и вывороченности, наконец, в жесте балерины, которая гладит свою ступню, как гладят лошадь, — здесь какая-то обыденная и, вместе с тем, до мистики обнаженная правда балета.

И в конце нам остается проследить еще один, наиболее поздний и зрелый цикл произведений Дега — его образы женской наготы. С излюбленными образами нагого тела Дега не мог расстаться, даже когда почти ослеп и, не будучи в силах писать красками, продолжал лепить из воска. И казалось бы, именно здесь мы, наконец-то, “поймаем” старика Дега: его обычная холодная ирония оттаивает перед ослепительностью женского тела, его рассудочность притупится перед этим кумиром всех веков и народов. Можно было бы ожидать, что именно в этой серии уже подмеченный нами у Дега романтический элемент всецело восторжествует над элементом натуралистическим, и что самый рисунок его потечет сплошными женственно-округлыми линиями...

Однако художник остается в большинстве случаев верен себе — все тот же, каким мы видим его в прачечных, за кулисами, на скачках: неисправимым любопытником, острым наблюдателем, беспощадным аналитиком.

...Уголок тесного и уединенного помещения будуара, спальни или ванной комнаты. Сумрачный свет, проникающий сквозь занавески, которыми горожане вуалируют свою жизнь от окон соседних домов. Над туалетом, умывальником, тазом или ванной склоненное раздетое существо женского пола. Оно не знает, что вы на него смотрите, и поэтому, причесываясь, растираясь или моясь, совсем не следит за изяществом своих телодвижений.

Отбросив всякую галантность, он посягнул на Ее Величество Женщину, развенчал и сбросил ее с исторического пьедестала. Вместо божественной Афродиты, возникающей из пены

морской, он показал Афродиту простонародную, выходящую из... резинового таза или цинковой ванны; это ли не насмешка над классицизмом? Вместо высокой идеологии — просто-напросто целая серия “Причесывающихся”, “Моющихся” и “Сидящих в ванне” женщин (как скромно называл свои картины Дега); это ли не нож в спину салонного академизма?.. Вместо пышного будуара рококо, мы видим... банальную комнату. Стрижку ногтей, умывание на корточках, самые непринужденные жесты — это ли не пощечина изящному шику XVIII века? Современники именно так и квалифицировали наготу Дега. Гейсманс приписывал художнику намерение бросить в лицо своему веку самое резкое оскорбление, унижая женщину, идола этого века....

Действительно, Дега показывает нам наготу раздетой городской женщины во всей правде ее комнатной, частной жизни. Мы видим тело, не знающее солнца и гимнастики, худосочное и рыхлое, с расслабленными, увядшими грудями, со станом, изборожденным корсетом, с ногами, испорченными каблуками. С особенным наслаждением художник подглядывает и показывает нам торчащие лопатки и спинные позвонки, свисающие над тазом груди, суженные талии...

“До сих пор, — говорит Дега, — нагота изображалась в таких позах, которые предполагали присутствие свидетелей. Мои же женщины — честные человеческие существа, не имеющие никаких других интересов, кроме тех, что вытекают из их физического положения. Вот одна из них: она моет свои ноги. Это все равно, как если бы было подсмотрено через замочную скважину”.

И он подглядывает сквозь замочную скважину не как эротоман, но как исследователь, с полным и серьезным сознанием своей правоты, потому что, только будучи застигнуты врасплох, женщины правдивы и естественны. Ваннанные комнаты играют ту же роль, что уборные в театре — и там и здесь женщина находится “за кулисами”, предоставлена самой себе, своим привычкам и ухваткам.

Женщины Дега никогда не пребывают в состоянии покоя, отдыха и томной лени: всегда в движении. Но о каком движении, о каких “профессиональных” жестах здесь может идти речь? Раньше художники знали только один жест обнаженной женщины — жест стыдливости. Дега изучает жесты, связанные с “работой” женщины над собственным телом, с подготовкой ее к одеванию, как у балерин он изучал телодвижения, связанные с подготовкой к танцу.

Известный германский художник Макс Либерман писал, что Дега нельзя понять умом, его можно только интуитивно почувствовать.

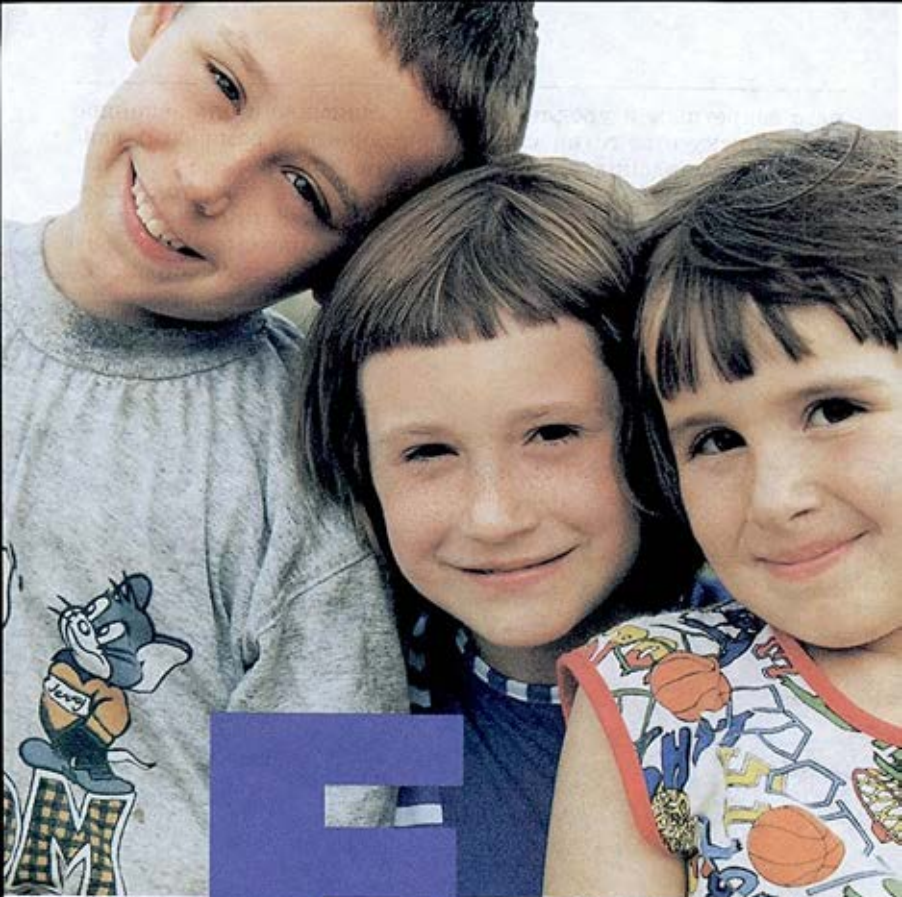
Дега утвердил в наших глазах право на отображение в искусстве всего того характерного и обыденного, что считалось до

него запретным и уродливым и что занимало столь законное место в искусстве готических миниатюристов, романских ваятелей, фламандских живописцев. Дега оправдал все сюжеты, всякую “натуру”. Художник лошадей, прачек, модисток, балерин, голых женщин — кто он в сущности? Анималист, жанрист? Нет, он просто аристократический потомок мастеров изысканного XVIII века и, в то же время, несомненный, искренний, убежденный демократ — художник нашей эпохи. ■

Публикация
Лилии БАЙРАМОВОЙ.

Четыре балерины за сценой. 1898.

Е С Л И

Казалось, это было совсем недавно: ожидание, волнение, радость. Первый ребенок в первой российской Детской деревне-SOS Томилино под Москвой. Шестилетняя девочка, которую мама, продав квартиру совсем в другом городе, привезла в Москву и сказала: "Жди, я скоро вернусь". И исчезла навсегда.

Прошло всего три с половиной года. В Томилино в одина-

дцати домах живут 75 детей. В Детской деревне-SOS Лаврово под Орлом отпраздновали первый день рождения (деревня "рождается" с приходом первого ребенка). Здесь сейчас живут 60 ребят. В марте этого года придут первые дети в Детскую деревню-SOS Пушкин под Санкт-Петербургом. Уже известен адрес четвертой деревни — Мурманск.

Елена БРУСКОВА,
президент Российского комитета
Детские деревни-SOS

Вместе...

А началась история детских деревень 50 лет тому назад далеко от России, в Австрии, как чистая авантюра.

Никому не известный австриец Герман Гмайнер, студент-медик из многодетной крестьянской семьи, без связей и средств, решил удивить Австрию (о мире он тогда не думал) моделью необычного детского дома. И не только обосновать саму модель, но и начать стро-

ить первый дом первой детской деревни. Без гроша в кармане!

Гмайнер с самого начала вычленил главное в педагогическом эксперименте: нужна независимость, без которой опыт не удастся. Педагогическая свобода предполагала свободу административную и, следовательно, финансовую. Но где же найти средства для воплощения этой симпатичной, но явно фантастической

идеи? Для строительства дома? Для содержания детей?

В одном из последних видеофильмов, снятых при жизни Гмайнера, у него удивительно спокойное, ясное лицо. И хорошая улыбка человека, довольного исполненным. В желтоватом свободном свитере толстой вязки он выглядит очень простым и домашним. "Я просил у людей по шиллингу в месяц. Про меня говорили: он — сумасшедший. Хочет на шиллинги построить дома для детей..."

Это после того, как все задуманное — и далеко сверх того — удалось, стало так легко вспоминать начало "шиллинговой эпохи". А вначале Гмайнер с друзьями обходили дом за домом, квартал за кварталом. И просили не только пожертвовать шиллинг. Но и обещать это делать в дальнейшем.

Самое главное для любой благотворительной организации — убедить людей, что их деньги идут на доброе дело. Бессребреннику Гмайнеру, до 42 лет не имевшему своей собственной квартиры и жившему в детской деревне, обаятельнейшему человеку, сделать это было легче, чем кому-нибудь другому. Он спасал не детство как таковое, что, конечно же, необычайно важно, но несколько абстрактно. Он спасал конкретного ребенка, который — вот он, накормленный и отмытый, еще не совсем отошедший от своих бед, возится с нехитрыми игрушками.

Гмайнеру — вернее детям, ради которых он жил, дарили чеки на строительство домов и целых деревень. В истории детских деревень были крупные пожертвования, но Гмайнер больше всего гордился идеей народной помощи детям.

Его шиллинговая идея была не только способом финансирования строительства и содержания детских деревень. Гмайнер создал народную модель заботы о сиротстве, назвав ее "цепной реакцией добра". В модели добра с одной стороны были дети, с другой — те миллионы людей, которые со временем приобщились к братству помогающих.

Всем, вступающим на этот путь после Гмайнера, было легче. Был опыт, авторитет международной организации, сообщество миллионов друзей детских деревень, помогающих не только своей стране.

Наш опыт был особым. Мы начинали с Любовью Незиной, председателем Московского городского комитета народного образования и Альбертом Лихановым, председателем Детского фонда еще в бывшем Советском Союзе при полном отсутствии благотворительного опыта в стране и целиком на деньги международного сообщества детских деревень-SOS.

Благотворительность — устаревшее понятие?

В "Толковом словаре русского языка" слово "благотворительность" объясняется так: "оказание материальной помощи бедным (устар)".

В разряд устаревших оно попало, как многие приметы и общественные явления дореволюционной жизни, путем насильственным. Деятельность частных российских благотворительных организаций — в первую очередь находящихся под покровительством Российского императорского двора — была закрыта. За ними последовали все остальные.

О роли благотворителей в области культуры и искусства дореволюционной России в последние годы писалось много. Гораздо меньше — о попечительстве, о тратах на детей, неимущих и стариков.

Когда-то я несколько дней провела в исторической библиотеке, изучая отчеты благотворительных организаций того времени. Сухое перечисление оказалось увлекательным чтением.

Конец прошлого века. Нострома. Не самый большой город в России. Итак: Дом призрения неимущих и увечных обоюбого пола. Дом для бедных священнослужителей. Богадельня для женщин купеческого и мещанского сословия. Женская богадельня. Мужская богадельня. Богадельня для слепых женщин. Богадельня при губернской женской больнице с отделением для подкидышей. Дом инвалидов. Богадельня при льнопрядильне. Ночлежный дом. Приют для бедных детей без различия звания, вероисповедания и происхождения. Ремесленный приют для мальчиков. Училище-приют для слепых детей. Учебно-ремесленные мастерские для бесплатного обучения детей столярному и токарному мастерству и женским рукоделиям.

В отчетах, если забыть об устаревших глаголах, сведения как

будто из нашего времени. "В Несеровском приюте (Москва — **Е.Б.**) в 1910 году призревалося 46 девочек, большей частью сироты, полусироты или брошенные своими родителями".

В записке Ведомства приютов от 1897 года знакомые слова: "При постоянно увеличивающейся дороговизне жизни число нуждающихся в помощи семейств всюду растет. Вместе с тем всюду в России увеличивается постоянно и число нуждающихся в помощи бедных детей".

Когда смотришь источники того времени, удивляет высокий уровень помощи детям. Как питались, как проводили каникулы. И наконец просто — где жили. В Москве, например, сегодня сохранилось много зданий, когда-то построенных или купленных благотворителями и благотворительными организациями для "системы попечения бедных или осиротевших детей".

В центральном здании сегодняшнего Московского государственного Лингвистического университета Купеческое общество содержало Детский сиротский приют для детей мещанского сословия. В особняке, арендуемом Вьетнамским посольством, был "Приют для 50 мальчиков и девочек всех сословий и вероисповеданий". Здание очень трогательно завещала "бедным детям" французка Шабронно "в память о своем гражданском муже". В здании телевидения на Шаболовке размещался Варваринский сиротский приют для девочек. Им давали начальное образование и готовили "для службы в домах". Другой особняк — теперь прекрасный музей А.С.Пушкина — был Дет-

ским приютом дворянского общества. В доме, где теперь расположен Институт нейрохирургии, до революции был "приют-пансион для беднейших дворян". В здании Училища для глухонемых, где жили и учились 146 детей от 7 до 12 лет и получали "общее образование и учились ремеслам", до последнего времени размещался Дом научно-технического творчества молодежи.

Конечно же, были и другие приюты и богадельни, бедные и убогие. Но и эти, и те, что размещались в особняках и домах с лепными потолками, содержались не только на ассигнации богатых, но и на медяки бедных.

А потом все было разрушено. (На всю страну остался один Красный крест. И тот переорганизован заново, ибо прошлое общество — Российский красный крест — декретом от 6 января 1918 года было распущено, возник новый — пролетарский.) На десятилетия частная инициатива организованной помощи кому угодно и накому угодно делу в нашей стране была запрещена.

Меня часто спрашивают: на какие средства будут содержаться и строиться наши детские деревни? Простой вопрос, потому что Российская организация — член международной организации, которой помогает реализовывать все проекты мировое сообщество друзей детских деревень. При этом считается, что каждая страна (если в ней не идет война и она не лежит в развалинах) должна часть денег на своих детей собирать у себя дома. И вопрос трудный, потому что не было в мире такого опыта — семи десятков лет запрета на всякую обще-

ственную инициативу, в том числе и на благотворительную.

Но добро из жизни любого общества не исчезает. Чем труднее людям, тем скорее они поймут боль и нужду ближнего.

В спокойной и давным давно забывшей о ранах войны Австрии Гмайнер писал: "Мы были бы раздавлены жизнью, если бы не были добры друг к другу, если бы мы не уважали и не были бы терпеливы друг к другу, если бы мы от случая к случаю не помогали друг другу".

Крошечные спонсоры

С того времени, как начался тоненький ручеек трудовых шиллингов и по день сегодняшний, когда детям помогают в детских деревнях 132 стран, "шиллинговая" система осталась неизменной. Друзья детских деревень платят определенную, не очень большую сумму раз в три месяца. Взамен они получают ежеквартальную информацию о жизни детских деревень в этой стране.

В России, среди первых откликнувшихся на призывы помогать первой детской деревне-SOS Томилино больше, пожалуй, оказалось тех, кому, как писал провидец Гмайнер, "самим не хватало на жизнь".

На папке, которую я стараюсь посмотреть каждый раз, как приезжаю в Томилино, написано: "Друзья детских деревень". Эта папка — одно из утешений последних лет. И в Томилино, и в Лаврове под Орлом, где живет вторая российская деревня-SOS, много утешений: мамы, дети, детские глаза, из которых уходят несчастья. Но папка, пожалуй, нечто большее. Она — очень важное для меня подтверждение мировых законов добра.

"Я давно мечтал, чтобы мы всем миром встряхнулись, собрались на помощь, а тут статья о вашей деревне..."

"Послала почтовым переводом свой скромный вклад в наше общее дело, надеюсь, что в феврале смогу послать еще. К сожалению, больше не могу: я инвалид 1-ой группы, из дома почти не выхожу, но душой и сердцем я с вами..."

"Когда жизнь наша опять покатила под откос (имеется в виду август 1998 года — **Е.Б.**), мне подумалось: все! Придется от помощи вашим детям отказаться. А я так уже привыкла к вашим письмам, к тому, что вроде бы и неизвестные детки мне как родные сделались. И я решил: бросаю курить, а деньги — в Томилино".

"Я делаю переводы и в 30 и в 50 рублей, когда как могу. Жалко, что у вас пока так мало "крошечных спонсоров", которые хоть на капельку облегчают жизнь сирот".

"Пишет вам бабушка, мне скоро 69 лет, звать меня Неля Тимофеевна. У меня есть вещи для девочек, но привезти я вам не могу, хожу с палочкой, у меня был инсульт".

"Благодарю вас за письма. Вы все вместе возвращаете сиротам и брошенным детям радость детства и тепло семьи. Нет ничего выше этого смысла жизни. Да поможет Господь всем вам — и мамам, и детям. И да спасет Он нас от ленивого равнодушия..."

"Благодарю вас за письма... я так уже привык к вашим письмам". В этих простых словах — одно из основных звеньев системы содержания детских деревень-SOS Германа Гмайнера, которую он сумел наполнить нравственным содержанием. Взаимодействие добра. С одной стороны дающие помощь, с другой — принимающие ее.

Меня давно занимает этот феномен — нищие, к сожалению, в достаточно полном значении этого слова, пенсионеры, помогающие детям.

Что движет ими? Что помогает им делиться последним рублем? Наверное, здесь многое кроется: привычка к взаимовыручке, мысли о добрых делах, которые должны быть успокоением для души...

Случай привел меня к одному из наших "крошечных спонсоров". Елизавета Павловна уже второй раз в квартал посылает свои взносы в Томилино.

Самое главное она сказала в конце разговора:

— Я вас всех уже благодарил за добро, что вы для ребятешек делаете. Про себя писать было неловко... Вы меня спасли от чувства унижения. — И, увидев мой удивленный взгляд, повторила: — *Вы меня спасли от унижения невозможностью помогать другим.* За десять рублей в месяц, только за десять рублей я чувствую себя

тоже кому-то полезной. И письма из деревни вашей от директора жду как праздника.

Законы добра

Письма, обратная связь — наверное, самое основное в модели народной помощи любому делу. Друг томилинской детской деревни каждые три месяца получает письмо о ее жизни. Беру первое попавшееся: "Дорогая Майя Михайловна! За последнее время у нас в деревне прибавление нашего большого семейства. Пришли в один из домов брат и сестра — Наташа пяти лет и Сережа четырех. В другой две сестры: Вика десяти лет и Саша шести. У всех детей беда одна и та же: родители лишены родительских прав. Теперь у них появились новая мама, дом, братья и сестры. И я надеюсь, что они скоро будут так же спокойны и веселы, как и все остальные дети.

В Томилино теперь 70 детей и так получается, что почти каждую неделю в канон-то из домов у ребенка день рождения, на который собираются друзья из соседних домов и из класса. Совсем недавно я тоже был приглашен на день рождения к Эдику, которому исполнилось семь лет.

Дети стали вспоминать, кто когда родился, кто что помнит, "когда был маленьким". Эдик сказал: "А я родился сразу большим". "Как это?" — удивились все. "Я родился, когда мне было пять лет".

Как потом выяснилось, все взрослые одинаково поняли эту фразу. Эдик пришел к нам в Томилино, в дом Веры Вячеславовны, когда ему было пять лет.

Как грустно, что дети вычеркивают из своей жизни годы, проведенные в родительском доме. Как хорошо, что дети у нас чувствуют себя заново родившимися.

И в этом — частичка вашей помощи.

С уважением

Л. Л. Митяев,
директор".

Давно заметила: эти незатейливые письма одинаково действуют и на одиноких пенсионеров, для которых каждый конверт в почтовом ящике — событие, и на деловых людей, не испытывающих недостатка в общении. Наверное, всех удивляет выполнение взятых на себя обязательств. Ведь мы так привыкли, к сожалению, к абсолютной неподконтрольности государственно-общественных комитетов и фондов прошлых десятилетий.

В нашей организации одинаково отчитываются и перед теми людьми, которые делают значительные взносы, и перед теми, кто, отрывая от скромного бюджета, переводит скромную сумму раз в квартал. И, как показывает опыт, это одинаково на всех действует.

Долгое время мои достаточно обеспеченные племянники при словах "детская деревня" говори-

ли, что давно собирались... что, конечно же, надо помогать... Пока не был сделан первый взнос и получено первое благодарственное письмо. Теперь фотографии из Томилино стоят у них в бюро на виду, и каждому спросившему рассказывается про возможность помочь детям. Так появляется новая фамилия и новый адрес друга.

Когда я писала первую статью о "цепной реакции добра" Гмайнера, я задавала себе вопросы: появится ли у нас в России у состоятельных людей ответственность, как говорил Гмайнер, "перед Богом и людьми". Будет ли когда-нибудь в российской детской деревне дом, который обретет имя человека, банка, фирмы, отдавших деньги на дом для детей? Станут ли наши политики и предприниматели отказываться от банкетов и дорогих презентаций в пользу детей-сирот? Поймут ли наши состоятельные россияне, что, помогая чужим, они спасают свои души и дают возможность детям собственным гордиться родителями?

Вопросы пока остаются вопросами, но я думаю, что победят законы добра, что "ленивое равнодушие" можно если не искоренить, то уменьшить. Для этого нужно время, терпение и умение грамотно и нравственно строить отношения дающего и принимающего.

У детской деревни-SOS Томилино сейчас тысяча пятьдесят (!) друзей. 1000 человек во всех концах России каждые три месяца идут на почту или в сберкассу и переводят свой взнос. Так началась цепная реакция добра в Томилино. Так началась она — пока

еще с нескольких десятков человек — в детской деревне Лаврово под Орлом. Так будет и в строящейся деревне в Пушкине под Петербургом.

Уже после смерти Гмайнера в свет вышла маленькая книнечка, ставшая его завещанием. Это были последние слова, которые он не успел сказать своим воспитанникам: "Сегодня в мире миллионы наших друзей помогают строить и содержать детские деревни. Этого вы не должны забывать. Ни одно государство, никакое другое учреждение не могло бы помочь вам в той же степени. Люди помогают вам охотно, с чувством долга, не требуя от вас сверхъестественных благодарностей, а только лишь одного: быть готовыми и стать надежными членами общества, в котором мы живем".

Так хочется надеяться, что и наши дети, знающие про эту помощь и постигающие в детских деревнях нелегкую науку благодарности, вырастут "надежными членами общества".

Очень надеюсь, что и наше общество даст им такую возможность.

P.S. Все, кто захотят стать друзьями российских деревень-SOS, могут обращаться по адресам и телефонам:

140070, Московская область, Люберецкий район, пос. Томилино, ул.Гмайнера, 1, детская деревня-SOS; тел. (095)557-31-01.

303121, Орловская область, Орловский район, с.Лаврово, детская деревня-SOS; тел. (08622)1-68-32.

109004, Москва, Пестовский пер, д. 12, кв. 20. Российский комитет Детские деревни-SOS; тел/факс (095)915-34-67.

Вы решили наконец-то освоить столь необходимый сегодня в работе Word или Excell, разобраться с Windows-95, научиться программировать или просто попробовать себя в компьютерных играх. Что бы то ни было — дело за покупкой нового компьютера. Вы бодрыми шагами заходите в компьютерный салон, смотрите на цены, суммируете...

Да, полный комплект обойдется вам как подержанные "Жигули". И вы решаете коптить...

коптить... и вас не принимают на любимую работу из-за незнания основ ПК...

коптить... и все рефераты вы пишете вручную...

коптить... и вы впервые увидите Интернет в 90 лет.

Многие так и остаются без компьютера. Потому что просто не знают, что можно купить компьютер по цене одного только нового монитора.

За консультацией мы обратились в фирму "SP-Сервис", которая вот уже более года работает с бывшими в употреблении компьютерами и оргтехникой.

— *В среднем, по какой цене у Вас можно приобрести компьютер?*

— Все зависит от потребностей заказчика. Многим компьютер необходим для работы с текстами или электронными таблицами, с бухгалтерскими программами. Для этого вполне хватит "быстрого" 486-го с недорогим монитором. Полный комплект (системный блок, монитор, клавиатура, мышь) обойдется в 150-180 у.е. При максимальной экономии можно, конечно, уложиться и в 120 у.е. При этом даже на последнем будет достаточно неплохо идти популярная в свое время игра "DOOM". Если в ваши планы входит, например, работа с базами данных, можно взять машину "посильнее". Например, "Pentium" в стандартной конфигурации с современным 15-ти дюймовым монитором обойдется в 250-300 у.е.

— *Это, если не ошибаюсь, немного дороже одного только нового системного блока?*

— Совершенно точно. Ну, и разумеется, то, что вы видите на витринах компьютерных салонов, мы сможем предложить вам на порядок дешевле. Мы также можем собрать вам машину "на заказ". И даже при вас.

— *В чем же секрет столь низких цен?*

— Дело в том, что компьютерные салоны не могут предложить вам технику разного уровня — они торгуют только новым, современным оборудованием. Тогда как компьютеры поколениями ниже вполне справляются с задачами своих старших собратьев. Вообще, моментальное устаревание компьютеров продиктовано взаимовыгодной погоней за прибылью производителей программного обеспечения и компьютерного "железа". Мы же предлагаем потребителям технику, соответствующую их запросам и средствам.

— *Если эта техника не новая, наковы гарантии того, что она прослужит долго?*

— Все комплекты на приеме проходят строгий контроль. Наши сервис-инженеры тщательно тестируют и проводят полную предпродажную подготовку каждого комплекта. На все оборудование дается бесплатная гарантия. За все время нашей работы был всего лишь один возврат. Деньги были возвращены немедленно.

— *А можете ли вы принять в счет приобретаемого компьютера старый?*

— Разумеется. Мы берем в счет оплаты практически любую технику.

Итак, недорогой, но надежный компьютер — реальность. В этом вы можете убедиться сами, позвонив в фирму "SP-Сервис".

"SP-Сервис". Тел./факс:
(095) 268-70-95, 268-70-96

Компьютеры и оргтехника б/у, ремонт.

Рассмотрим предложения о сотрудничестве с поставщиками б/у оборудования и комплектующих.

Черепашки живут триста лет

Михаил КАЗОВСКИЙ

Мама с Катькой отдыхали в Турции, а мы с бабушкой, Акулиной и Машкой ковырялись на даче. Машка — это кошка. Непоседа страшная: шлёндрает неизвестно где днями напролет, а потом прибежит, потроха от курочки скушает, молочко полакает — и опять гулять. Каждое лето нагуливает котят. Мы их раздаем всем знакомым, никогда не топим. Я боюсь топить, да и бабушка тоже.

Акулина — наоборот — тихая, спокойная, двигается медленно, потому что совсем не кошка, а черепаха. Я ее кормлю одуванчиками, капусткой, ломтиками яблока. Осенью она засыпает в коробке из-под ботинок, а весной просыпается и давай лопать, прямо без остановки, вроде наверстывает упущенное. Мне она нравится больше Машки, потому что я сама на нее похожа: не люблю торопиться, шастать, а люблю нежиться на солнышке и закусывать яблочком.

Мама у меня — как Машка, суетливая, нервная, вечно недовольная всем на свете. Если встанет с левой ноги (по словам бабушки), то пиши пропало: будет возмущаться безостановочно по любому поводу. Я однажды записала, что же выводило ее из себя в одно утро (привожу список полностью): недостаточно горячие батареи, колет под ложечкой при вдохе, Катька без конца сидит в туалете, бабушка сварила жидкий кофе, порвались новые колготки, кончился шампунь, плохо работает вилка у фена, нет мужчины в доме, сколько можно кривляться перед

зеркалом (это снова Катька), денег платят мало, потеряла ключи (оказались в другой сумке), выключите радио — надоели политики, не бери в руки эту гадость во время завтрака (мне по поводу Акулины), аппетита нет, не лицо, а какой-то блин, молодость ушла, если позвонит Юрка (мой и Катькин папа), передайте ему, что Ольга (то есть мама) улетела в командировку в Австралию, нет, вообще ничего не передавайте — бросьте трубку, он подлец и сволочь, не забудьте купить кефиру на ужин, снова опоздала, Зингер ее убьет (это мамин шеф)... А вообще, она добрая, и меня очень любит, но в пределах нашей квартиры, потому что появляться на людях со мной смущается.

Да и Катьке не особенно нравится, если кто-то видит, что ее сестра — не такая, как все. Дома — нет проблем, и поможет, и приласкает, что-то объяснит, а чему-то научит, иногда может поиграть, вместе побеситься, но когда к ней приходят гости, мальчики и девочки из ее колледжа, где она учится на менеджера, то старается, чтобы я там не появлялась, а сидела молча в бабушкиной и моей комнате и тихонько чем-нибудь занималась. Я привыкла. Мне и с Акулиной неплохо — глазу ее по шершавой коричневой голове, говорю негромко: "Ну и пусть, мы им не компания, нам не скучно, а противная громкая музыка нравится одним дуракам, умственно отсталым". Говорить о Катьке и ее ребятах такие слова — плохо и несправедливо, конечно. Потому что они в самом деле — и красивей, чем я, и намного сообразительней, учатся нормально. А меня бабушка отвозит на занятия в интернат для детей с ограниченными возможностями, где сама работает зам. директора. Но, в отличие от других детей, я там не ночую — вместе с бабушкой возвращаюсь спать к нам домой. Бабушка — мой самый главный друг и наставник. Ходит со мной по улице не стесняясь, ездит и в метро, и в автобусе — вроде даже с гордостью, потому что я — достижение ее педагогического искусства. Люди с моим диагнозом мало что умеют. Взять хотя бы тех, кто живет в бабушкином интернате, от которых отказались родители, или не отказались, но берут домой лишь на выходные. Есть среди них и совсем тупые, говорят с трудом, ничего не соображают. Ну, а я занималась с бабушкой по ее собственной программе, и теперь знаю очень много, и пишу, и читаю, и рисую, и немножко играю на пианино, крестиком вышиваю, в магазин и на почту хожу одна, даже могла бы самостоятельно доехать от дома до интерната и назад, но в такие трудные поездки меня пока не пускают. И не потому, что я заблужусь, а из опасения, что ко мне кто-нибудь пристанет, будет обижать. Злых и глупых, к сожалению, очень много. Но они почему-то считаются нормальными, их не держат в специальных интернатах. А зато такие, как я, никому ничего не сделавшие плохого, только не особенно ловкие и красивые, именуются инвалидами, и от них остальные держатся подальше.

Например, мой папа Юра. Он хотел, чтобы меня навсегда сдали в интернат. Только мама и бабушка отказались твердо. Начались скандалы, и в конце концов отец ушел и женился на другой тетке. А потом и ту бросил и женился на третьей. Но никто, кроме Катьки и меня, у него больше не родился. Мама сделалась в нашей семье сразу вместо мамы и папы — стала зарабатывать деньги, бабушка же с нами, внучками, занималась дома — а со мной специально, по ее особой программе. И когда Катька выросла, а я стала посмышленнее, бабушка защитила на мне кандидатскую диссертацию. И пошла работать зам. директора интерната, где я тоже начала заниматься в группе, продолжая обеспечивать бабушку новым материалом к диссертации докторской.

Мы всегда отдыхаем порознь. Мама с Катькой ездят по заграничным курортам, даже побывали в круизе по Средиземному морю. Возвращаются загорелые, радостные, с кучей фотографий. А на даче с нами бывать не любят — никаких удобств, развлечений, умных разговоров, светского общества, кроме Акулины, Машки, бабушки, меня и соседей-пенсионеров. Каждому свое. Мне в деревне нравится. Воздух замечательный и вода из колодца, печка на дровах, лес, река. Я и бабушка выращиваем цветы, огурцы, помидоры, зелень всякую, лук, морковку. А еще с кустов собираем черную смородину и крыжовник, а с деревьев — яблоки и сливы. Овощи закатываем в банки, а из фруктов и ягод делаем варенье. Их-то мама с Катькой трескают за обе щеки, только добавляй, не задумываясь над тем, сколько здесь терпения и труда — моего и бабушки. Мы, конечно, не обижаемся, а наоборот, очень даже рады, потому что работали бескорыстно, нам двоим многого не надо, главное — думать не о себе, а о тех, кто с тобой рядом и кого ты любишь.

В Турции Катька и мама отдыхали и раньше, но в последнее время ездили на Кипр — там туристы уровнем повыше, класс другой; так бы оно и было, если бы не финансовый кризис. Он ударил больно по фирме Зингера, где работает мама, половину сотрудников шеф уволил, а оставшимся сократил зарплату, в том числе и маме. И хотя все равно мама получает в десять раз больше, чем, допустим, бабушка в нашем интернате, но о Кипре пришлось забыть и поехать на этот раз в Турцию. Прилетели в Москву счастливые, пропитавшиеся морем и солнцем, и рассказывали о своих приключениях наперебой. Мама говорила:

— Катька закрутила роман с мальчиком Валерой.

А сестра отвечала, фыркнув:

— Ой, какой там роман, я тебя умоляю! Пару раз сходили на танцы и в бар. Ничего серьезного.

— Очень, очень жаль, — продолжала мама, — потому что Валерин папа — крупный бизнесмен, строит коттеджи для “но-

вых русских” по всему Подмосквью, и такие женихи, как Валера, на дороге не валяются.

— Тоже мне — “жених”! — усмеялась Катька. — Весь в прыщах, с головы до ног! — Но, конечно, задумалась над маминими словами, потому что когда этот мальчик позвонил, три часа с ним висела на телефоне (по словам бабушки), разглагольствуя неизвестно о чем. Я так поступать не решаюсь. Вдруг кому-то понадобится сообщить что-то очень важное, а на линии я вишу? Мне тогда будет очень стыдно. Нет, никто ничего не скажет, но подумает: “Ну, понятно! Что еще можно ожидать от больной? Этой Любки-дурочки?” Не хочу давать повода для таких разговоров. Катька — другое дело, ей прощают все, что меня могло бы выставить в плохом свете. Для нее болтать с мальчиком — так, в порядке вещей, для меня — чрезвычайное происшествие, насурaziца, нарушение правил. Да и я сама, наверное, умерла бы от страха, если б мне позвонил какой-нибудь умный мальчик — не из наших, из интерната, с ними говорить не о чем, а здоровый, из каткиных друзей! Но они, к счастью, не звонят. Все мое общество — Машка, Акулина и бабушка.

Но однажды в субботу я сидела дома одна: мама с Зингером поехала встретить в Шереметьево зарубежных партнеров, Катька побежала к подруге Эльке “пошалить” в “Интернете” — отыскать незнакомого собеседника из какой-нибудь далекой страны, чтобы обменяться с ним всякими прикольными посланиями на английском, бабушка пошла в магазин, а меня не взяла из-за моего насморка. Ну, сижу и сижу, ничего не делаю, просто наблюдаю в окно, как гуляют люди и порхают птички. Вдруг — звонок. Я на цыпочках подкралась к двери, посмотрела в глазок — рыжий парень такой лохматый стоит, в серой трикотажной фуфайке и джинсах. И еще в очках.

— Вы к кому? — спрашиваю я.

— К Мытниковой Кате. Можно ее позвать?

— Нету, — говорю, — Катерины дома. Приходите позже.

— Вы, должно быть, ее сестра Люба? — не уходит парень.

— Люба, — отвечаю. — А что?

— А меня Валера зовут. Я с ней познакомился в Турции, — и смеется вроде.

— Получается, вы — тот самый жених, про которого мама сказала, что такие на дороге не валяются?

Вижу — покраснел, но смеяться не перестал, и кивает:

— Не валяюсь, точно. Не хотите мне дверь открыть?

— Может, и хочу, но не буду. Бабушка и мама запрещают отпирать незнакомым людям, если я одна.

— Так какой же я незнакомый, — удивляется он, — если в Турции с вашей мамой и Катей познакомился?

— Верно, — говорю, — познакомился. — Но не открываю, молчу.

— Не откроете? — снова произносит Валера.

— Нет.

— Почему?

— Ну, открою — а дальше что?

— Ничего. Посидим, поболтаем о чем-нибудь. Вы меня чаем угостите. Тут, глядишь, и Катя вернется.

— Нет уж, мне болтать с вами некогда, а тем более чаем угощать.

— Чем же вы таким занимаетесь, что вам некогда? — спрашивает он.

— Бабушку жду из магазина.

Он, как бегемот, открывает пасть и закидывает голову назад. Но потом приходит в нормальное состояние, вытирает слезы и заявляет:

— Это очень ответственное занятие. Мы могли бы подождать вашу бабушку вместе.

— Да, могли бы, — соглашаюсь я. — Только вы — на лестнице, а я — тут.

— Люба, Люба, — сокрушенно говорит парень. — Вы весьма негостеприимны.

— Ну и пусть, — отвечаю ему с обидой. — Вам такие шутки привычные, а меня проверяют все время, чтоб потом решить — не опасна ли я для окружающих? Вот и думаю десять раз, прежде чем что-то сделать. Даже в мелочах. А впускать в квартиру кого ни попадя — ни за что на свете! Это значит — сразу выставить себя ненормальной. Я ведь инвалид первой группы. Называется "болезнь Дауна". Вы не знали?

У него на лице возникает недоумение, он бубнит испуганно:

— Бросьте, не разыгрывайте меня.

— Нет, на самом деле.

— Вы — "даун"? Но для "дауна" говорите и мыслите слишком хорошо.

— Это бабушкина система воспитания, специальная.

— Извините... Я не знал действительно... Не сердитесь, если что не так.

— Извиняться не за что, — говорю с досадой. — Это вы меня извините за такое грубое с моей стороны поведение. Приходите, когда буду не одна. Вот тогда сможем поболтать и чаю попить. Если захотите, конечно, со мной общаться.

— Да, спасибо, спасибо. До свидания. Был весьма рад знакомству, — тараторит Валера и скрывается моментально.

Мне тогда, в ту минуту, было очень грустно. Даже захотелось расплакаться. В кои-то веки подвернулась возможность побеседовать с умным молодым человеком, без свидетелей, без опеки старших, испытать себя, подтвердить, что еще не полностью дефективная, показать другим, что меня не надо бояться, я почти такая же, как моя сестра, только некрасивая и медлительная слегка, — и не улучила момент, не рискнула, не преодолела запрета, не шагнула к нормальной жизни. Вот она бы-

ла — через дверь. Отомкни замок — ипусти в квартиру, в собственную судьбу. Но замок закрыт. Дверь осталась запертой. И нормальная жизнь, робко постучавшись, ускочала прочь, навсегда оставив меня с Акулиной, Машкой и моим нездоровьем... Так мне думалось в тот паршивый день. А потом возвратилась бабушка и заметила с порога, что со мной что-то происходит. Я сперва признаваться не захотела, но она, как всегда, начала настаивать, долго убеждала, что таиться нехорошо, и у нас, у людей с ограниченными возможностями, не должно быть секретов от наших опекунов. Даже пригрозил, что обидится, не захочет вообще разговаривать и оставит без сладкого на обед. Мне, конечно, сделалось сразу очень стыдно, вроде я скотина неблагодарная, тварь бессовестная, бабушка меня любит, пестует, лелеет, возится, хлопочет, а в ответ получает недоверие и капризы. Я от этих мыслей все-таки расплакалась, а потом, рыдая, утирая слезы, объяснила, как было, — о приходе Валеры и о нашем с ним препирательстве через дверь. Бабушка меня успокоила и заверила, что виниться не за что, я вела себя совершенно правильно, мне дружить с мальчиками вредно, и не надо сетовать: раз уж Бог создал меня особенной, мне и надлежит действовать особенно, а не так, как все. Я подумала: очень метко сказано! Жаловаться глупо, и еще не известно, кто счастливее — Катька, с ее заботами о нарядах и внешнем виде, или я, для которой мальчики ничего не значат. Но в душе все равно было непонятно грустно, и моя любимая протертая с сахаром черная смородина не доставила мне в тот вечер своего обычного удовольствия.

А спустя какое-то время Катька говорит:

— Странный тип Валера — позвонил и все время спрашивал насчет Любки: о ее развитии, умственных способностях. Я ему о другом, а он — “Люба, Люба”.

У меня внутри все похолодело. Для чего Валере мной интересоваться? Вид у него не злой, не противный, даже симпатичный, и такой человек не будет насмехаться над людьми с отклонениями от нормы.

— Ты ему, надеюсь, втолковала внятно? — проворчала мама.

— Ну, еще бы! Не оставила никаких сомнений.

— Ну, а он?

— Ничего. “Я, — говорит, — собираюсь поступать на психфак МГУ, и мое любопытство исключительно научного свойства”. Тоже мне, профессор!

— Здесь ему не лаборатория, — согласилась мама. — Ишь, чего придумал! Пусть проводит свои наблюдения где-нибудь в другом месте. Если это вообще правда, если он вообще не маньяк, проявляющий склонность к инвалидам и недоразвитым. Ты его, пожалуйста, в дом не приглашай.

— Я и не приглашаю. Мне он, кстати, с самого начала не нравился. Помнишь, говорила?

— Да, — вздохнула мама. — У богатых свои странности...

Я тогда подумала: “Вот и хорошо, что его в дом не пустят. Будет мне спокойнее”. Но потом вроде огорчилась: “Что ж, выходит, у меня и друзей быть совсем не может, кроме Акулины и Машки? Молодой человек хочет посидеть, поболтать, выпить чаю — что же тут плохого? Наблюдает — пусть. Я согласна. Не одной же бабушке делать на мне открытия, пусть еще кому-нибудь пригожусь. Чем не развлечение?” Но сказать это маме с Катькой как-то побоялась. Вдруг не так поймут, станут нервничать и сердиться? Иногда выставить себя полной дурой тоже не мешает.

Только мысль о Валере продолжала внутри меня шевелиться, словно червячок в яблоке. А досада на Катьку и маму с каждым днем возрастала и возрастала. Почему, к примеру, я сама не могу решить — с кем встречаться, а кому не открывать дверь? Мне, в конце концов, скоро исполнится шестнадцать. Я имею полное право на личную жизнь! Ну, согласна, что не такую, как у полноценных людей. Но, по крайней мере, запретить мне болтать с молодыми людьми никому не под силу. Как хочу, так и поступаю.

И когда такая уверенность у меня в голове окончательно оформилась, я по-тихому залезла в письменный стол к сестре и в ее записной книжке отыскала номер телефона Валеры. И затем, с силами собравшись, ему позвонила. Подошел он сам.

— Здравьете, — говорю. — Вы меня узнали?

— Неужели Люба? — удивляется парень.

— Точно, Люба. Что, не надо было звонить? Я вам помешала?

— Ой, какие глупости! Мне необычайно приятно, что вы позвонили.

— Правда, что ли?

— Честное благородное слово. Как вы поживаете? Что у вас хорошего?

— У меня — ничего, все идет по-старому. Кошка Машка снова ходит беременная, черепаха скоро заснет — прямо до весны, а за мамой ухаживает бизнесмен из Германии, возит на блестящей машине и одаривает косметикой, изготовленной на его фирме.

— О, так вы, вероятно, переедете в Германию, если они поженятся?

— Не исключено, что поженятся. Мама, во всяком случае, этого желает. Чтобы Юрка понял, от какого счастья он отказался. Юрка — это наш с Катькой папа. Катька тоже хочет свалить. Ей Россия осточертела. Ну, а мы с бабушкой останемся при любых вариантах. Нам и тут неплохо. И без русской природы мы никак не сможем.

— Понимаю, — отвечает Валера. — Потому что тоже не держу в мыслях эмигрировать. Мне родители предлагают учебу в

Штатах, а меня пока что не тянет. Если и поеду, то потом работать вернусь в Россию. Кто же поднимать ее будет, кроме нас?

Так мы разговаривали еще минут сорок. Перешли на "ты" и загадывали друг другу загадки. Под конец я сыграла ему немножко на пианино мой любимый романс "Белой акации гроздья душистые...", и Валере это очень понравилось. Он сказал на прощание:

— Я тебе завтра позвоню. Хорошо?

— Нет, нехорошо. Завтра выходной, и меня одну дома не оставят. А болтать при родных что-то мне не хочется. Больно они пугливые, стерегут свой и мой покой, ограждают от неприятностей. Лучше я тебе сама позвоню, улучив минутку. Вот пойду одна в магазин и попробую — с телефона-автомата на улице.

— Ладно, буду ждать.

Эти наши беседы длились целый месяц. У меня как будто бы крылья за спиной выросли, я на них порхала, много улыбалась и порой даже пела. Очень ведь приятно иметь маленькую тайну, чувствовать себя взрослым человеком, сознавать, что кому-то, кроме бабушки, мамы и сестры, интересна твоя душа. И потом, между мной и Валерой не происходило ничего скверного. Просто ощущали себя добрыми приятелями, нужными друг другу в этом непонятном, злом, странном мире, где нормальность от ненормальности трудно отличить...

А когда оставалось до дня моего рождения менее недели, я своим домашним сказала:

— У меня одна только просьба — пригласить на праздничный чай Валеру.

Все сначала остолбенели, Катька стала хихикать, мама заскрежетала зубами, лишь от бабушки я услышала добрые слова:

— Ну, а если вдуматься — что такого глупого? Если Люба хочет, юноша не против, почему нельзя сделать ей приятное? И с педагогической точки зрения очень благотворно.

— Ты не понимаешь, — зашипела мама, — для него это развлечение, блажь, забава! А она к нему здорово привяжется. И когда парню надоест этот маскарад, он отвалит без угрызений совести, а для нашей девочки будет потрясение, форменная трагедия. С не известными для всех нас последствиями! Я категорически возражаю.

Начался неприятный спор, в результате которого Катька поддержала бабушку и меня (мол, один день рождения роли не сыграет, а Валеру больше интересуется она, Катька: просто через меня, Любу, он старается к ней подкрасться). Мама не смогла нам сопротивляться, только с горечью завздыхала: "Ну, глядите, девки. Вся ответственность ложится на вас!"

Я, конечно, сделала вид, будто бы не знаю, как ему звонить, и поэтому обратилась к Катьке, чтоб она накрутила номер. Та сама долго с ним чирикала, а затем передала трубку. У меня

чуть заметно вибрировал голос, потому что впервые говорила с Валерой под прицелом взглядов всех моих родных.

— Здравьте, — говорю, — как вы поживаете?

— Люба, что случилось? — удивляется он. — Почему на “вы”?

— Догадайтесь сами.

— А-а, понятно: посторонние уши рядом. Ты — изобретательный конспиратор! Очень хорошо. Катя мне сказала о твоём дне рождения. Значит, мне позволено тебя посетить?

— Да, пожалуйста, приходите к шестнадцати-тридцати. Будет угощение.

— Постараюсь не опоздать. Ну, тогда — до встречи! И спасибо за приглашение.

— Это вам спасибо...

Я повесила трубку и торжественно посмотрела на своих домочадцев, как-то ошарашенно сгрудившихся возле телефонного столика.

— Что, придет? — первой пришла в себя мама.

— Обещал, — подтвердила я.

— Удивился, наверное?

— Не смеялся, нет? — беспокойно спросила бабушка.

— Кажется, смеялся. Но от радости.

Катка сделала презрительную гримаску:

— Вот урод! — Но когда все взглянули на нее с укоризной, сразу же поправилась: — В смысле — оригинал. Фантазер. Чудила...

— Или просто — добросердечный? — улыбнулась бабушка. — Почему надо плохо думать о человеке?

— Знаем мы этих добросердечных, — огрызнулась мама. — Лишь одно у них на уме. Извращенцы. Циники. — Но, махнув рукой, заключила: — Заварили кашу — расхлебывайте. Лично я снимаю с себя ответственность.

В общем, стали мы расхлебывать — закупили продуктов для праздничного стола, сделали в квартире влажную уборку, а уже в день рождения, встав пораньше, испекли пирог и нарежали салат “оливье”. Я надела лучшее свое платье — темное, но с белым воротничком, волосы стянула толстой цветной резинкой и наманикюрила ногти перламутровым лаком, взятым у мамы из косметички. Посмотревшись в зеркало, застеснялась самой себя — я такой расфуфыренной никогда раньше не ходила. Даже появилось желание отменить званый вечер, убежать, спрятаться в шкафу, не позориться в глазах умного Валеры... Но уже было слишком поздно: прозвенел звонок у входных дверей.

Открывала Катка — очень стильно одетая, в красных брюках и футболке с фотографией Леонардо ди Каприо. Я стояла в прихожей, прямо-таки готовая провалиться сквозь землю. Понимала, что на фоне сестры выгляжу, как ящер доисториче-

ский, черепаха, говорящее насекомое, и не смела посмотреть на вошедшего.

Он шагнул и с порога заявил бодрым голосом:

— Здравствуйте всем. Поздравляю семейство с именинницей. Вот возьмите — цветочки в вазу. А подарок — персонально виновнице торжества. — И коробочку протянул.

Я взяла и открыла. А внутри духи — не по-нашенскому написано.

— Ни фига себе, — говорит Катька, — настоящий “Пуассон”! Пятьдесят баксов — как отдай.

— Прямо неудобно, Валера, — улыбнулась мама, — мы не вправе принимать чересчур дорогостоящие подарки. Да и Люба не пользуется духами. Ну, уж раз купили — ничего не поделаешь. Очень вам признательны.

— Любочка, скажи что-нибудь, — бабушка меня подтолкнула в спину, — ты ведь очень рада презенту?

— Очень рада, — повторила автоматически. — Я действительно до сих пор не пользовалась духами, потому что никто мне их не дарил. Но теперь вот буду. Самое большое спасибо. Можно, я тебя поцелую в щечку? — и впервые подняла на него глаза.

Он стоял в кожаном пальто нараспашку, под которым виднелся фирменный пиджак, галстук и сорочка, рыжие волосы красиво подстрижены и улыбка на лице от уха до уха. Вроде ему до лампочки все мое уродство.

— Можно, — говорит, — разрешаю: целуй! — и склоняет голову.

Я приподнимаюсь на цыпочки и касаюсь губами чисто выбритой, ароматной его скулы. И опять смущаюсь, чувствую неловкость.

— Что же мы в прихожей стоим? — помогает мне бабушка. — Раздевайтесь, Валера. Мойте руки и идите в комнату. Все проголодались, и пора начинать застолье.

День рождения вышел у нас на славу. Гость освоился быстро, сыпал анекдотами и веселыми поучительными историями, мы его угощали и включали современную музыку, даже танцевали немножко. А потом играли в лото, и Валера выиграл два раза, полностью накрыв карточки бочонками. В половине девятого начал собираться домой. И, уже одевшись в пальто, после благодарностей за чудесный вечер, произнес как бы между прочим:

— Да! Забыл сказать: мне из Гарварда пришло приглашение на учебу. Предки подсуетились. Хоть душа моя к Штатам и не лежит, надо ехать, делать нечего, университет замечательный, деньги перечислены и билеты взяты. Улетаю на будущей неделе.

Ну, мои родственницы, конечно, начали его поздравлять, говорить, что по-белому завидуют, так как наша страна и Аме-

рика — разные планеты, и желали Валере самых грандиозных успехов. Только я молчала. Ощущала камень на сердце, страшную тоску и отчаяние. Вроде жизнь потеряла смысл. Но потом откашлялась, спрашиваю тихо:

— Можно мне и Кате съездить в аэропорт и тебя проводить?

— Был бы очень рад, — говорит Валера. — Только самолет в семь часов утра, и придется подниматься в середине ночи.

— Ничего, как-нибудь проснемся — ради такого случая.

Ну, сестра, конечно, после его ухода долго возмущалась в соседней комнате (я прекрасно слышала все ее взвизги через стенку): “Делать мне больше нечего — Любкиных провожать кавалеров! Пусть сама и едет, если так приспичило! Я не нанималась к ней в няньки!” — и так далее, и тому подобное. Мама же и бабушка что-то говорили вполголоса: бу-бу-бу, бу-бу-бу. Еле уломали, короче.

Накануне нашего путешествия я заснуть не смогла, так как беспокоилась, что будильник вовремя не сработает или зазвонит, но его никто не услышит. Поднялась в четыре, стала одеваться. Бабушка говорит со своей кровати: “Рано, лежи, не волнуйся ты”, — но меня колотила нервная дрожь, я решила хоть чем-то себя занять — душ принять не спеша, чаю выпить на кухне, сбрызнуться духами “Пуассон” — лишь бы не лежать без движения. Катька встала без пятнадцати пять, выплыла из маминой и своей комнаты в длинной ночной рубашке, точно привидение, а в прихожей я сижу под вешалкой — в куртке и платке, вся уже готовая! Та сперва обалдела спросонья, а потом как начнет смеяться — чуть не умерла от припадков хохота. А когда успокоилась, подошла и поцеловала в щеку. Говорит: “Извини, Любаш, я ведь не со зла. Просто не ожидала здесь тебя увидеть. Ты у нас — чистая душа, мы не стоим одного твоего мизинца. Не переживай, через двадцать минут буду в форме — как штык!” И действительно: в пять минут шестого позвонил Валера — из машины отца, по мобильному телефону, — что они выезжают и заскочат за нами по дороге, а сестра в это время надевала уже сапоги и застегивала на них молнию.

Папа у Валеры оказался толстый и добродушный, отставной военный. С Катькой был знаком еще по курорту в Турции, а меня увидел впервые, но не испугался и не смутился — видимо, ему про меня рассказали заранее. Мы с сестрой устроились на заднем сиденье, а Валера — рядом с родителем, и они без конца шутили, свертывая шеи, чтобы повернуть к нам лицо. И автомобиль “опель”, как стрела, летел по шоссе, на магнитофоне крутилась нежная музыка, было так уютно и здорово, что никак не верилось в скорое расставание с будущим студентом Гарвардского университета. Я пригласилась и едва не уснула (думаю, бессонная ночь так на мне сказалась), глядь — а за окном уже “Шереметьево-2”, блеск огней и гул самолетов.

В зале ожидания было столько народу — у меня даже голова закружилась! Мы пошли к буфету, выпили черный кофе из пластиковых стаканчиков, помогли Валере заполнить таможенную декларацию, и как раз объявляют о начале регистрации его рейса.

— Ну, пора, — говорит Валера, и его улыбка выглядит не слишком счастливой.

— Грусть-тоску отставить! — хлопает его по плечу отец. — Улетаешь в цивилизованный мир. Станешь человеком — не нам чета. Отвлечешься от русских глупостей. Да и в армию нашу не загремишь. Это удовольствие ниже среднего, можешь мне поверить. Будь здоров и пиши по “е-мейлу”! — И они крепко обнялись.

Катька говорит:

— У подружки Эльки тоже есть “е-мейл” с “Интернетом”. Можешь черкнуть пару строк для меня и Любы. Адрес я узнаю и тебе сообщу.

— Нет проблем, о’кей! — отвечает он и целуется с сестрой на прощание.

У меня в голове — полный ералаш, не могу подобрать нужные слова и поэтому тихо бормочу:

— Ну, пока! И не поминай лихом.

Наклонившись, Валера звонко целует меня в верхнюю губу, а потом произносит:

— Любушка, ты — солнышко. Я, благодаря тебе, научился быть немного добрее. Не хворай. И не забывай обо мне!

— Не забуду, никогда не забуду, — обещаю я.

Он увозит за стойку таможни, дергая за кожаный ремешок, чемодан на колесиках. Оборачивается, машет нам рукой. И теряется в толпе пассажиров.

Мы бредем к машине, каждый в своих мрачных мыслях. Небо уже светлеет, капает небольшой дождик, а какие-то дядьки то и дело предлагают довезти нас до центра за каких-нибудь пятьдесят баксов. “Стоимость моего “Пуассона”, — вспоминаю я и едва не плачу.

— Ну, чего разнюнилась? — смотрит мне в лицо Валерин отец. — Чай, не на войну проводили. Прилетит, никуда не денется. Расставания проверяют чувства: гасят маленькие и, наоборот, разжигают крупные.

Я вздыхаю:

— Да, а если с одной стороны — крупные, а с другой — маленькие?

Папа пожимает плечами:

— Значит, так и будет. Жаловаться глупо. Это жизнь.

Видимо, настроение у него самого — не сахар, потому что на обратном пути молчит, нас не развлекает, музыку не включает и сосредоточенно крутит свою баранку. Только возле нашего дома оживляется, жмет нам руки, просит звонить почаще и

желает счастья. Катька, проводив “опель” взглядом, произносит:

— Эх, не повезло. Мальчик был уже практически наш. Вырвался из лап, упорхнул. Впрочем, — гладит она меня по плечу, — если бы мы с Валеркой поженихались, ты бы ревновала, наверное? Получается, хорошо, что сложилось так.

Я не отвечаю, потому что не знаю, хорошо это или плохо. И вообще не знаю, что со мной творится. Надо же: столько лет провела спокойно, тихо, мирно, а теперь все пошло наперекосяк. Сердце ноет, аппетита нет, и глаза сырые.

Но потом — ничего, вроде успокоилась. Новые события отвлекли от воспоминаний. Машка родила четверых котят, миленьких-премиленьких, их мы с бабушкой отвезли на Арбатскую площадь, где при выходе из подземного перехода женщины торгуют зверятами, и отдали желающим, запросив, как сказала бабушка, чисто символическую плату — десять рублей за штуку. А на вырученные деньги Машке купили “Вискас”. Акулина же не стала в этом году укладываться спать и вела себя как-то странно, тяжело дышала, открывая рот с красным язычком, и не ела яблоки. Мы ее показали ветеринару: оказалось, у черепахи — воспаление легких. По совету специалиста, приходилось вливать бедному животному дозы тетрациклина, растворенного в яичном желтке. Вскоре Акулина поправилась, начала грызть капусту, и глаза у нее заблестели хитро-хитро. Радости моей не было границ.

Но зато у мамы отношения с парфюмером из Дюссельдорфа не дошли до брака, так как у него на родине обнаружили детей и в очередной раз беременная жена, — словом, моя родительница закатила немцу страшный скандал и послала его куда подальше, видимо — в Германию.

Но, конечно, основная история приключилась с Катькой. К ним на теннисный корт, где она занимается в среду и субботу, заявился дядечка — он представился режиссером-клипмейкером и сказал, что хочет снимать сестру и ее подругу Эльку в ролике, рекламирующем женские гигиенические прокладки. То есть, ничего неприличного, просто девушки в белых платьицах и белых трусиках бегают с ракетками, отбивают мячик, и при этом в критические дни не имеют никаких неприятностей в виде пятен. Элька согласилась, и сестра тоже, но возникло затруднение: им 18 стукнет в будущем году, а пока несовершеннолетние, требуется согласие родителей. Мама, как услышала про прокладки, наотрез отказалась: “Это пошлость, грязь, гадость и цинизм”. Но когда узнала, что оплата составит по 500 баксов каждой, начала колебаться, а затем разрешила. Съёмки прошли успешно, ролик получился веселый, и его крутили по всем программам много-много раз. Катька теперь ходила, словно королева, потому что все ее узнавали на улице, молодые люди лезли знакомиться табунами, но она ни на кого не смотрела,

так как втрескалась в этого своего режиссера-клипмейкера. И встречала у него Новый год. А потом он как честный человек зашел к маме и просил у нее руку дочери. А поскольку мама и режиссер Саша оказались одного возраста, ситуация получилась странной, все ходили смущенные и не знали, как себя вести. Но потом Саша с мамой посидели на кухне, выпили бутылочку коньяка, выяснили, что, с одной стороны, у него от первого брака двое сыновей-близнецов по 12 лет, а с другой — загородный дом, 5-комнатная квартира в Крылатском и машина "БМВ" в подземном гараже, — так что за сестру можно не беспокоиться. Правда, расписаться ей нельзя было до конца апреля, но такие формальности маму не смущали, и она разрешила будущим жениху и невесте поселиться вместе прямо уже сейчас.

Лично я была за Катюшку вполне довольна, и не с материальной точки зрения, это ерунда, дело наживное, а наоборот, с точки зрения жизненного выбора — из хороших рук передали ее в хорошие руки. Мама так сказала: даже замечательно, что клипмейкер — не мальчик, в смысле — не зеленый юнец, а порядочный взрослый человек, со сложившимися устоями, много повидавший, перебесившийся и солидный. А с Валерой, мол, еще не известно, как бы все сложилось. И потом, Саша — творческая личность, режиссер, интеллектуал, представитель богемы, а не сын отставного военного, строящего дачи. (Ну, по части Валериного ума я бы с ней поспорила, но не захотела маму травмировать и смолчала). Обе мы радовались за Катюшку, а детали не имели значения.

Только бабушка сильно переживала. Почему-то Саша не понравился ей с первого знакомства, и она отговаривала сестру из последних сил. Дескать, у него на лице написано: демагог и пройдоха. Первую жену бросил, и тебя бросит. Не исключено, что тоже с ребенком... Но, как говорится, любовь — зла, полюбишь и клипмейкера. Катюшка кривила губы, бабушку не слушала и уехала с телевизионщиком. Ну, а бабушке стало плохо с сердцем, и ее увезли в больницу с подозрением на инфаркт.

К сожалению, инфаркт подтвердился, и у мамы началась не жизнь, а сплошная каторга: бегать на работу, там тянуть на себе фирму Зингера, после — навещать бабушку в больнице, думать обо мне — как я нахожусь дома без присмотра, и названивать Катюшке. В общем, к концу недели мама не выдержала:

— Любушка, — говорит, — родная, я хочу тебя попросить об одном одолжении. Видишь, в какой ситуации мы теперь находимся. Помоги мне, пожалуйста, снять хотя бы одну из моих головных болей.

Я согласно киваю:

— Да, не сомневайся, мамулечка. Я могу и продукты покупать, и обед готовить, и в больницу ездить — все, что ни попросишь.

— Нет, моя хорошая, это у меня выйдет много лучше. Просто поживи пока в интернате. Пару— тройку недель, думаю, не больше. Там твои друзья, и учителя, и уход, и кормежка. А когда бабушка поправится, мы ее и тебя привезем обратно. Ну, о'кей?

Я, конечно, не ожидала от мамы этого ко мне отношения. Папа — другое дело, он меня никогда выросшей не видел, не сказал двух слов и хотел навсегда избавиться. Катька — тоже; ей, по большому счету, я была до лампочки — ну, живет рядом странное такое создание, как ошибка природы, как насмешка над здравым смыслом, и пускай — жалко, что ли? — лишь бы не мешало. Но моя дорогая мамочка?! Давшая мне жизнь? И пошедшая на разрыв с отцом — только для того, чтобы я оставалась дома? Как же мне понять? Почему именно сейчас? Для чего тогда учили — и домашним делам, и ходить по улице, и ухаживать за собой, и общаться по телефону? Что, забавы ради? Будто шимпанзе в цирке? Никогда не воспринимали всерьез? Не рассчитывали на помощь и не брали в расчет как личность? Мне хотелось крикнуть: “Мама! Золотая! Не гони меня! Я, конечно, горе твое и крест, но ведь тоже отчасти человек! И со мной нельзя поступать, как с вещью! Я тебе не обуза и хочу быть помощницей, другом, любящей тебя дочерью. Только не сдавай в интернат! И не потому, что там плохо (я к нему отношусь нормально), по другой причине: просто интернат — показатель твоего отношения ко мне; сдать меня в интернат — значит подписать приговор: ни на что не способна, никому не нужна, ноль, пустое место”.

Но сказать это маме не хватило слов. И решимости. В голове все перемешалось, на глаза набежали слезы, задрожали пальцы. Я произнесла:

— Ладно, если нужно, пускай... Поживу пока в интернате, не развалюсь.

Мама сразу повеселела и говорит:

— Слава Богу! Ты уже рассуждаешь, как взрослая. Очень хорошо. Я тебе подарю за это много-много сладостей.

Я ответила:

— Нет, спасибо. Ничего мне не надо. Позаботься лучше о бабушке и Кате. Ваше спокойствие и благополучие — для меня главнее.

Тут она обняла меня, крепко поцеловала и сказала с чувством:

— Любушка-голубушка, ты такая добрая! Не грусти, не сердись, не переживай. Потерпи немного. Скоро все устроится, и опять заживем, как раньше.

Я, достав носовой платок, высморкалась в него, шумно, трубно, вытерла глаза, строго посмотрела на маму и пробубнила:

— Акулину позволишь взять с собой? Нам вдвоем будет веселей.

Та кивнула:

— Разумеется, никаких проблем. Воспитателей в интернате мы уговорим.

— Ну, тогда поехали.

Интернат, конечно, не самое лучшее место на земле, но ведь люди живут и хуже — например, в тюрьме, — ничего, привыкают. А тем более, можно позвонить маме (если Зингера нет, даже на работу), и она раз в неделю приезжает, а один раз вдвоем навестила с Катькой. И сестра сообщила, что с подругой Элькой переписывалась с Валерой по “Интернету”: у него — порядок, учится нормально, появилось много друзей, но Москву он не забывает и просил передать привет Любе.

— Есть почтовый адрес, можешь написать, и мы перешлем.

— Нет, спасибо, — говорю, — у меня почерк некрасивый. И вообще — глупости все это. Просто передай привет в следующий раз.

А сама потом плакала в подушку, чтоб соседки мои не слышали. Очень, очень больно чувствовать себя одинокой. Знать, что на этом свете только Акулина тебя не предаст.

Вот она ползет по холодному февральскому подоконнику комнаты в интернате. Погруженная в собственные мысли, деловая, серьезная, не уснувшая в эту зиму. За окном идет крупный пушистый снег. Я тихонечко провожу пальцем по ее панцирю, костяному, бугристому, с непонятным рисунком, и шепчу доверительно:

— Ничего, Акулиночка, можешь не волноваться. Бабушка не умрет, мама не умрет, Катька не умрет, Машка не умрет, мы тем более не умрем, потому что “даунам” всё до лампочки. Я такая же толстокожая и в панцире. Не хочу страдать, просто жить хочу, как и ты, триста лет. Жизнь прекрасна, несмотря ни на что. Даже если родилась черепахой.

Снег идет бесшумно. Акулина нюхает кляксы на подоконнике от моих накапавших слез и пытается их слизнуть красным язычком. Я смеюсь, прижимаю черепаху к груди и баюкаю нежно, как родное дитя. ■

Блеск и нищета первой древ- ней- шей

Анатолий РЫБИН

С Анатолием Рыбиным я познакомился в редакции, куда он принес несколько написанных на пожелтевших листках историй из своей жизни. Судя по этим историям, жизнь у не-

го, молодого, приземистого и крепкого парня, была бурной. Он даже семь месяцев сидел в тюрьме. Стал свидетелем пьяной драки, вступился за избиваемого хулиганами парня, спас его, потом парня в бессознательном состоянии отвезли в больницу, и он долго лежал в коме. Анатолия же отправили в изолятор как главного подозреваемого. Помри парень, так бы и загремел Рыбин "под фанфары". Но врачам удалось вытащить беднягу с того света. Придя в себя, он рассказал следствию об истинной роли Анатолия в трагическом инциденте. Но и в дальнейшем он недостатка в приключениях не испытывал. Правда, в последнее время, по его словам, малость остепенился, завел семью, родилась у него дочь — Анатолий пишет ей нежные стихи. На хлеб зарабатывает тем, что пригоняет в Москву фуры с овощами и фруктами.

В конце нашей беседы Анатолий, видя мой интерес к нему, сказал, что одно время работал сутенером... Устоявшемуся образу сутенера, на мой взгляд, он никак не соответствовал, и я велел ему немедленно рассказывать — что и как. Рассказывать Рыбин не стал. Но обещал в следующий приезд в Москву привезти записки. Пояснил, что ему надо кое-что осмыслить, разложить свои воспоминания и ощущения по полочкам.

Свое обещание бывший сутенер Анатолий Рыбин выполнил. Мне оставалось только отредактировать его записки...

Леонид ШАРОВ

На бойкое место

Сутенером стал я случайно. Родом я с российского юга, родители всю жизнь гнули спину в колхозе. После школы взяли меня в армию, в десантные войска, где сначала хлебнул по полной программе и понял, почем фунт лиха. Хлебнув и поняв, приобрел кое-какие навыки выживания. По крайней мере кулаками махать научился я грамотно. К концу службы начал задумываться — куда податься. Но так ничего толкового и не придумал.

А тут грянул дембель. Сел в поезд и отправился домой, в колхоз. Вот в этом поезде и познакомился я с Надей. Вагонное купе, как известно, располагает к откровенности. И не к ней одной. Не забывайте: я ехал из армии, молодой, полный сил парень. Надя очень хорошо поняла мое состояние. Еще бы ей не понять, ведь она была проституткой. Профессионалкой, как я потом узнал, весьма приличного класса. А на юг она ехала отдохнуть. Ну и приглубила по дороге оголодавшего без женщин солдата. Выказала нечто вроде благотворительности. Надо отдать ей должное: свою профессию Надя и не думала скрывать. А мне, честно говоря, было тогда все равно.

Надя, между тем, кое-что рассказала о себе. Родилась она и жила в Свердловской губернии, в какой-то Богом забытой деревеньке — даже грузовики в тех местах считались редкостью. Народ развлекался пьянкой и мордобоем. А Надюха росла девочной сметливой, востроглазой. И как только исполнилось ей шестнадцать, уехала из своей де-

ревни немедленно. Оказалась в Твери, училась там на ткачиху, а жила в общежитии. К девятнадцати годам перепробовала уже все, что могло предоставить ей рабочее общежитие. По наивности думала выйти замуж. И потому очередному своему ухажеру выдавала в постели целое сексуальное представление, благо темпераментом и бабьим чутьем природа ее не обделила. Только ухажеры все равно уходили. Да и где им, вечно пьяным, было понять, что девочка старается ради них.

Кто его знает, может, в другое время и удалось бы Надюхе хотя бы частично повторить путь героини старого фильма "Светлый путь" — стать героем труда, делегатом и депутатом, получить пусть тесную, но свою квартиру. Я думаю, что Надюха могла бы стать и директором фабрики или комбината — ума и сноровки у нее хватило бы и на большее. Да еще с ее природным умением ублажить мужика... Но на дворе стояло наше время. И Надюха, не слишком горюя, пошла в проститутки. А через несколько месяцев брала уже гонорары только в банках...

Еще в поезде Надя сказала, что за рабочую ночь получает она в среднем 150 долларов. Но у нее и ее подруг есть сутенер — Саша. Он забирает никак не меньше ста, а часто и больше. Я при этих Надиных словах аж задохнулся. Иметь в сутки 40-50 долларов для российского работника — несбыточная мечта. Однако Надя мой восторг охладила: для нее, валютной проститутки, этот зеленый полтинник означает полуголодную жизнь... Надь-

на, конечно, лукавила. Но выдавала расклад. Расходы у нее и впрямь оказались немалыми. Одежда, белье, обувь, косметика, дорогие сигареты и выпивка, парикмахерская, медицинская профилактика... Саша, по ее словам, борзее, и было бы неплохо найти другого сутенера, который бы все делал по-честному... На том мы и расстались.

Родной колхоз встретил меня полной разрухой. Кое-кто подался в фермеры, но никакого богатства не заимел — их грабала администрация, оставшееся подчищали на корню бандиты. Мать с отцом даже не смогли толком накрыть стол по случаю моего возвращения. И решил я попытаться счастья. Хотелось денег. Хотелось сытой жизни. Через месяц я приехал к Наде.

В общем-то мне повезло. В другой ситуации меня и близко бы не подпустили к этому бизнесу. Но Надюха, которая уже провела нужную работу среди своих подруг, дала мне полную наводку. И однажды вечером я появился в квартире. Надо отдать должное Саше — он сразу просек, что силы неравны. Уразуметь, что за мной никто не стоит, Саша, воспитанный в строгих криминальных традициях, конечно, не мог. Поэтому через две минуты Сашок, загребая на ходу первые попавшиеся под руку вещи, стремительно вылетел из квартиры.

А мы с Надюхой отметили первую свою победу. Заодно я познакомился со своей "артелью". Девочки мне понравились рассудительностью. Было видно, что и я пришелся им по душе. Я им сразу сказал, что в ремесле суте-

нера ни черта пока не понимаю. Девочки успокоили: и не надо, все давно схвачено, отработано, мое дело — защищать их. И за это каждая из них будет честно отстегивать мне половину заработка. Мы ударили по рукам.

Перво-наперво мы с Надеждой распределили обязанности. Она брала на себя непосредственное руководство "производственным процессом". То есть снабжала девочек клиентами — согласно их вкусам и пожеланиям. Мне же надо было обеспечить девушек жильем, другими словами, рабочим местом. И следить, чтобы никто их не обижал. Со временем мне удалось снять несколько однокомнатных квартир с немудрящей обстановкой и соответствующим гигиеническим реквизитом. Так что большая часть заработанных в первые недели денег пошла на решение именно этой проблемы. С охраной же решил просто и надежно. Тут ведь как... Можно было, конечно, нанять пару-тройку мордворотов, которые бы разбирались с каждым строптивым клиентом. Можно было и самому мчаться по каждому тревожному звонку. Запугивать, бить морды. Сразу скажу: мужик нынче пошел прижимистый, норовящий проехаться и получить удовольствие на халяву. Но такая организация работы показалась мне ненадежной и нерентабельной. Мордвороты да и я сам запросто могли перегнуть палку, что обеспечивало всем нам долгие и многочисленные неприятности. Мордворотам надо было хорошо платить без надежды на их постоянную добросовестность. Прикинув, я пошел... в милицию.

Мужики из патрульно-постовой службы поняли меня мгновенно. И согласились оберегать моих девочек на основе "бартера". За ночь им полагалась одна телна. Мордвороты обошлись бы нам дешевле, зато милиция гарантировала полный порядок. Оно и понятно: одно дело, когда в квартиру ломятся одетые в "адидас" дебилы, и совсем другое, когда на пороге возникают люди в форме — с пистолетами и автоматами. Девочки нашли такой подход разумным и установили дежурство по обслуживанию родной милиции.

Решив эти проблемы, я стал ждать гостей. Ждать себя они не заставили. Однажды ко мне пришли три крепких, немногословных хлопца. Я благоразумно не стал спрашивать, кто они такие и чем обязан. Провел их в комнату и быстро соорудил угощение. Хлопцы сказали, что я их правильно понял. И спросили: есть ли у меня крыша? Я благоразумно не стал врать. Сказал, что крыши нет, но упаси меня Господь претендовать на полную автономию, против понятий идти не собираюсь. Тогда хлопцы предложили мне пойти под их бригаду, за что я должен регулярно отстегивать им весьма круглую сумму. Я ответил, что лезть в бутылку не собираюсь и с предложенным раскладом согласен. Только денег сейчас у меня нет, для того, чтобы они появились, необходимо время на раскрутку. И бандиты — надо отдать им должное — вошли в положение. Дали мне два льготных месяца на создание первоначального капитала. Более того, обеспечили нашей артели фронт рабо-

ты в престижных городских гостиницах. Через несколько дней мои девочки могли спокойно работать в комфортабельных условиях.

Проститутками не становятся

По-моему, сегодня о наших проститутках пишут примерно столько же, сколько и о политиках. Да, сначала писали, снимали, показывали, брали интервью у проституток. А потом переключились на политиков. Вроде как одного поля ягода. И те, и эти занимаются грязным делом. Но смешивать эти две профессии, по-моему, нельзя. Потому как политиками становятся, а проститутками... не знаю... здесь ощущения у меня разные.

Далеко не всякая женщина может стать проституткой. Как не всякий человек может стать актером или музыкантом. Ведь далеко не все предрасположены, допустим, к раку. Или к прилюдному лицедейству. Проститутка — это диагноз. Потом уже профессия, потом тяжкий крест и все такое прочее. Я никогда не поверю, что женщина пошла на панель из одних только жизненных обстоятельств. Во всяком случае среди моих подопечных таких не было. Зато имелась парочка замужних. И если у одной муж был откровенным забудыгой, то у другой — вполне нормальным мужчиной, способным содержать семью. Я спрашивал эту женщину — зачем тебе такое занятие? Толком она ответить не смогла. Мямлила что-то вроде: "Это сильнее меня". И вправду — сильнее. А Надюха — так та вообще нашла себя в роли "мам-

ни", мало того, что сама работала с клиентами, так еще и раздавала "наряды" девочкам, бригадировала. И ловила от этого немалый кайф. Но при случае могла рассказать жалостливую историю о своей жизни в текстильной общаге, одиночестве, жажде бескорыстной любви. А ей, я думаю, после пьяных и потных работяг, с которыми она три года барахталась на общаговской койке, надо было идти в мошники...

При этом я убежден, что на одну мою Надюху приходилось никак не меньше десятка таких же надюх, которые копошились в полной беспросветности — гнулись на производстве за сущие копейки, в конце концов выходили замуж за спившихся мужиков, ютились в общежитиях, вслед за своими мужьями бесповоротно спивались к двадцати пяти годам, рожали слабоумных детей... Но о панели даже не думали. И не потому, что панель казалась им грехом... Грехов они не боялись. Нет, в них не было надъниного начала. Той энергии, которая копилась в Надюхе и которая требовала выхода.

И ведь дело не в красоте, не во внешних данных. Среди моих девочек писанных красавиц не было. Конечно, они облагораживали себя модной одеждой, тонким бельишком, удачно выбранным фасоном прически, виртуозно умели пользоваться косметикой. Вне этого камуфляжа они были самыми простыми девочками. Но их главным достоинством была молодость. Их тела еще не успели расплыться, кожа не успела сделаться дряблой. К тому же они берегли себя. Многие сиде-

ли на диетах, регулярно ходили в сауну, некоторые даже мучили себя на тренажерах. И все посещали массажный кабинет.

Но золотой их век все равно короток. Не так уж долго был я сутенером — менее двух лет. И все же удалось увидеть, как некоторые из моих подопечных постарели — физически. И у всех были старушечьи, злые, усталые глаза. Тяжелая у них работа, в каком угодно смысле тяжелая. И безысходная... Вот такой парадокс получается.

Будущее проститутки зависит от состояния ее нервной системы, психики. Если удастся ей пережить все эти еженощные стрессы, если не тронется она умом, если сумеет накопить денег, тогда еще как-то может устроиться — чего только в жизни не бывает... Среди моих девочек было три студентки-подружки из педагогического института, с факультета дефектологии и психологии. Говорили, что с этой специальностью они не пропадут, потому как дефективных ребятшек с каждым годом становится все больше. А так — только стремительный путь вниз. Вплоть до вонзальных потаскух — насквозь пропитых и грязных. На вонзалах своя сексуальная индустрия...

Правила работы

Довольно быстро мы перешли на "прогрессивный" метод обслуживания клиентов. Девочки мои уже не кучковались около гостиниц, не мозолили глаза милиции. Они стали работать точно под заказ. Заказы принимал я, сидя в отвоєванной у предыдущих хозяев квартире. Честно

признаюсь, "крыша" довольно быстро оприходовала наше хозяйство. Так что я превратился в обычного наемного работника. Выше определенной таксы я — хоть тресни — получать уже не мог. Но и эти деньги казались мне в ту пору сумасшедшими.

Я вел специальную тетрадку, куда заносил адреса, телефоны, имена, а также пожелания... Пользовался нехитрым шифром — кружочками, квадратиками, треугольниками, плюсиками и минусами, галочками, закорючками, цифрами. Квадратик означал вызов в гостиницу, плюс — уже известного нам солидного клиента, минус — неизвестного, цифра два — двух, естественно, девочек, цифра в кружочке — номер в гостинице. А если я рисовал цветочек, то это означало, что позвонивший клиент выказал склонность к садизму. Понятно: цветочек — сад — садизм... Все эти данные я передавал Надежде. И она решала, кого из девочек к кому распределить, постоянные же наши клиенты чаще всего заказывали одних и тех же девочек.

Находящиеся под моим началом проститутки должны были неукоснительно соблюдать три правила. Первое: ни при каких обстоятельствах ничего не воровать у клиента — хоть у трезвого, хоть у пьяного, хоть у спящего, хоть у мертвого. Воровку легко вычислить, тем более, что многие из клиентов ходили в очень непростых людях. Помочь воровке я буду не в силах. Да и не стал бы этого делать, если бы эти силы и были.

Второе: предохраняться, предохраняться и еще раз предохра-

няться. И не столько от беременности, сколько от венерологического дерьма. Поэтому клиент всегда должен быть в презервативе. Каждую неделю все мои девушки проходили строгий медицинский контроль. Это требовало денег, зато вселяло спокойствие и уверенность. Кражу десяти-двадцати, а то и больше долларов наши клиенты (русские, конечно, не иностранцы) еще могли не заметить, а заметить, простить, триппер не заметить было никак нельзя, а уж простить тем более. За такой облом виноватой девчонке, бригадирше Надюхе и мне могли запросто оторвать головы. В самом что ни на есть буквальном смысле.

Третье правило было самым важным. При всех обстоятельствах девочки должны были молчать, что твой сфинкс. Что бы ни увидели у клиента, что бы ни услышали, о чем бы ни догадались. Именно длинный язык чаще всего губит проститутку. Так что с трепом мы боролись жестко.

Блеск и нищета клиентуры

За два года работы сутенером передо мной развернулась картина сексуальной жизни России. И чего только не было понамешано в этом, с позволения сназать, полотне... Ну вот вам для иллюстрации. Звонит клиент. По голосу слышу, что не слишком молод. Просит девочку. Но чтобы была она обязательно девственницей. А где я ему такую возьму? Другой требует, чтобы присланная проститутка непременно грызла ему ногти на но-

гах. Иначе он никакого удовольствия от секса не испытывает. Попался одной нашей девчонке застарелый импотент, так он придумал для вялой своей мужской оконечности нечто вроде наркаса из проволоки — будь этот инженер-изобретатель неладен. Девчонке после употребления такого наркаса пришлось срочно бежать к врачу останавливать кровотечение.

А уж сколько прошло через мою контору садистов, мазохистов и прочих извращенцев... Мазохисты еще туда-сюда. Эти хоть просили, чтобы девочки крутили им уши, били по голой заднице плеткой — плетку они таскали с собой, тыкали иголками, кусали. Некоторые из моих девчонок как-то приноровались и даже сами стали находить в этом определенное удовольствие. А вот с садистами хлопот было больше. Они хотели тушить о девушек сигареты, желали сечь их розгами, привязывали их полотенцами к кроватям (насмотрелись, гады, заграничных триллеров), душили, били. Если мы и соглашались на такое, то уж драли с извращенцев семь шкур. И они платили — вот в чем вся штука. Они тратили на удовлетворение своей запредельной страсти колоссальные деньги. Некоторые копили их месяцами — ради одного раза. Впрочем, я садистов старался отшить, дабы не калечили моих девчонок. Но иногда некоторые из них соглашались — хотелось заработать сразу и много. Надюха, например, несколько раз на моем веку по две-три недели зализывала раны, бегала к хирург-косметологу, чтобы он извел

шрамы и рубцы. Любила Надья деньги...

А некоторым клиентам, напротив, ничего не надо было. Только чтобы сидела у него всю ночь женщина, пила с ним водку без закуски и слушала историю его жизни. Изредка попадались нецелованные юноши, отчаявшиеся стать мужчинами естественным, так сказать, путем. Один раз заказала проститутку супружеская пара... Я так и не понял — для чего, а выполнившая заказ девушка помалкивала — в строгом соответствии с третьим правилом.

А вот менты оттягивались на наших дежурных девчонках по полной программе. Не жалея. Девочки мои любили деньги, а менты очень любили всякую халюву. Девчонки к ментам шли, как на каторгу. Тем более, что менты ни о какой гигиене не знали и знать не хотели. От них можно было запросто заразиться любой гадостью. Да так оно два раза и случилось. Лечение — за счет фирмы...

Но и ментам надо отдать должное. Порой выручали они нас. Вот, скажем, взял нашу девочку негр — негры для наших проституток давно уже не экзотика. Пришли в номер. Сначала все было нормально. Только потом негр хватил порцию героина. И пошел вразнос. Девушку он, слава Богу, не трогал, но дебош в гостинице устроил знатный — что-то ему среди ночи срочно понадобилось. В итоге проломил череп горничной. Хотя и не нарочно — дверью. Негра скрутили, посадили, завели уголовное дело. И был момент, когда нашу девочку хотели для пущего эф-

фента сделать соучастницей всего этого безобразия. Но наши милицейские "товарищи" за умеренное вознаграждение сначала перевели ее в свидетельницы, а потом вообще сделали так, что ее будто бы и в номере не было. Негр на суде требовал привести ее, чтобы она рассказала, что не так уж он сильно виноват перед контуженной горничной. Да где там... Впрочем, деваться ему все равно было некуда — у него нашли несколько пакетинов с героином. Вот героин-то и определил его участь.

Курица, несущая золотые яйца

Я буду ломиться в открытые ворота, если начну объяснять, почему в нашем обществе существовала, а теперь царит и будет царить проституция. Только она — далеко не всегда зло. Мы ее считаем аморальной, но ответьте на понятном мне языке — что такое мораль? Правила поведения? Установленные праведником для праведников? А разные профсоюзно-партийные потайные баньки тогда откуда взялись? И работали ведь в них девушки, которых держали на должностях в службе. Получалась проституция за государственный счет...

Так что не проще ли и не честнее ли сегодня признать проституцию легальным бизнесом?

Я вот о чем думаю: стал бы Гитлер Гитлером, а Ленин Лениным, попадись им в молодости умелые проститутки? Другими словами, употреби они свою чудовищную энергию на секс? Ну, скажем так — на доступный секс. Черт его знает, может

быть, жили бы мы сейчас в другом мире... Разве не пошла бы на убыль волна изнасилований, имей недоросли возможность нанять для своих первых сексуальных опытов готовую удовлетворить их желания проститутку? Разве не стало бы меньше всех этих маньяков? Ведь я уже писал, что моим девочкам приходилось обслуживать извращенцев. Занятие это, я не спорю, гнусное, но никто не помешает мне думать, что таким вот образом наша фирма уберегла энное количество безвинных девчушек и энное количество семей от поистине страшных событий. И почему античная эпоха осталась в памяти человечества не только своими философами, архитектурой и военными походами, но и гетерами — высокообразованными, утонченными проститутками, способными удовлетворить не только сексуальные, но и эстетические, интеллигентные потребности своих посетителей? И почему японцы не клеймят позором своих гейш? И почему так спокойно живет Голландия, легализовавшая проституцию?

Эх, как меня занесло... Но коли нигде человечеству не деться от того, что чаще всего называют развратом, то почему бы не сделать этот разврат управляемым?

Кстати, я, когда принимал заказы на проститутку, когда охранял их, когда решал всякого рода бытовые, финансовые наши проблемки, когда вытряхивал деньги из не слишком добросовестных клиентов, как раз и управлял этим самым развратом. Как мог берег равновесие, старался никого не подвести, играл

по правилам нелегального и проиризанного криминалом бизнеса, но играл честно...

И все-таки отвечаю на вопрос о легализации проституции так: в России этот бизнес никогда не выйдет из подполья. Хотя подполье это, разумеется, весьма относительное... Все просто: в проституции крутятся огромные и неучтенные деньги. Подставлять их под государственный контроль никто не станет. В том числе и само государство, потому как от проституции кормится невероятное количество должностного люда — одна милиция чего стоит. Кто ж будет резать курицу, несущую золотые яйца?

В России нынче каждый старается держать на крючке каждого. Проституция как раз один из таких крючков. Если бы ее разрешили, то поход чиновника в публичный дом превратился бы в его личное дело. Во всяком случае степень его общественного порицания существенно снизится. Сузятся возможности для шантажа. К тому же особенно сладок запретный плод.

Исход

Никогда не забуду, как я встречал со своими девушками Новый год. Мы собрались на нашей основной квартире. Девчонки шутили, называли меня султаном, себя гаремом. Только никаким султаном я себя не чувствовал. Смотрел на девчонок. В их старушечьи глаза. Какая же там была смертельная усталость! Впервые тогда меня здорово кольнула мысль: занимаюсь мерзостью. Торгую тем, что мне не принадлежит. Крчусь для того, чтобы убажить людей, большин-

ство из которых я бы, не задумываясь, размазал по стенке.

Сказал об этом девчонкам. Они начали убеждать меня, что я не прав. Что я — вовсе и не сутенер. Потому как сутенер вербует девчонок, растлевая их, сутенер готов предать в любую секунду, тащится от власти над женщиной, он — барыга, он и родную мать, и сестру, и жену, и дочь готов отправить на панель, лишь бы принесли ему деньги, сутенер грабит проституток, безжалостно отбирая у них почти всю выручку, может заковать живьем всякую девчонку, собравшуюся вырваться из-под его власти. Сутенер — крыса, трус, милицкий осведомитель... Кто же я? — спросил я своих подруг. "Ты — наш партнер и менеджер", — ответили они.

Но не стало мне от этого легче. Что из того, что я не растлитель, не убийца, не вор, не барыга?.. Что из того, что я не рвал своих девчонок на части, не гнал их каждый день к клиентам, устраивал им выходные, имел под рукой небольшой резервный фонд, чтобы частично оплачивать им критические дни? Панель есть панель. Проститутка есть проститутка. И я — как ни крути — между ними. Рядом. За ними. Среди них. Что из того, что я не позволял девчонкам трахаться в групповухе? Они все равно шли на это. А хищная Надюха время от времени приводит новеньких девчушек. И я включаю их — уже усталых, уже все прошедших — в работу. Мне бы их гнать от себя, от Надюхи. Да ведь не гоню, потому что каждая новая девушка — это мой заработок. Живу безбедно. Деньги

шуршат в карманах. А что дальше? Да ничего! Я знал, что в конце концов найдется кто-то, кто захочет получить власть над моими девчонками. И тогда меня погасят — в общем-то чужака и вроде как не совсем сутенера.

Через несколько месяцев я укрепился в мысли — надо бежать. Долго думал, предупредить об этом девочек или не предупредить. В принципе надо было бы предупредить, а то получалось как-то не по-человечески. С другой стороны, мой исход мог очень не понравиться нашей "крыше". С меня могли спросить. По меньшей мере отступных. Надо сказать, что к этому времени курирующие нас бандиты стали относиться ко мне со все возрастающим подозрением. Они требовали расширения производства и повышения его интенсивности, а я на это не шел — берег, как мог, девчонок. И пару раз сумел отбазариться от субботников. Но если уж до конца честно, то и девочки мои хотели зарабатывать больше — жизнь-то дорожала. Значит, нужны были клиенты — не один-два за ночь, а пять-шесть в сутки. А то и больше. Я еще думал тогда — вот и делай добро людям... И как объяснить бандитам, что ничего я от них не утаиваю, левых денег не имею? В том-то вся штука, что никак...

По всему выходило — надо было исчезать по-английски. Даже Надюхе не стал ничего говорить. С утра пораньше, когда усталым девчонкам ни до чего уже дела нет, пришел на вокзал, сел на первый попавшийся поезд. И уехал. Да ни к себе на юг, а совсем в другую сторону... Но не куда глаза глядят — догадался

списаться с армейскими друзьями. Много позже окольными путями вызнал: искали меня. Не так чтобы сильно, но искали. Думали, я кассу нашу с собой уволок. Но потом девчонки прикинули — все концы с концами сходятся. Ну и перестали меня искать.

За эти четыре года, что прошли с тех пор, один раз видел я девчонку из моей артели... Она работала на трассе, под Новгородом. Обслуживала автобусы с туристами. Прямо в автобусе и обслуживала. По нескольку человек за сеанс. На задних сиденьях. Я не стал от нее прятаться,

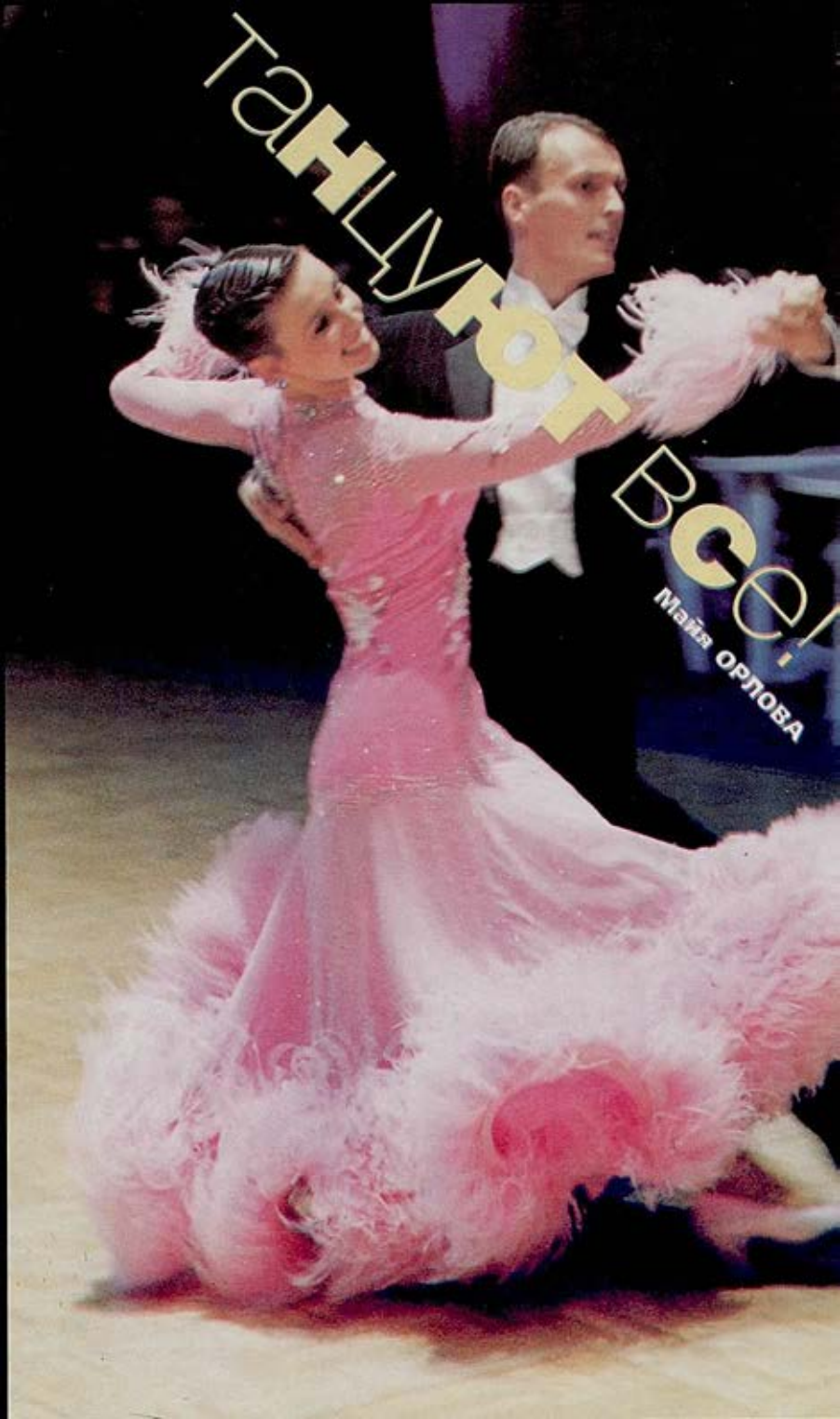
да только она меня не узнала. Пришлось напомнить. Она рассказала, что через некоторое время после моего исчезновения Надежда повыгоняла почти всех наших девчонок, набрала одних только несовершеннолетних. Бандиты приставили к ним пару отморознов, которые только и делают, что насилуют новеньких и всех без разбору гонят на улицы. А потом отбирают все деньги, так что живут девочки в постоянном голоде и битье.

"А вот ты добрым был, ты нас даже пальцем не тронул", — сказала она мне. И побежала ловить очередной автобус... ■

ТАНЦЫ ПОТ

ВСЕ!

Майя Орлова

Ну, "все" — это, конечно, преувеличение. Большинство из нас про танцы вспоминает только тогда, когда свадьба, например, празднуется или, наоборот, день рождения. Но эти события в нашей жизни, как известно, редкие. Все остальное свободное от досуга время мы — не без зависти — наблюдаем на голубом экране за тем, как веселится народ. Но и там с танцами, мягко говоря, напряженно. Я вот до сих пор не смогла для себя определить, что теперь танцует "продвинутая молодежь". На твист, шейк и рок-н-ролл смахивает, но отдаленно. С танго или фокстротом рядом не лежало. О вальсе и прочих бальных танцах молчу. Их того и гляди разучатся танцевать дажде те, кому "за тридцать"...

Но не все так плохо. Сласти эти прекрасные танцы призвана не возрождающаяся сейчас мода на великосветские балы (за отсутствием светскости эти мероприятия здорово смахивают на самую обычную тусовку, даже длинные платья и гусарские мундиры ничего не меняют), а проводящиеся, несмотря ни на что, в разных го-

фото Юрия Стефанова

родах России конкурсы бальных и спортивных танцев.

Они, кстати, могли бы и исчезнуть — ведь участие в таких конкурсах-соревнованиях обходится в круглую сумму. И не устроителям, а самим танцорам. Дорога, про-

живание в гостинице, питание, костюмы для выступлений — за все надо платить. И, представьте себе, находятся фанаты, которые готовы отнестись от чего угодно, только бы пройтись по сверкающему паркету в ритме вальса.

Или истинно латиноамериканского танго. Или не менее темпераментной и зажигательной румбы. Младшим участникам конкурсов еще нет десяти лет. Старшим... старшим может быть сколько угодно, возрастных критериев здесь нет.

В общем-то отрадно, что бальные танцы постепенно возвращаются в Россию. Последние несколько десятилетий полонез, мазурку, да и тот же вальс можно было наблюдать

только в кино про "прежнюю жизнь". Первый бал Наташи Ростовской, неотразимая грация Анны Нарениной, знаменитый вальс Скарлетт из "Унесенных ветром", не менее знаменитый — из "Больших маневров" в исполнении Жерара Филиппа и Мишель Морган. Люди старшего поколения, безусловно, все это помнят. А младшего? Выбирают между "Грязными танцами" и "Танцами с волнами"? Иногда именно так и кажется, но...

Но если посмотреть на фотографии с Открытого российского чемпионата по бальным и спортивным танцам, который прошел

в Москве в конце октября 1999 года, то становится понятно, что все обстоит далеко не так мрачно. Глубокой осенью в серой, слякотной и холодной столице появился — пусть всего на несколько дней — яркий праздничный оазис. О котором, к сожалению, не обмолвилась практически ни одна газета, да и телевидение проявило на удивление мало энтузиазма. Хотя по красочности и выразительности это зрелище оставило далеко позади все дорогостоящие и широко разрекламированные шоу, на которые тратятся огромные деньги. Возможно, дело в том, что настоящие танцы — это отнюдь не шоу, а Искусство. Которое, кстати, требует

жертв — извините за банальность. И жертв немалых.

На них? На этот и некоторые другие вопросы отвечает финали-

стна Московского конкурса балльных танцев 1998 года, чемпионна России среди юниоров **Дарья Сокина**.

— Снадите, Даша, занятия бальными танцами не стали менее популярны в наше, скажем, не самое легкое время?

— Вообще нет, скорее, наоборот. Количество участников курсов все время увеличивается, число юношей и девушек, которые выбирают это хобби, растет с каждым годом.

— Хобби? Или все-таки образ жизни?

— Одно подразумевает другое. Занятие танцами — серьезное занятие — подчиняет себе всю вашу жизнь. Днем кто-то учится, кто-то уже работает, вечером — тренировки и репетиции, которые редко кончаются раньше десяти часов. А когда добираться домой, то хочется только выспаться. Если же участвуешь в каком-то конкурсе... на несколько месяцев вообще не принадлежишь себе.

— А как же с личной жизнью?

— Она есть, конечно, но... В том случае, когда удастся найти партнера не только для танцев...

А так все это достаточно сложно: мало кто способен принять и понять человека, одержимого танцами. Так что личная жизнь у нас, в основном, тоже состоит из танцев. Пока танцуем, во всяком случае. Потому что на все остальное действительно не хватает времени. Помимо тренировок нужно еще и себя в хорошей спортивной форме поддерживать, а обычной гимнастики тут недостаточно, нужно ежедневно делать целый комплекс специальных упражнений, лучше в гимнастическом зале, на тренажерах.

— Соблюдать диету...

— Вот это как раз не обязательно. Столько энергии уходит на занятия, что можно есть абсолютно все и в любых количествах — организм это пережигает практически моментально. Диета, наверное, нужна фотомоделям, которые все-таки мало двигаются. Нам — нет, не нужна.

— И какими в идеале должны быть параметры танцоров?

— Могу сказать только про девушек. При росте метр шестьдесят — метр шестьдесят пять сантиметров вес обычно не превышает пятидесяти килограммов. Да и костюмы для выступлений такие, что "пышечки" в них себя будут чувствовать неуютно.

— Истати, о костюмах. Весь этот шик и блеск, который мы видим на балльных площадках, откуда он берется? И, простите за прагматизм, во сколько обходится?

— Ну... откуда берется? Кто-то все шьет сам или родители помогают. Это, конечно, обходится намного дешевле, чем заказывать платье, потому что в этом случае приходится платить оноло двух тысяч...

— Рублей?

— Нет, конечно. Долларов. Вы спросите, откуда такие суммы? По-разному выручиваемся: кто-то сам зарабатывает, кто-то спонсоров находит. То же самое и с туфлями. Можно купить отечественные, которые развалятся на второй день, а можно — фирменные, английские, эти служат гораздо дольше, иногда больше года. Так что лучше один раз потратить пятьдесят-шестьдесят долларов и спокойно танцевать, чем экономить, а в результате платить гораздо дороже.

— Понятно: вы не так богаты, чтобы покупать дешевые вещи. А остальное? Паринмахер, стилист, визажист. Это ведь тоже удовольствие не из дешевых.

— Ну, тут можно и самим кое-что сделать. Конечно, мы ходим и

в паринмахерские, и в салоны красоты, но перед конкурсом, например, все делаем сами: причесываемся, подкрашиваемся... Да это любая женщина может сделать самостоятельно, была бы хорошая основа. А цены в паринмахерских и салонах всем известны, повторяют, наверное, нет необходимости.

— Хочу спросить еще вот о чем: мы по-прежнему "вперед планеты всей" в области балета? То есть в данном случае — в области танцев.

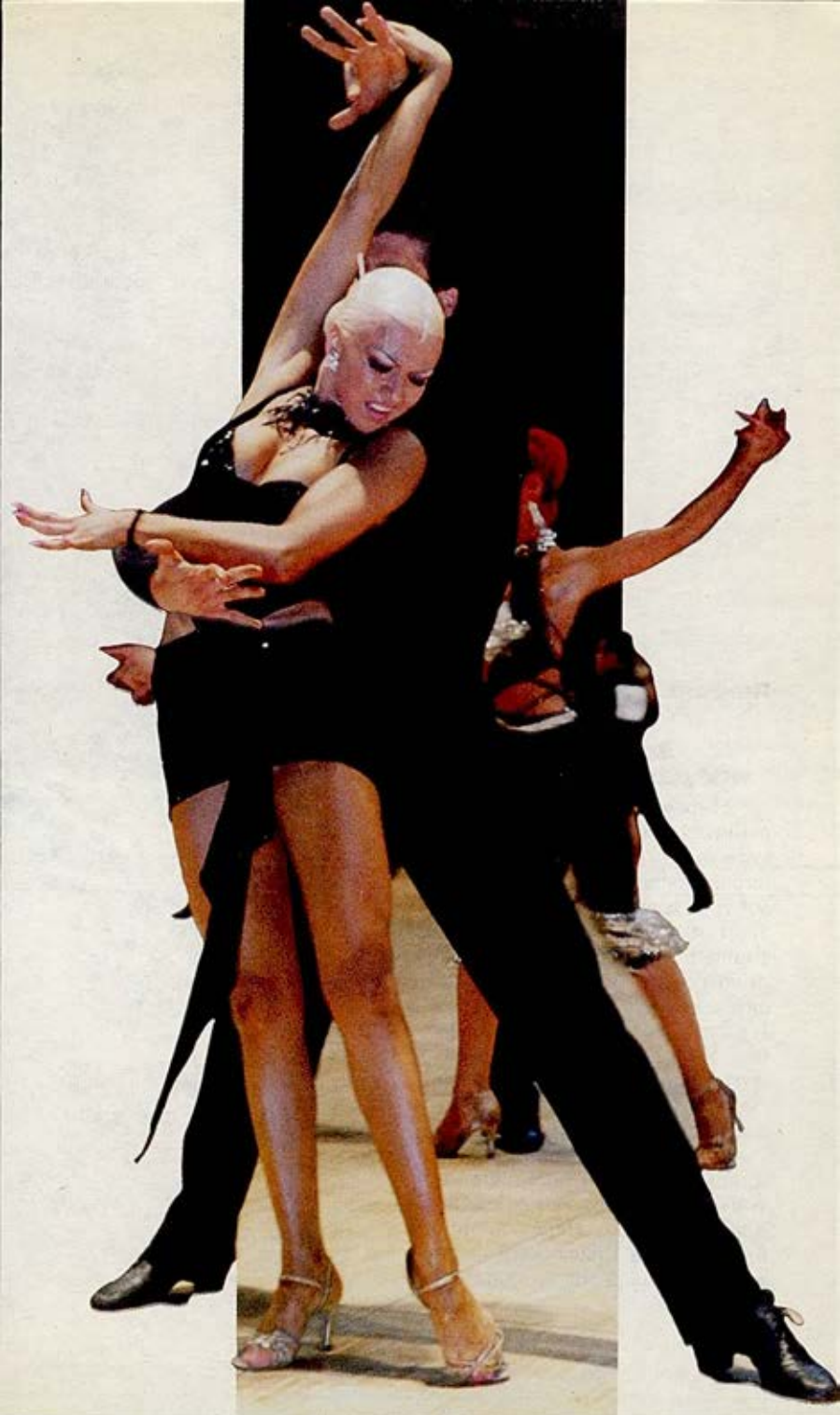
— Я считаю — да. Хотя об этом сейчас очень мало пишут, но наши танцоры часто завоевывают и золото, и серебро на всевозможных конкурсах. Неважно, какие это танцы: латиноамериканские, европейские, спортивные. И, как я уже говорила, число желающих участвовать в этих конкурсах не уменьшается, несмотря на все затраты и трудности.

— Так что же все-таки в первую очередь необходимо для победы? Талант? Трудолюбие? Терпение?

— И то, и другое, и третье в равных пропорциях. А главное, нужно любить танцы. Когда я захожу на паркет, забываю про все остальное. И тогда все получается.

Действительно — получается. Лучшим подтверждением этого могут служить фотографии. Рассмотрите их как следует.

Не хочется самим попробовать станцевать хотя бы вальс? ■

ПЕТР, но не Первый

Любовь РУСЕВА

Зловещее предзнаменование

21 февраля 1728 года портовый город Киль (столица немецкого герцогства Голштейн) и его окрестности огласились звуками труб и литавр, колокольным звоном и пальбой. Глашатаи торжественно извещали о счастливом событии — у их королевских высочеств родился сын! Принца назвали Карлом-Петром-Ульрихом — в честь двух его прославленных дедов: шведского короля Карла XII и русского императора Петра I.

В придворной церкви состоялись крестины, по случаю которых происходило трехдневное торжество. Перед дворцом был устроен красочный фейерверк. Молодая мать, любившая

подобные зрелища, поднялась с постели и подошла к раскрытому окну.

— Ваше высочество, закройте окно, — забеспокоились придворные дамы, — холодный воздух опасен. Простудитесь...

Подданные любили свою герцогиню и гордились ею. Когда на императорском российском фрегате Анна Петровна прибыла с молодым супругом в Киль, все местное дворянство собралось для их торжественной встречи. Голштинцы были поражены необыкновенной красотой и величественной осанкой герцогини. Вскоре она покорила своих подданных щедростью, добротой, искренностью и проницательным умом...

— Ваше высочество, вы должны беречь себя в настоящем положении. Отойдите от окна, — настаивали приближенные.

— Мы, русские, не так изнежены, как вы, и не знаем ничего подобного, — рассмеялась Анна Петровна.

В это время дворец озарился яркой вспышкой. В саду поднялась паника. Во время фейерверка загорелся один из пороховых ящичков, и в результате взрыва несколько человек погибло, многие были ранены.

Удрученная Анна Петровна подошла к сыну. Младенец лежал в серебряной колыбели, обитой внутри синим бархатом.

— Бедный ребенок, не на счастье ты родился.

Взрыв во время празднования крестин расценили как зловещее предзнаменование для новорожденного принца. Дальнейшие события не замедлили подтвердить это. Анна Петровна простудилась, занемогла горячкой, у нее началась скоротечная чахотка и на семнадцатом году жизни она умерла.

Герцог был безутешен в своей горе. Он издал манифест, в котором предписывал подданным годовой траур. В честь жены герцог учредил Голштинский кавалерский орден Святой Анны.

Жалкий претендент

Герцог Голштинский Карл-Фридрих был сыном старшей сестры Карла XII Элеоноры-Гедвиги и имел законное право занять после дяди шведский престол. Но либеральная партия лишила герцога короны, предложив ее Элеоноре-Ульрике — его тетке.

Были некогда у Карла-Фридриха надежды и на русский престол: после обручения с цесаревной Анной Петр I стал приобщать жениха старшей дочери к государственному управлению, но его последняя фраза оборвалась на словах: "Оставить все...". Не без основания современники полагали, что недосказано было "Анне", которой царь хотел доверить государство. После бракосочетания Карла-Фридриха с Анной Петровной всеильный Меншиков выдворил голштинскую чету из России. Но право на российский трон сохранялось у их сына.

В 1730 году императрицей была провозглашена Анна Иоанновна, которая поспешила объявить, что наследовать ей будет мужское потомство ее племянницы — Анны Леопольдовны (кото-

рого еще и в помине не было). Маленький Карл-Петр-Ульрих мешал обеим монархиням, которые лишили принца трона, но права его сохранялись.

— Чертушка еще жив! — не раз тревожно восклицала Анна Иоанновна.

Карл-Фридрих был никудышным государственным деятелем, отличался легкомыслием и склонностью к разгульной жизни. Чрезмерная его расточительность и страсть к военной экзерциции обременили небогатую Голштинию значительными долгами.

Положение ухудшалось. С одной стороны давил Петербург, с другой — притязания многочисленных кредиторов. Половины доходов герцогства едва хватало на уплату процентов, в заклад пришлось отдать целые управления. За столом появились истерые дырявые скатерти. В этом печальном положении Карл-Фридрих все надежды возлагал на сына.

— Он выручит нас из нужды и поправит наши дела.

Между пьянством и военными учениями герцог занимался воспитанием наследника. До семи лет мальчика воспитывали женщины, которые учили его французскому языку. В надежде на русскую корону принца обучали и русскому, воспитывали в греко-российском вероисповедании. Закон Божий ему преподавал иеромонах Греческой придворной церкви.

Но основное внимание уделялось военному делу. Принц учился ружью и маршировке, ходил в караулы. Место воспитательниц-женщин заняли офицеры герцогской гвардии, некоторые из которых прежде служили в прусской армии. Мальчик пристрастился к военщине, ни о чем другом и слышать не хотел. Когда под его окнами производился парад, он прекращал занятия и до окончания парада его нельзя было оторвать от окна.

При дворе говорили исключительно о Македонском и Цезаре, о Петре I и Карле XII, внимательно следили за каждым шагом Фридриха II. Под влиянием культа великих полководцев чрезмерно развилась фантазия принца. Во сне и наяву мальчик “блестяще выигрывал” грандиозные битвы. Он, внук двух великих венценосцев, превзойдет их славу. Его должны знать и бояться во всей Европе. Ему будут поклоняться. С ним будут искать дружбы. Герцог радовался увлечениям сына и непомерно разжигал в нем тщеславие.

— Мой сын станет вторым Карлом Великим!

В сознании ребенка это закрепилось. Занозой засели в сердце маленького принца и жалобы отца на притеснения Дании.

— Вырасту — непременно верну все земли... и остальные отберу. Голштиния станет великим государством, а я — великим королем!

На Суассонском конгрессе Карл-Фридрих вновь попытался вернуть Шлезвиг. Англии и Голландии он обещал за поддержку провести через свои владения между Немецким и Балтийским

морями соединительный канал и обеспечить их кораблям свободный проход. Но эти державы не прониклись идеями герцога, зато его план еще больше раздражил Данию. Карл-Фридрих обращает свой взор на Францию, которая, по его расчетам, должна помочь ему получить шведскую корону во время сейма в 1739 году. Но надежды его рухнули окончательно — герцога Голштинского вторично устранили от наследства шведского престола. В этом же году Карл-Фридрих скончался, оставшись в памяти потомков лишь жалким претендентом на трон.

Нелюбый

— Я вас так велю сечь, что собаки кровь лизать будут! — разносилась по дворцу угроза главного воспитателя Брюммера.

И принца действительно секли — розгами и хлыстом. Мальчика ставили на горюх голыми коленками, от чего они распухали и краснели, заставляли переносить с места на место книги, привязывали к столу и к печи. В наказание “за дурное поведение” закрывали нижнюю половину его окон, оставляя свет только сверху, чтобы “его королевское высочество не имел удовольствия смотреть на солдат”.

Судьба сироты была незавидной. “Педагогические” приемы воспитателей вредно отразились не только на его характере, но и на здоровье. Опекун принца епископ Ейтинский мало о нем беспокоился. Он прежде всего сменил наставников — главным воспитателем стал обер-гофмаршал Брюммер. Первое, что сделал обер-гофмаршал, — уволил учителя русского языка Рихарда.

— Этот подлый язык пригоден только свиньям и рабам.

Отныне при дворе культивируется ненависть и презрение к русским и их варварской стране. Сам Брюммер, будучи с малолетства на военной службе, был малообразованным человеком. Он не посещал занятий подопечного, и его роль воспитателя сводилась исключительно к наказаниям принца, к систематическим унижениям и распространению мнения о чрезвычайной порочности его высочества.

Принца часто не кормили до двух часов. От голода ему приходилось воровать сухой хлеб. В тех случаях, когда Брюммер получал дурные отзывы учителей, он грозил воспитаннику наказаниями после обеда, из-за чего тот сидел за столом ни жив ни мертв. В результате у мальчика начались головные боли и рвота желчью. Бывало, что принц и вовсе не допускался к столу. Его привязывали к стулу, на шею вешали нарисованного осла, в руку давали розгу. В таком положении мальчик наблюдал за весело обедающими придворными кавалерами.

Принца лишили возможности нормально развиваться: он не мог порезвиться на свежем воздухе даже в прекрасную летнюю погоду. До шести вечера — уроки, с шести до восьми — танцы с дочерью госпожи Брокдорф, фаворитки главного воспитателя, в восемь — ужин и сон.

— Я уверен, что они хотели меня сделать профессором кадрили, а другого ничего мне знать не надобно, — вспоминал он впоследствии.

Голштинский двор был слишком многочисленным, разделялся на несколько враждующих партий, и каждая старалась перетянуть принца на свою сторону. Карл-Петр-Ульрих ненавидел Брюммера и не любил своих придворных, которые его тяготили. Вынужденная неискренность в общении стала чертой характера. Извечные придирки Брюммера сделали юношу не только ловким в спорах, чему способствовало его природное остроумие, но и чрезвычайно упрямым. Он был необычайно смешлив и не мог удержаться от смеха, если его что-то смешило. Способность замечать смешное и удачно подражать в насмешку доставила принцу немало врагов. Но юноше не были чужды ни порывы доброго чувства, ни здравый смысл, в чем зачастую ему отказывают.

Наследник российского престола

— Гони! — крикнул барон Корф.

Свист кнутов — и кони мчат к границе. Встревоженные путешественники всю ночь в пути делают только краткие остановки для смены изнуренных коней. Инкогнито раскрыто — в Кёслине почтмейстер узнал в графе Дюкере молодого герцога голштинского, нужно поскорее покинуть прусские владения... Корфу не сносить головы, если он не доставит племянника к императрице.

Елизавета Петровна все это время не находит себе места — а ну, как помешают приезду, выкрадут, убьют... Датскому двору прямая опасность в герцоге... Станет Российским императором — все припомнит!

5 февраля 1742 года счастливая императрица обняла племянника. Народ собирался толпами, чтобы увидеть 14-летнего внука Петра Великого. В придворной церкви отслужили благодарственный молебен по случаю благополучного прибытия герцога. Но приезд — это полдела. Лютеранин не может стать наследником престола Российской империи. Необходимо поменять вероисповедание, а до тех пор Карл-Петр-Ульрих величается его королевским высочеством, владетельным герцогом Голштинским. К принцу приставили духовного наставника иеромонаха Тодоровского, который обучал его русскому языку и Закону Божьему. Елизавета Петровна торопится — и через девять месяцев с большим торжеством совершился переход в православие. С этого момента в России появился наследник престола — великий князь Петр Федорович.

Сразу по приезде герцога в Россию начались заботы о его воспитании и образовании. Елизавета Петровна поручила русским посланникам при иностранных Дворах прислать различные проекты образования, а российским ученым составить программы. Наставником назначается трудолюбивый и эрудированный профессор Штелин, который начал с того, что в присутствии госуда-

рыни проэкзаменовал Петра по всем предметам. Елизавета Петровна была поражена невежеством племянника. Она вознамерилась дать ему тщательное образование, но во многом сама этому и препятствовала. Еженедельно проходило несколько увеселений, в которых Петр должен был непременно участвовать. Занятия наследника прерывались, как только в классе появлялся французский танцмейстер Лоде, который мучил его четыре раза в неделю. Кроме того, у наследника было и другое развлечение: игры с оловянными солдатами. В табельный день Петр собирал всю дворню, надевал нарядный генеральский мундир и производил парадный смотр своим игрушечным войскам.

Но не одни развлечения мешали систематическому обучению. Серьезным препятствием явилось здоровье. Болел Петр часто и подолгу, несколько раз был близок к смерти.

Наконец Штелину удалось наладить занятия наследника. Петр не был приучен к усидчивому труду и не имел склонности к самостоятельным занятиям, поэтому профессор, чтобы не отбить охоту к учению, поначалу приспособился к великому князю. Он читал с ним иллюстрированные книги (с изображением крепостей, осадных и инженерных орудий); древнюю историю объяснял по старинным русским монетам, а новейшую — по медалям Петра I; рассматривал с ним планы его комнат, дворца и других зданий, объясняя основы архитектуры. Постепенно занятия становились серьезнее. Изучали историю и географию России и соседних государств, подробно разъяснялись текущие государственные дела. В свободные вечера Штелин читал наследнику сочинения из библиотеки Академии наук, объяснял ему устройства различных инструментов и моделей из Кунсткамеры. Любимыми предметами Петра были математика, физика, фортификация и основы артиллерийского дела. Наставник оборудовал фортификационный кабинет, в котором в двадцати четырех ящиках находились все роды и способы укреплений, начиная с древних римских до современных. Летом практические занятия велись на поле, где происходило знакомство с инженерными работами, устройствами укреплений, редутов и траншей.

Вскоре великий князь твердо знал основы русской истории, всех государей от Рюрика до Петра I. Императрица однажды до слез расстроилась, когда в беседе племянник поправил ошибку фельдмаршала Долгорукого и полицеймейстера Девиера касательно древней русской истории.

Великий князь выписал из Киля библиотеку отца и купил за 1000 рублей инженерную и военную библиотеку Меллинга. Из каждого каталога выбирал и заказывал множество книг. В результате библиотека его заняла четыре большие комнаты в новом Зимнем дворце.

Петр проявлял склонность к искусству: любил музыку, живопись и кукольный театр. Особенное пристрастие он питал к

скрипке и на придворных концертах часто играл партию первой скрипки.

В записках Штелина дается подробная характеристика Петра. "От природы судил довольно хорошо, но привязанность к чувственным удовольствиям более расстраивала, чем развивала его суждения, и потому он не любил глубокого размышления. Охотно читал описания путешествий и военные книги".

Любя до самозабвения военное искусство, Петр, как ни странно, был труслив: боялся грозы, стрельбы и охоты. На словах не страшился смерти, но на самом деле боялся всякой опасности, его "нельзя было принудить подойти ближе других к медведю, лежащему на цепи, которому каждый без опаски давал из рук хлеба...".

1745 год был полон знаменательных событий. Наконец-то Петру удалось избавиться от ненавистного Брюммера. Между деспотичным наставником и его подопечным все еще происходили бурные стычки. Как-то в Петергофе обер-гофмейстер накинулся на великого князя с кулаками. Штелин бросился между ними, приняв удар на себя.

— Эта ваша выходка должна быть последней! — крикнул в ярости Петр. — В первый раз, как только вы, Брюммер, осмелитесь поднять на меня руку, я прокалю вас вот этой шпагой.

Спустя несколько недель после этой сцены в Петергоф прибыл императорский посланник барон Герсдорф и представил диплом, объявляющий великого князя, как совершеннолетнего, герцогом Голштинским. Петр на радостях громко прочитал диплом Брюммеру и Берхгольцу.

— Вот, господа, наконец исполнилось то, чего я давно желал: я владетельный герцог — ваш государь! Теперь моя очередь повелевать. Прощайте! Вы мне более не нужны, и я постараюсь вернуть вас в Голштинию!

В этом же году великий князь женился, и императрица подарила ему Ораниенбаум, который отныне становится его резиденцией. Здесь-то и проявилась в полной мере страсть Петра к военному искусству. Он выстроил крепость, учредил арсенал, основой которого стал купленный у Брюммера превосходный оружейный зал, организовал роты из придворных кавалеров и прислуги. Сам стал капитаном, а князя Репнина назначил своим адъютантом. Ежедневно с четырех часов до поздней ночи проводились учения, маршировки, маневры. По вечерам и утрам с вала крепости производилась стрельба.

Елизавета долго считала племянника несовершеннолетним. Только через несколько лет после бракосочетания она серьезно обратила внимание на ребячество Петра. Кроме духа противоречия, в нем сидел еще более беспокойный дух озорства. Великого князя постоянно подмывало выкинуть какое-нибудь коленце и похохотать, и он не стеснялся ни местом, ни временем, ни лицом.

Во многом Петр останется ребенком до самой смерти. Он отличался чрезмерной болтливостью, от которой его безуспешно пытались отучить. Выговаривала ему Елизавета и за жестокость по отношению к окружающим, за “нечувствительность к несчастиям людей и мучениям животных”. У великого князя проявлялась наклонность к садизму. Вероятно, причиной этому (кроме воспитания в Киле) была его импотенция. “Великий князь был неспособен иметь детей от препятствия, устранимого у восточных народов обрезанием, но которое он считал неизлечимым”, — сообщал в Версаль французский резидент при русском дворе де Шампо.

Императрица, женив племянника, не удосужилась освидетельствовать его по медицинской части. Год за годом проходят, а детей нет. Она обвиняет в “бесплодии” Екатерину. Восемь лет великая княгиня была молчаливым свидетелем бессилия мужа, что отразилось на их взаимоотношениях. Наконец догадались подвергнуть медицинскому исследованию не только Екатерину, но и Петра. Узнав заключение медиков, Елизавета Петровна поражена и принимает поистине соломоново решение.

Чтобы обеспечить трон наследником, императрица решается на операцию Петра и... — подбирает любовника для его жены. Расхлебывать пришлось Екатерине. Не подозревая, что кроется за настойчивым ухаживанием Салтыкова, и не зная истинную цену его признаниям, она страстно полюбила молодого красавца. К этому времени Петр перенес операцию и стал полноценным. Именно Салтыков уговаривает великого князя выполнить супружеский долг по отношению к нелюбимой жене. До сих пор среди историков ведутся споры — чьим же сыном являлся Павел?

Наконец-то родился долгожданный наследник. Елизавета Петровна лишает Петра с Екатериной “родительских прав” и радости наблюдать за ростом и развитием ребенка. Она сама воспитывает Павла и все надежды связывает с ним. К накопившемуся охлаждению между венценосной теткой и племянником добавляются политические разногласия.

Энергия и стремление к государственной деятельности Петра пресекаются Елизаветой. Став совершеннолетним, он правит Голштинией, укрепляет дисциплину среди чиновников, упорядочивает военное дело, судопроизводство и образование — и все это делает посредством переписки, так как ему запрещено покидать пределы Российской империи.

Летом 1754 года Петр вызывает роту голштинских солдат с их офицерами. Поклонник военного мастерства, великий князь полностью попал под влияние прусских офицеров. Желание во всем походить на них привело и к внешнему подражанию. Что за офицер, который не бранится, не пьет пива и не курит табак?! Штелин был поражен, когда впервые увидел Петра на лугу, в кругу своих офицеров, с бутылкой пива и с трубкой.

— Чему ты удивляешься, глупец? Неужели ты видел где честного, храброго офицера, который не курил бы трубки?

— Это может быть и так, но я удивляюсь только тому, который некогда не мог терпеть тех, от кого пахло табаком.

Прибывшие офицеры не только сильнее разожгли в нем ненависть к Дании, но и окончательно сделали его “рабом” прусского короля.

С началом Семилетней войны при Дворе был учрежден Совет, где постоянно присутствовал великий князь. Летом, живя в Петергофе или в Ораниенбауме, он еженедельно прочитывал протоколы Совета и, высказав шутливые замечания, подписывал их. Но впоследствии, когда союзники (Франция, Австрия и Россия) стали действовать более слаженно, что грозило прусскому королю полным поражением, он отказался подписывать протоколы.

— Мы со временем будем каяться, что вошли в союз с Австрией и Францией, — заявил он Совету. — Австрийцы нас подкупают, а французы обманывают.

Иностранные министры при русском дворе довольно рано начинают сомневаться, что великий князь станет императором. Еще в августе 1747 года Финкенштейн доносил прусскому королю: “Надобно полагать, что великий князь никогда не будет царствовать в России; не говоря уже о слабом здоровье, которое угрожает ему равновременной смертью... надобно признать, что поведение его вовсе не способно привлечь сердца народа. Непонятно, как принц его лет может вести себя до такой степени ребячески. Некоторые думают, что он притворяется, но в таком случае он был бы мудрее Брута и своей тетки. К несчастью, он действует безо всякого притворства”.

Но дипломаты ошиблись. Благодаря дворцовым интригам Петр взшел-таки на престол после смерти Елизаветы Петровны.

Император Петр III

— Слава Богу! Наконец-то после стольких женщин у нас теперь опять мужчина Император! — слышалось в начале нового царствования.

Получив власть, Петр развил кипучую деятельность. Каждое утро он вставал в семь, во время одевания отдавал приказы на целый день. С восьми до одиннадцати часов к нему являлись с докладами генерал-прокурор Сената и президенты коллегий. Затем отправлялся на смотр войск. Во время обеда император приглашал к столу то лицо, с которым желал обсудить насущную проблему.

Император издал указы об учреждении комиссий для реорганизации флота и войска, состояние которых было далеко не блестяще.

Узнав, что полиция арестовала шайку разбойников на Фонтанке, Петр заявил:

— Пора опять приняться за виселицу. Это злоупотребление милости длилось слишком долго и сделало многих несчастными. Дед мой знал это лучше, и чтоб искоренить все зло в России, должно установить уголовные суды по его образцу.

Рассматривая состояние всех сословий, Петр III поручает составить проект о поднятии мещанского сословия, “чтобы поставить его на немецкую ногу”. Штелин предложил разослать немецких ремесленников в русские города, чтобы они обучали русских мальчиков и научили их работать на “немецкий образец”, а затем отправить некоторых учиться за границу. Предполагалось также послать в коммерческие конторы Германии, Голландии и Англии даровитых купеческих сыновей для изучения бухгалтерии и коммерции.

Для поощрения купечества и торгово-промышленной деятельности издается указ об учреждении Государственного банка и выпуска бумажных ассигнаций. Петр подписывает указ о коммерции, которым запрещается ввозить продукты, сырье и товары, производство которых можно наладить в России, одновременно поощряется экспорт сельскохозяйственной продукции: “...государство может превеликий хлебom торг производить и ... тем самым и хлебопашество поощрено будет”.

Петр раскрепощает монастырских и архиерейских крестьян, запрещает преследование староверцев, объявляя свободу вероисповедания; снижает тариф на соль; спускает на воду два военных 70-пушечных корабля, отменяет проверку паспортов при въезде в Москву и выезде из нее, разрешает крестьянам свободный въезд в первопрестольную с хлебом и разными съестными припасами, позволяет “всякого звания людям” беспрепятственно гулять в Летнем саду и на Марсовом поле, возвращает (кроме канцлера Бестужева) из ссылки всех сосланных Елизаветой...

Но главным событием царствования Петра явилось принятие манифестов “Об уничтожении Тайной розыскной канцелярии” и “О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству”. За последний манифест генерал-прокурор Глебов предложил Сенату в знак благодарности императору воздвигнуть его золотую статую.

— Сенат может дать золоту лучшее назначение, а я своим царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах моих подданных.

Энергией, решительностью, демократизмом, планами, “рубкой с плеча”... Петр III напоминал Петра Великого. Так почему же с первого дня своего воцарения он, не сворачивая, зашагал прямой дорогой к своей смерти?

Дура!!!

“Жизнь, которую ведет император, — писал один из иностранцев, — самая постыдная: он проводит вечера в том, что кутит, пьет пиво и не прекращает эти оба занятия иначе, как только в пять или шесть часов утра и почти всегда мертвецки пьяным”.

В обществе голштинцев и лакеев у Петра еще больше развилась склонность к пьянству, которая (ко времени его вступления

на престол) перешла в хронический алкоголизм. Двор принял вид казармы, где постоянно шел кутеж. Между пьянками и увеселительными забавами царь продолжал заниматься государственными делами, но все как-то невпопад, и даже нужные указы зачастую обращались ему во вред.

С приездом своего дяди, принца Георга Голштинского, и с переездом в новый Зимний дворец император все больше стал заниматься внешней стороной реформ — и прежде всего формой. Гвардейская форма, введенная Петром I, была заменена на прусские кафтаны. “Офицеры из вежливости показывали вид, что этим довольны, но нижние чины, терявшие аршина по два от каждого мундира, громко роптали на это нововведение. Это положило несколько камней в основание их впоследствии последовавшего отпадения от Императора. К этому присоединился ропот, будто Император хочет уничтожить гвардейские полки (он точно замышлял это исполнить и, по своей привычке, не мог сохранить в тайне)”.

Молва об уничтожении гвардии, выражаясь словами Штели-на, добавила камни в основание “отпадения от Императора” офицеров. Другим “камнем” оказался прогрессивный указ о секуляризации монастырских и архиерейских земель, который настроил и духовенство против Петра.

25 февраля 1762 года в доме канцлера Воронцова устроили праздничный ужин — Михаилу Илларионовичу исполнилось 48 лет. Чествовать хозяина собрались не только придворные, но и дипломатический корпус.

— Провозглашаю тост за моего благодетеля Фридриха Великого, короля Прусского! — воскликнул император.

И присутствующие, вместо здравия Воронцову, стоя выпили за здоровье извечного русского врага.

Во время игры в карты пьяный Петр продолжал шокировать гостей.

— Декларация, только что опубликованная Швецией, тождественна с русской, — заявил он шведскому посланнику Поссе.

— Она имеет целью только обратить внимание союзников на затруднения, которые они встретят, если будут продолжать войну, — возразил Поссе.

— Надо заключить мир. Что касается меня, то я хочу этого.

Игра продолжалась. Французский посланник Бретейль проиграл несколько червонцев принцу Георгу Голштинскому, с которым встречался на войне.

— Ваш старый противник победил вас! — рассмеялся в лицо французцу Петр.

— Я уверен, что ни мне лично, ни Франции никогда больше не придется уже сражаться с принцем.

Император не отреагировал на замечание барона Бретейля. Через некоторое время стал проигрывать испанский посол граф Альмодовар.

— Испания проигрывает! — расхохотался император.

— Не думаю, государь. — Бретейль едва владел собой. — Силы Испании и Франции, соединенные вместе, представляют собой внушительную величину. Если ваше величество останетесь верны принципам союза, как вы обещали и должны это сделать, согласно данному вами обязательству, то мы, Испания и Франция, можем быть спокойны.

— Я вам объявил уже два дня тому назад: я желаю мира!

— И мы так же, государь. Но мы хотим, как и ваше величество, чтобы этот мир был почетным и согласным с интересами наших союзников.

— Как знаете. Что до меня, то я желаю мира во что бы то ни стало. А потом поступайте, как хотите. Я солдат и не люблю шутить. — Петр повернулся спиной к посланнику.

— Государь, я отдам отчет своему королю в том, что вашему величеству было угодно объявить мне. — Бретейль направился к выходу.

Это был полный разрыв. “Вы можете представить себе мое негодование, — писал Бретейлю герцог Шуазель, — когда я узнал о том, что произошло 25 февраля. Признаюсь вам, я не ожидал, что все это будет сказано в таком тоне; Франция не привыкла еще получать приказания из России. Не думаю, чтобы Воронцов мог дать нам какие-нибудь объяснения по этому поводу. Их бесполезно и спрашивать. Мы знаем теперь и так все, что могли бы узнать, и следующее объяснение, которое мы получим, будет сообщением о союзе, заключенном между Россией и нашими врагами”.

Шуазель оказался прав. 24 апреля мирный договор с Пруссией был подписан: Россия лишилась всех завоеваний, невиданные до того жертвы оказались напрасными. Петр вернул не только Померанию, но и Пруссию. В одном из параграфов договора было заявлено о скором заключении оборонительного и наступательного союза между обеими державами. Теперь русским предстояло воевать против своих недавних союзников.

— Я намерен стать вместе с частью русского войска под начальство Фридриха!..

— Господа, выпьем за здоровье моего кумира — гениального короля Прусского Фридриха! — Петр подошел к бюсту Фридриха II и благоговейно его поцеловал.

Все это моментально становилось общим достоянием. Глухой ропот нарастал, как снежная лавина, и становился открытым.

В честь ратификации мирного договора 21 мая состоялся парадный обед, на котором присутствовало 400 человек, в том числе весь дипломатический корпус. Петр находился во главе стола, по правую его руку сидел прусский посланник барон Гольц.

— Господа, выпьем за здоровье императорской фамилии!

Все присутствовавшие стоя, под крики “vivat!”, осушили свои бокалы. Екатерина Алексеевна выпила шампанское сидя. К ней подошел флигель-адъютант Гудович.

— Ваше Императорское Величество, государь послал спросить, почему вы не встали в знак уважения к его тосту?

— Андрей Васильевич, так как императорская фамилия состоит только из государя, меня и нашего сына, я сочла этот знак уважения излишним, — улыбнулась Екатерина.

Гудович вернулся к императору.

— Ну, что тебе она ответила?

Флигель-адъютант передал ответ императрицы.

— Вернись к ней и передай, что она дура. Она должна знать, что оба мои дяди — принцы Голштинские — тоже принадлежат к императорской фамилии.

При этих словах Петра III Гудович изменился в лице.

— Но, государь...

— Выполняй приказ!

Не успел Гудович дойти до царицы, как его опередил сам император, побоявшийся, что флигель-адъютант смягчит его слова.

— Дура!!!

Увлеченные разговором гости не сразу поняли, что произошло, все посмотрели в сторону взбешенного императора, взгляд которого был прикован к Екатерине. В зале установилась гробовая тишина. Императрица остолбенела, в ее глазах заблестели слезы.

— Александр Сергеевич, — обратилась она к графу Строганову, — расскажите что-нибудь смешное.

Граф поведал историю из жизни художников. Его остроумный рассказ рассмешил государыню, что раздосадовало Петра, и он приказал князю Барятинскому ночью арестовать жену с сыном и отвезти в крепость.

— А сего утешителя, графа Строганова, — под домашний арест. Немедля!

Этот публичный скандал не прошел без последствий. Симпатии русского общества были на стороне императрицы. Сочувствие к ней росло по мере того, как ухудшалось ее положение в семье. Роковое "дура!" и последующее поведение Петра оскорбили русскую знать. Приняв лишнюю рюмку, государь забылся до того, что всенародно называл Фридриха своим господином и стал на колени перед его портретом.

Это было настоящим национальным позором.

И последним камнем стало объявление войны Дании. Верные императору вельможи тщетно пытались отговорить его от этой непопулярной затеи. На празднике, который в честь государя устроил граф Алексей Разумовский, Петр со свойственной ему прямоотой и резкостью заявил сидевшему напротив датскому посланнику графу Гакстгаузену:

— Я объявляю войну датчанам и верну Шлезвиг. Они довольно долго пользовались от моей Голштинии, теперь я хочу от них попользоваться.

Мина замедленного действия взорвалась. Любимцы гвардии — братья Орловы — блестяще использовали недовольство императором в полках...

В 5 часов утра 29 июня 1762 года авангард войск, присягнувших Екатерине, под командованием Алексея Орлова смял маршировавших на плацу в Петергофе голштинцев и посадил их под караул. Узнав, что император Петр в Ораниенбауме, Орлов немедленно поскакал туда.

Екатерина прибыла в Петергоф около одиннадцати утра. Представшему перед ней царскому посланнику генералу Измайлову она объявила:

— Генерал, уговорите Петра III покориться моей воле, иначе своим сопротивлением он навлечет страшное зло. Со своей стороны я постараюсь устроить его жизнь возможно веселой в резиденции, им самим избранной около Петербурга.

Измайлов вместе с Григорием Орловым тотчас отправились в Ораниенбаум. Здесь, в большом дворце, внук Петра Великого подписал отречение. “В краткое время правительства моего самодержавного Российским государством самым делом узнал я тягость и бремя, силам моим несогласное, чтоб мне не токмо самодержавно, но и каким бы то ни было образом правительства, владеть Российским государством...”.

В первом часу Петра доставили в Петергоф, а под вечер он был отправлен в загородный дворец в Ропшу.

— Он дал прогнать себя с престола, как мальчик, которого отсылают спать, — скажет позже Фридрих II.

Императору позволили взять с собой в Ропшу ораниенбаумскую кровать, лекаря Лидерса, арапа Нарцисса и камердинера Тимлера.

— Да велите им брать, — приказала Екатерина, — с собой скрипку бывшего государя да его собаку Мопсинку.

Вскоре встал вопрос: что делать с узником дальше? Совершенно ясно, что Петр Федорович представлял собой угрозу. Отправить в Германию, как он просил, невозможно. Враги России, и в первую очередь Фридрих II — самый коварный монарх XVIII столетия — не упустят шанс воспользоваться им. Целая вереница Лжедмитриев хорошо памятна на Руси. От отправки в Голштинию отказались. Стали готовить Шлиссельбург для приема Петра, но двух императоров для одной крепости было многовато. Безымянного узника — Иоанна Антоновича — срочно решено было переправить в другое место заключения. Но вернули обратно, так как 5 июля Петр Федорович был убит.

Тайна ропшинской трагедии — тема отдельного очерка. Одно несомненно — убийство Петра явилось сильным ударом по Екатерине и братьям Орловым. Мы имеем дело с одной из самых мощных фальсификаций истории, в результате которой на Алексее Орлове до сих пор лежит клеймо цареубийцы. ■

Строки века

В январском номере журнала были опубликованы условия и вопросы первого тура читательского конкурса знатоков отечественной поэзии.

Напоминаем, что вам предстоит по стихотворным отрывкам дать наибольшее число правильных ответов, каждый из которых должен включать в себя имя, фамилию автора и точное название поэтического произведения. **За каждый правильный ответ начисляется одно очко.** Жюри определит победителей по наибольшей сумме набранных в трех турах очков, и, разумеется, их ждут призы — подарочные издания поэзии, прозы и подписка на журнал «Смена» на 2001 год. **Итоги конкурса будут подведены в сентябрьском номере журнала.**

Ответы на вопросы февральского тура с пометкой «Строки века» 2-й тур» следует отправлять в редакцию до 1 апреля (срок отправки — по почтовому штемпелю).

второй тур

26

Ты, светлый житель будущих веков,
ты, старины любитель, в день урочный
откроешь антологию стихов,
забытых незаслуженно, но прочно.

И будешь ты как шут одет на вкус
моей эпохи фрачной и сюртучной.
Облокотись. Прислушайся. Как звучно
былое время — раковина муз...

27

...Маятник старательный и грубый,
Времени непризнанный жених,
Заговорицам секундам рубит
Головы хорошенькие их...

28

Мы каждый час не на Земле земной,
А каждый миг мы на Земле небесной.
Мы цельности не чувствуем чудесной,
Не видим Моря, будучи волной.

Я руку протянул во мгле ночной,
И ощутил не стены кельи тесной,
А некий мир, огромный, бестелесный.
Горит мой разум в уровень с Луной...

29

...И Пушкин ласково глядит,
и ночь прошла, и гаснут свечи,
и нежный вкус родимой речи
так чисто губы холодит.

30

Будущее:
Интереснейший из романов!
Книга, что мне не дано прочитать!
Край, прикрытый прослойкой туманов!
Храм, чья стройка едва начата!

31

...Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, —
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал пруть, —
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?..

32

Утром стыдно мне стало, что встану,
Выйду к людям с угрюмым лицом.
И тогда я прибегнул к обману —
Приосанился, стал молодцом...

И увидел я, выпрямив плечи, —
Шмель из чашечки сладкое пьет.
И услышал — веселый кузнечик
Всем на счастье подкову кует.

33

...И странница, прихлебывая квас
Из ковшика, на краешке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

34

...А в Угличе играют дети в бабки
И пахнет хлеб, оставленный в печи.
По улицам меня везут без шапки,
И теплятся в часовне три свечи.

Не три свечи горели, а три встречи —
Одну из них сам Бог благословил,
Четвертой не бывать, а Рим далече —
И никогда он Рима не любил...

конкурс

35

...Мне не надо в рай тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила, —

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю...

36

...Нынче сосны гудят в бору —
Все о том, что и я умру.

Сколько лет нам дано судьбой?
Что оставим мы здесь с тобой?

Сын останется — кровь моя.
Стих останется — боль моя...

37

Пред светлую воду
Стою с пресветлым ликом.
Кукушечка кукует
На Острове Великом.
На Острове Великом,
На дальнем берегу.
А сколько насулила
Сказать я не могу...

38

...Я узнаю, где стоит твой дом!
Я люблю тебя, как любят гром,
Яблоко, сосну в седом уборе.
Если я когда-нибудь умру,
Все равно услышишь на ветру
Голос мой в серебряном просторе!

39

В твоих очах, в твоих снегах
я, путник бедный, замерзаю.
Нет, не напутал я, — солгал.
В твоих снегах я твой Сусанин.

В твоих отчаянных снегах
гитары белое бречанье.
Я твой солдат, но не слуга,
слагатель светлого прощанья...

40

Городок провинциальный,
Летняя жара,
На площадке танцевальной
Музыка с утра.
Рио-рита, Рио-рита,
Вертится фокстрот.
На площадке танцевальной
Сорок первый год...

41

...Заиграла, запела гармонь,
Все сказала своими ладами,
И платок с голубою каймой
Мне уже на прощанье подарен.

В отдалении гром громыхнул,
Был закат весь в зловещем пожаре...
Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.

42

...Какие бури душу захлестнули!
Но ты солдат и все сумеи принять:
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.

43

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной...

44

...Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очулось...

45

Я, матушка Россия,
С просьбой к тебе великой:
Будет ежели трудно,
Меня окликай.
Помнишь, как это было

конкурс

*В сорок первом году?
Я приду.*

46

*... Очень белое все и светлое —
ах, как снег слепит!
Начинаю житье оседлое,
позабытый быт.*

*Пыль очищена, грязь соскоблена
и — конец войне.
Ничего у меня не скоплено,
все мое — на мне...*

47

*Ветераны в подземных
Дрожат переходах.
Рядом — старый костыль
И стыдливая кепка.
Им страна подарила
“Заслуженный отдых”,
А себя пригвоздила
К бесчестию крепко.*

*Только как позабуду
Отчаянных, гордых
Молодых лейтенантов,
Солдатиков юных?..
Ветераны в подземных
Дрожат переходах,
И давно в их сердцах
Все оборваны струны...*

48

*Душа беспокоится...
Стоит ведь только прислушаться,
И явственно слышится:
Где-нибудь
Что-нибудь
Рушится.*

*Душа беспокоится...
Полно, душа, беспокоиться!
Где что-нибудь рушится,
Там же и что-нибудь строится...*

49

...Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменяют нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
Так же нежно кормила у груди...

Не стерег испуганный дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь — мгновенна.

50

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровавые, костяные,
Прямые продолжения корней...

Я призван к жизни жизнью всех рождений
И всех смертей, я жил во времена,
Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.

Его словарь открыт во всю страницу,
От облаков до глубины земной, —
Разумной речи научить синицу
И лист единый заронить в криницу,
Зеленый, рдяный, ржавый, золотой...

конкурс

СМЕРТЬ В СВОЕЙ ПОСТЕЛИ

Виктор ПРОНИН

Окончание. Начало в № 1, 2000.

Произошло следующее. Неугомонный Худолей, измаявшись от бессонницы, отправился к строителям побеседовать, языки почесать и, между прочим, попытаться вызнать что-нибудь такое, чего никогда человек не скажет большому начальнику, который записывает в протокол каждое слово.

Спустившись в подвал, Худолей постучал в дверь. Ему никто не ответил. Он постучал сильнее. Ответом опять была тишина. И тишина эта не понравилась многоопытному эксперту, что-то в ней было неживое, тянуло от этой тишины чем-то нехорошим. Подобные вещи Худолей всегда ощущал остро и безошибочно.

Толкнув дверь, он убедился, что она не заперта. Пошарил рукой по стенам, нащупал выключатель, включил свет. Он вспыхнул непривычно ярко после полной темноты — комната была пуста. Обе кровати оказались застеленными, было такое впечатление, что на них в эту ночь никто не ложился.

— Ни фиги себе! — присвистнул Худолей, чтобы хоть что-то произнести, чтобы звуками голоса нарушить эту мертвенную тишину.

Комната была достаточно просторной, метров двадцать пять. Кроме кроватей здесь были свалены всевозможные дрели, электрические рубанки, на отдельном столике закреплены мощные тиски, в углу стояли лопаты, ломы, трубы.

Мягкими, крадущимися шагами Худолей обошел комнату, все осмотрел, кое-что даже ощущал, постоял перед маленьким окном, врезанным в стену у самого потолка. Приподнявшись на цыпочки, потянул на себя раму. Окно оказалось незапертым. В общем-то, в этом не было ничего необычного — вполне возможно, строители оставляли окно на ночь открытым. Было уже тепло, и весенний воздух способствует сну здоровому и целебному.

Постояв некоторое время в полной растерянности, Худолей снова обошел всю комнату. Станным было то, что строителям некуда было деться — выходы из дома блокировали ребята Шаланды, затевать работы в столь ранний час и будить обитателей дома... Нет, это было совершенно невероятным.

И Худолей решил на шаг простой, естественный и, в данном случае, необходимый. Он решил тщательно осмотреть всю комнату на уровне обыска. Собственно, это и был обыск. Заглядывая под подушки, за деревянные щиты, пробуя рукоятку тисков, Худолей тем временем постоянно прислушивался — не загромяхают ли шаги возвращающихся откуда-то строителей. Но нет, в доме стояла глубокая сонная тишина.

Худолей заглянул под кровать, надеясь увидеть там чемоданчик, рюкзак или еще что-нибудь, принадлежащее строителям. Под одной кроватью было совершенно пусто. Это его удивило, озадачило настолько, что он даже вслух произнес обычное свое:

— Ни фиги себе...

Но без выражения произнес, как бы утверждаясь в какой-то мысли, в каком-то решении.

Заглянув под вторую кровать, Худолей обнаружил, что все пространство под ней занято бесформенным тюком. Ожидая, что это нечто из одежды, обуви, мелкого инструмента, он тронул его. Тюк был единой массой, и сдвинуть его с места оказалось непросто. И тут Худолей увидел то, что уже ожидал, чему не удивился — из-под тюка вытекала тоненькая струйка крови. Впрочем, грамотнее будет сказать, что Худолей увидел струйку жидкости, внешне напоминающую кровь.

— Ну, вот, — удовлетворенно произнес он. — Наконец кое-что стало понятным, кое-что стало на свои места.

Тюк он трогать не стал, просто взял кровать за спинку и передвинул ее к середине комнаты.

В результате сочащийся кровью тюк оказался открытым. Поколебавшись, Худолей откинул уголок одеяла и увидел мертвое лицо Степана Петришко, с которым совсем недавно, вечером, слушал откровения толстой гадалки и чокался, попивая хозяйское виски.

— Ну, что, Степа, приехали? — спросил Худолей и, конечно, ни единого звука в ответ не услышал. — Приехали.

Спустившись в подвал и увидев худолеевскую находку, Пафнутьев придвинул стул, сел на него и некоторое время молча смотрел в мертвое степаново лицо. И непонятно было — прикидывает ли он поправки в свою версию происходящего, сожалеет ли о безвременной отлетевшей душе или просто вспоминает подробности всего случившегося в этом доме.

— Второй где? — спросил он наконец.

— Я весь дом обошел — нету.

— А охрана?

— Шаландинские ребята говорят, что ничего не видели, не слышали и знать ничего не желают. Мимо нас, говорят, мышшь не проскочит. Мимо нас, говорят, птица не пролетит.

— Птица, может, и не пролетит, — проворчал Пафнутьев. — Что с ним? — Он кивнул на труп.

— Похоже, по затылку врезали.

— И как это понимать?

— То, что его порешил напарник из своей же деревни... мне не верится. Не говорю, что не верю, я выражаюсь осторожнее — мне не верится. Скорее всего, другое.

— Ну? — нетерпеливо поторопил Пафнутьев.

— Одного порешили, а второго не успели. Слинял второй.

— Так слинял, что оперативники не услышали? Ведь, если одного убивают, второй такой крик поднимает... Никто в кровати не останется. А говоришь, мышшь не проскочит.

— Это они говорят, шаландинские... А ты, Паша, за последний час, два... Ничего такого не слышал? — спросил Худолей без

всякой задней мысли и, только проговорив вопрос, спохватился, зажал свой рот полупрозрачной ладошкой и с ужасом уставился на Пафнутьева, ожидая кары и гнева.

Пафнутьев лишь укоризненно посмотрел на Худолея и отвернулся.

— Слышал, — сказал он.

— Да? Что, Паша?

— Женский шепот.

— И что же она тебе нашептала?

— Нашептала.

— Что, Паша?! Что?!

— Не знаешь, что шепчут в таких случаях?

— Не знаю, Паша. Мне ничего не шепчут... Сопят в ухо, и все.

— Надо бы его обыскать, — кивнул Пафнутьев в сторону труппа, безмолвно лежащего на полу, усеянном песком, цементом, известью, щебнем и всеми теми материалами, из которых состоит дом. — Стой! — вдруг воскликнул Пафнутьев. — Посмотри! — и он указал на несколько двойных линий, пересекавших комнату в разных направлениях. Две линии тянулись от двери к окну, потом, изогнувшись под острым углом, направились к тискам, потом, тоже под острым углом, к кровати. — Что это может означать?

— Все очень просто, Паша, — не задумываясь, ответил Худолей. — Труп таскали по комнате. Паника здесь была, как я понимаю. Убийца подхватил его под мышки и поволок к окну, а убедившись, что не сможет вытолкнуть в эту маленькую дыру под потолком, потащил к двери, но спохватился — там у входа оперативники. И он, завернув его в одеяло, затолкал под кровать. Эти две полосы — следы от каблучков, когда его волокли, на песке оставались борозды.

— Ты такой умный, — озадаченно проговорил Пафнутьев.

— Я правильно тебя понял, Паша? — тут же откликнулся Худолей и весь как-то остановился в движении, замер, боясь услышать нечто огорчительное.

— Да, с меня причитается, — кивнул Пафнутьев.

— Паша! — Худолей прижал ладошки к груди. — У меня нет слов!

— Тогда действуй. Может, в карманах у него что-нибудь осталось.

— А знаешь, Паша... Карманы карманами, а ведь у него в кулачке что-то зажато, что-то он перед смертью боялся потерять. — Худолей присел перед трупом и попытался разжать крепко сжатый кулак Степана. Через какое-то время ему это удалось, и он осторожно вытащил из скрюченных смертью пальцев клочок бумажки, совсем небольшой, в половину спичечной коробки. — Ни фиги себе! — воскликнул Худолей, всмотревшись в бумажку. — Сто долларов держал покойник в руке перед смертью, — и протянул Пафнутьеву свою находку.

Пафнутьев взял треугольный клочок доллара, смятый, остывший в мертвой руке, забрызганный кровью, и, нащупав за собой спинку кровати, тяжело опустился.

— То-то гадалке виделись доллары, летящие по ветру, то-то она все не могла понять в чем дело... Ты понимаешь, что происходит в этом доме?

— Крутые разборки, Паша, очень крутые разборки. И выход здесь один, другого не вижу... Если не возражаешь, могу поделиться скудными своими соображениями.

— Делись.

— Брать всех, без исключения, от объячевской бабы Маргариты до шалопутного гостя Вьюева, каждого заводить в отдельную звукоизолированную комнату...

— Дальше.

— Пальцы в дверь, и жать, пока все не скажет.

— Неплохо, — вздохнул Пафнутьев. — Понимаешь, они ведь не знают того, что знаем мы с тобой. Они не знают, что Объячев убит трижды... Про спицу знает только тот, кто ее воткнул в непутевое объячевское сердце... О клофелине в виски знает только тот, кто его влил... Вот только про выстрел в голову знают все. Сколько у нас осталось живых на сегодняшнее утро?

— Света, — неосторожно подсказал Худолей.

— Про Свету я помню, — кивнул Пафнутьев. — Маргарита, супруги Вохмянины и Вьюев. Всего пять человек. Не исключено, что каждый из них убийца. И ничего... Весело смеются, пряники жуют.

— А может, все это проделал кто-то один? — предположил Худолей.

— Влил клофелин в объячевский стакан, проткнул его сердце спицей, потом продырявил голову, повесил бомжа, пришиб строителя... Так, да?

— Паша, ты меня не понял. Иногда просто необходимо произнести очевидную чушь, чтобы убедить кого-то в его же правоте. Я выдал чушь, взял на себя эту неблагоприятную роль. Ты ведь не станешь произносить всякие глупости. Я притворился дураком, а ты тут же убедился в собственной правоте и проницательности.

— Спасибо. Что будем делать?

— Искать второго умельца. Как его... Василь Вулых.

— Где?

— Вокзалы, автостанции, аэропорт, электрички... Вулых — чужой человек в городе. Он не осмелится здесь оставаться, не сунется в гостиницу... Ты слышал — они сами говорили, что больше года живут в этом доме, не смея высунуться наружу, — у них не было даже милицейской регистрации! Из чужой страны ведь приехали на заработки!

— Из другой страны, — поправил Пафнутьев.

— Как сказать, Паша, как сказать... В НАТО они уже запросились. Вот когда в нашу сторону направят ракеты из-под Киева,

когда появится натовская база под Харьковом... мы продолжим этот разговор. Не возражаешь?

— А, может быть, и второго хлопнули? Может, и Вулых лежит где-нибудь под кроватью?

— Все свободные комнаты в доме я уже обшарил. Не был только в комнате Светы...

— Остановись! — Пафнутьев в упор посмотрел на Худолея.

— Виноват. — Худолей прижал к груди обе ладони, накрыв одну другой, и склонил повинную голову.

— Проехали, — сказал Пафнутьев. — Если Вулых ушел, то только через окно. Он не мог пройти мимо шаландинских оперов. Ты видел, как они расположились? Приставили диван к двери, подперли ее так, что там и в самом деле мышь не просочится.

— Ох, Паша... Здесь столько дверей, столько дверей... Но я с тобой согласен, если он ушел, то разумнее всего это сделать через окно.

Не говоря ни слова, Пафнутьев встал, поднялся на первый этаж, прошел мимо охранников и оказался во дворе. Он обогнул дом и приблизился к подвальному окну, через которое мог уйти Вулых. От окна по лужам, по тонкому весеннему ледку, взламывая его и проваливаясь в жидкую глину, кто-то прошел совсем недавно, но не к калитке, а к сараю в глубине двора. Ушел Вулых, ушел легко и просто. Огородами, участками, лесными тропинками вышел на трассу, проголосовал и был таков.

Пафнутьев прошел до конца участка, пока видны были следы сбежавшего строителя, пока не уперся во временный деревянный забор с вырванной доской — в эту дыру и протиснулся строитель, сразу выйдя на соседний участок.

Почему он бежал? Спасал жизнь, убегал от преследования? Кому могли помешать строители, живущие в подвале? Чему были свидетелями? Уж если они прожили здесь больше года, то наверняка многое знали о нравах и обычаях этого дома, о том, кто мог убить Объячева, а кто убить не мог ни при каких обстоятельствах.

Вернувшись в подвал, Пафнутьев убедился, что Худолей времени зря не терял — он обшарил карманы на трупе и сложил на столе горкой все, что удалось найти — паспорт, несколько затертых писем, водительские права, разболтанный перочинный ножик, мятую пачку дешевых сигарет.

— Ушел через соседние участки и лесок... Думаю, он уже далеко. — Пафнутьев снова сел на кровать.

— Шаланду подключать надо, — сказал Худолей.

— Что в карманах?

— Знаешь, Паша, так людей не убивают. — Худолей горестно покачал головой. — Если уж взялся убивать, то надо это с головой делать.

— По-моему, он головой и повредился, — заметил Пафнутьев.

— Смешно, — кивнул Худoley. — Остроумно. Но не по делу. Смотри, Паша, что происходит... Паспорт, в нем, естественно, прописка, письма с обратным адресом. Из дома письма. Время, всегда работает время. Или на тебя или против. Время никогда не бывает нейтральным, оно всегда на чьей-то стороне. Если так сложилась жизнь, что пришлось убить человека, то позаботься, дурак бестолковый, чтобы не сразу, не сразу бы узнали, кто убит, как, зачем. Разве можно в кармане жертвы оставлять такие вещи, как паспорт, письма? Ни в коем случае. И время, как активный участник всех наших дел, всех наших побед и поражений, таких оплошностей не прощает. И ты, Паша, как работник правоохранительных органов, тоже подобной небрежности в работе прощать не должен. Ни при каких обстоятельствах.

Пафнутьев выслушал Худoley с напряженным вниманием, словно ожидал, что тот вот-вот скажет нечто важное, существенное, но, не дождавсь, лишь молча кивнул. Вынув из кармана коробочку сотового телефона, повертел ее в руке, колеблясь.

— Звоню Шаланде. Он, конечно, спит, но... Как думаешь, не обидится?

— Конечно, обидится.

— Звоню, — решил Пафнутьев и набрал номер. — Шаланда? — громко прокричал он, едва услышал хриплый со сна голос. — Доброе утро, Шаланда! Пафнутьев тревожит.

— Кошмары меня тревожат, а не Пафнутьев.

— Что снилось? Какие видения посетили тебя весенней лунной ночью?

— Трупы.

— Сон в руку.

— Что ты хочешь сказать? На что намекаешь?

— Ни на что, Жора, — устало проговорил Пафнутьев. — Ни на что намекать просто нет сил... Говорю открытым текстом — труп.

— Третий?!

— Я не считал, Жора... Может быть, и третий... Не помню.

— Ну, как же, — Шаланда всерьез принял ерничество Пафнутьева, — сам хозяин, Объячев, бомж... А теперь кто?

— Строителей в доме помнишь?

— Что, оба?!

— Нет, один. Второй исчез.

— А мои ребята...

— Очень хорошие ребята. Они всем понравились. Спокойные, рассудительные, по ночам не шумят, отдыхают.

— Упустили?!

— Не то чтобы злонамеренно, но если взглянуть на суть происшедшего... То да, я с тобой согласен. Упустили.

— А ты уж и рад? — обиделся Шаланда.

— Мы тут просто все падаем от веселья... Сильный удар сзади по голове. Потом убийца завернул труп в одеяло и засунул под кровать. Там его Худолей и нашел.

— Что-то подозрительно часто твой Худолей возникает во всех дырах, — проворчал Шаланда, чтобы хоть как-то скрасить досаду.

— Бессонница у него, — еще раз куснул Пафнутьев. — Сказать ему, чтоб не возникал?

— Да ладно тебе. — Шаланда, наконец, проснулся. — Что требуется?

— Облава.

— Кого ищем?

— Вулых Васыль Мирославович. Тридцать пять лет. Прописан... Записывай. — И Пафнутьев тут же, не поднимаясь с кровати убитого, продиктовал Шаланде все, что успел к этому времени узнать об исчезнувшем строителе. — Худоцав, небрит, светлая щетина, рост около ста семидесяти, не больше, невысокий такой паренек. Одет, как может быть одет житель Западной Украины на заработках в средней полосе России. Нечто мятое, заношенное, может быть, спортивное.

— Кроссовки, — подсказал Худолей.

— Вот Худолей подсказывает, что на нем должны быть кроссовки.

— Светлые с голубой полоской поперек.

— Светлые с голубой полоской поперек, от шнурков вниз, — послушно повторил Пафнутьев, прекрасно понимая, как корезится Шаланда от одного только упоминания имени эксперта. — Худолей вот добавляет... Не исключено, что кроссовки надеты на босу ногу.

— Убегая, надел, наверное, носки, — проговорил Худолей. — Холодно, все-таки. Это он в доме расслабился. И это... Вещи, при нем должны быть вещи, — напомнил он Пафнутьеву.

— Худолей говорит, что при Вулыхе должны быть вещи — рюкзак, спортивная сумка... Маловероятно, но не исключен чемоданчик.

— Вряд ли, — протянул Худолей. — Чемоданчиками нынче уже не пользуются. Страна проехала чемоданчики.

— О, Боже, за что?! — простонал в трубку Шаланда.

— Худолей говорит, что надо бы взять под контроль вокзалы, аэропорт, автостанции, — продолжал куражиться Пафнутьев.

— Скажи своему Худолею... Скажи Худолею, — закипел Шаланда. — Знаешь, что скажи...

— Может, я ему трубку передам?

— Скажи, чтоб не учил ученого, а съел... Он знает, что нужно съесть, — сдержался в последний момент Шаланда и положил трубку.

Солнце поднялось над кромкой леса и сквозь продолговатое окно у самого потолка проникло в подвальную комнату. Не та-

кая уж она оказалась и подвальная — окно есть, воздух свежий, тепло и тихо. Неплохо устроились строители, если уж хватило у них терпения, не получая денег, продержаться здесь больше года. Солнечный квадрат мерцал на противоположной от окна стене, создавая в комнате красноватые сумерки. Висящая на шнуре лампочка оказалась как раз в солнечном луче, и тоненький раскаленный волосок можно было различить на фоне темной стены.

— Что же здесь произошло этой ночью? — бормотал Пафнутьев, в который раз оглядывая пустоватую комнату. — Что же здесь все-таки произошло?

— Понимаешь, Паша, я мог бы сказать. — Худолей присел на кровать напротив. — Объяснение, вроде бы, напрашивается само собой — напильсь, подрались, один изловчился другого чем-то по затылку садануть, а, увидев, что приятель мертв, дал деру. Но мы не можем, Паша, не имеем права не учитывать других событий, которые разгулялись в этом злобном доме. Убит хозяин, причем убит многократно, повешен бомж, или сам повесился от безысходности существования. Перед нами лежит бедный строитель с расквашенным затылком. Это что — все случайности, или тянется цепочка, неразрывная, прочная, с намертво сцепленными звеньями?

— Для случайностей слишком много закономерностей, — пробормотал Пафнутьев слова не совсем понятные, но обладающие какой-то неуловимой убедительностью.

— Ты думаешь? — переспросил Худолей, пытаясь понять скрытый смысл пафнутьевских слов. — Вообще-то да, — согласился он, и невозможно было догадаться, — действительно ли осознал глубину мысли Пафнутьева или же просто решил не перечить начальству.

— Знаешь, я не удивлюсь, если еще будут трупы, — сказал Пафнутьев слова более понятные.

— Я тоже, — быстро согласился Худолей. — Даже удивлюсь, если на следующее утро обнаружится, что все живы.

— И кого бы ты определил в кандидаты?

— Даже не знаю. Ум меркнет. Если бы ты меня об этом же спросил вчера... Строителя, — Худолей кивнул на труп, — я бы ни за что не назвал. Они были вне игры. У них нет здесь ни имущественных надежд, ни затронутого самолюбия, ни путаных отношений с кем бы то ни было... И вот, пожалуйста. А что этот странный тип по фамилии Вьюев? На каких ролях он здесь?

— Если помнишь, Андрей задержал его в первый же вечер, когда он пытался бежать с документами. Объячева терпеть не может, тот его попросту ограбил. Мог ли он убить Объячева? Мог. Мог ли Вьюев желать ему смерти? А он этого и не скрывает. И еще одна пикантная подробность... Маргарита — бывшая подружка Вьюева. Объячев в свое время, лет двадцать назад, увел ее у Вьюева. О чем, как заверяла меня Маргарита, никто не жалел.

Вьюев вздохнул освобожденно, она вздохнула с облегчением, а Объячев перевел дух с чувством глубокого удовлетворения.

— Кто тебе так трепетно рассказал про их вздохи?

— Маргарита.

— Но ты же знаешь, насколько это условно, насколько это не так, насколько это чисто бабье понимание случившегося? — Худолей так посмотрел на Пафнутьева, будто всерьез изумился его легковёрности

— Конечно.

Пафнутьев прекрасно представлял себе, как все могло произойти. Прекрасный юноша Вьюев, прекрасная девушка Маргарита, между ними кое-что завязывалось, перед ними открывалось, как они были уверены, прекрасное будущее, и, казалось бы, нет ничего в мире, что могло бы им помешать. Но, оказывается, есть в мире нечто такое, что помешать могло — Объячев. Уверенный в себе, веселый, с явно выраженным авантюрным характером и потому кажущийся ярким и победоносным. Вполне возможно, что он не был потрясен Маргаритой, но ему всегда была важна победа, любая — над обстоятельствами, над людьми, над чем угодно. Вьюев — его друг или, скажем, добрый приятель, во всяком случае, они были знакомы до того, как появилась Маргарита. И он ее увел. Ни она, ни более слабый Вьюев не могли этому противостоять. Сейчас Маргарита говорит, что они и не хотели противостоять, оба согласились с тем, что произошло. Но это толкование сегодняшнего дня.

Прошли годы, переменялась страна, Объячев и Вьюев стали партнерами, соратниками, единомышленниками. И произошло то, что уже случилось однажды двадцать лет назад, — Объячев, как сейчас говорят, кинул Вьюева на двести тысяч долларов. И давняя обида вспыхнула в душе Вьюева с новой силой. Убедившись в том, что денег ему не получить, в отчаянии, в легкой степени безумия мог Вьюев выстрелить в Объячева? Мог. Но выстрелил ли он? Как знать, как знать...

— Кстати, а где его чемодан с документами? — прервал Худолей затянувшиеся размышления Пафнутьева.

— В финансовом управлении на экспертизе. Пусть дадут заключение. Чего стоят все эти бумаги, как их надо понимать, и какую такую роль они сыграли или могли бы сыграть в жизни гражданина Вьюева.

— Разумно, — кивнул Худолей и больше ничего добавить не успел, — в дверях возникла улыбающаяся Света. Свежая, красивая и совершенно невозмутимая.

— Завтрак подан, — сказала она и уже собиралась было уйти, как увидела лежащий между Худолеем и Пафнутьевым труп. — Боже... — Она закрыла ладошкой рот, чтобы не закричать. — Еще один?

Пафнутьеву оставалось только беспомощно развести руками — да, дескать, ничего тут не поделаешь.

Добился своего Пафнутьев, добился старый пройдоха и провокатор — не меньше десятка раз упомянув Худолея в разговоре с Шаландой, он получил то, чего и желал — Шаланда вскочил с кровати вне себя от ярости, с красными пятнами на щеках, трясущимися руками и всклокоченными волосами. Проплевав босыми ступнями к столику со служебным телефоном, он вышел на дежурного по управлению и тут же, не здороваясь и не тратя ни секунды на лишние слова, принялся отдавать команды по поимке особо опасного преступника по фамилии Вулых, по имени Василь Мирославович. И уже через полчаса, пока Шаланда брился, угрюмо и молчаливо завтракал, а на все слова, на все вопросы домашних лишь тяжело кивал головой и жевал, жевал, так вот, уже через полчаса около сотни ребят в форме и без формы были задействованы на одну задачу — Вулых. Искали человека в помятой, несвежей одежде, с вещами, человека невысокого роста, с украинским акцентом, с паспортом, прописанным где-то во Львовской области, в каком-то городке под названием Золочев, искали человека, который сторонится, прячется, отсиживается в ожидании поезда, автобуса, электрички, самолета, в конце концов. Гаишники на дорогах не столько проверяли документы у робеющих водителей, сколько заглядывали внутрь машины — кто там сидит, почему сидит и куда направляется.

Даже речпорт охватил Шаланда своими длинными, бдительными щупальцами, и теперь ни один катер, пароход или "Ракета" не уходили от причала, пока не пройдет по палубе, по салону, между сиденьями человек Шаланды — еще одно его маленькое щупальце.

Не только посты гаишников, но и все районные управления милиции получили ориентировки с подробным описанием — кто нужен, каков он из себя, какие у него могут быть документы, и что может быть при нем. На всех остановках междугородних автобусов, на платформах, станциях электричек и поездов дальнего следования входили шаландинские ребята и искали, искали гражданина Вулыха ста семидесяти сантиметров роста, пасмурного, затюканного и настороженного.

Допускал, допускал Шаланда, что мог оказаться Вулых у земляков в городе, что мог направиться к ним и переночевать, задержаться на недельку. Но опыт подсказывал — Вулых должен бежать, бежать безостановочно, нигде не задерживаясь больше, чем требуется, чтобы дождаться ближайшего автобуса, электрички, трамвая.

Да, конечно, человек не один раз отсидевший, судимый, со своеобразной жизненной школой, прекрасно понимает — надо ложиться на дно и затаиться. Не двигайся, не пытайся всплыть и посмотреть, что делается на поверхности, лишь иногда чуть шевельни плавниками, чтобы не снесло течением, чтобы удержаться в своей лунке, в ямке, в щели. Можешь на неделю затаивать-

ся? Затаись на неделю. Можешь на месяц? Ложись на дно на месяц. Год? Пусть будет год.

Убил Вулых своего напарника или же бежал, спасая собственную жизнь, в любом случае он в ужасе, в панике, думает только об одном — подальше, подальше, подальше.

Один только раз позвонил Шаланда по пафнутьевскому телефону.

— В котором часу он слинял? — спросил, не здороваясь и, вроде бы, даже казнясь необходимостью снова обратиться к Пафнутьеву.

— Худолей говорит, что прошло часов пять-шесть.

Услышав ненавистную фамилию, Шаланда бросил трубку.

Сколько часов прошло с тех пор, как Вулых покинул объячевский дом, было для Шаланды важно хотя бы потому, что позволяло прикинуть, на сколько километров мог тот удалиться от города за это время. Аэропорт отпал быстро — за день вылетали всего несколько самолетов, и ни один из них не летел в Западную Украину. Хотя мог, конечно, Вулых рвануть в Киев, но в этот день самолета на Киев не было.

Электрички — вот откуда ждал Шаланда новостей, скорее всего, электрички. Он прекрасно знал, что украинские строители облюбовали этот вид транспорта и электричками, пересаживаясь с одной на другую, пересекали всю страну, ездили в Москву и снова возвращались в свои края. В этом был суровый, практический смысл — целые банды возникли при поездах, при автобусных маршрутах, которые занимались только тем, что грабили подзаработавших строителей. Те быстро сообразили — безопаснее на электричках. Расстояния короткие, и кто ты есть — строитель, дачник, грибник, определить невозможно.хлопотно, правда, тягостно метаться с поезда на поезд, но зато деньги остаются при тебе.

В такой вот электричке Вулыха и задержали.

Ехал он уже поздним вечером, полагая, что все опасности позади, ехал смертельно усталый, в полупустом вагоне, освещенном тускло и слабо, всего несколькими плафонами. Вжавшись в угол и поглядывая на проносящиеся мимо платформы, дачи, деревеньки с редкими огоньками, пил Вулых "Балтику", третий номер, с ярко-синей этикеткой.

Подсели два милиционера в форме, расположились напротив и некоторое время молча рассматривали небритого пассажира.

— Хорошее пиво? — спросил один из них.

— Нормальное. — Вулых сразу насторожился — слышан он был и о бандах в милицейской форме и просто о грабителях в поздних электричках, и вообще о беспределе на железных дорогах, хорошо был слышан, и едва прозвучал невинный вопрос о пиве, сердце дрогнуло, забилось чаще, и это сразу отразилось на лице.

— Издалека едешь? — милиционер кивнул на пустую бутылку, стоявшую у ног Вулыха.

— Не так чтобы очень... А что?

— Да ничего... Дежуриим вот... Ходим, интересуемся... Время позднее, времена опасные, сидит человек один... В одиночку сейчас не ездят. В компании собираются. В стаи.

— Так уж получилось.

— Домой?

— Точно, домой.

— Куда?

— О, еще ехать и ехать.

— Алексей, — неожиданно представился милиционер, и Вулыху ничего не оставалось, как пожать дружески протянутую руку.

— Васыль, — сказал он, и милиционеры сразу переглянулись. Как только они переглянулись, сердце Вулыха забилося уже в каком-то судорожном ритме. Не надо бы ему называть свое настоящее имя, не надо бы, но поздно, слово выскочило. Да и кто мог бы предвидеть все опасности, все ловушки, все волчьи ямы, которые подстерегают человека каждый день, каждый божий день.

— Васыль, — со значением протянул милиционер. — Так я тебя знаю. Ты из Золочева?

— Приходилось бывать, — осторожно ответил Вулых. А что еще он мог ответить, что мог придумать на эти вопросы — простые, как удары кувалды.

— Ну, ладно, — сказал второй милиционер, до сих пор молчавший, — плотный, румяный, рыжий, в тесном кителе — видно, недавно располнел, не успел еще форму сменить. — Пиво ты выпил, не мешали мы тебе бутылку закончить... ведь не мешали?

— Вроде того...

— Документы есть?

— Какие документы? — спросил Вулых единственное, что мог спросить, а что еще придумаешь в таком вот положении? — Какие документы? — повторил он и бросил, бросил, не удержался, осторожный взгляд в сторону своей сумки, спортивной сумки на длинном ремне и с молнией — она стояла прижатая к стенке вагона так, чтобы желающий не смог бы сразу схватить ее и убежать.

— Любые. Лучше все-таки документы, которые удостоверяли бы личность. Прости, старик, но служба... Положено. Паспорт, удостоверение, военный билет, водительские права... Что угодно. Есть?

— Есть.

— Давай, показывай.

— А если нету?

— Плохо. Придется с нами пройти.

— Куда?

— Старик, — скучаяще протянул первый милиционер, тощеватый, хиловатый, но разговорчивее и доброжелательнее рыжего своего напарника. — Ну, куда мы тебя можем повести... Не в баню же. В линейное отделение милиции.

— А может, договоримся? — неловко намекнул Вулых на возможность сговора, даже как бы пообещал что-то.

— Там и договоримся. — Нельзя сказать, что рыжий не понял намека, понял, прекрасно все понял, и окинул взглядом фигуру Вулыха, две пустые бутылки из-под пива, сумку — потертую, заношенную, в некоторых местах схваченную медной проволокой... Опять же, электричка, небритая физиономия, заискивающий взгляд... Ну, попытается мужик сунуть полсотни, да и те мелочью. Ну, расколется, ну, раскошелится — каждому по полсотни даст... Нет, не стоит связываться. А если окажется, что тот самый... Награда будет куда круче. — Давай, старик, шарь по карманам, ищи свои ксивы.

— Ксивы? — не понял Вулых.

— Документы, значит, — сказал рыжий и еще раз убедился в правильности своего вывода — если мужик не знает слова “ксивы”, значит полный лох.

Некоторое время Вулых сидел неподвижно и прикидывал, как поступить. Оттолкнуть милиционеров, броситься по проходу к выходу... Нет, догонят, морду набьют, и все будет еще хуже. Может, и в самом деле простая проверка документов? — мелькнула обнадеживающая мыслишка, — может, зря запаниковал... Отъехал-то порядочно, уже другая область...

Не говоря ни слова, Вулых полез во внутренний карман нейлоновой куртки, для виду порылся там, перебирая в пальцах уже нащупанный паспорт, прикидывая — не может ли он еще что-нибудь сказать, предложить, чтобы все-таки обошлось, и поехал бы он дальше, никого не трогая, никем не интересуясь. И достал бы третью, последнюю бутылку пива из своей сумки, открыл бы ее о подоконник и первые глотки из горлышка сделал бы большие, свободные, чтобы ощутить остроту и свежесть только что открытого пива.

Но нет, в голову ничего не приходило, и он как-то подневольно вынул паспорт и протянул тощему милиционеру. Нутром почувствовал, что этот человек проще, доступнее, добрее.

— Ага, — сказал тот. — Понятно. Вулых Василь Мирославович. — И со значением посмотрел на рыжего. Вулых заметил, — простые люди подобные вещи замечают сразу, — как бы окаменели черты лица у рыжего, как бы обострились. Он словно сгруппировался и сейчас уже готов был в доли секунды опередить Вулыха, что бы тот не затеял — вдруг выхватит пистолет, взмахнет ножом, бросится в окно или бежать по проходу... Все это уже предвидел рыжий и ко всему был готов.

— А, ну-ка. — Взяв у напарника паспорт, он всмотрелся в фотографию молодого еще Вулыха, глупого и счастливого, — он то-

гда только закончил школу, бегал за своей нынешней женой, и не было у него еще двоих детей и никого из родителей еще не хоронил. — Все ясно, — сказал рыжий. — Придется тебе, старик, с нами пройти.

— Зачем? — обмер Вулых.

— Пара пустяков. Не переживай, в крайнем случае, переночуешь.

— Если все нормально, — подхватил тощий, — посадим тебя утром на львовский поезд, и в тот же день будешь дома.

И понял, понял бедный Вулых, что дома он будет нескоро, ох, нескоро. Уже не в силах поступать разумно и здраво, вскочил он со своего места, рванулся к выходу, зная в то же время, что бесполезно это, что будет еще хуже, но это уже был рывок отчаяния, рывок животного — окруженного, офлажкованного, взятого на прицел...

Рыжий ждал чего-то подобного, и Вулых не успел даже выскочить в проход, не успел сделать ни шага к тамбуру, к двери, к свободе — плотный милиционер оказался на удивление ловким и шустрым. Едва Вулых проскочил мимо него, как он в ту же долю секунды сзади обхватил его за туловище, прижав руки к бокам так, что Вулых не мог даже пошевелиться. Тощий тут же изловчился и, не теряя времени, надел на него наручники.

— Ну, что же ты, старик, — осуждающе пробормотал тощий. — Так нельзя... Все же можно было по-хорошему.

Вулых молчал, глядя на пол, где одиноко лежали две крышки с бутылок, которые он успел выпить. "Третью без меня выпьют", — подумал он с такой болью, будто именно это сейчас было самым важным для него.

Электричка завизжала, раздался скрежет тормозов, она резко сбавила скорость, за окном замелькали фонари платформы, какие-то буквы, несколько поздних пассажиров, дождавшихся, наконец, электричку, обрадованных, что не отменили, что пришла все-таки.

Уже выходя в тамбур, Вулых оглянулся в последней надежде, но и она рухнула — сразу за ним шел плотный, а в двух шагах сзади тощий нес его сумку. И в этом было самое печальное, самое безнадежное.

В линейном отделении посмотреть на задержанного собралось человек пять-семь, собрались все, кто был в это время здесь, кто еще не успел уйти домой.

— Вулых Василь Мирославович? — радостно приветствовал его начальник отделения, длинный сутулый майор. — Так вот ты какой, оказывается! А мы-то тут все думали, какой он, Вулых... Три области на ноги подняли! Тыщи людей задействовали! Это ж надо! Да куда ж тебе, бедному, просочиться сквозь такую сеть! Твоя сумка? — спросил майор, указывая на залатанную медной проволокой синюю спортивную сумку.

Вулых молчал.

Все штатные милиционеры отделения сгрудились вокруг стола и молча ждали продолжения разговора.

— Сумка, спрашиваю, твоя? — настаивал майор.

— Да его сумка, его! — досадливо подтвердил рыжий.

— Помолчи! — Голос майора чуть изменился, самую малость, но сразу стало ясно — его балагурство наносное, на самом деле он не такой и должность начальника занимает не случайно. Металл, звонкий такой металл, чуть-чуть, самую малость прозвучал в его голосе, и Вулых чутко это уловил и сделал для себя вывод единственно правильный — “Будут бить”.

— Моя сумка, — сказал он.

— Очень хорошо, — опять развеселился майор. И подойдя к столу, одним точным движением раскрыл сумку и начал выкладывать на стол все ее содержимое — старую одежду, комнатные шлепанцы, носки, нижнее заношенное белье. И продолжал опорожнять сумку, пока не добрался до плотного пакета, завернутого в мятую газету. Развернув сверток, майор как-то весь оцепенел и, побледнев, медленно обвел глазами сотрудников — в его руках была пачка долларов, сантиметров десять толщиной.

Общий тяжкий вздох прозвучал в комнате.

Сунув руку в сумку, майор вынул еще один такой же пакет, потом еще один, еще... И всего их оказалось десять.

— Сколько же здесь? — спросил майор без вопроса, каким-то мертвым голосом, и поднял на Вулыха пустые глаза.

— Миллион, — ответил тот.

В суете последних дней у Пафнутьева совершенно не было времени встретиться с женой объязчевского телохранителя Екатериной Вохмяниной. Но он не выпускал ее из виду, поглядывал искоса, с интересом и настороженностью, словно чувствовал, что в этом человеке таятся многие разгадки трагических событий в недостроенном доме местного магната. И Екатерина тоже понимала, что близится разговор со следователем, что ни ей, ни ему этой встречи не избежать.

— Что-то вы пренебрегаете мною, Павел Николаевич, — сказала она как-то, подавая на стол. — Со всеми уже побеседовали, выводы свои нехорошие сделали...

— Почему нехорошие?

— А! — она махнула полной рукой. — Выводы хорошими не бывают. Если уж дело дошло до выводов — все, сливай воду.

— Поговорим, — пообещал Пафнутьев, придвигая к себе тарелку с пельменями. — Никуда нам с вами от этого не деться.

— Всегда к вашим услугам, — произнесла она слова несколько странные — не то шуточные, не то излишне церемонные, не то просто лакейские.

Пафнутьев быстро взглянул на Вохмянину и успел, успел все-таки заглянуть ей в глаза до того, как она отвернулась. Не было в ее глазах ни шуток, ни лакейской угодливости.

— Зайду к вам после обеда.

— Жду, — сказала Вохмянина, и Пафнутьев опять почувствовал, что и эти слова как бы поперек, как бы с вызовом. Он замер над своей тарелкой, посидел некоторое время, не поднимая головы, ища причину такого поведения поварахи. По характеру она явно была сильнее многих здесь, и за ее уверенностью что-то стояло, что-то таилось. Это Пафнутьев не просто чувствовал, это он уже знал.

— Приду, — кивнул Пафнутьев.

— На втором этаже по коридору последняя дверь направо.

— Помню.

Когда после обеда Пафнутьев поднялся на второй этаж и, пройдя по коридору, постучался в последнюю правую дверь, он даже предположить не мог, что увидит, войдя в комнату.

— Открыто, входите, — раздался голос Вохмяниной.

Пафнутьев медленно открыл дверь, заглянул и лишь потом решился переступить порог. Перед ним в кресле, в полураспахнутом халате сидела Вохмянина. Ничего общего с той женщиной, которую он видел всего полчаса назад, у нее не было. Ни передника, ни дурацкого чепчика, ни шлепанцев, в которых она обычно передвигалась по дому.

Пафнутьев оторопел.

Все те схемы, версии и предположения, которые он выстраивал до сих пор, попросту рухнули от одного вида еще одной красавицы. Длинные темные волосы на затылке схвачены широкой лентой, халат продуманно распахнут, и молодое, полное срамных сил бедро смотрело на Пафнутьева откровенно и вызывающе. На узкой ухоженной ступне покачивался мохнатый шлепанец с заячьей мордой и длинными ушами. В руке у Вохмяниной была большая пузатая рюмка, в которой плескалось все то же золотистое виски. В этом доме, похоже, все пили только виски.

Пафнутьев так и сказал:

— В этом доме, похоже, пьют только виски?

— А почему бы и нет? Напиток хороший, завезен в достаточном количестве, хозяйка не возражает.

— Она и сама, как я понял, не прочь пригубить?

— Пригубить? — Вохмянина рассмеялась, впервые показав Пафнутьеву прекрасные зубы. — А почему вы не скажете, что потрясены, увидев меня в таком виде?

— Я потрясен, увидев вас в таком виде.

— Вы просто повторили мои слова.

— Да, но я их повторил потому, что они в полной мере передают мое впечатление. Вы и сами видели, как я обалдел, едва переступил порог.

— Точно обалдели? — Вохмяниной, видимо, нравилось обсуждать собственные достоинства. Она была женщиной крупной, сильной, чуть полноватой но, похоже, не стремилась сбросить ни единого из всех прекрасных своих килограммов.

— А кто не обалдеет, — безутешно проговорил Пафнутьев, усаживаясь на стул напротив Вохмяниной.

— Да, действительно, я таких не встречала.

— И не встретите! — Пафнутьев чувствовал, что выдыхается, что произносить новые слова о прелестях Вохмяниной ему становится все труднее, но внешне он был беззаботен, широко улыбался и откровенно любовался Вохмяниной.

— Итак, вопросы. — Она чутко уловила перелом в его настроении, и первой перешла к делу. Пафнутьев мысленно поблагодарил ее за великодушие и попытался сосредоточиться — молодое бедро Вохмяниной, уходящее куда-то в глубь складок халата и там, в полумраке, теряющее четкие очертания, все-таки сбивало Пафнутьева с толку, все-таки мешало ему сделаться сухим и четким. — Мне кажется, я должна сесть скромнее? — усмехнулась женщина.

— Не обязательно, — смутился Пафнутьев, но тут же вышел из затруднения. — Можете оставаться в такой же позе, уже привык, жалко расставаться.

— С чем?

— Со столь прекрасным видом.

— А вы шалун! — рассмеялась Вохмянина.

— Только на словах, только на словах, поскольку профессия научила меня вязать слова в любом количестве, качестве, в любом содержании и даже без всякого содержания.

— Жаль.

— Спасибо, конечно, за столь приятное словечко, но... Не жаль, не надо.

— А я и не жалею!

— А я знаю! — теперь уже рассмеялся Пафнутьев и закручинился, затосковал, поскольку понял — с этим человеком легкого разговора не будет.

Вохмянина владеет собой, она подготовилась и, слегка захмелев, похоже, впала в этакий неязвимый кураж, все его слова будут ее если не смешить, то просто потешать. Не пробить ее сегодня, ох, не пробить, — причитал про себя Пафнутьев, а сам тем временем уже строил, строил коварные свои вопросы, уточнения, облекая профессиональное любопытство в форму светской беседы — легкой и непринужденной. Умел он это, умел, но чрезвычайно редко приходилось ему проявлять свое высокое мастерство.

— Знаете, Катя, у меня такое впечатление, что вы — едва ли не единственный здравый, разумный человек в этом доме.

— Спасибо. — Вохмянина склонила голову, признавая правоту Пафнутьева.

— Скажите, пожалуйста, что здесь происходит?

— Что происходит... Ничего особенного.

— Как?! А три трупы?!

— Видите ли, Павел Николаевич... Я сказала, ничего особенного по сравнению с тем, что здесь происходило постоянно.

— Вы хотите сказать, что трупы в этом доме — далеко не редкость?

— Нет. — Она вздохнула, посмотрела в окно, за которым свисали громадные сосульки — снег на крыше подтаивал, погода была прохладная, и сосульки постепенно наплаивались, превращаясь в мощные ледяные столбы. — Видите ли... Наша жизнь здесь, в этом доме, не столь проста, как может показаться. Если хотите, я могу рассказать, почему так получилось. Все, кто здесь живет, даже строители, находятся в каком-то нервном обострении, какое-то всеобщее взаимное неприятие. Если вы спросите, кто в добрых отношениях друг с другом, допустим, всего два человека, я не смогу вам ответить. Разве что бомж... Он со всеми был в хороших отношениях, как мне казалось. И вдруг убийство.

— Думаете, все-таки убийство?

— Павел Николаевич... Мне показалось, что вы не считаете меня круглой душой.

— Ни в коем случае! — несколько неловко, но с жаром заверил женщину Пафнутьев.

— Спасибо. Мой муж, Вохмянин, взялся доказать всем и, в первую очередь, самому себе, что это убийство могла совершить Света. Вы же в это не верите?

— Точнее будет сказать, мне не верится.

— В это никому не верится.

— Мог ли бомж сам повеситься? Мог. А почему бы и нет? Долгое употребление виски на ослабленный недоеданием организм действует совершенно непредсказуемым образом. Какова ваша здесь роль, Катя?

— Хотите откровенно?

— Хочу.

— Вам ведь все равно доложат, но искаженно, завистливо, недоброжелательно... Лучше уж я сама. Официально я жена Вохмянина, телохранителя Объячева. Но мы с ним не живем.

— Давно?

— С тех пор как поселились в этом доме. Потому что с первых же дней мы сошлись с Объячевым. Я была его любовницей, если вас не коробит это слово.

— Не коробит.

— Это хорошо... Сразу возникло много сложностей. Маргарита металась по всем этажам, от подвала до чердака... Это сейчас, после смерти Объячева, она такая тихая, хмельная, снисходительная... На самом деле, это фурия. Злобная, ревнивая, хитрая!

— Вы ее не любите?

— Так нельзя сказать. Я ее понимаю. Я произнесла о ней некоторые слова, но это не ругательства. Это диагноз. Дальше — мой муж. Тут все тише, сдержанней, но опаснее. Объячев вынужден был поселить здесь эту девицу, Свету, чтобы успокоить мужа. Вот, дескать, моя любовница, а уж никак не твоя жена. Мой муж глуп, самоуверен, свиреп, ревнив. Но даже он все понял.

— Он ненавидел Объячева?

— Очень мягко сказано. Он цепенел и начинал бешено ворочать желваками при одном только имени Объячева!

— Но оставался телохранителем?

— А что делать — деньги.

— Объячев знал, как к нему относится Вохмянин?

— Отлично знал.

— Но держал его при себе?

— По многим причинам. Во-первых, он этим держал при себе и меня.

— Вы не возражали?

— Я знала, на что иду, и шла охотно. Если можно так выразиться, сломя голову.

— Любовь?

— Знаете, Павел Николаевич. — Вохмянина отхлебнула из пузатой рюмки хороший глоток виски. — Если это была и не любовь, то что-то очень на нее похожее. Простите за откровенность. Объячева многие не любили, но он был сильный человек во всех смыслах слова.

— Кто его убил? — спросил Пафнутьев прямо и непосредственно.

— Ишь, какой вы лукавый... Так нельзя, Павел Николаевич... Баба расслабилась, выпила, призналась кое в чем, а вы тут же и вопрос на засыпку. Не надо с нами так, Павел Николаевич. Хотите выпить?

— Хочу.

— Ой, какой вы молодец! Обычно, когда спрашиваешь у мужика, не хочет ли он выпить, столько слышишь глупостей, кошмар какой-то! А тут вдруг простое человеческое слово "Хочу!" — Несмотря на свой рост и вес, Вохмянина поднялась легко, прошла к шкафчику, взяла еще одну пузатенькую рюмку, как заметил Пафнутьев, граммов этак на сто пятьдесят, и тут же налила.

Пафнутьев сделал хороший глоток, в таком обществе невозможно перебирать мокрыми губами и делать вид, что пьешь, при Вохмяниной такие фокусы не пройдут, это он уже знал.

— Хорошо, смягчим вопрос... А кто мог убить?

— Кто угодно. Без исключений. Маргарита могла ошалеть от ревности и потерять самообладание? Могла. Вохмянин мог? Запросто. Света, даже Божья тварь Света, когда обнаружила, что она здесь всего лишь ширма... Маловероятно, но как версия годится, да?

— Вполне.

— А этот наш гость задрипанный... Вьюев! Это же первая любовь Маргариты... Вы об этом знаете?

— Вьюев — первая любовь Маргариты?! — ужаснулся Пафнутьев.

— Да, Объячев в свое время увел ее от него. Он сам мне об этом рассказывал. Бывают среди ночи моменты между женщиной и женщиной, когда теряют смысл все секреты, тайны. Двадцать лет назад увел у Вьюева Маргариту, а сейчас кинул его тысяч на двести.

— Долларов?

— Конечно, не о рублях же речь. Мог Вьюев озвереть? Я лично сомневаюсь, но как версия годится, да?

— Годится, — согласился Пафнутьев и допил свое виски.

— Добавить? — спросила Вохмянина, потянувшись к бутылке.

— Чуть попозже, — сказал Пафнутьев. — Чуть попозже. А что вы думаете о смерти строителя?

— Ума не приложу, — искренне произнесла Вохмянина. — Это вне моих догадок, сведений... Чуть какая-то.

— Эксперт, Худолей его фамилия, вы его видели... Он утверждает, что будут еще трупы.

— Ему виднее.

— А вы допускаете такую возможность?

— Конечно. Ведь люди смертны.

— И кого бы вы определили в кандидаты?

— Кого? — Вохмянина задумалась, и этой ее задумчивости Пафнутьев удивился больше всего — она всерьез приняла его шуточный вопрос, всерьез задумалась. Она не должна была позволить втянуть себя в эти игры, она умнее, предусмотрительнее, осторожнее в конце концов. — Маргариту, — сказала Вохмянина.

— Почему?

— У меня такое ощущение, что ее мало что держит в этой жизни, она как бы соскальзывает в небытие и не может удержаться. Хотя кое-что у нее есть... Хотите, скажу?

— Сгораю от нетерпения.

— У нее роман с моим мужем. — Вохмянина откинулась в кресле, отбросила полу халата, обнажив потрясающее свое бедро гораздо больше прежнего, и в упор посмотрела на Пафнутьева.

— Вы хотите сказать... Вы хотите сказать...

— Да, Павел Николаевич, да!

— Как же это понимать?

— Очень просто. — Вохмянина пригубила немного виски. — Любовь? Нет. Он телохранитель, лакей, слуга, а она человек, который остро, болезненно остро чувствует свое превосходство в социальном положении. Она — жена магната. А он — телохранитель, обязанный подставлять тело под пули, которые летят в ее мужа. Что касается Вохмянина... Я его неплохо знаю, мы прожили вместе лет пять, семь... Ему нужна красавица, пышнотелая, объемная, вроде меня... А если он связался с Маргаритой... Здесь может быть только одна причина.

— Боже! Какая?!

— Самая простая — месть. Она мстит Объячеву, и он мстит Объячеву. Если уж говорить откровенно... Здесь все мстят Объячеву.

— И вы тоже?

— Конечно!

— За что?

— Роль любовницы для меня унижительна. Я стою большего. И он обещал мне большее. И не сдержал своего слова. Напрасно он не выполнил своего обещания, ох, напрасно.

— Он как-то объяснил свое поведение?

— Объяснил. Ему показалось, что это убедительно... Он обещал, что разведется со своей Маргаритой, оставит ей квартиру в городе, а мы с ним будем жить здесь, в этом доме. Но потом сказал, что это невозможно. Дескать, Маргарита заявила, что этот дом на юридическом языке — их совместно нажитое имущество. И потому она имеет законное право на половину дома. И если он разведется с ней, она свою половину сдаст чеченцам. И пусть, дескать, он с ними воюет. Так он сказал. А как-то без него, он был в какой-то зарубежной поездке, мы с Маргаритой хорошо так набрались и побеседовали по душам. И я выяснила — не было у них такого разговора, не собирается она отсуживать половину дома. А сдавать дом чеченцам ей и в голову не приходило. И я поняла — он меня кинет.

— И вы со своим мужем отсюда уходите? — уточнил Пафнутьев.

— Нет. Мы с моим мужем уже никуда не уйдем. Мы не живем с ним сейчас и не будем вместе жить никогда. Между нами уже стоят чужие люди. Если выразиться красивее, мы оба предали друг друга. Я ему такая не нужна, и он мне такой тоже не нужен. Надо ведь иногда хоть за что-то уважать себя, верно?

— Неплохо бы, — кивнул Пафнутьев. — И в этом виноват Объячев, правильно?

— Можно, конечно, так сказать. — Вохмянина слегка захмелела, слова у нее получались растянутыми, в глазах появилась поволока, но в то же время она сделалась строже — запахнула халат и на ногах, и на груди, в кресле села прямее, как-то официальнее. Она, видимо, знала за собой слабину, знала, что может захмелеть, и тут же взяла себя в руки.

— А можно сказать иначе?

— Да, иначе будет точнее. Объячев стал причиной. Я бы вот так сразу не выносила приговор — виноват, не виноват... Это неправильно. Я ведь тоже откликнулась, отозвалась на его призывы. И себя не виню. Я поступила правильно. Мне не о чем сожалеть, — повторила она, словно уговаривая саму себя. — С Объячевым жизнь открылась передо мной другой стороной. Я говорю не о деньгах, я говорю об отношениях между мужчиной и женщиной. Теперь я другой человек. Я стала сильнее.

— Это заметно.

— Жаль, что мне не удалось уберечь Объячева... Но он был обречен.

— У него плохо шли дела?

— Он просто вынужден был поступать так, как никогда не поступал.

— Как же он начал вести себя?

— Он стал кидать людей. А им это не понравилось. И вот результат.

— Но он убит в собственном доме, в своей постели, кем-то из тех, с которыми мы сегодня обедали...

— Не знаю, может быть.

— До сих пор вы были более откровенны, — заметил Пафнутьев.

— Ничуть. Ни до сих пор, ни сейчас я вам ничего не сказала об убийстве, о том, кто это мог сделать, кто этого сделать не мог ни при каких обстоятельствах. И не намерена говорить об этом впредь. Извините, конечно. Я живу здесь, под этой крышей... И ни в кого камень не брошу.

— Вас не смущает, что с вами за одним столом сидит убийца, а может быть, и не один?

— Нисколько. Все мы убийцы, Павел Николаевич, все время от времени принимаем решения, которые убивают других людей. Кого насмерть, кого наполовину, кого калеккой оставляем за спиной. Нравственной калеккой, умственным, физическим. И потом, Павел Николаевич... Надеюсь, вы меня поймете... Какая разница, за столом ли убийца, в сарае обитает или где-то в городе, в роскошном офисе... Когда Объячев начал кидать людей, он сделался уязвимым. И я сразу почувствовала — заскользил вниз, в преисподнюю.

— Как сейчас Маргарита?

— Примерно. Она может еще зацепиться за какую-нибудь ветку, упереться в какой-нибудь камешек, вдруг кто-то руку протянет и вытащит из пропасти небытия или хотя бы приостановит скольжение... Муж убит, денег нет, вокруг враги, кредиторы насыщенные... Что ее держит здесь?

— Инстинкт самосохранения. — Пафнутьев озадаченно посмотрел на Вохмянину — обронила она неосторожное словечко, все-таки обронила. Немножко оплошала.

— Разве что, — она повела округлыми плечами, бросила взгляд на бутылку, в которой еще оставалось виски, но удержалась, не налила.

— Почему вы думаете, что у нее нет денег? — спросил Пафнутьев. — Разве Объячев разорен?

— Пока у него дом, он не разорен. В законченном виде это сооружение стоит не меньше миллиона долларов. А миллион — это те деньги, с которыми всегда можно начать новое дело.

— В случае, если ваше жутковатое предсказание сбудется и с Маргаритой действительно что-то произойдет... Кому достанется дом со всеми прилегающими постройками?

— У Объячева где-то есть сын от первого брака... Вроде, мальчик вырос шустрым, в папу... Как-то он был здесь. Походил по этажам, поусмеялся в усы и уехал.

— Сегодня за столом во время обеда, прекрасного, должен сказать, обеда...

— Спасибо, — кивнула Вохмянина. — Но это были пельмени, казенные пельмени, между прочим.

— Так вот, за столом собралось человек пять-шесть, не помню...

— Что-то около этого.

— Вас не смущает, что половина из них может оказаться убийцами? Другими словами, половина из них наверняка убийцы, правда, пока не разоблаченные.

— Я уже ответила на этот вопрос. Накрывая на стол, я считала, что все они убийцы. Скажите, Павел Николаевич... Вот в вашей деятельности, непростой, суровой и так далее... Было какое-нибудь решение, ваше решение, которое привело к смерти человека?

— Знаете, как-то не задумывался...

— А если задуматься?

— Допускаю такую возможность... Когда я выхожу на след преступления, среди участников начинаются разборки.

— Это уже подробности, — усмехнулась Вохмянина.

И в этот момент в кармане Пафнутьева тонко запищал сотовый телефон. Он некоторое время колебался, стоит ли откликаться и рвать нить разговора, или все-таки ответить...

— Кто-то вас ищет, — подсказала Вохмянина, и Пафнутьев вынул телефон из кармана.

— Слушаю, — сказал он.

— Шаланда в эфире! — услышал он радостный голос.

— Судя по тону — у тебя победа?

— Да! — орал в трубку Шаланда. — Победа, Паша, полная и бесповоротная.

— Поздравляю!

— Вулых задержан. В трехстах километрах от города. И при нем миллион долларов.

— Не понял? — осел Пафнутьев на своем стуле.

— Повторяю для тугоухих, у Вулыха, в его спортивной сумке обнаружен наличными, в пачках, столетними купюрами... Миллион. Как это тебе, Паша, нравится?

— Поделишься? — усмехнулся Пафнутьев.

— Не получишься, Паша! Там десяток свидетелей! И все поставили свои подписи. Во, дурье, а? Ну, ладно, Вулых уже у меня. Захочешь поговорить, приезжай.

— Приеду, — сказал Пафнутьев, и едва отключился от связи, как телефон запищал снова. На этот раз его разыскивал ана-

том. Пафнутьев сразу представил толстые очки с зеленоватыми стеклами, красные шелушащиеся руки, скорбный взгляд человека, который всегда сообщает людям что-то чрезвычайно печальное.

— Павел Николаевич? Очень рад. Простите, отвлеку вас на одну минуту.

— Хоть на час! — заорал Пафнутьев, чтобы хоть как-то перебить впечатление от этого мертвенного голоса.

— Я по поводу трупа Объячева...

— С ним опять что-то случилось?

— Да, как это не прискорбно. Дело в том, Павел Николаевич, что он был обречен и без насильственных действий по отношению к нему в бытность живым человеком.

— Как-как? — Пафнутьев не понял причудливых слов эксперта и вынужден был переспросить.

— В бытность живым человеком, — повторил эксперт. — Так вот... Он облучен.

— Это как?

— Получил сильную дозу радиации, несовместимую с дальнейшей жизнью.

— Как же это все понимать?

— Сие есть тайна великая, — ответил эксперт печально. — И непостижимая. С вашего позволения.

— У вас есть официальное заключение?

— Да. И я готов представить его в любой удобный для вас момент. Хоть сегодня, хоть завтра, хоть послезавтра. И в любой из последующих дней. У меня такое впечатление, что наш клиент чувствовал себя плохо последнее время.

— Значит, ему просто помогли?

— Сие есть...

— Да, знаю, тайна великая и непостижимая.

— Полностью с вами согласен.

Пафнутьев продолжал разговор уже без надежды узнать что-то новое, но задавал вопросы, выслушивал ответы, чтобы привыкнуть к новости, которая опять, уже в который раз, переворачивала все его версии и догадки. И чувствовал Пафнутьев, понимал, да что там, наверняка знал, будут, будут еще загадки, будут тайны великие и непостижимые.

— Большое спасибо, — произнес, наконец, Пафнутьев в трубку. — Вы меня просветили и наставили на путь истинный. Чрезвычайно вам благодарен. Я скоро приеду. До встречи.

Худолей выслушал Пафнутьева с видом совершенно невозмутимым и даже загадочным. Собственно, загадочность и была в его невозмутимости. Пафнутьев рассказывал о задержании Вулыха с миллионом долларов, о звонках Шаланды, восторженных и горделивых, о том, что Объячев, оказывается, был просто обречен, и травить его, протыкать спицами и расстреливать не было

никакой надобности — просто вдруг одновременно многие почувствовали, что терпение их на исходе. Худолей кивал, но в кивках его была какая-то снисходительность. Дескать, если, Паша, тебе больше не о чем рассказать, то я готов выслушать и эти твои побасенки, давай, валяй, рассказывай.

— Сколько, говоришь, при нем было денег? — скушаяще спросил Худолей, высматривая что-то за окном.

— Миллион.

— Естественно, долларов?

— Долларов, — кивнул Пафнутьев, пытаюсь понять — что происходит с его экспертом?

— Надо же, — беззаботно удивился Худолей. — Большие деньги. Неужели можно столько заработать на строительстве домов? Мне кажется, что столько заработать на строительстве домов трудно. Как ты, Паша, думаешь?

— Согласен с тобой. — Пафнутьев все больше настораживался, глядя на Худолея, на его легковесную манеру разговора — так бывало, когда эксперт находил нечто настолько неожиданное, переворачивающее ход следствия, что все остальные находки попросту меркли и теряли смысл.

— Я вот думаю, что милиционеры, которые задержали Вулыха, поступили не совсем разумно. А если говорить откровенно и называть вещи своими именами, то они поступили так глупо, что никогда в жизни поступить глупее им уже не удастся.

— Это в каком же смысле?

— Они должны были оставить Вулыху сто тысяч, а остальные поделить между собой. И жили бы в лучших домах, их дети учились бы в английских институтах, жены ходили бы в греческих шубах, а сами они попивали пивко на Канарских, Багамских, Фолклендских и прочих островах. А вместо всего этого получают запись фиолетовыми чернилами, скрепленную опять же фиолетовой печатью.

— Какую запись? — не понял Пафнутьев.

— В трудовой книжке. Спасибо, дескать, вы славные ребята, и мы очень вами гордимся.

— Я спросил у Шаланды о том же... Там действительно вышла накладка... Когда ребята задержали Вулыху и доставили в отделение, они не знали, что у него в сумке. Сумку вскрыли уже в кабинете начальника. Вокруг стола собралось все отделение, включая дежурного, водителя и секретаршу. Человек семь, не меньше.

— Если бы они этот миллион поделили на семь человек, все те прелести красивой жизни, о которых я только что говорил, стали бы доступны всем семерым.

— Невозможно, — вздохнул Пафнутьев. — Это уже было невозможно.

— Почему?! — наконец в голосе Худолея прорвались какие-то живые нотки.

— Обязательно произошла бы утечка информации. Втроем — Вулых и два милиционера... Все было возможно. Но когда их стало семеро... Исключено. Обязательно произошла бы утечка. Кто-то что-то ляпнул бы по пьянке, шуба у одной жены неизбежно бы оказалась лучше, чем шуба у другой жены, Багамские острова в чем-то превосходили бы Канарские... Печально, но это так.

— Возможно, ты прав, Паша, — с обидным безразличием проговорил Худолей. Пафнутьев остро почувствовал, что безразличие это касается не только миллиона долларов, но затрагивает вообще все, что говорил Пафнутьев.

— Ну, давай уж, не тяни... Что там у тебя?

— А что, Паша, ты хочешь от меня услышать? — невинно спросил Худолей.

— Я хочу знать имя, фамилию и отчество убийцы.

— Ты слишком много хочешь, Паша. Так нельзя. Это алчность.

— И ты совсем-совсем ничего не можешь мне сказать? — удивился Пафнутьев.

— Ну, почему же, — спохватился Худолей. — И сказать могу, показать, и суждения высказать, неглупые, между прочим, суждения о нашем с тобой расследовании. Пошли, Паша. — Худолей поднялся, с некоторой церемонностью одернул пиджак и, вскинув голову, направился к лестнице в подвал. У первой ступеньки он оглянулся, дождал поотставшего Пафнутьева. — Прошу ничему не удивляться, все воспринимать спокойно и с достоинством.

— И с меня ничего не причитается? — удивился Пафнутьев.

— Это особый разговор. Подобная тема не терпит спешки, суеты, скороговорки.

— Ну, ладно, — согласился Пафнутьев.

Спустившись в самый низ, Худолей распахнул дверь в темную комнату. Нащупав уверенной рукой выключатель, он щелкнул кнопкой, и комната озарилась электрическим светом. Она оказалась поменьше той, в которой жили строители, метров двадцать. Здесь были свалены лопаты, вилы, грабли, отдельным снопом в углу стояли разномастные лыжи, палки, горкой были свалены лыжные ботинки, какие-то неуклюжие, пересохшие — чтобы привести их в порядок, надо, наверное, не меньше недели смазывать их смягчающими восками. Но Худолей пренебрег всеми этими завалами и решительно направился в дальний угол, где стояли несколько велосипедов. Подойдя к ним, он присел на корточки и глянул на Пафнутьева.

— Прошу обратить внимание, — произнес он отстраненно, дескать, чем только не приходится заниматься.

Пафнутьев тоже присел и послушно уставился в то место, куда смотрел Худолей. И ему сразу все стало ясно — в велосипедном колесе не хватало спицы. Причем, если все колесо было за-

пыленным, присыпанным строительной, цементной, известковой пылью, то в том месте, где не доставало спицы, место на ободке было вытертым, гнездо для спицы тоже выглядело свежим — с четким отверстием, чистой резьбой на крепежном винте.

— Вопросы есть? — спросил Худолей, как бы скучая.

— Нет, все ясно. Собственно, ничего нового нам эта дырочка от спицы не дает, но сама по себе находка забавная. Она говорит о том, что мы идем в правильном направлении.

— И это все, что ты можешь сказать? — Худолей оскорбленно поднялся, отряхнул колени.

— А ты? Можешь добавить?

— Спицу вывинтил мужчина. Ни белые ручки Светы, ни трясущиеся Маргариты, ни пухленькие Кати на это неспособны.

— Для подобных работ, я имею в виду снятие спиц, натяжение спиц, есть специальный ключ.

— Здесь нет никаких ключей. Просто никаких. Видимо, они где-то сложены в одном месте, в каком-нибудь ящике, в коробке, банке. И потом, на крепежной гайке следы плоскогубцев. Не ключа, Паша, ключ не оставляет следов, а именно продольные заусеницы от плоскогубцев. Это еще одно подтверждение, что работал мужик, а не баба. Ты видел маникюрчики у Светы и Кати?

— Видел.

— С ними такую работу выполнить невозможно. А у Маргариты вообще руки — крюки. Она еле пробку с бутылки свинчивает. Стрелять могли и мужик, и баба. Но спица... Это, Паша, мужик.

— Ну, что ж, — Пафнутьев поднялся. — Осталось найти спицу. И тогда многое станет ясным.

— А что тебе добавит спица?

— По характеру заточки можно кое-что представить... Превратить спицу в орудие убийства можно разными способами... Можно заточить ее пилочкой для ногтей, напильником, о камень. Можно все это проделать грамотно, красиво, а можно коряво и бестолково.

— Боюсь, Паша, что саму спицу мы никогда не найдем. Ее достаточно выбросить из окна — и она исчезнет навсегда. В этом глиняном месиве утонет не то что спица, человека можно спрятать. И не одного.

— А бомж в этой грязи нашел пистолет.

— Он видел, как его выбросили из форточки. И подошел к месту падения — там была дыра во льду.

— Думаешь, он узнал человека, который выбросил пистолет?

— А чего там узнавать? Они все отличаются друг от друга. Плотная, почти массивная Катя, костлявая тень Маргариты, юная и стройная Света. — Худолей опасно покосился на Пафнутьева — не слишком ли он задел его чувства, но Пафнутьев подковырку стерпел и никак не откликнулся. — Мужики тоже достаточно различны... Объячев большой, высокий, громоздкий, Вьюев он и есть Вьюев, Вохмянин... Сам понимаешь, Па-

ша, бож мог запросто узнать, кто выбросил пистолет из форточки.

— Ладно, — вздохнул Пафнутьев. — Поеду с Вулыхом беседовать. Он в шаландинских казематах... Вроде, начал показания давать. Вдруг завеса приоткроется.

— А здесь ты со всеми поговорил? — задал Худолей какой-то странный вопрос. Спросил, а сам искоса так, остороженнько поглядывал на Пафнутьева — как тот отнесется к его словам.

Пафнутьев, уже направившийся было к двери, остановился, некоторое время молчал, не оглядываясь, потом медленно-медленно, будто что-то преодолел в себе, обернулся и исподлобья, выжидающе посмотрел на Худолея. А тот все еще стоял посреди комнаты, улыбался и на начальство смотрел почти жалостливо.

— Ну? — сказал Пафнутьев. — Слушаю тебя внимательно.

— А я что? Я ничего. Только спросил — со всеми ли обитателями дома поговорил, встретился ли со всеми, каждый ли объяснил тебе свое понимание тех трагических событий, которые потрясли не только объязевское семейство, но, можно сказать, потрясли весь город, поскольку три трупа за одни сутки в одном месте... Такое, Паша, бывает не часто, ох, не часто. И если мы оглянемся назад, на прожитые годы, то вынуждены, просто вынуждены будем признать, что наша с тобой работа...

— Заткнись, — сказал Пафнутьев. — Нет сил слушать.

— А я все жду, когда же ты в меня запустишь чем-нибудь. — Худолей усмехнулся. — Но, Паша, ты ведь меня знаешь. Не будь оправдательных обстоятельств, разве посмел бы я, никчемный и жалкий, отнимать у тебя столько драгоценного времени, разве решился бы... — Последние слова Худолей произнес уже с нескрываемой горечью.

— Какие у тебя обстоятельства, скажи уже наконец! — проstonал Пафнутьев.

— Скажу, — легко согласился Худолей. — Отчего не сказать. И покажу. Порадую хорошего человека. — Он повернулся и частой, торопящейся походкой направился в угол, где стояли несколько дверей, прислоненные к стене. — Помоги мне, Паша, эти двери в сторону отставить. И тебе воздастся.

Когда Пафнутьев вместе с Худолеем освободили угол, перед ними в стене оказалась железная дверь. Снаружи были приварены две толстые петли, в которые предполагалось вдевать всякий замок. Но замка не было, а дверь оказалась закрытой. Подергав за петли, Пафнутьев убедился, что открыть ее невозможно.

— Закрыто изнутри, — пояснил Худолей в ответ на немой вопрос Пафнутьева. — Там кто-то есть.

— Живой? — спросил Пафнутьев.

— Думаю, да. Не могу только сказать, насколько живой. Паша... Вот железные петли для замка... На них совершенно нет пыли. А пыль должна быть. Смотри. — Худолей провел рукой по верху двери и показал Пафнутьеву густой слой пыли, оставший-

ся на пальцах. — Туда кто-то ходит. Тс-с! — Худoley приложил палец к губам, призывая Пафнутьева к тишине. Он приложил ухо к щели, Пафнутьев сделал то же самое, и они услышали, явно слышали осторожные шаги. Кто-то опасливо приблизился к двери и замер с противоположной стороны. Через некоторое время шаги так же осторожно удалились. — Смотри, Паша, что я сделаю. — Худoley несколько раз постучал кулаком в железную дверь — двойной удар, два одиночных, снова двойной.

— Иду, — услышался голос из-за двери.

Проскрежетал металлический запор, и дверь приоткрылась. Худoley тут же сунул ногу, чтобы человек с той стороны не мог снова захлопнуть дверь. Перед ними стоял высокий человек с седоватой щетиной, именно щетиной, бородой его растительность нельзя было назвать. Человек стоял на небольшой площадке, а дальше лестница шла вниз — подвал оказался двухэтажным. Человек не убежал, молча, настороженно смотрел, переводя взгляд с Пафнутьева на Худoley.

— Здравствуйте! — громко произнес Пафнутьев. — Как поживаете?

— Нормально, — ответил человек глухим, простуженным голосом. — Вы кто?

— Я — Пафнутьев, а это Худoley.

— Пополнение прибыло?

— Можно и так сказать. — Пафнутьев не понял вопроса, но решил не уточнять.

— Проходите, коли так. — Человек отошел в сторону и показал на уходящие вниз бетонные ступеньки.

Пафнутьев никак не мог осознать происходящее — мужчина, который стоял перед ним, не казался забитым, измученным, изголодавшимся, в глазах у него была дерзость, вызов, даже чуть заметное не то превосходство, не то обида.

— Вы кто? — спросил Пафнутьев, пытаясь сломать эту затянувшуюся неопределенность.

— А вы кто?

— Начальник следственного отдела прокуратуры.

— Надо же, — усмехнулся незнакомец. — Наконец-то!

— Давно ждали?

— Ждали. — И опять в тоне заросшего человека промелькнула нотка незаслуженной обиды, как если бы Пафнутьев обещал его навестить месяц назад, но собрался только сейчас.

— А вы не ждали нас, а мы приперлися, — нараспев произнес Худoley. — Значит, так, мужик... Хватит темнить. Давай говори все как есть — кто ты, что здесь делаешь, как оказался в этой яме?

— Посадили.

— Кто?

— Нашлись такие. — Человек явно опасался говорить откровенно.

Он все так же стоял в проеме двери, все так же за его спиной уходила в темноту лестница.

Пафнутьев молча вынул из кармана удостоверение и протянул незнакомцу. Тот взял, всмотрелся, вчитался.

— Идемте. — Незнакомец сделал приглашающий жест рукой. — Сами посмотрите...

— Ну, что ж, — согласился Пафнутьев. — Лучше один раз увидеть, да? А ты куда? — спросил он у Худолея, который тоже вознамерился было спуститься в глубину подвала. — Оставайся здесь, наверху. Будешь бить во все колокола, если я не вернусь через полчаса.

— Паша, какой ты все-таки умный!

— Потому и жив. — Осторожно нащупывая ногой каждую ступеньку, Пафнутьев двинулся вслед за своим провожатым.

Опускаясь все ниже, Пафнутьев обратил внимание, что воздух здесь свежий и с глубиной не становится спертым, душным. Ступеньки были отлиты из бетона и оказались какими-то нестандартными, они были выше обычных, и поэтому приходилось каждую следующую нащупывать, а уж потом становиться на нее всей тяжестью.

— Вот и пришли, — раздался в темноте голос незнакомца. Вспыхнула лампочка, и Пафнутьев увидел, что стоит посредине комнаты без единого, даже самого маленького окна. В углу — лежак с подушкой, к стене придвинут небольшой стол и два стула. На столе разбросаны остатки пицци и, конечно же, стоит неизменная бутылка виски.

— Красиво жить не запретишь, — пробормотал Пафнутьев, показывая на бутылку. Он присел к столу на один из стульев, второй придвинул незнакомцу. — Прошу!

Тот усмехнулся, сел, сдвинул в сторону куски хлеба, колбасы, какие-то консервы.

— Павел Николаевич Пафнутьев, — протянул руку следователь и пытливо заглянул в глаза заросшего человека, предлагая и ему представиться.

— Скурыгин Эдуард Игоревич.

— Скурыгин? — Пафнутьев задумался, что-то ему напоминала эта фамилия, где-то он ее слышал, наверняка произносил не один раз, и было это совсем недавно. — Не тот ли Скурыгин, который...

— Тот самый. Вы наверняка видели мою фамилию в сводке уголовных происшествий месяца два назад. Пропал бизнесмен. И никаких следов. Было такое?

— Что-то припоминается.

— Тогда считайте, что Скурыгин нашелся.

— Так это вы тот самый бизнесмен?

— Был бизнесмен.

— А сейчас?

— Заключением личной тюрьмы Объячева.

— Сколько же он вам дал?

— Неважно. Он сделал все, что хотел. Я сломался и довольно быстро. Слабаком оказался. Сожалею. Но — поздно. На сегодняшний день у меня нет ничего, кроме этой кушетки, стола и бутылки виски. Впрочем, и виски скоро закончится.

Пафнутьев продолжал осматривать каземат, в котором пребывал Скурыгин. Стены были оштукатурены, потом зашпаклеваны, вид имели вполне приличный. Наконец он увидел то, что искал с самого начала — вентиляция, маленькое круглое отверстие было почему-то сделано у самого пола.

Пока Пафнутьев сидел за столом рядом с заключенным, Худолей тоже спустился и медленно, но безостановочно передвигался по камере, ко всему присматриваясь, на все обращая внимание, чуть ли не принохиваясь.

— Вы что-то ищете? — нервно спросил Скурыгин, косясь на Худолея и, судя по всему, не одобряя его любопытства.

— Что вы, что вы! — замахал эксперт руками. — Просто интересуюсь бытом частного заключенного. Что-то вы, видимо, здесь читали, чем-то развлекались, а? Вас кто-то посещал?

— Объячев посещал.

— С какой целью? — спросил Пафнутьев.

— Куражился. Время от времени приносил документы, которые я должен был подписывать.

— Подписывали?

— Да.

— И что же в результате?

— Долги, которые были на нем, теперь на мне.

— Это плохо, — посочувствовал Худолей и в этот момент его передвижения перестали быть бестолковыми. Он замер, как охотничья собака, почуявшая дичь, причем, замер как-то сразу, на ходу, так что Пафнутьев и Скурыгин сразу обратили на него внимание. Почувствовав, что за ним наблюдают, Худолей сделал несколько маскировочных движений — наклонился и, вроде бы, завязал шнурок, потом двинулся совсем в другую сторону и таким образом погасил к себе интерес, тем более, что Пафнутьев задал Скурыгину забавный вопрос.

— Скажите, пожалуйста, как это все понимать... Вы здесь, вроде бы, в заточении, Объячев заставляет вас подписывать всякие бумаги, а в то же время дверь закрывается изнутри? Другими словами, вы всегда можете выйти отсюда?

— Не могу, — ответил Скурыгин. — В том-то все и дело, что я уже не могу покинуть это заточение.

— Почему?

— Потому что это уже не заточение... Это убежище. Стоит мне появиться в городе, и меня хлопнут в первом же подъезде, не забыв сделать контрольную дырку в голове. Теперь я уже не сижу, прычусь. Объячев по великодушию своему и доброте челове-

ской позволил здесь побыть некоторое время, пока поугаснут страсти, и меня уже не будут искать.

— А вас ищут?

— У меня есть основания так думать.

— И вы уже не хотите покинуть эту камеру?

— Мне и нельзя ее покидать.

— Вы знаете, что Объячев убит?

Скурыгин некоторое время смотрел на Пафнутьева, словно не понимая сказанного, потом отвернулся. И Пафнутьев понял — о смерти Объячева, мучителя своего и тюремщика, он знает.

— Сюда тоже просачиваются кое-какие слухи с воли, — сказал Скурыгин.

— От кого?

— Вохмянин сказал.

— Он вас навещает?

— Пришел как-то... Совсем недавно. Не то сутки, не то двое назад. Сказал, что Объячев убит, и томиться мне здесь уже нет смысла.

— Сутки или двое суток назад Вохмянин сказал о смерти Объячева? — уточнил Худолей.

— Если вы посидите взаперти без окон, без дневного света, без часов... — Скурыгин усмехнулся с горечью, как бы призывая понять и оценить все, что ему пришлось перенести.

— То что? — спросил Пафнутьев.

— То вы не вспомните — был ли какой разговор сутки назад, неделю или месяц... Время превращается в какое-то месиво, и ты барахтаешься в нем совершенно беспомощный, одуревший от неопределенности. Нет, меня здесь не избивали и иглы под ногти не загоняли, не заставляли гадюк глотать и утюгом тоже не прижигали... Но отсутствие времени добивало.

— Интересно! — вдруг закричал Худолей с какой-то истеричной капризностью. — Он сидит здесь, он уйти не может, он томится... А напильник! — он показал найденный им в углу небольшой треугольный напильник с деревянной ручкой. — Все узники мира только и мечтают о напильнике, только и стремятся заполучить напильник, а у вас он готовенький! Интересно! Помню, в каком-то кино узнику передали напильник то ли в булке хлеба, то ли в куске колбасы... Да с таким напильником можно все замки перепилить и уйти на волю-вольную! — Последние слова Худолей произнес даже с подъемом, будто на митинге выступал.

Скурыгин посмотрел на Худолея с нескрываемой жалостью.

— У вас действительно был напильник, — уточнил Пафнутьев.

— А что вы мне предлагаете этим напильником перепилить? Наверху стальная дверь, на нее снаружи вешается амбарный замок, повторяю — снаружи. Никаким напильником не дотянуться до этого замка. Что пилить? Стены из бетонных блоков? Ше-

стсот миллиметров толщина. Тут такой фундамент, что на нем можно еще десять этажей лепить. Выдержит.

— Интересно, — продолжал канючить Худолей, копаясь в углу и находя там еще что-то для себя чрезвычайно важное. — Интересно, — тянул он и этим своим словечком почему-то нервировал Скурыгина — тот не столько разговаривал с Пафнутьевым, сколько вынужден был все время оглядываться назад, где Худолей, присев на корточки, водил пальцем по цементной пыли. Потом ему это, видимо, наскучило. Он подволок к столу какой-то ящик и сел, присоединившись к общей компании. Его заинтересовал стол, сколоченный из толстых досок, он убедился, что стол сделан прочно, не шатается, что доски приколочены надежно, и бутылка виски при всех его подергиваниях даже не колыхнулась.

— Я вижу, вам стол понравился? — снисходительно спросил Скурыгин.

— Хороший стол, — похвалил Худолей. — Мне бы такой не помешал.

— Зачем?

— Я бы на даче поставил. Вечерком присесть за такой стол, открыть бутылочку чего-нибудь соблазнительного, угостить хорошего человека рюмочкой, второй, а то и третьей... Да, Паша?

— Если это приглашение, то я согласен. — Пафнутьев усмехнулся, увидев растерянное лицо Худолея. — Как вас кормили?

— Приходила полная женщина... Симпатичная. Приносила поесть. В ведре.

— Почему в ведре?

— Не знаю. Ей, видимо, так было удобнее. Ведро накрыто полотенцем, и никто не знает, что там. И опять же ничего не мнется, не бьется, не разливается... Ведро — это не самое худшее решение. Бывало по несколько дней ничего не давали... Я стал делать запасы.

— Объячев собирался вас выпустить?

— Кто его знает, — Скурыгин передернул плечами. — Может, и собирался... Когда я подписал все, что ему было нужно, он мог спокойно меня выпускать. Но не исключаю, что были у него и другие варианты.

— Что вы имеете в виду?

— Есть у него люди, которые могут выполнить любое поручение. Просто любое.

— Он мог вас убить?

— Да, именно это я имею в виду! — почти прокричал Скурыгин. — И, как говорится, без следов. Здесь столько траншей, ям, котлованов... Сделать это очень просто.

— Когда сняли замок с двери?

— Точно сказать не могу, но, наверное, где-то неделю назад. Объячев сам пришел ко мне, бутылку принес и сказал обо всех моих возможностях... Хочешь на свободу — иди. Хочешь какое-

то время здесь побыть, перекантоваться... Пожалуйста. Показал документы, договоры, расписки... Я был повязан по всем статьям.

— И что вы ответили? — спросил Пафнутьев.

— Сказал, что подумаю.

— У Объячева были деньги?

— Да, — твердо сказал Скурыгин.

— Много?

— Когда говорят, что у человека есть деньги... Имеют в виду, что он, скорее всего, миллионер. И потом, Объячев вел активный, я бы даже сказал, какой-то безудержный образ жизни. Ему постоянно требовались живые деньги. Он что-то приобретал, продавал, закладывал... Какой-то он был неустоявшийся... Что вы хотите — предприниматель первого поколения. Они все такие.

— Какие? — уточнил Худолея.

— Ненасытные. С явными криминальными замашками. Не зря же он эту тюрьму построил... Знал, что пригодится. И пригодилась.

— Как он вас сюда доставил? — спросил Пафнутьев.

— Пригласил к себе, показал дом... Поужинали. Он позабылся о том, чтобы никто не знал, что я к нему поехал. Встретил меня на улице, надо, говорит, кое-что обсудить, посоветоваться... Посадил в машину и привез сюда. Никто даже не знал, где меня искать.

— Да, примерно так и было, — кивнул Пафнутьев и вдруг обратил внимание на Худолея — тот сидел, подперев щеку и прикрыв глаза, казалось, наслаждался божественными мелодиями, которые звучали не то здесь, в подвале, не то в его душе, не то доносились откуда-то из прошлого.

— Ты что, задремал?

— Нет, Паша, нет... Я все слышу, и твои слова, и слова этого несчастного узника... Вы продолжайте, я как бы участвую в вашем разговоре, но молча. Ты ведь не обижаешься? Мне бы, Паша, так не хотелось, чтобы ты и твой собеседник на меня обиделись, заподозрили в чем-то нехорошем, поганом, отвратительном.

Пафнутьев слушал Худолея со все возрастающим интересом — он уже догадался, что у того завелась какая-то мыслишка, что-то он увидел, что-то услышал в словах Скурыгина. Пафнутьев знал эту худолеевскую слабость — как только в деле намечался просвет, он тут же впадал в выпренное многословие с подчеркнутой вежливостью, с церемонной обходительностью, явно злоупотребляя терпением слушателей, но в то же время совершенно уверенный в том, что все ему простится, за все воздастся.

— Тебе не скучно с нами? — спросил Пафнутьев, чтобы проверить себя, убедиться в своем подозрении.

— Веселого, конечно, мало в ваших словах, но вы продолжайте, я неприятный и многое в жизни могу перетерпеть, —

ответил Худолей, не открывая глаз. И Пафнутьев понял — что-то он нашел в этом подвале — не зря так дергался Скурыгин, глядя, как эксперт изучает его жилище.

— Ну, ладно, — Пафнутьев поднялся. — Хватит вам здесь томиться. Поднимемся наверх, хозяйка выделит комнату с окном, а? Весна на улице, закаты, восходы, теплые ветры подули.

— А стоит ли? — усмехнулся Скурыгин. — Я уже здесь при-
вык.

— Пошли, Эдуард Игоревич. — Пафнутьев положил ему руку на плечо. — У нас с вами еще будут разговоры, не опускаться же мне каждый раз на двадцать метров в глубину.

— Побреетесь, душ примете, — подхватил Худолей. — Вернетесь к своему прежнему облику.

— Душ приму, а вот бриться поостерегусь. В таком виде меня не скоро узнают. Вы идите, я поднимусь следом за вами. Минут через пятнадцать наверху встретимся.

— Где наверху? — спросил Пафнутьев, уловив странную нотку в словах Скурыгина.

— В каминном зале, — ответил тот.

— Вы знаете каминный зал?

— Объячев там и принимал меня! До того, как сюда опустил.

— Нет, — твердо сказал Худолей, проявив решительность. — Здесь мы вас не оставим. Нельзя. Шоковое состояние — вы от радости можете с собой сделать что-нибудь непоправимое.

— Ребята, я в порядке! — Скурыгин почти по-худолеевски прижал ладони к груди. — Ничего с собой не сделаю! Соберу вещички и поднимусь.

— Если вы опасаетесь за свои вещички, мы запрем вашу келью, и никто сюда не войдет.

— Господи! Ну, дайте мне возможность хотя бы трусы поменять!

— У вас здесь запасное белье? — удивился Худолей. — Интересно! — опять протянул он свой дурацкий возглас, полный недоумения и какого-то каприза. — Это каждый согласится сидеть в таких условиях! Я, например, с Нового года трусы не менял!

— Значит, договорились! — сказал Скурыгин упрямо, но чем больше он настаивал на своем желании остаться, тем тверже было намерение Пафнутьева ни в коем случае ему этого не позволить.

— Независимо от того, как часто меняет трусы наш эксперт, вам все-таки придется пройти с нами.

— Вы настаиваете?

— Да.

— И решения своего не измените?

— Нет, — сказал Пафнутьев, улыбаясь широко, неуязвимо и немного глуповато, чтобы не заподозрил Скурыгин пакости против него, чтобы за настойчивостью следователя не видел ничего,

кроме заботы о нем, об узнике, — отоцдавшем, одичавшем и заросшем непотребной растительностью.

— Бедный Объячев! — вдруг жалостливо протянул Худoley тонким бабьим голосом, будто оплакивал хозяина, лежащего тут же в гробу. — Как же ему пришлось повозиться с вами, прежде чем удалось убедить подписать бумаги! Как же он маялся и страдал, какие же доводы приводил!

— Неделю не кормил — вот и все доводы, — с неожиданной жесткостью сказал Скурыгин и первым направился к лестнице. — Настойчивость — это хорошее качество, — обернулся он к Худoley. — Но, как и все остальные качества, должна иметь какие-то пределы.

— Жизнь без начала, без конца! Нас всех подстерегает случай, над нами сумрак неминуемый, иль ясность Божьего лица! — с выражением произнес Худoley, и ни Пафнутьев, ни Скурыгин не могли понять, что он хотел этим сказать, на что намекал.

Однако, как бы там ни было, Худoley добился желаемого — разговор прекратился, и все молча поднялись на первый этаж подвала. Здесь уже было окно, сквозь немытые стекла пробивалось вечернее солнце, сверху доносились человеческие голоса, и, вообще, создавалось впечатление, что жизнь все-таки продолжается не только в темных казематах, но и в нормальных условиях при ясном свете дня.

Пафнутьев бдительно проследил, чтобы Скурыгину не только выделили комнату в доме, но и чтобы он в нее вошел, в ней остался, чтобы в ней не оказалось другого выхода, кроме того, который контролировали шаландинские оперативники. Вохмянина принесла постель, застелила широкую кушетку, следуя каким-то странным традициям, установившимся в последнее время, оставила на столе бутылку виски, три стакана, на спинку стула бросила халат.

— Отдыхайте, — сказала она. — Обед через два часа. Ванная напротив.

— Спасибо, — поклонился Скурыгин. — Вы очень добры.

— Я знаю, насколько я добра.

— Это новое место моего заключения? — спросил Скурыгин у Пафнутьева, когда они остались одни.

Вроде ничего обидного не сказано, но Пафнутьева задел этот вопрос. Было в нем какое-то превосходство, сквозило недовольство — Скурыгин, оказывается, до сих пор обижался на то, что не позволили ему на какое-то время задержаться в своей подземной камере.

— Называйте эту комнату, как вам угодно. Хоть общественным туалетом. Но выходить из нее я не советую слишком часто и слишком далеко.

— Далеко от дома?

— Нет. Далеко от комнаты. Из дома вообще выходить не хочется.

— Это приказ?

— Настоятельный совет.

— И мне решать — воспользоваться ли этим советом?

— Да, решать вам. А мне решать, как с вами поступить, если этим советом пренебрежете.

— Вам не кажется, что у вас несколько жестковат тон? Освобожденный заложник мог бы надеяться на более теплое отношение.

Пафнутьев постоял, опустив голову, подошел к окну, убедился еще раз, что выбраться из комнаты этим путем невозможно, вздохнул и направился к двери.

— Вы мне не ответили, — напомнил Скурыгин.

— Отдыхайте.

— У меня остались вещи внизу... Как с ними быть?

— Вам их принесут.

— Кто?

— Сам принесу.

— Это тоже входит в ваши обязанности?

Не надо бы Скурыгину задавать такой вопрос, ох, не надо бы. Услышав эти слова, Пафнутьев вздохнул, наконец, легко, даже освобожденно — теперь он может говорить с этим человеком как угодно, ничто его уже не сдержит, и никакие правила приличия не помешают задавать те вопросы, которые покажутся уместными.

— Я, кажется, начинаю понимать Объячева, — сказал Пафнутьев и, не добавив больше ни слова, вышел.

На площадке между этажами его поджидал Худолей. Глаза его радостно сияли, розоватые ладошки порхали в воздухе легко и непринужденно.

— Паша, послушай... У меня есть очень хороший товарищ, он живет в городе Запорожье на берегу Днепра, его зовут Подгорный Владимир Иванович. Он преподает в машиностроительном институте, и каждый день ректор лично выдает ему два пакета молока за вредные условия работы. Представляешь?

— В чем же вредность его работы?

— А студентки! — вскричал Худолей. — Прекрасные студентки, которые смотрят на него потрясающими своими глазами, приоткрыв от волнения совершенно непереносимые алые свои губки... А коленки, Паша, ты видел, какие у них коленки? Ты вообще-то давно видел юные коленки, выступающие из-под коротеньких юбочек? Отвечай, давно?

— Сколько лет твоему другу?

— Вообще-то, ему седьмой десяток, но это ни о чем не говорит!

— Это говорит о многом, — мрачно сказал Пафнутьев.

— О чем же, Паша?

— Это говорит о том, что твой Владимир Иванович Подгорный неплохо сохранился на ректорском молоке.

— Ты ничего не понял, Паша! Это не ректорское молоко! Молоко коровье! Ректоры не доятся!

— Когда увидишь своего запорожского друга, обязательно передай ему от меня привет.

— Спасибо, Паша! Я так и скажу... Владимир Иванович, скажу я, тебе большой и горячий привет от Паши Пафнутьева.

— Так и скажи. Что ты там устраивал в подвале? Нашел что-то?

— А как ты догадался?

— Скажи уже, наконец!

— Напильник.

— Которым можно выпилить дверь?

— Нет, им можно заточить велосипедную спицу. А плоскогубцами, которые валялись там же, в углу, на полу, можно эту спицу вывинтить. Ты помнишь, какие страшные заусеницы оставил убийца на крепежной гаечке? Помнишь? Так вот, эти плоскогубцы оставляют такие же заусеницы.

— А в напильнике остались металлические опилки от спицы, — не то спросил, не то сам себе сказал Пафнутьев.

— Наверняка!

— Срочно на экспертизу.

— Уже созвонился. Меня ждут.

— Молодец. Умница.

— Каждый раз, Паша, когда ты меня хвалишь, я сразу прикидываю, а что он мне подарит? Чем наградит? Как отметит усердие и выдающиеся результаты работы? Это я все, Паша, думаю про себя и, конечно, надеюсь. Что делать, надежда умирает последней. Может, думаю, приказ какой-никакой напишет и меня между строк упомянет в хорошем смысле...

Пафнутьев вслушивался в безостановочный словесный худолеевский поток и все больше проникался подозрением — что-то еще у того есть, какую-то еще зацепку он обнаружил, если позволяет себе вот так безнаказанно пожирать чужое время.

— Говори, слушаю тебя внимательно, — прервал, наконец, Пафнутьев своего эксперта.

— Хорошо, — тут же согласился Худолей, словно именно этих слов и ждал. — Помнишь какой хороший, добротный стол соорудили строители для узника? Помнишь? Ты сидел за этим столом, на нем еще стояла литровая бутылка виски за две тысячи рублей... Ты должен этот стол запомнить.

— Запомнил.

— Ты вот, Паша, прости меня, конечно, за этим столом кроме бутылки виски да одичавшего заложника ты ничего и не увидел.

— А ты увидел?

— И очень много.

— Например?

— Я увидел, Паша, следы. Когда за столом из толстых свежих досок, сосновых, мягких, пахнущих смолой и лесом... Так вот, если на такой доске нарезать хлеб — останутся следы от ножа. А если за таким столом обработать металлическую деталь, спицу, например, велосипедную или еще там что... то на столе образуются вмятины, следы напильника, оттиски самой спицы, а во впадинах, как ты не протирай этот стол, обязательно останутся металлические опилки. Пусть совсем маленькие, пусть их будет немного, пусть они незаметны невооруженным глазом, но они будут. И когда я восхищался столом и мечтал такой же иметь на даче, а ты навязывался ко мне в гости в расчете на дармовую выпивку, прости, Паша, но это было, было...

— И что?

— Так вот, я не восхищался столом и в гости тебя не звал, не звал, Паша, как это для тебя не прискорбно.

— Что же ты делал?

— Ощупывал стол чуткими своими пальчиками. И все, о чем я тебе рассказал, я там увидел грубо и зримо. Ты помнишь, как этот мохнатый узник не хотел уходить из своего подвала? Помнишь, как он до неприличия отвратительно цеплялся за этот каземат, чтобы побыть там одному, чтобы сменить свои заношенные трусики...

— Он убийца?

— Паша! Как ты можешь говорить подобные мерзости? Убийцей его может назвать только суд. А мы с тобой, слабые и хилые чернорабочие правосудия, можем только поделиться скудными своими соображениями. Я не знаю, убийца ли этот Скурыгин... Может, ему стол подсунили, может, подменили, может, напильник подбросили... Все, что происходит в доме, эта гора трупов, это многократное и безжалостное лишение человека жизни, человека, за счет которого все они жили, и неплохо жили... Вспомни только ящики с виски... Это кошмар, Паша! Это ужас какой-то и полный беспредел. Ты думал, что до сих пор сталкивался с беспределом? Нет, Паша. Только здесь, только сейчас, вместе со своим лучшим другом и бескорыстным соратником... Это я себя имею в виду... Ты столкнулся с настоящим беспределом. Сколько у нас с тобой трупов?

— Объячев, строитель, божж... Три.

— А сколько убийств?

— Только на одного Объячева четыре приходится.

— Таким образом, шесть убийств и три трупа. Странные какие-то цифры, Паша. Не убеждают они меня. Нет, не убеждают и не кажутся гармоничными.

— В чем не убеждают? — отшатнулся от неожиданности Пафнутьев. — В чем они должны тебя убеждать?

— Видишь ли, Паша. — Худoley подпрыгнул и сел на пыльный подоконник. — Видишь ли, Паша, я готов поделиться с тобой заветными знаниями. — Он отвел в сторону свою ладошку,

посмотрел на нее — хорошо ли, красиво ли она смотрится, и продолжил: — Оглянемся в темное прошлое, покрытое густой завесой веков... Хорошо сказано, да? Мне самому понравилось. Так вот, какие цифры мы там видим... Семь раз отмерь, семь пядей во лбу, у семи нянек вечно происходят какие-то неприятности... С другой стороны, двенадцать, то есть дюжина, воспетая во многих былинах, сказаниях, пословицах... Но есть и чертова дюжина — тринадцать!

— Да, я слышал об этом, — с легкой досадой от худолеевского многословия кивнул Пафнутьев. — Какой вывод ты из всего этого кладезя знаний вывел?

— Три трупа — это очень хороший знак, на этом все могло закончиться, если бы не одно досадное обстоятельство — четыре попытки убийства Объячева. И вот цифра “четыре” нашу с тобой тройку делает какой-то щербатой и требует, Паша, требует от высших сил исправления.

— Исправление — это что?

— Надо получить более устойчивое, надежное, непоколебимое число.

— Каким образом?

— Нужен труп.

— Еще один?! — ужаснулся Пафнутьев.

— Хотя бы один! И еще, Паша... Сделано всего шесть попыток убийства. Четыре попытки падают на Объячева, две попытки на остальных. Число “шесть” тоже плохое.

— Что значит плохое?

— Зыбкое, неустойчивое ни во времени, ни в пространстве, какое-то растекающееся число. “Четыре” тоже ни то ни се, два трупа — тут даже, ты понимаешь, плохо. Одно неприличие.

— Тебе обязательно надо повидаться с гадалкой. Как ее зовут, я все забываю... Эсмеральда?

— Элеонора.

Пафнутьев чувствовал, что по должности, по сложившимся отношениям с Худолеем он просто обязан отнестись к его словам насмешливо и снисходительно. Но в глубине души понимал, более того, знал — в чем-то важном эксперт прав. И дело не столько в древних законах сочетания цифр, хотя и это отметить он был не склонен. В сложившемся в доме положении Пафнутьев ощущал зыбкость, о которой сказал Худолей. Зыбкость, неопределенность, нечто если не растекающееся, то зреющее. Ни убийство Объячева, ни смерть строителя или бомжа не сняли напряжения в доме. Смерти не примирили оставшихся, не сгладили их неприятия друг друга. Поэтому Пафнутьев за всеми мистическими рассуждениями Худолея видел смысл, чувствовал, что тот произносит вещи здравые и обоснованные, несмотря на цифровую чертовщину.

В кармане Пафнутьева запищал сотовый телефон и прервал его оккультные размышления о худолеевских предчувствиях.

- Слушаю, — сказал Пафнутьев.
- Шаланда в эфире! — радостно прокричал начальник милиции.
- Рад слышать тебя, Шаланда! Хорошие новости?
- Откуда знаешь?
- По голосу слышу. Что наш строитель? Заговорил?
- Мне кажется, Вульх тронулся умом.
- В чем это выражается?
- Он может говорить только о миллионе долларов. И больше ни о чем. Любой вопрос воспринимает, как интерес к миллиону. Его замкнуло, Паша.
- Но смерть Петришко он помнит?
- Может быть, и помнит. Может, нет. Его глаза сошлись к переносице, остановились и остекленели.
- Как я его понимаю!
- Да? — насторожился Шаланда. — Это в каком же смысле?
- Если бы у меня отняли миллион долларов, у меня тоже глаза сошлись бы к переносице и остекленели. Навсегда.
- А! — облегченно вздохнул Шаланда, убедившись, что его не разыгрывают. — Я вот еще чего звоню... Общественность взбудоражена, Паша! Народ требует подробностей. В городе страшные слухи. Какие-то люди рассказывают, что сами видели подвалы объячевского дома, забитые трупами. Говорят, он был людоедом и лакомился младенцами. Представляешь? И это еще не все, Паша, это еще не самое страшное.
- Неужели что-то может быть страшнее?
- Якобы он был в сговоре и с милицией, и с прокуратурой!
- Не знаю, как насчет сговора, но могу тебя порадовать кое-чем пострашнее... В подвале объячевского дома обнаружен узник.
- Что?!
- Узник, говорю. Худолей обнаружил. Весь зарос, одичал, слова человеческие забыл, бросается на людей. Кое-кого уже кусал.
- Ты шутишь! — твердо сказал Шаланда, но просочилось все-таки в его голос сомнение — неужели и такое может быть?
- Помнишь, несколько месяцев назад пропал бизнесмен по фамилии Скурыгин? С дурацким именем Эдуард Игоревич, помнишь?
- Ну?
- Нашелся.
- Где?!
- В личной тюрьме Объячева. Это он одичал, Жора, это он забыл человеческую речь, зарос густой шерстью и бросается на людей. Я тебе о нем рассказываю. Сначала Объячев его на цепи держал, а потом, когда убедился, что тот сбежать не может, разрешил по клетке ходить. Сейчас дает показания.
- Ты же сказал, что он слова позабыл?

— Обходится теми, которые помнит.

— А смысл? Цель? Зачем это Объячеву?

— За эти несколько месяцев Скурыгин подписал кабальные договоры, расписки, доверенности... Подозреваю, что он взял на себя все объячевские долги.

Шаланда долго молчал, сопел в трубку, переваривая услышанное, видимо, что-то записал на бумажке, кому-то что-то ответил, прикрыв трубку рукой, и, наконец, понял.

— А что, — сказал он почти игриво, — очень даже может быть! Это, кстати, не первый случай. Если твой Худолей думает, что он столкнулся с чем-то невиданным, то передай ему...

— Жора, мы все с этим столкнулись.

— Где он сейчас, этот узник?

— Отдыхает, вспоминает свое подземное существование. Ему есть что рассказать общественности.

— Мне тоже будет что рассказать. Значит так, Паша... Нас с тобой пригласили сегодня на вечерний выпуск новостей. Город жаждет правды. И люди имеют право знать правду.

— Я тебе, Жора, сказал еще не все, — перебил Пафнутьев. — Суть-то в том, что последнее время Скурыгин сидел в своем подвале при открытых дверях.

— Это как? — не понял Шаланда.

— Он мог выйти на свободу в любое время.

— Почему же не уходил?

— Боялся.

— Кого?!

— Людей, которым задолжал, не вернул деньги, товар, которые ищут его после того, как он подписал бумаги. Объячев показал везде, где только мог, документы, из которых следует, что должник не он, должник — Скурыгин. Поэтому тот не столько сидел в объячевском подвале, сколько отсиживался, спасался в этом самом подвале.

— Паша, ты пойдешь со мной на передачу?

— Знаешь, Жора... Чуть попозже. Сходи один. У тебя больше успехов, твои ребята поймали человека с миллионом долларов... Тебе есть что рассказать. А что я? Пустое место.

— Как знаешь. — Шаланда не стал спорить и доказывать, что Пафнутьев тоже кое-что мог бы рассказать, но тем и отличался Шаланда, что его можно было легко убедить в собственном превосходстве — он этому верил сразу и до конца.

— Худолей вот тоже не хочет, к тому же у него сегодня связность речи нарушена. Хромает у него связность речи.

— Пьет? — жестко спросил Шаланда.

— Так можно сказать, но знаешь, сегодня он активно закусывает. Можно сказать, обильно.

— Гнал бы ты его, Паша. Я тебе могу такого эксперта предложить... Потрясающий парень.

— Не пьет?

- В рот не берет. Прислать?
- Чуть попозже, Жора, чуть попозже.
- Ладно, пока. Не пропусти последние известия.

Пафнутьев сложил коробочку телефона, сунул ее в карман и, подпрыгнув, уселся рядом с Худолеем на подоконнике. Это место было хорошо хотя бы тем, что здесь их наверняка никто не подслушивал, а они просматривали и лестницу, которая шла вниз, и лестницу, которая шла вверх. И передвижение всех жильцов дома было перед ними как на ладони.

- Не любит меня Шаланда? — спросил Худолей.
- Замену предлагает.
- А ты?

— Ты же слышал... Сказал, что чуть попозже. Он по телевидению сегодня выступает. Будет рассказывать о своих поисках и находках. Город, говорит, взбудоражен, люди хотят знать правду, их надо успокоить, а то прошли слухи, что здесь подвалы забиты трупами, а сам Объячев питался младенцами.

— Бедные младенцы, — вздохнул Худолей. — Только вот что я тебе, Паша, скажу... Не надо бы нам так усиленно работать, так стремиться к истине и поставлять Шаланде материалы для выступлений перед жителями города. Спешка, она, ведь, никогда до добра не доводит. Не зря народ сказал... Поспешешь — людей насмешишь. И мы с тобой можем так насмешить всех наших знакомых, что они будут по земле кататься каждый раз, как только увидят тебя или меня. Обещай, мне, Паша, что ты не будешь очень уж спешить раскрывать это дело. Я, ведь, тебе уже говорил об этом, предупреждал о грозящей опасности.

— Но поясни хотя бы свою глубокую мысль, а то я здесь, честно говоря, стал хуже соображать.

- Это заметно, Паша.
- Внимательно тебя слушаю.

— Паша, в этом доме столько виски, в этом доме столько виски, что если все останется здесь... Мы себе этого никогда не простим. А люди будут над нами смеяться. Одни будут зло смеяться, другие ехидно, но самым обидным будет просто веселый, безудержный смех. Ты обещал, Паша, не торопиться.

— Да, обещал.

— И у меня в связи с этим разговором возникла совершенно невероятная мысль, просто как счастливое озарение. И все существо мое воспрянуло и затрепетало.

— Ну?

— А не выпить ли нам по глоточку? Нас здесь никто не осудит, Паша.

Ответить Пафнутьев не успел — снизу раздалось пыхтение, тяжелые шаги, и перед ними возникла плотная фигура Вохмянина. Преодолев последние ступеньки, он остановился на площадке, смахнул пот со лба, перевел дыхание. На Пафнутьева и Худолея он смотрел затравленно и выглядел откровенно несчастным.

— Маргарита мертва, — сказал Вохмянин негромко, одними губами, и сел на грязную, засыпанную песком и цементом площадку, опустив ноги на ступеньки.

— Соскользнула все-таки, — пробормотал Пафнутьев.

— Что? — поднял голову Вохмянин.

— Кто-то мне говорил совсем недавно, что Маргарита уже соскальзывает в небытие, уже нет у нее в жизни опоры. Не на что ей опереться. Или, точнее будет сказать, не на кого. Где она?

— У себя в комнате. Как и муж, умерла в своей постели.

— Кажется, я начинаю к этому привыкать, — вздохнул Пафнутьев.

— Я тоже, — сказал Вохмянин, не оборачиваясь, и впервые за последние дни в голосе его прозвучала неподдельная усталость. — Хотя, казалось, это те вещи, к которым привыкнуть невозможно.

— Не знаю даже, что мне с вами делать, — пробормотал Пафнутьев. — Всех по комнатам запереть, что ли?

— А все и так по комнатам заперлись. — Вохмянин сидел лицом к ступенькам, уходящим из-под его ног вниз, в темноту. — Да и осталось-то нас не так уж и много... Мы с женой, Света, Вьюев... Кто еще? Да, наш родной зек... Скурыгин. Решил все-таки побриться, всю ванную шерстью загадил. Войти невозможно. Не он ли Маргариту порешил?

— Разберемся. — Пафнутьев спрыгнул с подоконника, отрянул с себя пыль, оглянулся на Худолея. — Пошли, дорогой. У нас опять пополнение. Или убыль... Не знаю даже как и сказать. Остальные знают, что Маргарита мертва?

— А я и не скрывал, — пожал плечами Вохмянин.

— Для пользы дела мог бы и скрыть, — проворчал Пафнутьев.

Проходя по сумрачным переходам, Пафнутьев только сейчас в полной мере осознал, что, видимо, Объячеву нравилась в доме незаконченность, недостроенность, он явно не торопился побыстрее довести дом до жилого состояния. Прими он решение о скорейшем завершении строительства, дом можно было привести в порядок за месяц. Но он этого не делал, а в результате с потолка свисали электрические шнуры с тусклыми лампочками, пол устилала строительная пыль, немытые окна создавали ощущение непрекращающихся работ. Да, конечно, отдельные спальни, собственный кабинет, каминный зал были в порядке и давали ясное представление о том, каким в конце концов должен стать дом.

И спальня Маргариты тоже оказалась в порядке — паркетный пол был устлан мохнатым розово-лиловым ковром, тут же стоял большой комод, над ним — зеркало со встроенными светильниками. На окне висела тяжелая штора, помимо нее некое подобие уюта создавали полупрозрачные гардины. В углу на черной тумбе стоял телевизор, слишком большой телевизор для

спальни — Маргарита, как уже знал Пафнутьев, любила, уединившись здесь, смотреть самую низкопробную порнуху с какими-то жеребьячьими подробностями.

Войдя в спальню, Пафнутьев замялся на минутку, прикидывая, не следовало ли ему снять туфли, но, поколебавшись, снимать не стал. Перебьется, — подумал он о мертвой хозяйке. Ей это уже безразлично. И потом, здесь будет столько суеты, столько побывает людей на этом лиловом ковре, что отпечатки его одиноких следов будут наверняка затоптаны. Пройдя в спальню вслед за Пафнутьевым, Худолей тоже не стал снимать туфли, хотя как бы споткнулся о порог, как бы приостановился — слишком велика была разница между этой спальней и остальным домом.

Маргарита лежала на кровати, вытянувшись во весь рост, накрытая одеялом. Руки ее тоже были вытянуты вдоль тела, и только сейчас, всматриваясь в ее тельце, выступающее продолговатым бугорком, Пафнутьев осознал, насколько Маргарита была худа.

— Сколько она весила? — спросил он, обернувшись к Вохмянину.

— Понятия не имею, — ответил тот, выражая неподвижным своим лицом удивление таким вопросом. — Килограммов пятьдесят, наверное, вряд ли больше.

Пафнутьев осмотрел комнату. У самой кровати стояла все та же початая бутылка виски, тут же валялся длинный мундштук с недокуренной сигаретой. Сама Маргарита лежала в позе совершенно естественной. Никаких следов насилия Пафнутьев не увидел. Но зато заметил, что мертвое лицо Маргариты как бы улыбалось — легкая, почти неуловимая улыбка застыла на серых губах женщины. Она словно продолжала общаться с живыми, что-то выражала этой своей улыбкой.

Пафнутьев подошел ближе, отдернул одеяло — на теле не было следов ни от удущения, ни от ножа, ни от пули. Ничего.

— Что будем делать? — спросил Худолей.

— Шаланде надо звонить. Пусть присылает машину. Я что-то уже сбился со счета...

— Маргарита — четвертая, — подсказал Вохмянин.

— Что скажешь? — спросил Пафнутьев у Худолея. — Как относятся к этой цифре мистические силы.

— Четыре — плохое число, Павел Николаевич. — Когда вокруг были люди, Худолей старался называть Пафнутьева по имени-отчеству. Но хватало его ненадолго — через несколько минут он опять переходил на "Пашу".

— В каком смысле плохое? — Пафнутьев хмуро посмотрел на Худолея. — На что намекаешь?

— Никаких намеков. Я сказал, что число плохое, оно действительно неважное... Зыбкое, струящееся, не имеющее четких границ ни в пространстве, ни во времени. Плывущее число.

— Если перевести твои слова на нормальный человеческий язык... — медленно проговорил Пафнутьев, но так и не закончил вопроса.

— Число может измениться, — ответил Худoley.

— Но меньше уже не станет?

— Никогда.

— Может только увеличиться? — продолжал Пафнутьев.

— Да, Паша, да. Пределов нет. Так говорят мистики, колдуны, провидцы и другие представители потусторонних сил.

— По науке, значит, все делается, не просто так, да?

Худoley лишь развел руками.

В спальне Маргариты к этому времени собрались едва ли не все обитатели дома — супруги Вохмянины, Света, настороженный Вьюев, выбритый и совершенно неузнаваемый Скурыгин. Посмотрев каждому в глаза, словно заглянув в душу, Пафнутьев прекрасно понял состояние каждого. Если Света была просто перепугана и, кажется, думала только над тем, как побыстрее убежать, удрать, уехать из этого дома, который постепенно превращался в какой-то морг, то Вьюев был откровенно печален. Его можно было понять — он потерял близкого человека. Когда-то у них с Маргаритой что-то было — любовь, молодость, болезненный разрыв, который и поныне, возможно, саднил и напоминал о себе. Вохмянины друг с другом не общались, и это тоже было объяснимо — он был объязевским телохранителем, а жена — объязевской любовницей. Сейчас в глазах полнотелой красавицы можно прочесть все что угодно, но уж никак не боль. Задумчивость была, даже раздумчивость — она как бы прикидывала будущие последствия этой смерти, свои собственные возможности. Взглянув еще раз на Вохмянину, Пафнутьев изумился — ему показалось, что он увидел удовлетворение.

— Кто последний видел Маргариту живой? — спросил Пафнутьев у Вохмяниной.

— Живой я не видела ее... Никогда. — Она твердо посмотрела Пафнутьеву в глаза.

— Не понял? — сказал он, хотя прекрасно уловил, что имела в виду женщина.

— Я хочу сказать, что она всегда была полумертвой, вымороженной. Если у нее и появлялся какой-то блеск в глазах, то разве что после стакана виски или после двух часов порнухи.

— Она всегда была такой?

— Такой она не была никогда, — прозвучал в наступившей тишине голос Вьюева. — Если ее забили, замордовали унижениями, пренебрежением, откровенным хамством... Это убийство, — Вьюев показал на узкое тело Маргариты, — тоже имеет свое объяснение, для него была причина.

— Какая? — спросил Пафнутьев.

— Ей принадлежал этот дом.

— Но вряд ли его получит убийца...

— Как знать, — произнес загадочные слова Вохмянин. Вроде, как самому себе сказал, про себя. И повторил: — Как знать... По-разному может случиться, — он посмотрел на жену. И та ответила ему вглядемом долгим и каким-то непоколебимым.

— А что вы скажете, Эдуард Игоревич? — спросил Пафнутьев у Скурыгина, который, как остановился у дверей, так и стоял там в полном одиночестве. После того, как он срезал свою щетину ножницами, а потом еще и побрился, лицо его предстало худым, бледным, но не изможденным, нет. В глазах оставалась твердость, если не сказать, остервенелость. Была в нем какая-то своя правда. И это чувствовалось. — Как вам нравится жизнь на воле? Не потянуло снова в тишину подвала?

— Не потянуло. — Скурыгин покачал головой. — И жизнь на воле ничуть меня не удивила. Именно такой я ее и представлял, сидя в подвале, как вы изволили выразиться.

— Ого! — подумал Пафнутьев, у этого господина прорезается чувство превосходства. Скорее всего, они с Объячевым стоили друг друга, иначе не могли бы работать на равных, а они работали на равных. Правда, в конце Объячев нарушил правила игры, пренебрег своими обязательствами и посадил друга любезного в собственную кутузку.

— Ее убил Объячев, — опять в тишине прозвучал голос Вьюева. — Ее убила эта скотина.

— Покойники обычно этим не занимаются, — заметил Пафнутьев.

— Он убил ее, еще когда был жив.

— А, — протянул Пафнутьев. — Вы имеете в виду, что убил морально, нравственно, духовно... Я правильно понимаю?

— Да, она еще самостоятельно передвигалась по этому кошмарному сооружению, находила в себе силы выпить стакан виски или посмотреть нечто такое же кошмарное, как и этот дом... Но была уже почти мертва.

Вьюев замолчал, потом неожиданно шагнул к кровати, упал на колени и опустил лицо в одеяло. Похоже, он единственный переживал смерть Маргариты искренне и тяжело.

— Прости, прости, дорогая, — пробормотал он и, неловко поднявшись, вышел из комнаты в коридор.

Пафнутьев проводил его сочувственным взглядом, повернулся к Худолею — а ты, мол, что скажешь? Но тот лишь беспомощно развел руками — все было настолько очевидно, что даже его утонченная натура не почувствовала ничего двусмысленного, ложного, фальшивого.

— А ведь он прав, — сказал Скурыгин. — Вот вы, — он повернулся к Пафнутьеву, — все убийц ищете, а убийца-то, оказывается, первым отошел в лучший мир.

— Разберемся, — неуязвимо ответил Пафнутьев — не трогали его подобные уколы, укоры. То ли привык к ним, то ли действительно не видел в них ничего, что задевало бы самолюбие.

— Разберетесь? — Скурыгин удивился, но с насмешкой. — Должен вам сказать откровенно — очень в этом сомневаюсь.

— В чем сомневаетесь? — спросил Пафнутьев.

— В том, что вам удастся распутать этот клубок с четырьмя трупами.

— А почему? — простодушно удивился Пафнутьев. — Вас смущают мои умственные способности? Или мои помощники кажутся беспомощными?

— Может быть, они и не совсем беспомощны... Но и трезвыми я их не видел.

Это уже был удар. Причем, достаточно болезненный. Несколькими словами Скурыгину удалось задеть и Худолея, и Пафнутьева. Но Худолей молчал, он всегда молчал, когда с кем-то разговаривал Пафнутьев.

— Так ваше же освобождение обмывали, Эдуард Игоревич! — рассмеялся Пафнутьев. — Вы на свободе всего с утра, а уже много выводов сделали, правильных выводов, чувствуется, что человек вы образованный и смелый. Опять же, в делах преуспеваете. Правда, время от времени почему-то в подвалах оказываетесь, но тут уж, как говорится, судьба.

— Если я вас обидел, простите. Право же, мне не хотелось этого.

— Вы? Меня? Его? — Пафнутьев куражливо указал на Худолея. — Скурыгин, вы должны портрет этого человека заказать знаменитому художнику Шилову, а потом заплатить все оставшиеся у вас деньги, но выкупить у Шилова портрет, на котором этот человек должен быть изображен на лошади, со знаменем в руках, с горящим взглядом, на фоне сражающихся армий! Выкупить, заказать золотую раму и повесить у себя в конторе.

— У меня не контора. У меня офис.

— А для офиса закажите Шилову еще один портрет, где ваш спаситель должен быть изображен в окружении соратников и красивых юных женщин.

— И по какой причине я все это должен проделать?

— Если бы не этот человек, от которого так приятно пахнет хорошим виски, если бы не этот человек, то сидеть вам в объехском подвале и поныне. А поскольку жить в этом покойничком доме невозможно, поскольку не завтра-послезавтра все отсюда съедут с чувством величайшего душевного удовлетворения, то остались бы вы в своем подвале надолго, другими словами, навсегда. А вы говорите — пьян.

— Виноват. — Скурыгин склонил голову перед Худолеем и вытянул руки вдоль туловища. — Виноват. Заверяю вас — больше этого не повторится.

— Как не повторится? — удивился Худолей. — Я надеюсь сегодня еще повторить разок-другой. Если, конечно, хозяйка не будет возражать. — Он уважительно посмотрел на Вохмянину.

И тут случилось нечто такое, что перазило Пафнутьева ничуть не меньше, чем появление в доме очередного трупа. До сих пор Вохмянина прекрасно держала себя в руках, была спокойна, уверенна, не произнесла ни единого сомнительного слова. Она была попросту неуязвима — в каждом ее взгляде чувствовались достоинство, невозмутимость и легкая снисходительность к собеседнику, кто бы перед ней ни находился. Но услышав слова Худолея о том, что, дескать, если хозяйка не будет возражать, то он не прочь пропустить еще глоточек-второй потрясающего виски, женщина покраснела, смутилась. Стало ясно, что ей лестно называться хозяйкой, более того, она, похоже, в душе и считала себя хозяйкой. Мгновенные перемены, происшедшие с Вохмяниной, заметили, кажется, все присутствующие. Тем более, что они прекрасно понимали условность худолеевского обращения, понимали, что тот просто решил подсластиться к домоправительнице, кухарке, домработнице, но уж никак не к хозяйке.

А Пафнутьев, подозрительный и недоверчивый, вынужденный каждый день заниматься тем, что выворачивал людей наизнанку и доискивался, докапывался до истинных причин человеческих слов и поступков, не мог не подумать — видимо, у Вохмяниной остаются надежды быть здесь хозяйкой. Что-то она знает, что-то таит в себе, что-то есть у нее такое, о чем никто не догадывается.

Хотя, может быть, кто-то и догадывается — Пафнутьев вспомнил вдруг, какими красноречивыми взглядами обменялись совсем недавно Вохмянина с мужем, здесь же, в этой комнате, у постели, на которой лежала мертвая Маргарита. Почему они взглянули друг на друга так яростно, так быстро и понимающе? Это были понимающие взгляды. Жена и муж одновременно услышали намек, проскочивший в общем разговоре. О чем шла речь, о чем говорили в тот момент у постели покойницы? Так, так, так, — мысленно зачастил про себя Пафнутьев. — Вьюев, говорил Вьюев. Он сказал, что была причина, по которой убили Маргариту, была убедительная, бесспорная причина. А заключается она в том, что ей принадлежал этот дом, она была его владелицей. Да, дом принадлежал Маргарите, он ей и сейчас принадлежит, но владеть им она не сможет в силу определенных обстоятельств. Владеть им будет кто-то другой. Вряд ли дом достанется убийце — эти слова сказал Пафнутьев. Правильно, если кто убил Маргариту, то вряд ли это узаконит его владение домом. Но возразил Вохмянин, не резко возразил, но достаточно внятно. Как же он выразился? Да, он сказал, дескать, как знать, действительно ли убийце не удастся заполучить это сооружение.

Вот! — мысленно воскликнул Пафнутьев в восторге от самого себя, от того, что ему удалось восстановить разговор, интонацию и кто какое слово произнес. И тогда, именно тогда они взглянули

друг на друга понимающе и жестко. А если добавить прекрасный румянец, покрывший щечки Вохмяниной при слове "хозяйка", при обращении к ней, как к хозяйке, то можно, уже можно делать кое-какие предположения и догадки.

— Сейчас, Катя, вам, наверное, придется взять на себя все хлопоты по дому? — обратился Пафнутьев к Вохмяниной, коварные слова произнес, с тайным умыслом и недобрым замыслом.

— Не знаю, как получится. — Вохмянина уже справилась со смущением, снова была спокойна и неуязвима. Это новое ее превращение тоже оказалось полезным Пафнутьеву — он еще раз убедился, что имеет дело с человеком сильным и способным поступать решительно. Пусть так, подумал он, пусть так.

Из спальни Маргариты все потянулись к выходу, словно решив, что последний долг выполнен, ритуал соблюден и торчать возле покойницы нет надобности.

— Я могу уехать сегодня? — спросил Скурыгин у Пафнутьева в коридоре.

— Вы же сказали, что прячетесь? Решили броситься в бой?

— Нет, я продолжаю прятаться, но не здесь. Этот дом мне уже не кажется безопасным.

— Вам лучше подзадержаться на денек-другой, — ответил Пафнутьев. — Кто знает, что еще здесь может произойти.

— Позвольте мне самому судить, что для меня лучше, — резко ответил Скурыгин, снова показав остренькие зубки.

Вряд ли его любят партнеры, подумал Пафнутьев. И Объячева можно понять — наверняка без должной почтительности вел себя Скурыгин. А учитывая самолюбие и властность Объячева, тому было приятно посадить ершистого партнера в подвал. Что он и сделал. И не мне судить его за это, — усмехнулся про себя Пафнутьев.

— В таком случае, я выражусь иначе. — Пафнутьев помолчал, подбирая слова достаточно точные. — Я запрещаю вам покидать этот дом без моего разрешения.

— Вы имеете на это право?

— Да.

— Вы меня подозреваете?

— Да.

— В чем?

— В убийстве.

— Кого же я убил?

— В интересах следствия не могу сказать... Но здесь все убийцы. Просто я пока не могу каждому дать по трупку. Хотя трупов на всех уже хватает. Но они не распределены. Между убийцами. Моя задача — распределить. Пока я этого не сделаю, никто из дома уйти не может. Не имеет права.

— Даже тайком?

— Об этом я тоже позаботился.

— Но когда тут происходили нехорошие дела, я сидел в подвале. Вы это учитываете?

— Учитываю. Так же, как и все остальные подробности вашего сидения в вышеупомянутом подвале.

— Я могу, наконец, сходить туда за своими вещами?

— Чуть попозже.

— Это когда, простите?

— Я сам скажу, когда будет можно.

— Вы обладаете столь полной властью? — уже злясь, взвинчиваясь, спросил Скурыгин.

— Да.

— Очевидно, мне следовало бы вести себя с вами обходительнее? Вежливее? Подобострастнее?

— Угодливости, которую вы проявляете, мне вполне достаточно.

— Я ничего не сказал об угодливости.

— А я сказал. Простите, мне нужно позвонить. Можете отправляться в свою комнату, можете в каминном зале смотреть телевизор, можете включить телевизор даже в комнате покойницы. Там в видик вставлена какая-то порнушка... После долгого воздержания в подвале вам понравится.

— А вы, оказывается, не столь просты и неуклюжи, как это может показаться поначалу.

— О! Я хитер, коварен и злопамятен. От меня лучше держаться подальше.

Пафнутьев снова прошел к подоконнику, у которого они недавно стояли с Худолеем, и набрал номер Шаланды. Он знал, что в эти секунды трубка сотового телефона пищит в шаландинском кармане, но тот не откликался на вызов. Значит, важный разговор, значит, надо ждать.

— Слушаю! — наконец прозвучал голос Шаланды.

— Пафнутьев тревожит.

— Давай, тревожь.

— Ты подготовил выступление по телевидению?

— А что?

— Материала хватает?

— Можешь добавить?

— Могу, — усмехнулся Пафнутьев.

— Неужели... — Голос Шаланды оборвался, он так и не решился произнести в слух мелькнувшую догадку. Слишком уж она была невероятной.

— Да, Жора, да. Еще один труп.

— Кто на этот раз?

— Маргарита Объячева. Жена хозяина.

— Убита?

— Возможно.

— Как?

— Не знаю. На теле видимых повреждений нет.

- Сколько же там осталось живых?
- Пятеро. Телохранитель, его жена, секретарша... Кстати, прекрасная девушка, красавица, умница...
- Остановись, Паша. Кто еще? — взмолился Шаланда.
- Друг семьи Вьюев и объячевский зек Скурыгин.
- Ты присматривай за ними.
- Твои ребята присматривают. Они надежные профессионалы, мимо них даже мышь не проскочит незамеченной. Птица не пролетит. Комар носа не подточит.
- Ладно, Паша. Я вот прикидываю, прикидываю... Осталось пятеро... Четверо из них наверняка убийцы... Они ведь не остановятся... Им следы надо замечать.
- Может, четверо убийц, но, не исключено, что один... Может быть, в доме есть какая-нибудь потайная комната, в которой убийца и прячется? Будем думать. Что твой строитель? Как его... Вулых.
- Желает говорить с тобой.
- Да-а-а? — по-дурному заблажил Пафнутьев. — Созрел, значит.
- Чем-то ты ему приглянулся.
- Он мне тоже. Высылай машину за Маргаритой. Передавай большой привет ночным телезрителям.
- Может, подъедешь, выступишь?
- Да боюсь я их тут без присмотра оставлять! Боюсь! — призвался Пафнутьев. — Приеду утром, а их уже трое осталось... Нет, Жора, не уговаривай. Кому-то на роду написано блистать в свете юпитеров, а кто-то должен вахтером служить, — жалостливо простонал Пафнутьев.
- Да, Паша, да! Кто для чего создан... С природой не поспоришь.
- Кстати, Худолей опять отличился.
- Все! Мне пора. О худолеевских подвигах расскажешь кому-нибудь другому.
- Я имею в виду, что он весь день не пьет. Ни капли в рот.
- Не верю! — заорал в трубку Шаланда и отключил телефон.

Снова и снова просчитывая события, случившиеся в объячевском доме, пытаясь понять суть происшедшего, Пафнутьев постоянно упирался в нечто необъяснимое — что произошло у строителей? Он мог понять поведение Вохмяниных, и Маргарита была ему понятна, и Света. Хотя и были к ней вопросы, недоумения, но по каким-то своим причинам он отодвигал Свету в сторону — отойди, дескать, не мешай нашим серьезным разборкам. Вьюев? И с этим все в порядке, Пафнутьев мог предсказать его поведение, предвидеть решения — и спокойные, и истеричные, и попросту беспомощные.

Скурыгин становился все более спесивым, он возвращался в свой мир, где привык повелевать и решать судьбы. Так уж случи-

лось, что судьбу его самого решил другой человек, и Скурыгину оставалось только подчиниться. Причем, держался он не слишком твердо, не слишком, это Пафнутьев понял сразу. Чтобы без пыток, избиений, без голода дрогнуть и подписать все, что тебе подсовывают... Слабак этот Скурыгин. И все его высокомерие, какое-то большое, надсадное самолюбие, все только подтверждало — слабак.

— Мне нужно позвонить, — подошел он к Пафнутьеву через два часа. — Я и об этом должен просить разрешения?

— Конечно. Но я разрешаю.

— Знаете... Мне уже расхотелось звонить.

— В таком случае, ничем не могу помочь.

— Три месяца назад я пришел в этот дом с сотовым телефоном. Я могу затребовать его обратно?

— Затребовать, конечно, можете. Но получить — нет.

— Почему?

— А я не знаю, где он, куда вы его сунули! — расхохотался Пафнутьев, убеждаясь еще в одной закономерности — спесь и глупость идут рядом, да чего уж там — это проявление одного и того же человеческого качества — ограниченности.

— Я вижу, вам приятно видеть людей в дурацком положении? — спросил Скурыгин.

— Да. А вам?

Поперхнулся Скурыгин, закашлялся, хотел сказать что-то резкое, что сразу поставило бы на место эту прокурорскую крысу, но сдержался, взял себя в руки и промолчал. И правильно сделал. Таких людей Пафнутьев не любил и даже не боролся с этим своим чувством. В мимолетном споре Скурыгин поступил верно, грамотно. Но глупо и самонадеянно, более того, безрассудно он поступил часом позже — позвонил в свою контору, потребовал каких-то ответов, отчетов, кого-то пропесочил за нерадивость, кого-то сдержанно похвалил.

А напрасно, ох, напрасно!

Не знал еще Скурыгин, насколько изменился его мир, насколько изменилось собственное положение в этом мире. Два месяца изоляции не проходят безнаказанно нигде, а уж тем более в том рискованном деле, которым он занимался. В течение следующего часа после его звонка о том, что он жив, здоров, намерен вернуться и снова все взять в свои руки, о том, что он, как и прежде, тверд и решителен — обо всем этом уже знали его партнеры, конкуренты, соратники и прихлебатели.

А не надо бы, ох, не надо!

Ну, да ладно, сделанного не вернешь, слово не воробей.

Главное в другом — и со Скурыгиным у Пафнутьева не было неясностей. Он этого человека видел и понимал до самого доньшка. Затруднения и полная необъяснимость у Пафнутьева были связаны с Вульхом и Петришко. Почему один убит, а второй сбежал? Как понимать миллион долларов, если Объячев год не пла-

тил им заработанных денег, ограничиваясь кормежкой и постелью? Правда, Шаланда сказал, что Вулых тронулся умом... Пафнутьев в это не верил. О строителях у него сложилось мнение, как о людях здоровых, выросших в ясных отношениях, в своих горах, окутанных чистым воздухом и ежедневной необходимостью зарабатывать на хлеб. Такие люди если и трогаются умом, то чаще это связано с потерей дома, семьи, близких людей, с потерей привычного образа жизни.

Но миллион долларов... Это, конечно, серьезное обстоятельство. Такая куча денег может повредить любой разум, внести душевную сумятицу в самый сильный характер.

И Пафнутьев отправился в город на встречу с Вулыхом. Ничего не планируя и не намечая, он решил, что сообразит по ходу — что сказать, о чем спросить, какими словами.

Шаланда сидел в своем кабинете со всей монументальностью, которую только мог изобразить. Он уже видел себя на экране телевизора и, похоже, нравился себе. На нем была белоснежная рубашка, китель украшали подновленные колодки орденов и медалей — их у Шаланды оказалось на удивление много.

— Привет, Шаланда! — легкомысленно произнес Пафнутьев, сразу разрушая атмосферу неприступности. — Как поживаешь? Что новенького? Говорят, весна будет холодная и затяжная. Мне верные люди сказали. По секрету, конечно.

Шаланда не ответил. Посопел некоторое время, соображая, на какие пафнутьевские слова отвечать необходимо, а какие можно пропустить мимо ушей. И решив, видимо, что тот не произнес ни единого серьезного слова, лишь буркнул недовольно.

— Привет.

— Говоришь, Вулых умом повредился?

— Что Вулых, Паша... А мое здоровье не стоит внимания?

— В тебе, Жора, я уверен. Ты не тронешься.

— Это почему же? — с обидой спросил Шаланда, будто его упрекнули в полной бесчужденности, и уже потому он никогда не поплывет умственно и душевно.

— Потому что этого не может быть никогда! — твердо произнес Пафнутьев и даже губы сжал, показывая, как он уверен в своих словах и в самом Шаланде.

— Ну, ладно дурака валять... Что с Маргаритой?

— Мертва.

— Почему?

— Жора, никаких следов насилия. Лежит смирененькая такая, ручки, ножки вытянула, глазки прикрыла, бледная вся... В общем, совершенно неживая.

— А убивать есть за что?

— Есть. После смерти Объячева она осталась хозяйкой дома. А дом с участком по приблизительным прикидкам тянет на миллион долларов.

— Опять миллион! — проворчал Шаланда. Видимо, история с обнаружением у Вулыха долларов его достаточно потрепала.

— Так вот, если кто-то решит, что может на каких-то там основаниях этот дом присвоить... То Маргарита обречена.

— Может, самоубийство? — предположил Шаланда.

— Я уже думал... Но знаешь... Это ведь четвертый труп. До сих пор никакими самоубийствами не пахло. А здесь железный повод — дом. И по моим глупым прикидкам есть все-таки люди, которым жалко с этим домом расставаться.

— Кто эти люди? — спросил Шаланда таким тоном, будто готов немедленно мчаться на задержание преступников.

— Жора... Не гони волну. Мы с ними разберемся. Опять же, я не уверен. Говорю осторожно — по моим глупым прикидкам...

— Я уже знаю, Паша, такую закономерность... Когда я слышу от тебя глупые прикидки, можно смело вызывать группу захвата. Мне кажется, сейчас именно такой случай. А там как знаешь... Не сбегут?

— Я сказал им, чтобы меня дожидались.

— Послушаются?

— Конечно. Дом-то ведь это такая вещь, которую с собой в чемодане или за пазухой не унесешь.

— Павел Николаевич, — уважительно произнес Шаланда, — скажи мне откровенно... Что происходит? Как все понимать? Жители города взбудоражены! Четыре трупа за двое или трое суток из одного дома... Такого никогда не было, Паша! Что доложить народу? Ведь все эти события не имеют разумного объяснения!

— Худолей предполагает, что будут еще трупы.

— Что?!

— Так говорит Худолей. Последнее время он увлекся оккультными науками, мистикой, потусторонними связями.

— Ему мало четырех?!

— Дело не в том, что мало... Он говорит, что там ждут прибавления.

— Где ждут?

— В потустороннем мире.

— Он что, тоже тронулся? И ты вместе с ним?

— Поживем — увидим.

— И он знает... Он знает, кто будет пятым? — спросил Шаланда почему-то шепотом.

— Боюсь, что знает. Но не говорит. Ему запрещено.

— Кем?!

— Ну, это... — Пафнугтьев помялся, скосил глаза в одну сторону, в другую, словно желая убедиться, что никто их не подслушивает, ничья призрачная тень не стоит за его спиной. — Те силы. Потусторонние. Он говорит, что если скажет, то это...

— Ну? Ну?

— Если скажет, то сам будет пятым.

— Чушь какая-то, — шумно выдохнул воздух Шаланда. — Вы что, все там с ума посходили?

— Я же предупредил тебя.

— О чем?

— Что ты один не тронешься. Умом.

— Знаешь что?! — Шаланда встал, резко отодвинул стул, поддал ногой еще один, который оказался у него на дороге, с грохотом распахнул окно. Казалось, шумными звуками он разгонял тени из загробного мира, которые скопились, скопились у него в кабинете и мешали свободно дышать. — Я твоего Худолея, как ты знаешь, не очень люблю... Но теперь я его ненавижу!

— Вам просто надо выпить как-нибудь, а? Вы оба хорошие ребята, только в разных весовых категориях. Вот и все. Если бы ты знал, с каким уважением он отзывается о тебе!

— Худoley?! Обо мне?! — с гневом спросил Шаланда, но уловил хитроумный Пафнутьев, уловил все-таки слабую, почти неслышную нотку детского удивления и зарождающейся признательности. — А что он во мне такого увидел?

— Жора, должен тебе сказать, что Худoley — чрезвычайно пронизательный человек. Он видит суть. Ну, да, ты большой, шумный, крупный руководитель, у тебя в подчинении сотни людей... А знаешь, что сказал Худoley?

— Ну? — чуть слышно выдохнул Шаланда.

— Георгий Георгиевич, говорит он, человек необыкновенно тонкой душевной организации. У него, говорит, интуиция просто потрясающая. Мы с тобой, это он мне говорит, месяц бьемся, как мухи в стекло, и когда наконец у нас намечается просвет, когда мы только начнем понимать случившееся... Ты вспомни, Паша, что говорил нам Георгий Георгиевич месяц назад!

— Он называет меня Георгием Георгиевичем? — недоверчиво спросил Шаланда.

— Исклyчительно. Только так. Так вот, говорит, ты вспомни, что месяц назад на месте преступления сказал нам Георгий Георгиевич... Он уже тогда указал нам правильный путь поисков. Не знаю, Жора, не знаю, — плел свою интригу Пафнутьев, — может быть, тебе эти слова и не понравятся, но сказал мне однажды Худoley, имея в виду тебя... Если бы, говорит, Георгий Георгиевич получил другое образование, он мог бы стать великим музыкантом. Или художником. У него, говорит, слух просто абсолютный. Помнишь, ты как-то в машине запел по пьянке? А он услышал.

— И так сказал? — спросил Шаланда надтреснутым голосом. — Он так сказал?

— Жора, он очень пронизательный человек.

— А от тебя, Паша, между прочим, я никогда доброго слова не слышал. И знаешь, вот сейчас меня осенило — ведь и не услышу никогда от тебя доброго слова. Разве что над свежей могилой. — Шаланда отвернулся к окну и осторожно, одним пальцем, смахнул набежавшую слезу. — Значит, не сказал, кто будет пятым?

— Жора, если бы это был ты... Он наверняка бы сказал. Сам бы ушел в могилу, но тебя предупредил.

Шаланда еще некоторое время постоял у окна, подождал, пока просохнет на щеке предательская слеза, и только после этого хмуρο прошел к своему столу.

— Будешь говорить с Вульхом?

— Хотелось бы.

— Мне выйти?

— Как хочешь.

— Понял, — обиделся Шаланда. — Мне надо выйти.

— Ты ведь уже с ним беседовал, — извиняясь, сказал Пафнутьев. — Нового ничего не услышишь, а он может тебя испугаться.

— Конечно, меня можно только пугаться. — Шаланда вышел из кабинета, с силой хлопнув за собой дверью, и минут через пять вошел Вульх.

Остановился у порога, обернулся на стук закрываемой за его спиной двери, увидев Пафнутьева, чуть поклонился.

— Здравствуйте вам, — сказал он, скрестив руки внизу. — Вот и свиделись.

— Никуда нам друг от друга не деться. Садись, Василь, заскучал я по тебе. Ушел, не попрощавшись, хотя обещал не уходить. Нехорошо. Мужики так не поступают.

— Пришлось, — осторожно ступая по ковровой дорожке, Вульх прошел на середину кабинета, потоптался в растерянности, не зная, на каком стуле он будет выглядеть наименее вызывающе, на какой ему можно присесть.

— Выбирай любой, — сказал Пафнутьев. — Кабинет не мой, позволили нам побыть здесь, значит, можем располагаться как самим хочется. Согласен?

— Я теперь со всем согласен. Меня можно и не спрашивать. Был человек — нет человека. Одно только название, и ничего больше. Нет меня уже на этом свете. Кончился. Вышел весь без остатка.

— Так, — кивнул Пафнутьев, — понял. Значит, хочешь, чтобы и тебя в трупы записали, да? Пятым хочешь быть?

Вульх долго молчал, опустив голову и чуть шевеля губами. Наконец поднял глаза.

— А почему пятым? — Оказывается, он на пальцах прикидывал, сколько же людей погибло в объчевском доме. — Я вроде того, что могу стать только четвертым?

— Пятым. Маргарита мертва.

— О, Боже! — Вульх обхватил лицо руками, и Пафнутьев только сейчас обратил внимание — у него были натруженные руки человека, который с самого детства не выпускал из них топора, лопаты, рубанка. Пальцы представляли собой какие-то костистые обрубки. Избитые, искореженные неправильным ростом ногти впились в окончания пальцев, и, скорее всего,

срезать их приходилось ножницами для металла. — А ее за что?

— Как и остальных.

— Да нет. — Вулых покачал нечесаной головой. В волосах уже пробивалась седина, красная кожа лица казалась шершавой, как у черепахи. — Там со всеми случалось что-то свое, на других не похожее.

— Это в каком же смысле? — спросил Пафнутьев, но Вулых, как это частенько бывает с людьми простыми и нелукавыми, сразу понял его уловку.

— Какой тут может быть смысл... Разве Объячева и этого несчастного бомжа убили по одной причине? Так не бывает. А Маргариту жалко, хорошая была женщина. Правильная.

— Правильная — это как?

— Есть законы, по которым живут люди, — медленно раскачиваясь из стороны в сторону, проговорил Вулых. — А есть законы, по которым живут нелюди... Маргарита жила по людским законам. Она не обижала нас.

— А Объячев обижал?

— Было.

— А что случилось с вашим напарником, с этим... Петришко?

— Беда случилась, помер мужик.

— Сам помер, или помог кто?

— И то, и другое. Помер сам, но не без помощи.

— А кто помог?

— Кто поможет, кроме ближнего? Ближний помог. Как и всем остальным.

— А кто помог бомжу?

— Нельзя всем нравиться, всем угождать, пытаться всем сделать что-то хорошее... Так не бывает. Это не людской закон. Разве можно помогать и собаке, и зайцу?

Пафнутьев потряс головой, пытаясь понять сказанное, но ничего не получилось. Вернее, все слова Вулыха, взятые отдельно, он понимал, они были просты и очевидны. Но какое отношение они имели к событиям в объячевском доме, понять не мог. Вулых сидел спокойный, даже утомленный, отвечал охотно, но не напрямую, каким-то параллельным курсом шел, вроде и на вопрос отвечает, но в то же время ответа не дает.

— Я слышал, у тебя при задержании обнаружился миллион долларов? — Пафнутьев поменял тему. — Откуда он?

— О-хо-хо! — горько рассмеялся Вулых и снова начал раскачиваться. Он сидел все так же, зажав коленями сцепленные ладони, смотрел в пол. На губах его блуждала улыбка неуверенная или, лучше сказать, незаконченная. Решил человек улыбнуться, а причина уже пропала, вот он и остался сидеть с полуулыбкой. — Я глупо, конечно, поступил, очень глупо... Не надо бы мне с этим миллионом по поездкам, электричкам, по дорогам мотаться. Чтобы решиться на это, надо совсем с ума сойти. Как я

должен был поступить? Очень просто. Зарыть миллион прямо во дворе дома, или закопать в соседнем лесу. Мог сдать в камеру хранения, через сутки перенести в другое место... Лучше всего, конечно, зарыть в лесу. И год, не меньше года, не прикасаться. Забыть. Все, нет его. А я...

— А что ты? — спросил Пафнутьев, чтобы хоть как-то подзадорить Вулыха к дальнейшему рассказу. — Как я понял, ты с этим миллионом рванул домой?

— Рванул, — кивнул Вулых. — И вот результат. Ни миллиона, ни дома.

— Послушай, Васыль... Вы с Петришко мне жаловались, что Объячев больше года не платил вам заработанные деньги. Было?

— Было, — послушно кивнул Вулых, не отрывая взгляда от пола, будто там он прочитывал верные ответы.

— Вы оба сказали мне, что получали от него лишь кормежку, хорошую кормежку, но ничего больше. А тут миллион.

— Лучше бы его не было вовсе.

— Так, — крикнул Панфутьев. В который раз он убеждался, что вопросы Вулыху кажутся малозначащими, не очень существенными, и отвечает он на них, думая о чем-то, более важном. И Пафнутьев решил попробовать втянуться в его, вулыховский, разговор, может быть, так удастся узнать хоть что-нибудь. — А я бы не отказался от миллиона долларов, — сказал он, глядя в окно и как бы даже забыв о том, зачем сюда доставили Вулыха.

И он не то чтобы увидел, почувствовал, что Вулых посмотрел на него с интересом, слова Пафнутьева вываливались из общего ряда обвинений, упреков, подозрений, которыми жил последние дни Вулых. Взглянув на Пафнутьева, он опять уставился в пол, но уже не так глубоко, не прямо под себя, а в точку, которая находилась на полу где-то посередине между ним и Пафнутьевым.

— И я вот не отказался... И что?

— А что? Ничего страшного. Ведь не миллион искали... Тебя искали.

— Да? — удивился Вулых. — Меня искали? А на кой ляд я им понадобился?

— Ну, как же, Васыль... С твоим Петришко беда. Помер. Спросить не у кого... Что с ним стряслось-то? Надо что-то родным писать, документы составлять... А единственный человек, который мог хоть что-то внятно объяснить, это ты... Вот и решили тебя найти. Да и нашли-то случайно.

— Да, в электричке. Мне надо было вообще этот миллион не трогать. Пусть бы лежал, где лежал.

— Но это мало кто сможет. — Пафнутьев склонил голову к плечу, как бы прикидывая и такой вариант.

— Никто не знал, где он. Один я. И этот миллион мог лежать хоть десять лет. А я мог прийти и взять. Не через десять лет, конечно, через годик, через два. Ничто бы не изменилось за это вре-

мя. Тихо, спокойно, без суеты и милицейских допросов, взял и пошел. И началась бы совсем другая жизнь.

— У тебя и сейчас начнется другая жизнь, — не сдержался Пафнутьев и тут же пожалел о своих словах. Но Вулых, как ни странно, принял их без обиды.

— Это уж точно, — усмехнулся он. — Такая жизнь начнется, врагу не пожелаешь.

— Врагу можно пожелать.

— Да? — Вулых поднял, наконец, голову и посмотрел на Пафнутьева с какой-то добродушной лукавинкой. — Вообще-то, да... Это я так, к слову. А врагам мы такого желаем, такие кары на них насылаем... Содрогнуться можно, если на минуту представить, что сбудется хоть сотая часть наших проклятий.

— И ни единый человек не знал, где лежит миллион? — Пафнутьев перевел разговор на нужную тему.

— Объячев, конечно, знал. Маргарита? Нет, она не знала. Она вообще не догадывалась, что этот миллион существует. Объячев, как я понимаю, готовил его для другой жизни, с другим человеком...

— С Катей?

— Точно.

— А Вохмянина знала о миллионе?

— Догадывалась.

— Он, наверное, сам ей сказал? — спросил Пафнутьев.

— Нет, прямо он никому не говорил. Намекнул, чтоб не беспокоилась о будущей их жизни... Это было.

— Значит, он не собирался жить с Маргаритой?

— Да он с ней и не жил. Разве что не прогонял. Выпивкой обеспечивал... Пьешь? Пей. Я вот подумал, если бы мне удалось положить этот миллион в какой-нибудь зарубежный банк процентов на пять, на восемь... Есть такие банки. Я бы каждый год только процентами получал пятьдесят, восемьдесят тысяч долларов, не трогая миллиона. Представляете? Прихожу в банк, подхожу к кассе, мне, пожалуйста, отсчитайте... А они спрашивают — вам какими? Крупными или мелкими? — В глазах у Вулыха светился почти детский восторг перед той картинкой, которую он сам нарисовал. — А трехэтажная вилла в Испании на берегу моря стоит не больше ста тысяч. Есть подешевле, но мне понравилась та, что за сто тысяч — в журнале фотографию видел. С бассейном, морской водой, внутренним двориком, а в доме широкая деревянная лестница из темного дерева, арочные проходы... И, главное, все стены белые... Без этих отвратных обоев... Белые стены и отделка из темного дерева... Красиво, да?

— Я бы не отказался, — повторил Пафнутьев. — Если Катя знала, что есть деньги, она должна была их искать... Мне так кажется.

— Искала, — усмехнулся Вулых.

— Не нашла?

— Это было невозможно. Баба дура. Не там искала, не так искала, не тот подход. Придуривалась! То ей, видите ли, веник нужен, то совок, какие-то реечки-планочки... А сама шастает, шастает... Мне бы этот миллион оставить на месте. — Глаза Вулыха, кажется, сошлись от сосредоточенности на переносице, губы тоже сжались, и весь он как бы окаменел от напряжения. — Да, это было бы лучше всего. И Петришко не догадывался.

— А как же ты узнал?

— Умный потому что, — усмехнулся Вулых.

— Хорошо, если ты такой умный, скажи, пожалуйста, почему Объячев не положил деньги в зарубежный банк, чтобы каждый год получать сто тысяч долларов навару? Можешь объяснить?

— Могу, — Вулых чуть шевельнул плечами. — Я думаю, что он и в банк положил. И в хорошем месте спрятал, в доме. На всякий случай.

— Как ты думаешь, кому дом достанется?

— Екатерине, кому же еще, — ответил Вулых спокойно, будто это разумелось само собой.

— Почему ей? Ведь у Объячева, говорят, есть где-то сын от первого брака?

— Нет, — Вулых покачал головой. — Сын не потянет.

— Значит, и миллион ей?

— Вот на миллион сын может замахнуться... Кстати, я мог тогда сумку с деньгами затолкать под лавку. Электричка поздняя, народу уже не было... Ее бы не скоро нашли. Вот бы удивился кто-то, да? Открывает спортивную сумку, а там миллион долларов. — Вулых, кажется, никак не мог уйти от этой темы. О чем бы не спрашивал Пафнутьев, мысли его неизменно возвращались к миллиону долларов, который достался ему так легко и которого он лишился еще легче.

Пафнутьев невольно вспомнил о давней своей знакомой, которая отправилась на юг, прихватив колечко с бриллиантом — бабкин подарок. Зачем эта дура взяла с собой колечко на пляж, зачем она вообще захватила его в поездку, она и сама не могла объяснить. Какие-то мистические силы решили, очевидно, что кольцом она владеет не по праву. И отправляясь в очередной раз в волны, плескаться и радоваться жизни, она сняла колечко и дала подержать подруге. А вернувшись, вроде бы снова надела на палец. Или не надела. Вроде, помнила, что надевала, и подруга утверждала то же самое. Но как бы там ни было, решив снова окунуться в волны, она опять хотела снять колечко, но его на пальце уже не оказалось. Всю ночь, всю ночь при свете пляжных фонарей пафнутьевская знакомая и ее подруга просеивали песок в попытке обнаружить злосчастное колечко. Не нашли. До сих пор.

И вот уже лет десять эта самая знакомая разговаривает со всеми неуловимо плачущим голосом, а стоит ей познакомиться с новым человеком, она тут же начинает рассказывать свою печаль-

ную историю, снова и снова переживая давние события. И глаза ее наполняются слезами, руки вздрагивают точно так же, как тогда, когда при восходе солнца они с подругой, единственные на пляже, заканчивали просеивать песок, пройдя за ночь около ста метров.

Нечто похожее может, наверное, случиться и с Вулыхом. Такие потрясения не проходят бесследно для человеческой психики. И кто знает, возможно, встретится лет через десять Пафнутьев с Вулыхом, и тот опять начнет прикидывать, как ему надо было поступить с миллионом долларов.

— Как умер Петришко? — неожиданно спросил Пафнутьев таким тоном, будто он знает все, и ему не хватает только маленьких подробностей, чтобы восстановить всю картину.

— Да ну, умер! — с легким, почти неуловимым пренебрежением произнес Вулых. — Опрокинулся навзничь и ударился головой о тиски. Там в нашей комнате тиски стоят, к столу привинчены. Вот он и пошел затылком на эти тиски.

— Споткнулся? — участливо спросил Пафнутьев.

— Опрокинулся.

— Сам?

— Получилось так, что я помог... Не ссорились, нет, мы же с ним дальние родственники... Брат жены двоюродного брата... Приблизительно так.

— Он знал, что ты деньги нашел?

— Пришлось сказать.

— Поделиться он не предлагал?

— Как не предлагал? — удивленно спросил Вулых. — Настаивал. Очень твердо настаивал.

— Хоть сотню ты ему предложил?

— Двести пятьдесят тысяч.

— А он?

— Только половину требовал. И не меньше.

— Он требовал половину?

— Да.

— И между вами началось выяснение отношений?

— Да не было никакого выяснения. Он схватил сумку, я схватил сумку... Он споткнулся, а я — нет.

— Вы знали, что у Объячева в подвале заложник сидит уже несколько месяцев?

— Конечно, знали.

— И молчали?

— Не наше это дело... Пусть господа сами разбираются.

— Тоже верно. А где же все-таки деньги-то были? — спросил Пафнутьев, уже не как следователь, а тем доверительным тоном, каким могут говорить давние знакомые после второй-третьей бутылки водки.

— А! — Вулых махнул рукой. — Когда клали фундаментные блоки, в одном месте образовалась нестыковочка, щель санти-

метров тридцать. Ее потом заложили кирпичом. Но не до конца. Вот туда Объячев и сунул свой миллион, заложил кирпичами, сам и раствором замазал. А я смотрю — в одном месте штукатурка... Не того качества. Решил поправить.

— Поправил?

— Как видите. Я вот все думаю — надо бы мне тогда в электричке с милиционерами поделиться... Ведь не устояли бы против сотни тысяч, а?

— Я бы не устоял, — честно признался Пафнутьев.

— Оплошал я тогда, — с болью простонал Вулых. — И далеко бы уже был, ох, далеко.

— Что делать, старик, так получилось. Боюсь, что ничего уже изменить нельзя.

— Я ведь начал поправлять штукатурку, когда Объячев был уже убит. Все произошло в последние дни. Ну хорошо, убрал я кирпичи, увидел, что там лежит... Что делает на моем месте нормальный человек?

— Все восстанавливает, как было, — твердо сказал Пафнутьев.

— Правильно! — одобрил Вулых. — И мне надо было сделать то же самое. Вот раствор, вот кирпичи — заложил, восстановил все, как было. В подвале тепло, новый раствор высохнет к вечеру. Ночью я мог встать и зашпаклевать это место. И никто никогда не узнал бы, где Объячев спрятал деньги. Я мог появиться в этом доме через год, через два — здесь работа всегда будет. И спокойно, не торопясь, сделать все, что требовалось. Какой же я дурак, Боже, какой я дурак! Таких, наверное, еще свет не видел!

— Знаешь, старик, с тобой трудно не согласиться, — серьезно сказал Пафнутьев и придвинул Вулыху листки протокола. — Вот тут я, как мог, записал твои показания. Прочти... Если все правильно, подпиши.

Не говоря ни слова, Вулых молча и сосредоточенно, не читая, подписал каждую страницу и в конце добавил: "С моих слов записано верно, возражений не имею".

— Как приговор сам себе подписал, — сказал он, подняв глаза на Пафнутьева.

— Ничего, старик... По-разному может повернуться.

— Да уж повернулось. — Вулых поднялся. — Если бы я взял из этих денег только одну пачку, всего одну пачку, десять тысяч долларов... Какой бы себе дом в Закарпатье отстроил, какой дом... — он привычно уже сложил руки за спину и направился к двери.

Пафнутьев видел, что работа идет, сведения накапливаются, но просвета не было. И, складывая листочки протокола, глядя на пустой уже стул, на котором только что сидел Вулых, он ощутил вдруг уверенность в том, что ничего сверхъестественного в этом

деле нет и не будет. Хитроумные рассуждения Худолея о древних и зловещих законах чисел — не более, чем мистический фольклор. Байки и рассказы. Худoley, конечно, хороший парень, но с завихрениями, и любит иногда впасть в нечто необъяснимое — пытается нащупать жизнь, которая течет где-то рядом, но не может, не может он ее увидеть.

— Что-нибудь удалось выпотрошить из этого недоделанного Вулыха? — спросил Шаланда, входя в кабинет.

— Очень хорошо поговорили. Он сказал гораздо больше, чем я надеялся. Оказывается, всю эту обячевскую семейку Вулых знает лучше, чем они сами себя знают.

— Это хорошо, — кивнул Шаланда. — Скоро конец?

— Да, вот-вот. — Пафнутьев отвечал односложно, но вовсе не потому, что хотел поставить Шаланду на место, вовсе нет. Какая-то мыслишка вертелась в его голове и никак не могла оформиться во что-то внятное.

— А почему ты решил, что скоро конец?

— Мало живых осталось... Кто там... Вохмянины, Вьюев со Скурыгиным, красавица Света.

— Она в самом деле красавица? — спросил Шаланда, как бы между прочим, как бы не придавая значения своему вопросу.

— Можешь не сомневаться.

— Всю проверил? — не удержался, куснул все-таки Шаланда.

— Насколько позволяли обстоятельства. Если чего упустил — доработаю, допроверю. Не переживай, Шаланда. Ты тоже еще молодой. У тебя многое впереди. Не столь, конечно, не столь... Но все равно жизнь и для тебя продолжает сохранять некоторые свои прелести.

Шаланда долго молчал, сопел, перекладывал на столе какие-то папки, осторожно косился на Пафнутьева — не смотрит ли тот в его сторону.

— А ты злой, Паша, — неожиданно сказал он.

— Нет, Жора... Не злой. Я справедливый.

— Это одно и то же... Не хотел бы я оказаться в твоих справедливых руках.

— Я тоже не хотел бы оказаться в твоих добреньких пальчиках. — Слова у обоих высказывали предельные, но улыбка Пафнутьева и насупленность Шаланды смягчали разговор. — Ты, Жора, начал о чем-то говорить, о том, что тебя, в общем-то, и не касается... Я из вежливости подхватил твои слова, ответил полно и обстоятельно, ничего не утаил. Могу еще подробностей подбросить, если тебе без них немогогоу...

— Остановись, Паша, — взмолился Шаланда. Он и раньше знал, что Пафнутьева лучше не трогать, что заводится тот быстро, и остановить его бывает трудно. — Перебросились невинными словечками и ладно. Возвращаемся к делу.

— Всегда готов! — Даже в это свое подчеркнутое согласие Пафнутьев сумел втиснуть прощальный укус.

— Ладно, Паша, ладно... Как убили Маргариту? — спросил Шаланда, задав случайный вопрос, чтобы только подальше уйти от щекотливого перебреха с Пафнутьевым.

— Она покончила самоубийством.

— Это точно?!

— Да. Худолей нашел в шкафу кучу упаковок. А наш анатом эти же таблетки нашел у нее в желудке. Она заснула и не проснулась. Точно так же, как и ее муж.

— Но для самоубийства нужны причины!

— Есть такие причины, — устало проговорил Пафнутьев.

— Мне можно о них знать? — оскорбленно произнес Шаланда.

— Можно, — с обидным равнодушием ответил Пафнутьев, почувствовав вдруг пресыщенность этим делом — такое с ним бывало. Наступал момент, когда он не хотел знать новых подробностей, ему вполне доставало того, что он уже знал. А новые сведения только подтверждали прежние и продолжали без умолку рассказывать, вываливать, смаковать все новые гадости о людях, в жизнь которых он вошел так глубоко, как ни один из их родственников, друзей, знакомых. — Можно, — с тяжким вздохом повторил Пафнутьев. — Убит муж, в доме еще два убийства, потом еще одно... По коридорам ходят чужие люди, просвета никакого... Добавь ежедневное виски... Порнуха по видуку... Я хорошо представляю себе ее состояние... Я понимаю Маргариту.

— В том смысле, что одобряешь ее решение?!

— Можно и так сказать. Вохмянина права... Та уже скользила вниз. Она предположила, что Маргарита будет следующей... Вохмянина... Молодая, красивая, румяная, полная жизни, любви! У нее, Жора, столько любви!

— И это ты знаешь?!

— Догадываюсь. Только сейчас дошло — Вохмянина меня готовила.

— К чему готовила? Глаз на тебя положила? — спросил Шаланда, не скрывая ревнивых ноток в голосе.

— Она готовила меня к смерти Маргариты. Вохмяниной нужна была ее смерть. Зачем-то ей нужно было, чтобы Маргарита исчезла. Худолей узнал, что она носила ей порнушные кассеты, следила за тем, чтобы в спальне всегда было виски. И много разных таблеток. Худолей предупреждал о том, что цифры слишком зыбкие, — бормотал в полузабытьи Пафнутьев.

— Кто был постоянно рядом с Маргаритой в последние дни? — спросил Шаланда, и Пафнутьев не мог не отметить — хороший вопрос.

— Худолей говорит, что у нее торчал Вьюев... Ее давнишний поклонник... Она кинула его когда-то... А недавно его кинул Объячев.

— Надо бы раскрутить этого Вьюева!

— Худолей говорит...

— Паша! — вскричал Шаланда. — Остановись! Не добивай меня этим Худолеем, прошу! Признаю, полез грязными лапами в твою трепетную душу, переступил границу, произнес нечто о красавице Свете... Проехали! Больше не буду!

— Света? — переспросил Пафнутьев. — Мне кажется, она здесь ни при чем. У нее не было возможности...

— О, Боже! — Шаланда, как на оперной сцене, схватился руками за голову и зашагал по кабинету.

— В первый же день, — медленно проговорил Пафнутьев, восстанавливая в памяти подробности происшедших событий, — в первый же день, когда труп Объячева еще лежал в доме, Андрей задержал Вьюева при попытке сбежать. При нем был чемодан с документами. Я отдал их на экспертизу. Там были не только его документы. Договоры, расписки, протоколы намерений, подписанные Объячевым. Похоже, он выгреб все, что мог, из его сейфа.

— Другими словами, его злодейство не удалось?

— Да, — подтвердил Пафнутьев. — Злодейство не удалось.

— Что же получается... Маргариту он добил?

— Или не спас, когда мог спасти.

— Оставление человека в беспомощном состоянии — тоже статья. И достаточно серьезная. До пяти лет.

— Неужели Вьюев? — задумчиво проговорил Пафнутьев. — У него были основания... Эти два человека, Объячев и его жена, испортили Вьюеву немало лет... Он мог озвереть.

В кармане Пафнутьева запищал телефон. Он подождал, пока раздастся еще один сигнал, еще один, потом вынул коробочку.

Звонил Андрей.

— Павел Николаевич? Чрезвычайное происшествие.

— Как, они продолжают?

— Только начинаются.

— Еще один труп?

— Не так круто, Павел Николаевич. Сбежал Скурыгин. Его в доме нет.

— Может, забился в свой подвал?

— Попытку туда проникнуть сделал, но Худoley это предвидел. И тогда он сбежал.

— Скурыгин исчез, — пояснил Пафнутьев Шаланде. — А оперативники?

— В нарды играли.

— В нарды играли, — повторил Пафнутьев уже для Шаланды. — Кто победил?

— Старшина Безякин.

— Надо старшину Безякина отметить в приказе — абсолютный чемпион объячевского дома по нардам, — сказал Пафнутьев. — Или ценный подарок ко дню милиции, а?

— Ладно, Паша, ладно. Что-нибудь придумаем. Отметим. Обещаю. В безвестности не останется.

— А Вьюев? — спросил Пафнутьев по телефону.

— На месте.
— Береги его.
— Я всех берегу. Немного их осталось... Четверо. Два мужика, две бабы. И на них — четыре трупа. Густовато получается, Павел Николаевич.

— У меня такое чувство, что это еще не предел.
— Я попросту запрю каждого в отдельной комнате. И Свету тоже, — добавил Андрей.

— Главное — береги Свету, — подтвердил Пафнутьев.
— Почему именно ее?
— Личная просьба.
— Понял, — коротко ответил Андрей.
— Не знаю, что ты понял, но это уже неважно. О главном мы договорились, да?

— И это понял.
— Будь здоров, — и Пафнутьев отключил телефон. — Что-то все ко мне с этой Светой пристают, а, Шаланда? То ты, теперь вот Андрей выделяет ее из всех прочих... Что происходит?

— Если уж говорить прямо, — начал Шаланда, опасаясь сорваться на неосторожное слово, — то первым ее начал выделять... ты, Паша.

— Да? — удивился Пафнутьев. — Но ведь она того стоит!
— А разве кто в этом сомневается?

— Главное, чтобы ты, Жора, не сомневался. — Пафнутьев хотел добавить еще что-то язвительное, но его остановил писк телефона в кармане. Телефоны, действительно, стали звенеть чаще, нежели в предыдущие дни — верный признак того, что дело близилось к развязке. — Слушаю! — заорал в трубку Пафнутьев. — Начальство на проводе.

— Худолей беспокоит. — Смиренный голос сразу вернул Пафнутьева из куражливой высьи на землю. — Я могу говорить?

— Худолей беспокоит, — не удержался от шпильки Пафнутьев и подмигнул Шаланде. — Ты не просто можешь, обязан говорить.

— Только что я был у ребят, которые полистали вьюевские бумаги...

— Ну?!
— Это было убийство, Павел Николаевич, — скорбно сказал Худолей и замолк, ожидая новых вопросов.

— Опять?! — пролепетал Пафнутьев и обессиленно опустился на стул.

— Опять?! — охнул Шаланда, припадая тяжелой грудью к столу.

— Неужели это никогда не кончится...
— Павел Николаевич, — продолжал Худолей невозмутимо, — я употребил это слово в метафорическом значении, условном, если вы позволите мне так выразиться, образном... Собственно, убийства с лишением кого-либо... жизни. Этого не было.

— Убийства не было, — успокоил Пафнутьев Шаланду. — Худолей выразился иносказательно. С ним это бывает.

— Я его задушу собственными руками! — прошипел Шаланда, сверкая очами, и Пафнутьев только теперь осознал опасность, которая нависла над Худолеем.

— Продолжай, — сказал Пафнутьев в трубку и сделал знак Шаланде, чтобы тот чуть потише выражал свои угрозы.

— Там наверняка рядом Шаланда? — осмелился спросить Худолей.

— Да, он здесь. И в гневе.

— Это хорошо... Так вот, ребята, которые по нашей просьбе изучили содержимое вьюевского чемодана, пришли к твердому убеждению, что действительно готовилось безжалостное, коварное убийство Объячева. Уточняю — они имеют в виду убийство финансовое, коммерческое. Если бы Объячев выжил, если бы Вьюеву удалось с этими бумагами скрыться... То Объячев был бы не просто разорен, он оказался бы в долгах на всю оставшуюся жизнь. Это смерть, сказали мне ребята. Умные, между прочим, ребята, толковые, грамотные, на компьютерах во всякие игры могут играть. Я им с твоего позволения, Паша, бутылку виски пообещал... Так что с тебя причитается.

— Я им ничего не обещал.

— Видишь, какие мы с тобой разные люди, — горестно проговорил Худолей. — Ну, да ладно, тут уж ничего не изменить. Я продолжаю?

— Продолжай.

— В чемодане оказались договоры, чеки на предьявителя, расписки, в том числе расписки самого Вьюева. Причем, много договоров сугубо... Есть такое очень ученое слово... Я сейчас его вспомню... Очень умное слово, я от тебя, Паша, таких слов никогда не слышал, они неведомы тебе...

— Конфиденциальные договоры, — пробормотал Пафнутьев.

— Паша! — вскричал Худолей. — Неужели это ты произнес такое причудливое, заковыристое, а главное, точное слово?! С этой минуты я буду тебя уважать еще больше!

— Заткнись.

— Есть основания полагать, что Маргарита помогала Вьюеву наполнять бумагами его чемодан. Там есть документы, касающиеся ее лично... Другими словами, это не Вьюев убежал, это они вместе пытались убежать.

— Объячев к тому времени был мертв, — как бы про себя сказал Пафнутьев.

— Да, к тому времени у него была дырка в голове, спица в сердце, клофелин в желудке и радиация во всем теле. Особенно в яйцах.

— Почему именно там? — удивился Пафнутьев.

— Радиация имеет такую особенность — собираться в этом участке тела. И яйца имеют такую же особенность.

- Какую особенность?
- Способность радиацию в себе накапливать или, как говорят ученые люди, аккумулировать.
- Хочешь поговорить? — Пафнутьев протянул трубку Шаланде. — Он о яйцах рассуждает.
- Каких?
- Человечьих.
- Передай ему, что я его за это самое место подвешу в собственном кабинете! К люстре! И включу вентилятор, — чтобы он вертелся над моей головой!
- Я слышал, что он сказал, — пробормотал Худолей. — Я всегда, Паша, говорил, что Шаланда чрезвычайно талантливый человек. Сложись его жизнь чуть иначе, он мог бы стать великим. Передай, что я не перестаю им восторгаться. Такое образное мышление, как у Шаланды, встречается чрезвычайно редко.
- Он просил передать, что постоянно восторгается тобой, — сказал Пафнутьев и отключил телефон.
- Спасибо, конечно, — проворчал Шаланда, остывая. — Я ему очень благодарен за добрые слова... Наверно, все мы бываем не всегда справедливы к людям, с которыми сводит жизнь... Но что делать, что делать, Паша!
- Скажи ему как-нибудь теплое словечко... Ему этого надолго хватит.
- Думаешь? — усомнился Шаланда.
- Уверен.
- Ну, ладно... А по делу он что-нибудь сказал?
- О! — воскликнул Пафнутьев. — Он столько, оказывается, всего узнал... Он перевернул все наши представления об этих событиях. Просто не оставил камня на камне.
- Ладно, Паша... — устало проговорил Шаланда. — Разбейся со своим Худолеем сам. Переворачивайте друг у друга все, что вам хочется переворачивать. Что будем делать?
- Скурыгина надо ловить.
- А на фиг он нужен?
- Он убийца.
- Ты уверен?
- Да.
- Поделись.
- Хорошо. Худолей говорит, что Скурыгин...
- Если Худолей говорит, будем ловить Скурыгина. Как я понимаю, надо брать под жесткий надзор все его фирмы, квартиры, жен, детей, приятелей... Как он выглядит?
- Как и прежде. Побрился, причесался, наверняка надел свой банкирский наряд...
- Отощал в подвале-то?
- Нет. Кормили его нормально. В душ водили. Даже выпить давали.

— Так почему не сидеть? — расхохотался Шаланда. — Я бы и сам не отказался на месячишко! Дух перевести!

Отсмеявшись и вытерев со щек слезы, Шаланда сразу, будто снял с лица веселую маску, сделался серьезным и озабоченным. Вызвав заместителя, он тут же отдал приказание набросить на город сеть, густую и бдительную, чтобы беглец по фамилии Скурыгин не смог проскочить ни в одну ячейку. В считанные минуты должны быть взяты под контроль три скурыгинские конторы, нужно было срочно установить его любимый ресторан, дом, где он проживал, его загородный коттедж, гараж, адрес любовницы, адреса заправочных станций, сеть прачечных, химчисток, магазина строительных материалов, завода железобетонных конструкций — ничем не брезговал Скурыгин, ни от чего не отказывался.

— Ну, как, Паша, возьмем Скурыгина? — Раскрасневшийся Шаланда повернулся к Пафнутьеву, тихо сидевшему в глубине кабинета.

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

— Я тоже. — И, повернувшись, Шаланда вышел из кабинета, чтобы отдать еще какие-то указания, сделать еще уточнения, напомнить еще о чем-то важном и срочном.

Пафнутьев смотрел выступление Шаланды по телевидению в каминном зале объячевского дома. Солнце уже зашло, и только в правом окне можно было увидеть красноватые отблески на холодных весенних тучах. По цвету они напоминали остывающий раскаленный металл — та же синева, дымка и уже темные чешуйки отваливающейся окалины.

Тут же, в разбросанных по всей комнате креслах, сидели жильцы дома — Вохмянины, Света, Вьюев. И все. Больше никого из многочисленной свиты Объячева не осталось. Да и эти уже не жались, как прежде, друг к другу, кресла стояли как бы сами по себе, и никто не испытывал ни малейшего желания приблизиться к кому-либо, перебраться словом.

Сидя позади всех, Пафнутьев подумал, что только сейчас, наверное, их положение наиболее естественно. Они всегда были достаточно чужды друг другу, и лишь необходимость соблюдения неких правил, введенных самим Объячевым, вынуждала их произносить слова, изображать какие-то чувства.

Бутылка виски стояла, правда, как обычно, на журнальном столике, но никто не пытался на своем кресле подъехать к ней, а если уж кому хотелось выпить, то он просто наливал себе, сколько душа попросила, и отходил со стаканом к своему креслу. Бутылка, которая раньше, вроде, объединяла людей, теперь так же жестко и необратимо их разъединила.

Света сидела в кресле, забравшись на сиденье с ногами и закутавшись в плед. И кресло она выбрала, и расположилась в нем как-то опасно, чтобы видеть остальных и успеть вскочить, ес-

ли вдруг возникнет опасность. Она все еще ожидала какого-то нападения и немного успокоилась лишь когда в комнату вошел Пафнутьев и весело подмигнул ей.

И уловил, уловил Пафнутьев в ее промелькнувшей улыбке радость, она обрадовалась, увидев его. Что-то счастливо напряглось у него в душе, сердце тревожно дрогнуло, сбилось со спокойного ритма, и кресло он выбрал так, чтобы можно было видеть лицо Светы.

Вьюев сидел, нервно вертя головой, непрерывно смотрел по сторонам, увидев Пафнутьева, вскочил, поздоровался, снова сел, попытался что-то сказать, но, махнув рукой в сторону Вохмяниных, дескать, потом поговорим, не могу при них, устался в экран телевизора.

Телохранитель на этот раз сел ближе всех к столику с виски и время от времени угощал себя щедрым глотком. Иногда, круто развернувшись в кресле, он пристально, с какой-то пьяной настойчивостью смотрел на Вьюева, пока тот не начинал дергаться. Свою жену он старался не замечать, проскальзывая по ней взглядом, как по пустому месту. Увидев входившего Пафнутьева, поднял приветственно стакан и пробормотал нечто вроде "Наше вам с кисточкой".

— Наше вам с вазочкой! — ответил Пафнутьев.

— Вазочкой? — удивился Вохмянин. — Впервые слышу. Какую вазочку вы имеете в виду, гражданин начальник?

— Есть такое очень изысканное определение параша... Ночная ваза. Слыхали?

— Вы полагаете, что мне пора вспомнить о параше?

— Я сказал только о вазочке. А что касается того, надо ли вам вспомнить о параше... Не знаю. Мне кажется, что параша — это такая вещь, о которой невозможно забыть, сколько бы лет вы ни провели в разлуке.

— Пять лет, — сказал Вохмянин, с пьяной настойчивостью уставившись на Пафнутьева из-за спинки кресла. — Пять лет.

— Поздравляю, — несколько бестолково ответил Пафнутьев, но это было все, что он мог произнести. Разговор шел какой-то двусмысленный, с подковырками и подмигиваниями.

Слушая их, Вохмянина чуть улыбалась, если можно назвать улыбкой выражение, с которым смотрит с полотна Джоконда. Это было выражение самодовольного превосходства и снисходительности.

Как и при разговоре с Пафнутьевым, она закинула ногу на ногу, отбросив полы халата в стороны. Обжигающе белые ее бедра, наполненные любовью и желаниями, казалось, мерцали в полумраке комнаты. Хотя она сидела лицом к телевизору, Пафнутьев чувствовал, что все ее внимание направлено не к экрану, а назад — к нему, Вьюеву, Свете. Вохмянина поднялась, прошла к столику, плеснула себе в стакан виски, хотя там было достаточно. Пафнутьев понял — все это она проделала только для того,

чтобы на обратном пути взглянуть, что делается за ее спиной, кто где сидит. И наступил краткий миг, когда их взгляды встретились — Вохмянина улыбалась. Это означало, что все у нее получилось, все состоялось, и она может улыбаться если не с торжеством, то с удовлетворением.

— У вас все в порядке? — спросила она, вернувшись к своему креслу.

— Нет, что вы! — воскликнул Пафнутьев, мгновенно, в доли секунды включаясь в дурашливый тон, который всегда спасал его в такие моменты. — В моей жизни столько всяких неприятностей, столько неразрешимого, почти бедственного...

— А выглядите даже как-то... Самодовольно.

— Маска, милая Катя! Только маска профессионала невысокого пошиба, ремесленника, замордованного жизнью.

— А мне о вас говорили другое, — сказала Вохмянина заигрывающе.

— Интриги и наговоры! — решительно сказал Пафнутьев.

— Но вас хвалили... И достаточно искренне.

— Кто? — вопрос был грубым, бездарный, его можно было назвать даже глупым, но Пафнутьев произнес его сознательно, потому что часто именно такие вот вопросы и оказываются полезнее тонких и продуманных. — Кто? — повторил он, чтобы еще нагляднее показать собственную тупость.

— Так я вам и сказала, — усмехнулась Вохмянина.

Шаланда появился на экране, величественный и скорбно значительный. Зритель должен был сразу почувствовать, как тяжело ему снова и снова вспоминать события, которые потрясли весь город. Не жалея красок, Шаланда рассказал со страшноватыми подробностями о смерти Объячева, его жены, случайного человека, забредшего на участок, о трагической гибели строителя, о миллионе долларов в спортивной сумке, о поздней электричке и бдительном милицейском патруле. Зрители увидели фотографии раскачивающегося под потолком бомжа, увидели скромный труп Маргариты, страшную рану в голове Объячева. Причем, Шаланда, по просьбе Пафнутьева, рассказал, что преступник расстрелял мертвое тело, что убит Объячев острой велосипедной спицей, отравлен клофелином, облучен каким-то безжалостным радиозотопом...

В результате получилось, что Шаланда не столько успокоил зрителей, сколько еще больше настрадал их и как бы предупредил о новых жертвах, которые с мистической закономерностью появляются каждую ночь в зловещем объячевском доме. Все получилось хорошо, убедительно, Шаланда даже сослался на художественные изыскания в оккультных закономерностях цифр и знаков, планет и звезд.

Пристроившись за спинами объячевских домочадцев, Пафнутьев внимательно посматривал, как кто воспринимал выступление Шаланды. Дернулся от неожиданности и диковато посмот-

рел на него Вохмянин, когда услышал о велосипедной спице, нервно запахнула полы своего халата Катя, Света просто опустила голову, чтобы не видеть картинок, которые мелькали на экране, и только слушала. Больше всех ерзал Вьюев, порываясь что-то сказать, добавить к словам Шаланды, но Пафнутьев дал ему знак молчать, дескать, поговорим попозже, а сейчас давайте послушаем, тем более, что хозяйка, да-да, хозяйка этого дома, так гостеприимно потчует прекрасным виски.

Нет, никогда больше не будет такого расследования у Пафнутьева и Худолея, никогда уже не отведут они душу напитком благородным и хмельным, напитком, который не бьет по голове кувалдой одурманивания, а обволакивает хмелем радостным, праздничным, заставляющим вспомнить самые счастливые дни, которых, как ни обидно, было удивительно мало!

Однако пора возвращаться в каминный зал, оцепенело замерший от суровых, но откровенных слов Шаланды. Первой не выдержала Света. Она порывисто поднялась со своего кресла, быстро, ни на кого не глядя, пошла к двери, и только возле Пафнутьева чуть замедлила шаги.

— Павел Николаевич... Проводите меня, пожалуйста, а то... Понимаете, мне страшно.

— Мне тоже, — сказал Пафнутьев и вышел на площадку вслед за Светой. Не оглядываясь, она поднялась по винтовой лестнице и направилась в свою комнату. Пафнутьеву ничего не оставалось, как последовать вслед за ней.

— Павел Николаевич... Понимаете... Я должна признаться.

— Признавайся.

— Когда Шаланда только что рассказывал о всяких подробностях, когда он начал показывать фотографии... И Объячева, и остальных... Вы помните, что я сказала о бомже?

— Очень хорошо помню.

— Так вот, я еще должна открыть одну вещь, чтобы между нами не оставалось ничего невысказанного... Можно?

Света поднялась на цыпочки, приблизила потрясающие свои губы к самому уху Пафнутьева и прошептала несколько слов. Потом, видимо, решив, что этого недостаточно, добавила еще что-то.

— Я не хотела ничего плохого.

— Конечно, — быстро ответил Пафнутьев.

— Он сказал, что хватит мне без толку по дому болтаться...

Ночь, говорит, моя, добавь огня... Это реклама такая.

— И ты добавила?

— Как сообразила... Я ведь глупая баба.

— Не такая уж и глупая, — озадаченно протянул Пафнутьев. — Ладно, пойду. Закройся и никому не открывай. Только мне, поняла?

— А вы меня простили?

— Если речь идет обо мне... То да, я простил.

— И не сердитесь за то, что я сделала?

— Не сержусь, — усмехнулся Пафнутьев, только сейчас осознав, насколько дикий разговор идет у него с этой красавицей.

— И никогда не будете попрекать этим?

Не выдержав, Пафнутьев рассмеялся — таких обещаний у него еще никто не требовал. Но ответил честно и искренне:

— Я никогда не буду тебя этим попрекать!

Света так бесхитростно ставила свои вопросы, что он мог, не задумываясь, обещать ей все, что она хотела услышать, зная твердо — свои, личные обещания, выполнить будет несложно. Осознав, что он хитрее, опытнее, Пафнутьев устыдился и сам, по доброй воле, дал обещание, выполнить которое ему будет нелегко.

— Думаю, все обойдется, — сказал он. — Сегодня у меня будет тяжелая ночь. Мне пора. Тебе лучше пораньше лечь спать.

— Хорошо, — легко и безропотно согласилась Света — оказывается, ее не надо было убеждать, уговаривать, просить. Она все воспринимала с единого слова. — Значит, надо, — она улыбнулась, и понял Пафнутьев, взглянув ей в глаза, в долю секунды понял — не дура она, ох, не дура. Света смеялась, шутила и куражилась, представляясь совсем не той, какой была на самом деле.

— До скорой встречи.

— Пока. — На этот раз она не сделала попытки подойти к нему, но улыбнулась, хорошо улыбнулась, без задней мысли. — Я позволю, ладно?

— Света, — медленно проговорил Пафнутьев, — в ближайшие месяцы мы будем видеться очень часто.

— Да-а-а?

— Начнется следствие. Будут оформляться десятки, сотни документов — протоколов, очных ставок, протестов, отводов, заявлений... Мы очень хорошо с тобой познакомимся за это время.

— Скажите, а вас не отстранят от дела?

— Почему меня должны отстранить?

— Ну... — она помялась. — По разным причинам... Дескать, личные отношения...

— Ха! Размечталась! — И Пафнутьев весело вышел из комнаты, плотно прикрыв дверь, дождался, пока с той стороны в замке повернется ключ. И тут же увидел на внутренней поверхности башни искривленную тень — кто-то поднимался по лестнице. Шаги были медленные, осторожные, чувствовалось, что человек прислушивается.

Пафнутьев остановился, решил подождать. Здесь, на втором этаже, было сумрачно, только одна лампочка в конце коридора служила чем-то вроде ночника. Отступив назад, Пафнутьев оказался в глубокой тени, увидеть его было невозможно.

Наконец человек поднялся — это был Вьюев. Он настороженно оглядывался, шел медленно, стараясь не шуметь.

— Не меня ли вы ищете? — спросил Пафнутьев нарочито громко.

Вьюев вздрогнул, оглянулся, всмотрелся в темному, но ничего не увидев, остался на месте.

— Это вы, Павел Николаевич?

Пафнутьев вышел из тени.

— Как вечерние новости? Закончились?

— Да, там уже идет какая-то американская игра...

— Интересная?

— Американская... Как она может быть интересной? Надсадно орет ведущий, сам потный, жилы вздуты, постоянно требует от публики аплодисментов, на сцену выносят утюги, сковородки, какие-то моющие средства, дарят победителям, те стонут от радости... Чушь.

— Вы меня искали?

— Почему вы так решили? — насторожился Вьюев.

— Мне кажется, вы что-то хотели сказать.

— Хотел... А сейчас вот думаю, стоит ли...

— Стоит.

— Собственно, мне лично все уже достаточно безразлично, — протянул Вьюев, но Пафнутьев громко его перебил:

— Но есть, есть грозный суд, наперсники разврата! Есть грозный судья! Он ждет, он недоступен звону злата! И мысли и дела он знает наперед! Напрасно вы прибегнете к злословью, оно вам не поможет вновь! И вы не смоете всей вашей черной кровью — праведную кровь!

Полумрак, в который был погружен второй этаж, глубокие тени, свет из глубины башни, оружий Пафнутьев, его слова о черной крови — все это произвело на Вьюева гнетущее впечатление. Он отшатнулся, прижался спиной к стене и молча слушал, широко раскрыв глаза.

— Не понимаю, в чем вы меня обвиняете? — наконец пролепетал он. — Какая кровь, какой разврат... Что вы говорите, Павел Николаевич, как вы можете?

— Лермонтов, — сказал Пафнутьев уже обычным голосом. — Михаил Юрьевич. Родился в четырнадцатом, а умер в сорок первом году прошлого века. Заметили мистику?

— Какую мистику? — прошептал Вьюев.

— Цифры! — воскликнул Пафнутьев с непонятной убежденностью. — Цифры, обозначающие даты рождения и смерти как бы поменялись местами. Родился в четырнадцатом, а умер в сорок первом.

— Что же из этого следует?

— Худолей говорит, что все цифры, характеризующие преступления в этом доме, не имеют законченных форм, они как бы растекаются, они зыбки и неустойчивы, постоянно меняют свою суть, свое значение.

— Не понимаю!

— Тройка может превратиться в восьмерку, единица в семерку, шестерка переворачивается и становится девяткой.

— И что? — просипел Вьюев.

— Худолей говорит, что будут трупы.

— О, Боже...

— Нам надо поговорить, — твердо сказал Пафнутьев.

— Да, наверное, это необходимо. Худолей прав, еще могут быть жертвы... Убийцы не остановятся, пока не достигнут своих целей. Вы должны все знать, вам необходимо все знать, иначе...

— Где ваша комната?

— Вот здесь, направо.

— Идемте. — Пафнутьев первым шагнул в темноту.

Где-то внизу продолжал работать телевизор, ведущий с потками пота вдоль ушей, визжа от азарта, вручал утюги, сковородки, стиральные порошки, прокладки, оснащенные крылышками, прокладки без крылышек, которые не пропускали влагу и позволяли заирать ноги, прыгать в машины, перемещаться в пространстве, не оставляя следов. Это для Пафнутьева было в прокладках самым важным — с ними человек мог вести себя в жизни раскованно и непредсказуемо, не оставляя следов. Поэтому рекламу прокладок всегда он просматривал чрезвычайно внимательно, вслушиваясь в каждое слово, всматриваясь в каждый кадр, не переставая возмущаться — ну, почему не показать, как именно пользоваться этими прокладками, где именно должны порхать белоснежные крылышки.

Поначалу Скурыгин ходил по обячевскому дому, держась за стены, отдыхал у каждого подоконника, и постепенно оперативники привыкли к тому, что этот доходяга не скоро станет на ноги. Уже на следующий день, слыша за спиной его шаркающие шаги, оперативники даже не оглядывались, продолжая бдительно смотреть за теми, кто, по их мнению, действительно мог сбегать.

А потом наступил момент, когда Скурыгин решил, что уже всех убедил в своей слабости, в том, что может сам по себе помереть на ровном месте.

Набросив на плечи пальто, в котором еще среди зимы приехал в гости к Обячеву, даже не застегивая его, он направился к выходу, все той же шаркающей походкой, касаясь пальцами кирпичной стены, дыша широко раскрытым ртом.

— Куда собрался, дядя? — весело спросил один из оперативников, оторвавшись от нард.

— Не могу больше, ребята, — просипел Скурыгин. — Пойду свежего воздуха глотнуть.

— Глотни, — рассмеялся здоровый, уверенный в себе оперативник. — Глотнуть никогда не грех... Я бы и сам не прочь глотнуть, да вот служба! — и он снова склонился на доской, снова

принялся бросать костяшки, передвигать фишки, бормотать свои игровые прибаутки.

Скурыгин вышел на крыльцо, вдохнул весенний воздух, глубоко вдохнул, раз, другой, третий. И у него действительно закружилась голова. Он невольно схватился за ручку двери. В этот момент и увидел его другой оперативник, который все-таки решил проследить за Скурыгиным.

— Мужика и в самом деле водит, — пробормотал он.

Скурыгин сел на крыльцо, огляделся по сторонам. Он знал, что у него есть минут десять, те десять минут, за которые его никто не хватится. И он все так же медленно, побряхтывая и постанывая, спустился с крыльца, обогнул дом и оказался перед дорогой. Ярко светило солнце, лужи растаяли, из леса тянуло сосновым духом — теплым, тревожным, обещающим жизнь долгую и прекрасную, наполненную поездками, встречами, любовью неожиданной, случайной и оттого еще более влекущей.

Скурыгин оглянулся на обячевский дом, вышел на дорогу и все так же ссутулившись, начал быстро удаляться от места своего заключения.

Он сам себе определил десять минут, которые и составляли его шанс. И еще он знал — когда обнаружится его исчезновение, оперативники не бросятся тут же на дорогу. Они начнут бегать вокруг дома, потом облазят сам дом, все его четыре этажа. Им и в голову не придет, что человек, который только что еле волочил ноги, вдруг рванет по весенней распутице в комнатных шлепанцах. И уж потом, потом только они попрыгают в свои газики и рванут по дороге в сторону города, но до этого пройдет не меньше двадцати минут. А сейчас, в эти вот считанные минутки, ему надо войти в лес, исчезнуть из поля зрения, чтобы не могли его увидеть в окно или с крыльца.

Расчет Скурыгина был прост — началось утро, начался рабочий день, к поселку новых русских и обратно непрерывной чередой тянулись машины с бетоном, вагонкой и кирпичами, с сантехникой и плиткой, песком и щебнем. Хоть одна машина, идущая порожняком к городу, должна его обогнать, должна наступить в лесной полосе.

Так и получилось.

Сзади раздался гудок, Скурыгин сошел с наезженной части на обочину и поднял руку.

Самосвал остановился. Ничего не поясняя, не спрашивая, Скурыгин рванул железную дверцу на себя и впрыгнул в кабину.

— В город? — спросил он.

Скурыгин хорошо знал, как вести себя в кабине самосвала — надо спрашивать весело, отвечать напористо и всячески показывать, какой ты панибратский, простой, общительный человек. Высадить такого просто невозможно. Как его высадишь, если он свой в доску? Более того, нормальный водитель еще и отвезет, ку-

да попросишь, и денег не возьмет, и всю жизнь тебе свою расскажет.

Такой вот водитель попался Скурыгину, и он уже через двадцать минут петлял по окраинным городским кварталам, выкручивая к заводу железобетонных изделий, где самосвал должен был загрузиться перемычками для окон и дверей. Проезжая мимо троллейбусной остановки, Скурыгин попросил водителя остановиться, спрыгнул на обочину, махнул рукой и тут же забыл водителя, его грузовик и всю его жизнь, путаную и бестолковую.

Сев в троллейбус, Скурыгин понял, что ушел, оторвался, и теперь только от него самого зависит его судьба. Конечно, оперативники уже обнаружили побег, доложили начальству, и пошли, пошли ориентировки по всем отделениям милиции. Скурыгин понимал — надо срочно сменить облик, переодеться. Его длинное черное пальто, как униформа всех банкиров, да еще комнатные шлепанцы неизменно обратят на себя внимание.

Для начала он вылез из троллейбуса, подсел к частнику и без помех добрался к своему давнему другу — это было несложно, он позвонил ему из телефонной будки.

— Игорь? — спросил он, услышав знакомый голос. — Ты дома?

— Эдик? Откуда?! Жив?!

— Буду у тебя через пять минут, — сказал Скурыгин.

Он был у Игоря через десять минут и застал того в совершенно растерянных чувствах. Молодой, полный, румяный парень метался по квартире, не зная, что делать, кому звонить, как себя вести. Скурыгин некоторое время молча наблюдал за ним, стоя в прихожей, и видел, хорошо видел — тот прячет глаза, не может смотреть спокойно и твердо.

— Игорь! Остановись! Замри! Сядь! — Парень послушно выполнил все приказания. — Смотри на меня! Слышишь, что говорю? Смотри на меня! В упор! А теперь отвечай... Ты меня кинул?

— Эдик, это долгий разговор.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно! Тебя не было два или три месяца! За это время все перевернулось. Приходят люди с бумагами, которые ты сам и подписал, появляются новые хозяева, ставят своих людей, наших в шею гонят!

Скурыгин прошел в комнату все в тех же комнатных шлепанцах, сел в кресло, откинулся на спинку, закрыл глаза.

— Какие-нибудь точки остались?

— Ни фиги не осталось! А если что и уцелело, то на них навешаны долги всех остальных, понимаешь? Все точки чистые, а три-четыре в долгах, как в шелках! В меня стреляли, понял?

— Понял.

— Говорю открытым текстом — и в тебя будут стрелять. Ты что, все продал Объячеву?

— Нет.

— Он всем владеет. И везде твои подписи. Тебя ищут, за тобой охотятся. Тебе надо срочно литься. И куда-нибудь подальше — в Новую Зеландию, Новую Каледонию, на Новую Землю... И Европа, и Америка для тебя закрыты. Найдут за месяц.

Скурыгин некоторое время молчал. Игорь послушно ждал, пока его неожиданный гость снова заговорит, но тот не торопился, осмысливая услышанное. Собственно, по тем подписям, по тем бумагам, которые он подписал, можно было себе представить нечто похожее.

— Вообще-то, у меня назначена важная встреча, — произнес, наконец, Игорь. — Мне надо идти.

— Я был в заложниках у Объячева.

— Выкуп никто не требовал. Не было ни звонков, ни угроз, ни намеков.

— Ему не нужен был выкуп. Он мне подсовывал договоры, и я их подписывал.

— Зачем? — заорал, сорвавшись, Игорь.

— Жить хотелось, — негромко ответил Скурыгин, пожав плечами. — Других желаний не было.

— Теперь мы все нищие!

— Но живые, — жестко усмехнулся Скурыгин.

— И это жизнь?!

— Разбогатеет. У меня, Игорь, такой опыт появился, такой опыт... И такая остервенелость в душе... Ничто не остановит. Ничто. Переступлю через любого.

— Ребята разбежались по норам... Придется снова всех собирать. Это будет непросто.

— А всех и не надо. Нам потребуется совсем немного людей, совсем немного. Но это должны быть наши люди, до конца наши. Никаких попугачиков.

— Соберем. Что с Объячевым?

— Ты же смотришь последние известия? — Скурыгин кивнул на телевизор.

— Смотрю.

— Вот и смотри. Как я понял, они дают информацию полную, достоверную, своевременную. Обо мне еще не говорили?

— Говорили, — без выражения ответил Игорь, глядя куда-то в угол.

— Что сказали?

— Сообщили, что сбежал. Не от Объячева сбежал, от милиции. Показали портрет, сказали, что в пальто и в комнатных тапочках. Обратились к гражданам с просьбой звонить по телефонам. Телефоны дали. Можно и просто по ноль-два. Сказали, что будут чрезвычайно благодарны за любое сообщение.

— Когда же они успели? — растерянно проговорил Скурыгин. — Ведь прошло, наверное, около часа, — он посмотрел на часы. — Нет, оказывается, прошло уже два часа. Шаланда работал.

— Кто это?

— Начальник милиции.

— У тебя появились хорошие знакомства?

— В гробу я видел эти знакомства. Мне нужно переодеться.

— Сейчас?

— Немедленно.

— Мы с тобой в разных весовых категориях... Тебя это не смущает? Будешь выглядеть отощавшим.

— Я не могу появиться в городе в этом пальто и шлепанцах. Тащи все, что есть. Выберу.

Игорь уже пришел в себя и выглядел как обычно — замедленным, неторопливым, на каждое скурыгинское слово отвечать не спешил, впадал в некоторое раздумье, словно докапывался до скрытого смысла услышанного. Впрочем, вполне возможно, что не торопился Игорь сознательно, оттягивая тот момент, когда Скурыгин выйдет из дому, ведь не отстанет тот сегодня, это Игорь уже понял. Бросив на гостя взгляд, долгий, прощупывающий, он решил, что не надо бы ему сразу бросаться во все авантюры, которые тот предложит, не надо. Лучше выждать какое-то время, пока все утрясется, уляжется, станет на свои места.

С тяжелым вздохом Игорь пошел к шкафу и принес несколько коробок с обувью. Скурыгин тут же выбрал туфли мягкие, из натуральной кожи, с тяжелой литой подошвой. По сезону выбрал, а Игорь только дух перевел — дороговаты были туфли, пару сотен долларов он отвалил за них и ни разу надеть не успел. Из верхней одежды Скурыгин облюбовал кожаную куртку и клетчатую кепку. Теперь, полностью преображенный, он был готов выйти в город.

Пройдя в прихожую и остановившись перед зеркалом, он прищипчиво осмотрел себя.

— Сойдет, — сказал наконец, и вернулся в комнату. — Деньги нужны. У меня совсем нет денег.

— А у кого они сейчас есть... У меня тоже нет. Всем владеет Объячев.

— Владел, — поправил Скурыгин. — Мы все у него отсудим, все вернем.

— Как? — простонал Игорь.

— Факт моего пребывания в заложниках установлен. Составлен и подписан протокол. К нему приложены снимки подвала, где я сидел. Мои фотографии, где я выгляжу, как старая обезьяна. Я не брился все это время.

— Надо же, — пробормотал Игорь, думая о чем-то своем.

— Все подписи, датированные этими месяцами, недействительны. И все договоры, расписки тоже недействительны. И мы не остановимся, пока...

Скурыгин увидел, что Игорь совершенно его не слушает, попросту пережидает, пока тот закончит говорить. Он замолчал и получил еще одно подтверждение, что Игорь его не слышит, —

тот продолжал сидеть, ковыряя пальцем обивку кресла и кивая головой — дескать, пой, птичка, пой.

— Игорь! — громко позвал Скурыгин.

— Ну? — вздрогнул тот от неожиданности.

— Что происходит?

— Видишь ли, Эдик... Наверное, я должен был сказать тебе об этом с самого начала, но все не решался, да и ты не замолчал... Ребята поговаривают... В общем, у многих сложилось мнение, что ты нас всех кинул. — Игорь искоса взглянул на Скурыгина.

— Не понял? — тихо сказал тот.

— Да ладно тебе, Эдик, — с легкой приبلатненностью протянул Игорь. — Все ты понял. И не надо Ваньку валить. Так не бывает, чтобы один был умный, а остальные дураки.

— Игорь! — заорал Скурыгин. — Говори ясно. Я не врубаюсь! На что ты намекаешь!

— Чего намекать? Открытым текстом говорю — кинул. И все ребята сошлись на этом.

— Как кинул?!

— Ты продал все наше хозяйство Объячеву, получил с него хорошие бабки и слинял. А историю с заложником вы просто разыграли. Посмотри на себя в зеркало — так заложники не выглядят. Кинул ты нас, Эдик. И вот что скажу... Не везде тебе можно появляться. Не знаю, какие у тебя отношения с милицией, ты вон даже ихнего Шаланду, оказывается, лично знаешь...

— Он допрашивал меня!

— А я что? Я ничего. Допрашивал — значит, так и надо. Не допрашивал — тоже хорошо. А сейчас от кого убежал? От Объячева? Он, говорят, мертв уже несколько дней. От милиции? Так у тебя Шаланда в кармане. От кого бежишь, Эдик? Не знаю, не знаю... Но больше всего опасаться тебе надо наших же ребят. Мы разорены. У нас ничего нет. Ты, ведь, не только договоры подписывал в своем подвале, ты и банковские чеки подписывал... На наших счетах дуля с маком, Эдик.

— И за это я его убил! Понял? Я убил Объячева!

— Надо же, как получается, — сонно проговорил толстяк и от сосредоточенности даже губы вперед выпятил. — Объячева убили неделю назад, по телеку показали. А тебя из подвала Шаланда вытащил вчера или позавчера... Он тебе и пистолет выдал?

— Из пистолета стрелял не я.

— А кто?

— Не знаю.

— Ладно, Эдик, ладно... То ты убил, то не знаешь, кто убил... Шаланда, может быть, и поверил тебе по старой дружбе, а ребята... Не знаю, поверят ли. Давай соберемся, поговорим.

— Давай, — уныло согласился Скурыгин. После короткой вспышки ярости от непонимания, недоверия, он весь сник, и теперь выглядел усталым и действительно слабым, каким притворялся совсем недавно.

Только сейчас Скурыгин в полной мере осознал, в каком положении оказался. Рассчитывать на восторженный прием, на красивое застолье в хорошем ресторане, на веселые тосты и щедрые пожелания он уже не мог. Такой встречи не будет. Предстоит работа, тяжелая работа по переубеждению своих же соратников.

— Ты сообщил кому-нибудь, что я здесь, у тебя? — спросил Скурыгин.

— Нет еще, — многозначительно протянул Игорь.

— Но сообщишь?

— Конечно. Ты же сам этого хочешь. Соберемся вечерком, по-калякаем.

— Соберемся, — все с той же унылостью ответил Скурыгин, прекрасно понимая, что это будет за каляканье. — Деньги нужны. Немного. Хотя бы тысячу. Такси, перекус, нужно побывать в некоторых местах... Не жлобись, Игорь, верну. Ведь не было случая, чтобы я не возвращал.

— До сих пор не было. — Игорь полез в карман, вынул бумажник, покопался в нем толстыми короткими пальцами и вынул пять стодолларовых купюр. — Это все, Эдик. Себе оставил три. Тебе пять. Учítывая, что после сырого подвала тебя потянет на всевозможные соблазны. Если ты в самом деле скрываешься от милиции, домой тебе ехать нельзя. Наверняка нарвешься на за-саду.

— Знаю, — сказал Скурыгин, пряча деньги в карман.

— Так что? — снова спросил Игорь. — Соберемся сегодня?

— Я готов.

— В десять вечера. Здесь.

— Договорились.

Весь день Скурыгин не знал, куда себя деть. Он несколько раз проезжал мимо своих бывших владений, всматривался в окна, пытался узнать кого-либо, но войти не решался. Состояние было паскудное, хотелось выпить, хорошо так выпить, но знал — нельзя. Вечером должен состояться очень важный разговор. И неизвестно, чем он закончится. Удастся ли ему отстоять роль предводителя, или уже нашелся другой мужик, порешительней... Оказывается, два месяца — это очень много, это очень большой срок. Ну, ничего, возвращаются люди и через годы.

Попытался было позвонить Скурыгин по прежним своим связям. Одному позвонил, второму, третьему. Разговоры получились странными какими-то, двусмысленными. Его поздравляли с освобождением, с возвращением к жизни деловой и веселой, но чувствовал — каждый раз возникало напряжение, недоговоренность, уход от главного. Спрашивали о здоровье, материли Объячева, делились новостями, которые только что увидели по телевидению, и при этом ни слова о деле. Все готовы были встретиться, отпраздновать возвращение, но не сейчас, попозже, завтра, послезавтра, а лучше на следующей неделе. И, вообще, созвонимся, старик, согласуем и отметим событие достойно. Никто не при-

гласил к себе, никто не напросился на встречу. Все оказались занятыми, у всех именно в этот день были назначены важные дела, отложить которые было невозможно.

К вечеру Скурыгин сник окончательно. К тому же устал.

Хотелось прилечь, забыться, опять захотелось выпить. Он зашел в какой-то занюханый ресторанчик, удивился ценам, понял, что содержат его только для того, чтобы оправдать деньги, которые где-то крутятся с бешеной скоростью, как совсем недавно крутились его деньги. Все это он понимал, все было знакомо.

Но мясо оказалось вполне приличным, водка, которую он заказал, тоже, вроде, ничего, и он просидел в забегаловке не меньше двух часов. Никто его не тревожил, не поторапливал, зал был почти пуст. В углу шушукалась парочка, видимо, из своих. Сначала они сидели напротив друг друга, потом сели рядом, совсем рядом, и Скурыгин отвернулся — и это было знакомо.

Потом в ресторан заглянули два милиционера. Не глядя по сторонам, прошли к стойке, посмеялись с барменом и, выпив граммов по сто пятьдесят водки, так же молча, деловито вышли. Скурыгин их не интересовал, более того, он понял — милиционеры подчеркнуто не смотрели на посетителей, давая понять, что здесь они не нарушат ничей покой, здесь территория для них как бы неприкосновенная. И это было знакомо.

По телевизору, установленному в зале, Скурыгин посмотрел последние известия, дождался уголовной хроники, еще раз полюбовался собственным портретом. Снимок был старый, вырезанный из общей фотографии, и узнать его по этому снимку было невозможно. Снова выступил Шаланда и, величественно возвышаясь над низковатым студийным столом, рассказал, что дело, в общем-то, закончено, неясностей у следствия нет, остались лишь некоторые шероховатости.

Скурыгин кивнул с кривоватой ухмылкой — он понял, что под шероховатостью начальник милиции имел в виду его, Эдуарда Игоревича Скурыгина.

Он посмотрел на часы — половина десятого. Пора было отправляться на встречу. Видимо, его бывшие соратники уже собрались, уже обменялись мнениями, и он, скорее всего, столкнется с единой точкой зрения.

— Ничего, ребята, ничего... Поговорим.

Расплатившись, Скурыгин оделся и вышел на улицу. За его спиной остался полутемный ресторан, который, как ни странно, к этому времени оказался почти полным. Здесь была своя публика, свои клиенты.

Ночной весенний воздух оказался на удивление свежим, тонкий ледок похрустывал под ногами, в подмерзшем асфальте отражались уличные фонари, огни проносившихся машин. Текла обычная городская жизнь, и никого не интересовало состояние Скурыгина.

Он остановил частного, подъехал к месту встречи, вылез из машины за два квартала — дальше решил идти пешком. Непривычное чувство опасливости вдруг охватило его, и он невольно стал предполагать разную чушь — что за ним следовала машина, в которой затаились милиционеры, заходившие в ресторан, они и заходили туда, чтобы убедиться, что он никуда не делся, не спрятался, не исчез...

Войдя во двор соседнего дома, Скурыгин прошел в кустарник, нашел детскую площадку и, присев там на низенькую скамейку, не торопясь, выкурил сигарету. Усталость прошла, он чувствовал себя хорошо, был готов к схватке, был готов рассказать все, что с ним произошло за последние месяцы. Это будет правда, чистая правда, ничего кроме правды, а она, как известно, обладает скрытой убедительностью. Самые прожженные дельцы и ханьги всегда чувствуют — это правда. А кроме того, ее всегда можно проверить и подтвердить.

— Пора, — сказал себе Скурыгин и, поднявшись, прямо через кустарник направился к нужному дому. На улицу он так и не вышел, решил пройти дворами, тем более, что они шли цепочкой, и он мог время от времени исчезать из поля зрения тех невидимых преследователей, которые, возможно, шли за ним по пятам.

Окна игровой квартиры были темными.

— Конспираторы! — усмехнулся он и, не задерживаясь, направился к подъезду.

Скурыгин немного опаздывал, но это было допустимо. В конце концов, он находится на особом положении, его ищет милиция, причем, ищет не как преступника, а как свидетеля, который нарушил какие-то там предписания и покинул место, где ему велели находиться. Осточертел ему объезженный дом вместе с каминным залом, круглой башней, винтовой лестницей, с подвалом, виски, с какими-то отвратными людьми, которые имели странную особенность время от времени умирать по разным причинам...

— Эдик! — окликнул его кто-то из кустарника. — Старик, это ты? — голос был знакомый, радостный, и Скурыгин остановился. И в тот самый момент, когда он шагнул навстречу появившемуся из кустов человеку, раздался выстрел.

Скурыгин почувствовал сильный, болезненный удар в грудь.

Боль была настолько сильной, что идти он уже не мог и, сделав несколько шагов, упал на подмерзший асфальт. Попытался было встать, уйти в кусты, в укрытие, но не мог, ноги лишь скользили по крошащемуся льду, руки подгибались.

А человек, который был в кустах, подошел ближе, некоторое время смотрел на его попытки подняться, потом приложил пистолет к голове, как раз между ухом и виском.

И нажал курок.

Это был контрольный выстрел в голову.

Больше Скурыгин не пытался подняться.

Человек в темной кожаной куртке снова вошел в кусты и исчез, растворился.

Секунд через пятнадцать-двадцать раздался шум мотора, вспыхнул свет фар, и со двора выехала неприметная темная машина с неразличимым номером. Может, это был “жигуленок”, не исключено, что “фольксваген” или какая-нибудь японская малолитражка. Выехала, свернула направо и растворилась в ночных улицах, наполненных теплым уже, весенним ветром.

Пафнутьев уезжал из объѣчевского замка, когда стемнело, и какая-то надкушенная луна висела над темной кромкой леса. На переднем сиденье рядом с водителем сидела Света в дубленке с откинутым капюшоном, сзади, между Пафнутьевым и Худолеем, тяжело громоздился Вохмянин в наручниках.

В доме оставались двое — Екатерина и Вьюев. Когда машина отъехала от дома, и Пафнутьев оглянулся, он увидел в светлых окнах два контура — мужской и женский. После всех смертей, после того напряжения, которое царило здесь почти неделю, в доме установилась стылая тишина. Вьюев собирал свои пожитки, намреваясь утром выехать в город.

Вохмянина, как и хотела, оставалась в доме хозяйкой. Единственной. Однако это, похоже, нисколько ее не огорчало. Со всеми людьми, которые здесь были, она расставалась без сожаления. Каждому протянула красивую полную руку, улыбнулась, вполне искренне улыбнулась, поскольку все эти отъезды ее радовали.

— Еще увидимся, — сказал на прощание Пафнутьев.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Только свистните, Павел Николаевич. Я тут же окажусь в вашем кабинете.

— Свистеть не буду, но машину пришлю.

— Вы хотите сказать, что будете присылать ее каждый раз, когда появится необходимость в моих показаниях?

— Да, — кивнул Пафнутьев после некоторого колебания. — Во всяком случае, буду стараться. Спасибо за гостеприимство, до скорой встречи! Надеюсь, мы вас не слишком огорчили.

— Вы? — переспросила Вохмянина. — Не слишком.

— Может быть, через некоторое время захотите повидаться с мужем...

— Я вам об этом скажу.

— Усек, — шало ухмыльнулся Пафнутьев и поднял в прощальном приветствии руку.

Машина шла медленно, переваливаясь с боку на бок, похрустывая тонким ледком и фарами вырывая время от времени из темноты бетонные плиты, заборы, уцелевшие после нулевых работ ели, березы, сосны.

Минут через пятнадцать машина вырвалась на трассу и помчалась к городу, набирая скорость. За рулем сидел Андрей и, казалось, ничего не видел, ничем не интересовался, кроме дороги.

Вохмянин молчал сосредоточенно и угрюмо. До последнего момента он не знал, что с ним поступят вот так неожиданно. Когда Андрей подошел к нему с наручниками, Вохмянин вопросительно посмотрел на Пафнутьева — что, дескать, так нужно?

— Да, мужик, да, — ответил Пафнутьев.

— Я в чем-то обвиняюсь? — спросил Вохмянин негромко, но побледнел, сосредоточился, как-то весь подтянулся.

— Мне бы не хотелось на столь интимные темы, как обвинения, подозрения, говорить при стечении народа. И тебе это не нужно. Согласен?

— Да ладно, чего уж там... Согласен, не согласен... Были бы доказательства, да, Павел Николаевич?

— Золотые слова. — Пафнутьев добродушно похлопал по широкой спине Вохмянина.

— Жаль... Хоть бы переночевать дали возможность... Теперь, как я понимаю, не скоро удастся отоспаться в приличных условиях.

— Что до того, чтобы отоспаться... Я ведь тоже не остаюсь. Хотя Худолей бы не возражал.

— Недельку я бы с удовольствием здесь побыл... Следы бы какие-никакие нашел, доказательства... — мечтательно проговорил Худолей.

— Не переживай, мы еще подведем.

— Подъезжайте, — усмехнулась Вохмянина. — Здесь кое-что осталось для хороших людей.

После поворота луна оказалась прямо перед лобовым стеклом, но Андрея это не раздражало, ему даже нравилось видеть перед собой белесое пятно.

— Луна не мешает? — спросил он у Светы.

— Нисколько.

— Мне тоже.

— Я люблю, когда луна. Можно опустить стекло?

— Конечно. — И Андрей сам, повертев ручку, впустил в машину свежий воздух. Пахло оттаявшей землей, теплой корой деревьев, просыхающей по обочинам жухлой прошлогодней травой.

— Но ветра гудит голубой напор и кто-то глядит на меня в упор, — пробормотала Света негромко, но все ее услышали.

— И что же из этого следует? — спросил Пафнутьев.

— Значит, весна, значит, настоящая... Не из сна навязчивого, — ответила Света.

Пафнутьев хотел было ввязаться в бестолковый разговор ни о чем и обо всем, но в этот момент у него в кармане запищала коробочка сотового телефона.

— Слушаю вас внимательно, — сказал Пафнутьев. И замер. Ничего больше не произнес, только невнятно мычал в трубку, показывая, что он все-таки слушает, понимает и просит продолжать.

— Ты где сейчас? — спросил Пафнутьев. — Понял. Я еще позвоню. Тут надо пассажира забросить в одно место. Не уходи, жди моего звонка. — И Пафнутьев сунул телефон в карман.

Дальше ехали молча. По каким-то признакам все поняли, что разговор был серьезный, что-то в мире изменилось, что-то случилось.

— Шаланда звонил, — произнес Пафнутьев, когда машина уже въехала в город, и по обе стороны дороги замелькали частные домики. — Просил передать Худолею поздравления.

— По какому случаю?

— Очень хорошо, говорит, освоил мистические значения цифр и чисел. Настолько хорошо, что даже стало страшно жить, — добавил Пафнутьев.

— О, Боже! — простонал Худолей, что-то поняв, о чем-то догадавшись. — Неужели сбылось?

— Сбылось.

Дальше ехали в полной тишине. У высокого кирпичного забора с колючей проволокой наверху нашли маленькую железную дверь и сдали Вохмянина. Потом отвезли домой Свету.

— Так, говоришь, весна? — спросил Пафнутьев, когда женщина уже спрыгнула на подсушенный морозом асфальт.

— Настоящая, Павел Николаевич.

— До скорой встречи, Света.

— С нетерпением буду ждать повестку.

— Ты у меня дождесси! — зловеще прошипел Пафнутьев, пытаясь скрыть растерянность перед этой женщиной.

Пафнутьев, Андрей, Худолей молча, с каким-то вдруг возникшим напряжением смотрели, как Света удаляется к своему дому, как легко и свободно сидит на ней дубленка, как светятся в белесом свете луны ее волосы. Вот она перепрыгнула через лужу и тут же оглянулась — видели ли эти суровые мужики, как она легка и красива?

Мужики видели, все видели. Андрей помигал ей фарами, погудел, Света помахала рукой и свернула за угол.

— Вот так и кончается жизнь, — пробормотал Пафнутьев потерянно.

— Ничего, Паша. — Худолей похлопал Пафнутьева по коленке. — Жизнь она такая... То уходит, то возвращается. За ней иногда и не углядишь. Казалось бы все, конец, ты труп. А потом вдруг обнаруживаешь в себе совсем маленький участочек, и там не то ручеек журчит, не то огонек тлеет...

— Звонил Шаланда, — повторил Пафнутьев. — Скурыгин убит полчаса назад. Контрольный выстрел в голову.

— Это пятый, — сказал Худолей. — Больше не будет.

— Точно? — требовательно, даже капризно спросил Пафнутьев.

— А ты, Паша, сам не чувствуешь? Не ощущаешь в цифре "пять" некую законченность? Не ощущаешь?

— Не ощущаю! — с вызовом произнес Пафнутьев.

— Посчитай пальцы на своей руке! Их пять. Пятиконечная звезда — пять лучей. У человека сколько конечностей?

— Четыре, — сказал Андрей.

— А голова? — удивился Худолей. — Нет, ребята, у человека пять конечностей. На всех древних гравюрах, рисунках, мистических изысканиях, оккультных исследованиях... Пять.

И тут все трое увидели, что в доме, в который только что вошла Света, на третьем этаже вспыхнул свет, и в окне возникла женская фигурка с поднятой рукой. Андрей в ответ опять помигал, погудел и медленно тронул машину.

— Пустота и усталость, — негромко произнес Пафнутьев. — Пустота и усталость, — повторил он. — И никто не узнает, — затянул он и тут же перебил сам себя. — Послушайте, ребята... А если я предложу нечто совершенно безнравственное...

— Поддержу горячо и от всей души! — быстро ответил Худолей.

Андрей промолчал, только усмехнулся про себя, он понял, о чем затевается разговор.

— Есть такой человек, — продолжал Пафнутьев. — Он живет в нашем городе. Вы его хорошо знаете. И он вас знает. Более того, он всегда рад вас видеть. И вы всегда радуетесь, когда его видите.

— Неужели Шаланда? — ужаснулся Худолей.

— Нет, у него другая фамилия. Халандовский.

— Он рано ложится спать, — сказал Андрей.

— У каждого из нас есть недостатки, но мы все забываем о них, когда рядом оказываются друзья, — назидательно произнес Пафнутьев. — Я прав? — обернулся он к Худолею.

— Позволю себе продолжить твою чрезвычайно умную мысль, Паша. — Тон Худолея с каждым словом становился все более выпендренным. — Мы не просто забываем о наших недостатках, мы превращаем их в достоинства.

Пафнутьев решил, что вопрос решен и пора приступить к действиям, решительным и необратимым. Он вынул телефон, набрал номер и долго, достаточно долго ждал, пока на том конце провода поднимут трубку. Наконец, в ней что-то пискнуло, крикнуло, охнуло, и раздался сонный голос Халандовского.

— Слушаю.

— Пафнутьев беспокоит.

— Паша, имей совесть! Так нельзя! Водка нагрелась, мясо остыло, реклама летающих прокладок только что закончилась! Не понимаю, что происходит?

— Я мчусь, Аркаша!

— Только не сбавляй скорости!

— Со мною вместе мчатся Худолей и Андрюша.

— Без меня, — сказал Андрей негромко, но таким тоном, что спорить с ним никто не посмел.

— Андрюша набрал такую скорость, что наверняка пронесется мимо. Но зато стонет от нетерпения Шаланда... Ты ведь хотел видеть Шаланду?

— Ребята, — расплылся в счастливой улыбке Халандовский — его улыбка чувствовалась даже по телефону. — Вы меня не разыгрываете? Вы в самом деле едете?

— Мы несемся, Аркаша! Мы несемся со страшной скоростью!

— Тогда не отвлекайте меня от дела. Я должен кое-что приготовить. Двадцать минут мне хватит.

— Нам тоже.

Пафнутьев набрал еще один номер.

— Георгий Георгиевич? Это вы?

— Ну? — насторожился Шаланда. Да, он больше всего на свете боялся розыгрышей, боялся, что над ним будут смеяться, показывать пальцем и делать за его спиной непристойные телодвижения.

— Через пять минут мы будем у подъезда твоей конторы. Ты прыгаешь в машину, и мы несемся дальше.

— Куда, Паша? По-моему, мы уже в таком тупике, в такой, прости меня...

Но Пафнутьев великодушно не дал Шаланде произнести неприличное слово, перебил его решительно и твердо.

— Мы несемся туда, где цветут рододендроны, где играют патефоны, где улыбки на устах!

— Неужели на земле остались такие места? — печально спросил Шаланда.

— Нас там уже ждут. Повторяю — через четыре минуты мы тебя подхватываем на ходу и несемся дальше. Пока не отцвели рододендроны, не затихли патефоны, не угасли милые улыбки на юных устах.

— Слушай, а Худoley-то оказался прав...

— Скажешь ему об этом сам, — прервал его Пафнутьев и, включив телефон, сунул его в карман.

Халандовский встречал гостей в красном халате, торжественный, свежевывымытый и свежепричесанный. На ногах у него были новые шлепанцы, на плече белоснежное, льняное полотенце.

— Прощу! — сказал он радушно и сделал широкий жест в глупину квартиры.

Когда Пафнутьев первым прошел в комнату, он обессиленно прислонился спиной к двери — небольшой журнальный столик оказался накрытым.

По кругу стояли тарелочки, возле каждой лежали нож и вилка, в центре возвышалась большая тарелка с холодным, только что нарезанным мясом, от которого исходил дурманящий запах и слабый, почти неуловимый, но все-таки присутствующий дух специй. Тут же стояла баночка со свежим хреном и блюдечко с нарезанным лимоном. Пластинки лимона были настолько тонкими, что сквозь них можно было читать газету.

А дальше произошел конфуз.

Не сговариваясь, гости, каждый, полагая, видимо, что он один столь щедрый и необычный, выставили один за другим три литровые бутылки виски. Они возвышались на столе, как три световых столба, уходящих в небо и обещающих бескрайние космические выси духа и наслаждения.

Когда в комнату вошел Халандовский, держа в руках тарелку с рваными кусками лаваша, и увидел полыхающие над столом, над миром, над сознанием золотистые четырехгранные бутылки, он изумленно вскинул бровь, но быстро справился с растерянностью.

— Я смотрю, здесь собрались сплошь одни сэры, пэры и лорды?

— Собралась нечистая на руку челядь, — ответил Пафнутьев.

— Значит так, ребята. — Халандовский замер, собираясь произнести нечто важное. — Я чрезвычайно благодарен за то, что вы в столь поздний час нашли возможность посетить меня и уделить немного времени. Но в этом доме, как и в каждом другом, свои законы... Надеюсь, они вас не огорчат. — С этими словами Халандовский, подхватив три бутылки виски, отставил их в сторонку. После этого удалился на кухню и вернулся с заиндеветшей бутылкой смирновской водки, и водрузил ее на то самое место, где только что полыхало золотом виски.

— Возражений нет?

— Сплошь одни предложения, — уверенно заявил Пафнутьев и сел к столу на свое обычное место. — Жора, — обратился он к Шаланде, который не знал, как подступиться к столу, где ему позволено приземлиться. — Садись рядом. Со мной тебе будет уютнее. Худолей разберется, где втиснуться, хозяин вообще может не присаживаться, ему придется постоянно бегать на кухню. — Пафнутьев еще раз окинул радостным взором стол, отметив и холодную свинину, и баночку с хреном, и тончайшие кольца лимона, и бутылку, которая в тепле все это время продолжала туманиться и привлекать взгляды.

— Нет, Паша! Чуть попозже, как ты иногда выражаешься. — Халандовский мягко отвел в сторону пафнутьевскую руку, которая уже потянулась было к сверкающей инеем бутылке. — Должен сказать, что я чрезвычайно благодарен присутствующему здесь впервые моему почетному гостю Георгию Георгиевичу. — Халандовский поклонился Шаланде.

— За что? — удивился Шаланда и покраснел от удовольствия, смешался в благодарном смущении.

— Несколько вечеров подряд с помощью вот этого приспособления, — Халандовский кивнул в сторону телевизора, — вы брали на себя тяжкий труд рассказывать мне об ужасных событиях, происходящих в доме Объячева. Должен сказать, это был рассказ грамотный, честный, откровенный, что в наше время встретишь далеко не всегда.

Столь наглой и беззастенчивой лести Шаланда не слышал в своей жизни, но, как ни странно, халандовские слова принял все-рвез и склонил большую свою, тяжелую, кудлатую голову.

— Но я ничего, Паша, не слышал об этом расследовании от тебя... Может быть, и ты найдешь два словечка?

— А! — Пафнутьев небрежно махнул рукой. — Ничего особенного, ребята, ничего особенного. Все, как обычно. Можно даже сказать, что иначе и быть не могло. Рано или поздно все должно было закончиться именно так.

— Пятью трупами? — удивился Шаланда.

— Их могло быть три, семь... Их вообще могло не быть. Сути это не меняет. Назовем вещи своими именами... Объячев — подонок, разбогатевший на полном беспределе. Он грабил всех, в том числе своих же поделщиков.

— Он не сидел, — уточнил Шаланда.

— Под поделщиками я имею в виду людей, не проходивших с ним по одному делу, а занятых одним делом. Сам того не подозревая, он собрал вокруг себя личную домашнюю банду. И с этой бандой жил, с ней же и воевал, ее же и кормил, унижал, во всем этом находя какой-то смысл жизни. Вот вам Объячев. Продолжаться слишком долго это не могло, в людях накапливалась обида, а потом и ненависть. А ненависть имеет способность при достижении критической массы взрываться. Вот она и взорвалась. Повторяю — всего этого могло не быть, и жизнь бы в объячевском доме продолжалась. И поныне Объячев мог бы выступать по телевидению, рассказывать о своих спонсорских подвигах... Но судьба распорядилась иначе.

— Но почему столько трупов? — простодушно удивился Халандовский. — Если Объячев есть предмет ненависти, а он убит, — конфликт исчерпан. Я правильно понимаю?

— Правильно, Аркаша, все правильно... Но когда камень падает в болото, во все стороны идут круги. И здесь тоже пошли круги. Что произошло... Жена Объячева Маргарита его ненавидела, потому что он в свое время увел ее от любимого человека. Сумел, настоял, сломал. А сейчас в этом же доме, живя с женой под одной крышей он, извините, трахал другую женщину. А эта женщина — жена его собственного телохранителя. Как к нему должен относиться телохранитель? Ненависть. Только ненависть. Какие чувства испытывает к нему жена? Ненависть.

— А кто мешал телохранителю уйти? — спросил Шаланда.

— Жизнь. — Пафнутьев развел руками. — Жизнь мешала уйти. Во-первых, Объячев платил хорошие деньги. Во-вторых, его собственная жена не хотела уходить от Объячева, не хотела жить со своим мужем. Для нее это был шанс, надежда — называйте, как хотите. Конечно, не случись ничего, Вохмянин ушел бы рано или поздно. Но на момент событий был еще в доме, жил, питался, числился телохранителем Объячева. И в отместку хозяину заглядывал к его жене. А та в отместку своему мужу эти его загля-

дывания не только не пресекала, но и поощряла. Опять же оба они, и телохранитель, и Маргарита, своей преступной связью отвечали на нанесенные Объячевым обиды. Маргарита мстила мужу, а телохранитель мстил и хозяину, и жене. Все переплелось в клубок, и распутать его можно было, только выдергивая время от времени из этого клубка тела. Уже не живых людей, только тела. Прошу прощения за красоту стиля.

— Нет, Паша, ты говори, мне нравится, — сказал Халандовский.

— Тогда прошу плеснуть.

— Согласен. — И Халандовский наполнил объемистые рюмки. — За победу!

— Над кем? — удивился Шаланда.

— Над силами зла.

— Продолжаю, — сказал Пафнутьев, бросив в рот щедрый кусок холодного мяса с хреном. — В подвале заложник. Скурыгин. Разоренный Объячевым. Тот заставил его подписать кучу кабальных документов, договоров, расписок, чеков. И наступил момент, когда со Скурыгина брать стало нечего. Объячев не требовал за него выкуп, он заставлял подписывать документы. И в конце концов сказал — можешь сматываться, линять, уходить на все четыре стороны. А куда он пойдет? Он нищий. Более того, в своем кругу он уже человек, который всех предал и продал. За что и получил пулю час назад.

— Между ухом и виском, — добавил Шаланда.

— А в сарае бомж, — продолжал Пафнутьев. — Беззащитное, слабое существо. И он тоже оказался участником кровавых разборок в этом кошмарном доме.

— Что же произошло? — воскликнул Халандовский.

— Ребята, вы не поверите — все в доме оказались убийцами. Кроме бомжа и его дочери.

— Бомж жил с дочерью?! — воскликнул Худолей. — Он мне ничего о ней не говорил!

— Да, бомж жил с дочерью. Какое-то время. Он в сарае, а она в доме. Света — его дочь.

За столом наступило молчание. Все осмысливали услышанное.

За это время Халандовский снова наполнил рюмки, тут же схватившиеся инеем, все молча выпили и закусили. Пафнутьев участвовал в трапезе вместе со всеми, никого не торопил и сам не спешил пояснить сказанное.

— Почему ты так решил, Паша? — спросил, наконец, Худолей.

— Ничего я не решил. Она сама сказала. Я сопоставил их паспортные данные, фамилии, имена, отчества... Все сходится.

— Как же это понимать?! — вскричал Шаланда.

— Она прикармливала его. Уговорила Объячева не прогонять. Он не прогнал. Виски, которое ты пил с бомжом, — Пафнутьев

повернулся к Худолею, — Света принесла. Она частенько приносила ему остатки со стола, то же виски.

— Позор! — Худoley схватился руками за голову и принялся горестно раскачиваться из стороны в сторону. — Какой позор! Мне это и на ум не пришло! А за что убили бедного бомжа, Паша?

— За дело убили, — ответил Пафнутьев. — Как сказал классик, бедняков не убивают... Только за то, что ты бомж, или только за то, что ты миллионер... не убивают.

— Прости меня, Паша. — Халандовский, кажется, единственный сохранял спокойствие, не вскрикивал, не вскакивал, не производил непристойных звуков. — Ты сказал, что все убийцы... И строители тоже?

— Да. И строители, и Вьюев, и супруги Вохмянины, и Скурыгин... Я же сказал — все, кроме бомжа и его дочери — милой моему сердцу Светы.

— Подожди, Паша... Ты нам Светой мозги не пудри. — Шаланда положил тяжелые ладони на стол. — Я задаю вопросы, а ты отвечай. Кто положил радиоактивный изотоп в кровать Объячева?

— Маргарита.

— Заметь, я не удивляюсь, ничего не оспариваю, просто спрашиваю, — сказал Шаланда. — Кто налил в виски Объячеву клофелин?

— Света.

— Но ты сказал, что она не убивала?

— Она не убивала. И не было у нее такой цели — убить. Объячев сказал, что этой ночью придет к ней. Она решила его усыпить. Полагала, что клофелин — просто сильнодействующее снотворное. И, в общем, была права.

— Где она взяла клофелин?

— Отец дал. Бомж. И Объячев заснул.

— Кто проткнул спицей подлое сердце Объячева?

— Скурыгин.

— Кто стрелял в Объячева?

— Вохмянин. Уточню — он стрелял в мертвого Объячева, не догадываясь об этом. По этому эпизоду ему может быть предъявлено обвинение только в глумлении над трупом. Помнишь, Худoley предупредил — мало крови, мало крови! Но мы не поняли, не оценили его высокого озарения.

— Виноват. — Шаланда прижал ладони к груди и поклонился в сторону Худолея. — Продолжаю. Кто убил бомжа?

— Вохмянин. Вот тут уже чистое убийство. Хотя он пытался все свалить на Свету и даже свидетелями обзавелся, показывал строителю, как она бегала к сараю...

— За что он его убил?

— Бродя вечером вокруг дома и поджидая Свету, которая бы принесла что-нибудь со стола, бомж увидел, как Вохмянин выбросил из окна пистолет, и подобрал его. А когда утром ты нагря-

нул с вопросами-допросами, бомж, по доброте душевной, помчался к Вохмянину предупредить, что, дескать, следствие изъяло пистолет, и надо быть осторожнее. Тому ничего не оставалось, как убрать единственного свидетеля, вдобавок он подsunул ему в карман пулю. Это был перебор, но чего не сделаешь в панике, когда времени — минуты! Повесив бомжа, он тут же выпил из его бутылки виски и, конечно, оставил отпечатки. Заглянул в паспорт, и там отметился... Худолей это все установил, сопоставил и доказал.

— Ты говорил, что все убийцы? — напомнил Халандовский.

— Все сделала попытку убить, но не у всех эти попытки удались. А у некоторых не было попытки убить, но убийство состоялось. Например, у несчастного Вульха. Он оттолкнул своего напарника, дальнего родственника, оттолкнул сильнее, чем следовало, и тот в падении раскроил себе череп о тиски.

Некоторое время все молчали. Этих нескольких минут хватило Халандовскому на то, чтобы сходить к холодильнику и принести вторую бутылку водки, точно такую же — мохнатую от инея. Он разлил смирновскую по рюмкам, поднял свою в приветственном жесте и тем самым призвал присоединиться к нему. Все охотно согласилось, тем более, что холодной свинины, с вкрапленными в нее всевозможными специями, оставалось еще достаточно.

Убедившись, что все выпили, закусили и были готовы к дальнейшему разговору, Халандовский вопросительно посмотрел на Пафнутьева.

— Я понял тебя, Паша... Скурыгин убил Объячева спицей, один строитель убил другого по неосторожности, Вохмянин повесил бомжа, самого Скурыгина убили высокопрофессиональные, прекрасно подготовленные ребята, которые знают, как стрелять, в кого, в какое место... А Маргарита? Сама?

— Не совсем. Перед смертью Маргариты к ней на пять минут заглянула Вохмянина. Объячев, кажется, и в самом деле любил ее... Он написал и оформил дарственную на ее имя. Дом на самом деле сейчас принадлежит Вохмяниной. Она, как я предполагаю, эти бумаги показала Маргарите и сказала, чтобы та подыскивала себе жилье. Пора, дескать, тебе выметаться. Этого было достаточно, чтобы Маргарита сделала с собой то, что сделала. Она выпила столько снотворного, что заснула и не проснулась. Прекрасная смерть. Причем, Вохмянина меня предупредила о такой возможности. Или, лучше сказать, подготовила.

— И дом, действительно, отныне принадлежит ей? — спросил Шаланда.

— В связи с кровавыми событиями дарственную можно оспорить.

— А Вьюев? — спросил Худолей.

— Вьюева мы задержали уже после смерти Объячева с чемоданом бумаг. Он выкрал у Объячева всю его документацию. Полагаю, что с помощью Маргариты — она первая его любовь, может

быть, даже взаимная. Без Маргариты он бы не смог. Так вот, останься Объячев жив, лишение всех этих документов убило бы его. Может быть, не в полном, не в физическом смысле слова, но морально, финансово... Наверняка. Поэтому я сказал, что Вьюева тоже можно с некоторыми оговорками считать убийцей. Как и обоих строителей.

— А их-то за что?

— Они нашли в доме тайник Объячева. Замурованный в стене миллион долларов. Он им не платил год и задолжал тысяч десять... Они решили взять миллион. Для Объячева это тоже была... своеобразная смерть.

— Какова роль Светы в доме? — спросил Шаланда.

— Чисто декоративная. Он привез ее, чтобы успокоить и Маргариту, и своего ревнивого телохранителя. Дескать, вот моя девушка... Хотя на самом деле предавался утехам с Вохмяниной. Но потом и на Свету положил глаз... А на нее невозможно не положить глаз.

— Кого же сажать? — растерянно произнес Шаланда.

— Вохмянина за убийство бомжа. Вот и все. — Пафнутьев виновато посмотрел на каждого. — Есть, правда, еще Вулых, но там уж как суд решит. Он не хотел убивать Петришко, это очевидно. Убийство явно неосторожное. Правда, его можно обвинить в попытке похитить миллион... Но, с другой стороны, Объячев им в самом деле не платил... Может быть, они свой труд в миллион оценили? А почему бы и нет?

— Может быть, кто виски хочет? — предложил Халандовский.

— А что, водка закончилась? — огорчился Пафнутьев.

— В этом доме водка не может закончиться, — с достоинством ответил хозяин.

— Тогда какое может быть виски! — возмутился Шаланда, первый раз произнеся слова хмельные и веселые.

— Боже, — простонал Пафнутьев, — как же я сегодня напьюсь, как же я напьюсь сегодня! — И он сладостно замычал в предвкушении неземного блаженства.

— Главное, Паша, чтобы ты себя не сдерживал, — заметил Халандовский. — Отдыхай, Паша. Ты, я вижу, так устал, так устал, что нет никаких сил смотреть на тебя трезвого.

— И не смотри. Закрой на минуту глаза, а когда откроешь, я буду другим. Мы все будем другими. ■

смирение паче Гордости

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Верить сейчас модно — да простят мне это кощунственное заявление истинно верующие. Как когда-то пел незабвенный Владимир Высоцкий: "Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса". Смутное время — золотое время не только для веры, но и для суеверий. Секты, маги, колдуны, ворожеи... И тут же — восстановление православных храмов, мечетей, синагог. В общем, от почти поголовного атеизма — научного, воинствующего, наследственного, благоприобретенного — россияне совершили "большой

скачок" обратно в веру. Что само по себе прекрасно, но...

Но и тут не обходится без крайностей. Некоторые новообращенные христиане так увлекаются выполнением обрядов, что забывают (или просто не знают) об основных заповедях действительно верующего человека. В частности, о том, что нужно любить ближнего своего.

Если бы лет десять тому назад Алле Михайловне кто-нибудь сказал, что она будет регулярно ходить в церковь, поститься, прича-

щаться, исповедоваться и так далее и тому подобное, она бы в лучшем случае пожалала плечами, а то и от души расхохоталась бы. Выросла она в семье, где кое-кто из родственников принимал самое непосредственное участие в "искоренении религиозного дурмана": взрывал церкви, жег иконы, бдительно следил за тем, чтобы у окружающих и мысли не возникло окрестить ребенка, отпеть покойного, обвенчаться. И сама Алла Михайловна была некрещеной — единственная дочь убежденных коммунистов, которым дино было даже слышать о таком "надругательстве" над своими принципами. И детей своих — сына и дочь — естественно, не окрестила. И вообще чуть ли не всю жизнь работала лектором в обществе "Знание" (было такое, если кто забыл или вообще не знает).

В общем, обычная жизнь обычной женщины. И даже в том, что после двадцати с лишним лет размеренной и спокойной супружеской жизни муж ушел от Аллы Михайловны к другой женщине, тоже не было ничего из ряда вон выходящего. Спасибо, что не ушел, когда дети были маленькими, дождался, пока младшей дочери исполнилось восемнадцать лет. И на следующий же день после этого знаменательного события молча собрал чемоданы. Как ехидно заметила мать Аллы Михайловны, просто не хотел платить алименты.

Впрочем, это уже были нюансы: почему да отчего? И так дела шли не блестяще — муж бросил, и от этого факта при всем желании никуда не денешься. И, главное, бросил не ради молодой красоты: тут все было бы по крайней

мере понятно и оправданно — седина в бороду, бес, сами понимаете, в ребро, Аллу Михайловну можно только пожалеть, а неверного супруга объявить негодяем. Увы! Соперница была старше не только Аллы Михайловны, но и ее экс-супруга, не обладала ни красотой, ни какими-либо талантами. Но всему прочему, у нее даже не было квартиры (не говоря уже о прочих материальных благах в виде дачи или машины) — только комната в коммуналке. Так что поступок бывшего спутника жизни был, с точки зрения Аллы Михайловны, блажью, дурью и идиотизмом, да еще и компрометирующим ее саму. Ибо по законам нормальной человеческой логики виноватой в разводе оказалась она, если та, другая — старше, невзрачнее и беднее. Довела, значит, жена мужика, если сбегал к такой.

А то, что бывший муж спустя какое-то время потребовал размена квартиры и "половину совместно нажитого имущества", уже ничего не меняло. Брошенная жена всегда является в какой-то степени посмешищем в глазах окружающих. Ее могут жалеть, ей могут сочувствовать — внешне. На самом же деле каждый думает, что дыма без огня не бывает. Раз бросили — значит, что-то не так. От хороших жен не уходят.

(На самом деле уходят от любых — даже идеальных — к любым, в том числе и совершенно омерзительным со всех точек зрения. Но этого почему-то никто не хочет признавать. Впрочем, к данной истории это отношения не имеет).

Тот, кто хотя бы раз в жизни занимался квартирным обменом,

знает, сколько времени, сил и нервов на это затрачивается. И то, что сейчас одну квартиру можно продать, а другую — купить, не намного облегчило процедуру. Для тех же, у кого денег просто нет, все осталось по-прежнему, а именно этот вариант и был у Аллы Михайловны. Ей еще повезло, что мать, давно овдовевшая, решила помочь дочери и внукам и подключила к процессу обмена их двухкомнатной свою однокомнатную квартиру. В результате бывший муж получил что-то в коммуналке и навсегда исчез из жизни Аллы Михайловны и детей, а им на четверых досталась квартира, которую в народе ласково прозвали "распашонкой". То есть, с одной стороны, как бы и трехкомнатная, а с другой — черт знает, что такое! Одна большая проходная комната и две крохотные изолированные. Для двух человек (а на такую семью, судя по всему, квартира изначально и рассчитывалась) просто замечательно — по российским меркам. Для трех — еще куда ни шло. Но для четверых...

Сколько слез пролила Алла Михайловна в первые два года после развода, никому не известно. Начать личную жизнь заново, выйти замуж или хотя бы завести друга сердца ей, по большому счету, в голову не приходило. Слишком болезненный удар по самолюбию получила она от бывшего супруга, слишком сильный комплекс собственной неполноценности у нее после этого остался. Впрочем, такое происходит с подавляющим большинством наших соотечественниц в так называемом "бальзаковском возрасте": если муж ушел, то не он — дурак и,

простите, козел, а она сама в чем-то сильно виновата. Да и потенциальные женихи, если и готовы были связать свою судьбу с женщиной, которой вот-вот исполнится пятьдесят, предпочитают все-таки одиноких, бездетных, с собственной жилплощадью, на крайний случай — дачей. И круг, таким образом, замыкается.

В этом-то заколдованном кругу Алла Михайловна постепенно сходила с ума. Обе изолированные комнаты заняли дети: ни сыну, ни дочери и в голову не пришел никакой иной вариант размещения. Дочь, к тому же, вскоре выскочила замуж и привела молодого супруга к себе. Детями они обзаводиться не спешили — оба были еще студентами, но вечеринки устраивали с завидной регулярностью. Случалось, что одновременно собственную вечеринку устраивал и сын, тогда Алла Михайловна и ее мать до глубокой ночи сидели в крохотной кухне, вздрагивая от оглушительной музыки, воплей и топота, а также от предвзвешения неизбежного визита соседей и соответствующих объяснений с ними. Удачей следовало считать те визиты, которые обходились без приглашения милиции.

Отдыхала Алла Михайловна на работе, которой, впрочем, почти и не было: тяга россиян к знаниям как-то резко сохратилась, а те, кто еще хотел знать если не все, то хоть что-нибудь, предпочитали учиться в других местах, а не на общественных лекциях. Соответственно и деньги за эту работу платили чисто символические: с голоду помереть нельзя, но и жить как бы проблематично. Зато можно было посидеть с коллега-

ми, поговорить, обсудить все животрепещущие проблемы и... уйти домой еще более несчастной. Никаких радужных перспектив в этой жизни даже не предполагалось, дотянуть до пенсии — и все. А какая она, эта пенсия, всем хорошо известно: почти такая же, как, с позволения сказать, зарплата.

И вдруг жизнь Аллы Михайловны круто изменилась. Однажды она столкнулась в магазине со своей давней приятельницей, которую не видела лет десять. Лариса, теперь уже, конечно, Лариса Викторовна, была практически неузнаваемой: когда-то крашенная и круто завитая блондинка с неизменно толстым слоем косметики на лице и в неизменно вызывающих туалетах превратилась в гладко причесанную шатенку без малейших следов манияжа, в длинной черной юбке и строгом жакете. И говорить стала по-другому: тихо, размеренно, неторопливо, без столь любимых ею когда-то забористых выражений.

Алла Михайловна, естественно, не удержалась — спросила о причинах такой резкой перемены. Лариса Викторовна скрытничать не стала — даже пригласила к себе в гости, благо жила рядом, в двух шагах. И в ее стерильно чистой, даже какой-то подсушенной крохотной квартирке, пропахшей целебными травами и ладаном, за чашкой ароматного чая произошел тот самый разговор, который и перевернул всю жизнь Аллы Михайловны.

За несколько лет до этого Лариса Викторовна потеряла единственного сына: его на улице среди бела дня сбила машина. виновного — владельца какой-то

“крутой” иномарки — так и не нашли, возможно, и не очень-то искали. А Лариса Викторовна после этого долго лежала в больнице с целым букетом болезней, половину из которых врачи однозначно признали неизлечимыми. Лежала и готовилась к смерти, пока одна из санитаров не надоумила ее выписаться (“Все равно не вылечат, а залечат”) и пойти в церковь. Приложиться к иконам, помолиться. Заодно и о сыне панихиду заказать, о спасении его души позаботиться. Лариса Викторовна так и сделала...

— Ты можешь мне не верить, Аллочка, — неторопливо говорила она, — но как только я порог церкви переступила, мне сразу легче стало. А уж иконы просто чудотворными оказались: через месяц я о своих болячках думать забыла, совершенно здоровой себя почувствовала. После этого и окрестилась — вместе с новорожденными младенцами, на старости лет, представь себе. И теперь все хорошо, только единственный свой серьезный грех замаливаю: сыночек-то мой так некрещеным и преставился. Моя вина, мой грех искупаю — тем и живу. Когда вера в душе есть, все остальное уже неважно. Бог и терпение пошлет и смирение... Все — от Бога. От меня ведь тоже муж ушел, давно уже. Тогда злилась, во всем его винила, а теперь понимаю, что это мне такое испытание Бог за грехи мои послал. Теперь и за бывшего мужа молюсь, его душу спасаю. Попробуй и ты в церковь сходить. Глядишь, и полегчает.

Алла Михайловна даже испугалась такого предложения:

— Да я и не знаю, как лоб-то правильно перекрестить. Молите

не знаю. И вообще — некрещеная.

— Так ведь и я ничего поначалу-то не знала! Научат, помогут. Батюшка в нашем приходе уж такой душевный, такой внимательный: выслушает, советом поможет. Сходи к нему. Окрестись. Легче будет.

Алла Михайловна вернулась домой в полном смятении. Ну, в церковь, допустим, она пойти может, сейчас все туда ходят. Но если она, как ей посоветовала Лариса, еще и окрестится, да икону дома повесит, ее и мать, и дети насмешками изведут. Особенно мать. Детям-то все "по барабану", как они выражаются, лишь бы развлекаться не мешали, да еду готовили. А мать — в молодости активная комсомолка, да ее удар хватит, если в доме икона появится! Во всяком случае, язвительных замечаний будет — мало не покажется. Если это называется "будет легче"...

И все-таки в одно прекрасное утро Алла Михайловна в церковь пошла. Чуда не произошло: ничего внутри нее не дрогнуло и не изменилось. Потом пошла еще раз. И еще раз. А потом попросила Ларису Викторовну — теперешнюю ближайшую подругу, наперсницу и даже наставницу — поговорить с батюшкой о крещении. Самой все еще было как-то неловко.

Батюшка действительно оказался и душевным, и внимательным. Образно говоря, за руку провел Аллу Михайловну по всем ступеням подготовки к таинству крещения. Потом окрестил — причем Алла Михайловна с изумлением и облегчением обнаружила, что одновременно с ней обряд проходят еще несколько человек вполне

зрелого возраста, а не только грудные младенцы. И, возможно, это было случайным совпадением, но в ночь после крещения Алла Михайловна впервые за несколько лет заснула спокойным и глубоким сном, ощущая на груди тепло нательного крестика.

Мать к обращению Аллы Михайловны отнеслась значительно спокойнее, чем та ожидала. И появление в доме иконы восприняла безразлично. У внука в комнате — календарь с полуголой красоткой, у дочери — икона. Всяк по-своему с ума сходит...

А Алла Михайловна обрела если не счастье, то душевное равновесие. Не пропустила ни одной мало-мальски важной службы в церкви. Фанатично соблюдала все посты — от однодневных до многодневных. И безуспешно пыталась убедить домашних тоже соблюдать эти самые посты. Молодые только фыркали — завтраки без колбасы и обеды без котлет или гуляша представлялись им просто некалорийными, а мать твердо заявила, что и без того наголодалась в военные годы, да и теперь мясо на столе видит не каждый день — не по средствам, так что в эти игры играть не собирается. И вообще...

— Хорошо, что я родилась до революции, — заметила она канто. — А то ты бы меня точно крестить поволокла на старости лет. Меня-то мои родители сразу после рождения окрестили, хотя счастья, по-моему, мне это не прибавило. А вот твои дети, кстати, так некрещеными и ходят, об этом подумай.

Удар попал точно в цель. Если после рождения детей Алла Михайловна и не помышляла ни о на-

них церковных обрядах, то теперь мысль об этом превратилась у нее в навязчивую идею. К тому же пока не давала история Ларисы Викторовны и ее сына. Но как заставить в общем-то взрослых людей совершить поступок, который им самим представляется сугубо бессмысленным? Алла Михайловна перебрала все возможные варианты, но ничего толкового в голову ей так и не пришло. И тогда она отправилась за советом к батюшке.

— Уговорите дочь обвенчаться, — сказал ей священник. — Убедите своих молодых, что брак их от этого лишь прочнее будет, да и небесное благословение весомее всех земных клятв. Что Бог сочтет, человек да не разрушит. А перед венчанием обязательно нужно будет окреститься. Все очень просто.

Все действительно оказалось очень просто. Дочь буквально загорелась идеей скрепить свой брачный союз еще и в церкви — какая женщина откажется лишней раз покрасоваться в белоснежном свадебном одеянии? Зять с величайшим добродушием сказал:

— Такого кайфа еще не ловил и не стремно попробовать ради любимой тещеньки.

Сын присоединился к ним из чистого любопытства, а также под влиянием любимой девушки, которая явно преследовала цель обвенчаться с ним впоследствии в той же церкви, хотя свои планы благоразумно держала при себе.

После крещения детей и венчания дочери Алла Михайловна как-то неуловимо изменилась. Исчезли лихорадочный блеск в глазах, нервозность, раздражитель-

ность. Сама того не замечая, она стала похожа на Ларису Викторовну: та же замедленная, вкрадчивая интонация в голосе, то же смирение, то же безразличие к своему внешнему виду. То, что происходило в ее собственном доме, почти перестало ее волновать. Жизнь сосредоточилась во круг поездок на богомолье, соблюдения постов, выполнения обрядов. Она была счастлива... почти. Если бы удалось еще и повлиять на мать!

А мать, несмотря на то, что все чаще и чаще прихварывала, новых взглядов дочери решительно не разделяла. Наоборот, время от времени выражала озабоченность тем, что еще не старая, в общем-то, женщина ведет какую-то монашескую жизнь. Это навело Аллу Михайловну на мысль действительно стать монахиней, всецело посвятить свою жизнь служению Богу, скрыться от мира в каком-нибудь отдаленном монастыре. Но батюшка, к которому она обратилась за советом и благословением, на сей раз ее не одобрил.

— Сказано: чти отца своего и мать свою. На кого же ты мать оставишь, если удалишься в монастырь? Богу не угодна будет такая жертва. Нужно смириться и нести свой крест в миру...

Алла Михайловна смирилась, надо сказать, не без удовольствия. В последнее время именно в смирении и самоотречении черпала она основные силы и основные положительные эмоции. То, что раньше вызывало раздражение и острое чувство несправедливости, теперь воспринималось ею как очередное посланное Богом испытание, через которое надо

пройти с честью и вот именно что со смирением. И, подобно своей подруге, молилась она теперь и за своего бывшего мужа-изменщика, и даже за разлучницу, его теперешнюю жену. Молилась, страстно мечтая о том, чтобы с ними случилось что-нибудь тяжелое (но не смертельное, Боже упаси!), а она, Алла Михайловна, смиренно и бескорыстно пришла бы к ним на помощь, не помяная старого и вознося молитвы за их души.

Как-то на исповеди поделилась она этой мечтой с батюшкой, но получила не одобрение, а еще одну отповедь:

— Сие есть не смирение, а гордыня, матушка. Грешно думать о том, чтобы с кем-то произошло несчастье, а себя видеть спасительницей и заступницей. Смирись и проси у Господа утишить гордыню твою. Господь милосерд, он услышит...

Услышал Господь или нет — неизвестно. Но с тех пор Алла Михайловна о своих потаенных мечтах никому не рассказывала. Даже на исповеди молчала.

... В том году Пасха была поздняя. Уже на Вербное воскресенье было так тепло, как иной раз и в середине лета не случается. Алла Михайловна вся погрузилась в предпраздничные хлопоты: кулич испечь, яйца покрасить, квартиру вычистить до зернального блеска, да еще на все службы в последнюю неделю Великого Поста успеть. Не ела ничего — жила на просфорах и святой воде. А на пасхальную службу и крестный ход собиралась с каким-то давно забытым чувством внутреннего линования. При этом сама же себя упрекала в кощунстве: вспоми-

нала, не могла заставить себя не вспоминать, как с подобным же чувством собиралась когда-то на первомайскую демонстрацию, как тоже делала в доме генеральную уборку и старалась приготовить что-нибудь повкуснее. Весна, тепло, цветы... Праздник!

— Доченька, — неожиданно позвала ее из кухни мать, — пооди сюда. Что-то мне не по себе.

Мать сидела на табуретке, привалившись к стене, и тяжело дышала. Алла Михайловна взяла ее за руку — пульс был слабым, бился с переборами. Возраст, конечно, но сказалась и та — пусть небольшая — помощь, которую всю эту неделю мать старалась ей оказывать. Переутомилась старушка, да еще тепло это неожиданное...

— Давай, мама, я помогу тебе лечь, — ласково сказала Алла Михайловна. — Сейчас лекарьство дам, все пройдет. Ты отдохни, постарайся заснуть, никто тебя не потревожит. А мне пора — служба скоро начнется.

Ни дочери с зятем, ни сына дома не было: Пасху каждый праздновал по-своему. В квартире стояла тишина — в кой веки раз. Грех не воспользоваться таким случаем. Но мать проявила неожиданное упорство:

— Аллочка, а может, ты со мной посидишь? В другой раз в церковь сходишь. Нехорошо мне...

Алла Михайловна нахмурилась, но постаралась сдерживать свои эмоции, хотя это было и нелегко: мать явно пыталась так или иначе лишить ее последней радости.

— Мама, ты сейчас примешь лекарьство, поспишь и все будет

нормально. Я же не на целую ночь ухажу. Кончится крестный ход — я тут же вернусь.

Мать вздохнула и закрыла глаза. Лекарство вроде бы помогло: дышала она ровнее, и пульс стал лучше. Алла Михайловна перекрестила ее и тихо вышла...

Несколько часов спустя, умиротворенная и счастливая, Алла Михайловна медленно шла домой. Сегодня она собиралась устроить замечательный праздник для своих родных. Деньги на пасхальное угощение копила давно, и стол должен был получиться отменным. Мать порадует — она любит вкусно поесть. Накануне сказала, что дни считает до конца поста, устала смотреть, как она, Аллочка, себя истязает. Теперь все будет хорошо.

Дома было тихо и темно. Алла Михайловна порадовалась тому, что мать, по-видимому, все еще спит — полегло, значит, права она была, что настояла на своем. И тут же в слабом свете, упавшем из коридора в комнату, увидела, что мать лежит на полу в неестественной позе. На полпути от постели к двери...

— Кто же оставляет человека одного в таком состоянии? — уныленно сказала врач "снорой". — Дали бы вовремя лекарство, пожила бы старушка еще. И где вас всех по ночам носит?

— На все воля Божья, — сказал батюшка перед отпеванием, когда Алла Михайловна спросила его, нет ли ее вины в смерти матери. — Только Богу угоднее милосердие истинное... Молись, матушка.

— Повезло твоей матери, — заметила Лариса Викторовна. — В Пасхальную ночь, под колокольный звон, без мучений, почти мгновенно... Я бы тоже так хотела, да не дано знать своего часа. На все воля Божья...

— Не бери в голову, мать, — в один голос сказали дочь и сын. — Бабушку, конечно, жаль, так ведь все мы там будем, да и пожила она немало. Ну, осталась бы ты дома, так где гарантия, что успела бы с лекарством?

Теперь Алла Михайловна мечтает только о том, чтобы батюшка все-таки благословил ее на уход в монастырь. ■

ВНИМАНИЮ РЕКЛАМОДАТЕЛЕЙ!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"
по телефонам**

**257-30-55,
257-39-45.**

VITA- ЭТО ЖИЗНЬ

Что мы с вами знаем о витаминах?

Да только то, что они очень полезны и что их постоянно не хватает. Остальные познания — чаще всего устоявшиеся мифы, домыслы и фантазии. Их развеивает доктор биологических наук, профессор, руководитель лаборатории витаминов и минеральных веществ Института питания Российской академии медицинских наук **Владимир Борисович СПИРИЧЕВ.**

Замечательная "чертова дюжина"

Люди давно заметили, что не всякая еда, богатая белками, жирами, углеводами и солями, гарантирует хорошее самочувствие. Например, мореплаватели, длительно употреблявшие только жи-

вотную и консервированную пищу, заболели цингой и погибали. На Руси часто встречалось заболевание "куриная слепота", причина которого долго оставалась неизвестной. Только в конце XIX века исследователи поняли, что есть в пище какие-то "добавочные веще-

ства", без которых любой живой организм не может нормально развиваться, начинает болеть и даже погибает. Одно из таких веществ, найденное в отрубях риса, в 1910 году изучил немецкий ученый Н.Функ и обнаружил в нем азот. Так появилось слово "витамин" (от латинских *vita* — жизнь и *aminum* — азот), а витамин из риса назвали V_1 .

Сегодняшняя наука определяет витамины как органические соединения, чаще растительного происхождения, разнообразной химической структуры, содержащиеся в продуктах питания в очень ограниченных количествах и совершенно необходимые организму для нормального обмена веществ и поддержания жизненно важных функций. У каждого витамина — своя индивидуальная задача, ни один не может заменить другой.

В настоящее время известны 13 витаминов. Прежде считалось, что их больше, но со временем некоторых "дисквалифицировали". Было бы неплохо запомнить имена всех, потому что на упаковках встречаются разные обозначения. Это витамин С (или аскорбиновая кислота); витамины группы В: V_1 (тиамин), V_2 (рибофлавин), V_6 (пиридоксин), V_{12} (кобаламин); РР (ниацин, который включает никотиновую кислоту и никотинамид), фолиевая кислота (фолацин), биотин (витамин Н) и так называемые жирорастворимые витамины А, D, Е, К.

Живучие предрассудки

Среди многих людей, в том числе и медиков, бытует представление, что "синтетические" вита-

мины в поливитаминных препаратах отличаются от "природных", менее эффективны; что в натуральных продуктах витамины находятся в лучшей для усвоения форме. Это заблуждение.

В действительности все витамины, выпускаемые медицинской промышленностью, полностью идентичны "природным" и по химической структуре, и по биологической активности. Более того, их соотношение в препаратах больше соответствует физиологическим потребностям человека, чего нельзя сказать о большинстве отдельно взятых продуктов. Как это возможно, спросите вы, что может быть совершеннее природы? Миллионы лет люди жили без "искусственных" витаминов и не вымерли.

Возражу на это: несовершенство не природа, а образ жизни и режим питания современного человека. Наши далекие предки, охотясь на мамонтов, защищая свою жизнь от многочисленных врагов, тратили колоссальное количество энергии. Для ее восполнения приходилось много есть. К тому же пища тогда была натуральной. Кому не удавалось есть много и разнообразно, погибали.

Даже по сравнению с прошлым веком наши энергозатраты снизились в два-три раза. Современному человеку достаточно 2500 килокалорий в день, а людям умственного труда еще меньше; лишние калории ведут к ожирению. Из такого количества пищи можно получить достаточно белков, жиров, углеводов, солей, но не витаминов. И как бы мы ни исхитрялись, *даже при самом идеальном рационе можем получить из пищи максимум половину*

необходимого количества витаминов и микроэлементов.

Расхожее мнение: съешь одно яблочко в день — и все в порядке. На самом деле овощи и фрукты дают нам только три витамина: аскорбиновую кислоту, фолиевую, витамин К и каротин. Но для того, чтобы хотя бы эти вещества получить в достаточном количестве, овощей и фруктов надо есть столько, сколько ест обезьяна.

Более наглядный пример. Чтобы получить с яблочным или виноградным соком дневную норму аскорбинки, нужно выпивать по 5-6 литров этих соков в день! Томатного, правда, достаточно литр, но и это по силам не каждому, тем более, что соки сейчас дороги.

Есть народы, у которых веками сложилась национальная привычка есть много овощей, фруктов и зелени, хотя и они не застрахованы от гиповитаминоза (недостатка витаминов). У нас же в лучшем случае свеклолка, немного морковочки, листочек петрушки — и это называется "витаминный завтрак".

А как быть, скажем, с витаминами группы В? Их источник — мясо, черный хлеб и крупы с оболочкой (гречка, пшено и т.п.). Чтобы получить суточную норму, например, витамина В₁, надо съесть килограмм черного хлеба или килограмм мяса. Кстати, в царской армии для профилактики цинги солдатам выдавали в день по 1300 граммов черного хлеба. Сегодня никто столько не осилит.

Еще нужно иметь в виду, что из разных продуктов витамины усваиваются неодинаково. Например, РР и В₆ из хлеба усваиваются гораздо хуже, чем из мяса. Чтобы морковка принесла пользу,

ее надо есть со сметаной или поджаривать на масле. Вообще все продукты, содержащие каротин и жирорастворимые витамины следует употреблять с жирами.

Некоторые витамины в "природном" варианте не усваиваются вовсе. Классический пример — с кукурузой. Одно время жители Молдавии, Румынии, некоторых американских штатов, где выращивали кукурузу, начали повально болеть пеллагрой. Это очень тяжелое заболевание сопровождается умственными, кожными, кишечными нарушениями, а возникает при отсутствии в организме никотиновой кислоты. Парадокс, но основной пищей заболевших была кукуруза, в которой никотиновой кислоты — прорва. В чем же дело? В том, что из кукурузы она совершенно не усваивается.

Что будет, если чего-то не будет?

То, что витамины полезны, ни у кого не вызывает сомнений. Но не многие знают, что же происходит с организмом, когда витаминов хронически не хватает или какие-то из них вообще отсутствуют. Назовем хотя бы некоторые характерные проявления авитаминозов.

А: куриная слепота, разрушение роговых оболочек глаз, развитие бельма. Многие ученые доказывают роль каротина (провитамин, предшественник витамина А) в защите от рака.

Д: у детей — рахит, у взрослых — остеопороз (ломкость костей).

Е: иммунодефицит, снижение защищенности организма от вредных воздействий, повышение риска инфарктов.

К: кровоточивость, плохая свертываемость крови.

В₁: болезнь бери-бери, полиневрит, нарушение работы сердца, отеки.

В₂: воспаление слизистых оболочек рта, светобоязнь.

РР: пеллагра, дерматит, поносы, психические расстройства (вплоть до слабоумия при глубокой недостаточности этого витамина).

В₅: ярких проявлений недостаточности у человека не встречается.

В₆: дерматит и другие кожные проявления.

Фолиевая кислота: анемия, нарушения физического и психического развития детей, недостаток во время беременности ведет к выкидышам, уродствам плода.

В₁₂: злокачественная анемия, нарушения работы нервной системы.

С: цинга, нагноение и кровоточивость десен. Важнейший из витаминов, усиливает иммунитет, улучшает состояние кожи, придает эластичность кровеносным сосудам, сдерживает сердечно-сосудистые заболевания, оказывает защитное действие на генетический код ДНК сперматозоидов.

Н: сухость и шелушение кожи, выпадение волос, тошнота, депрессия.

Принято считать, что дефицит витаминов возникает зимой и весной, а летом и осенью организм насыщается ими и даже запасается впрок. К сожалению, это не так. Запасать впрок, и то не надолго, организм может только жирорастворимые витамины. Остальные требуют ежедневного восполнения.

Наш институт провел многочисленные исследования в разных регионах страны и выяснил, что практически 100 процентов населения, независимо от места жительства, времени года, материальной обеспеченности, испытывают хронический недостаток тех или иных витаминов, а у 80 процентов россиян — полигиповитаминоз, то есть не хватает сразу нескольких витаминов. Самое печальное, что "голодают" беременные женщины: 70-80 процентов будущих мам недополучают крайне важную для потомства фолиевую кислоту, а также кальций и йод. При этом, по нашим оценкам, поливитаминные препараты принимают только 5-7 процентов женщин, а мужчин и того меньше.

Выход? Ежедневно, зимой и летом, принимать витаминно-минеральный комплекс. Подчеркну: это касается и вегетарианцев, которые отказываются не только от мяса, но также от яиц и молочных продуктов. У них, как правило, недостаток витаминов В₂, В₁₂ и А.

Мы первые это придумали

Другой способ решения проблемы — обогащение продуктов питания витаминами и минеральными веществами. Употребление таких продуктов более физиологично и эффективно, чем прием поливитаминных таблеток или витаминно-минеральных комплексов.

Как это уже не раз бывало в истории, передовые западные технологии — не что иное, как хорошо забытые российские изобретения. Идея добавлять в продукты питания витамины принадлежит

русскому ученому В.В.Ефремову, который еще в 1937 году понял: раз люди начали вместо черного хлеба есть белый, а вместе с отрубями ушли витамины, значит, надо эти витамины добавлять в белую муку. И в 1939 году в нашей стране начали это делать.

Спустя четыре года в США по советскому образцу был принят закон, который обязывал всех производителей обогащать муку высшего сорта витаминами. Потом этот опыт переняли еще почти 80 стран мира, которые и по сей день успешно его используют. Ну а в России, как водится, собственное открытие постепенно "закрылось". По официальным отчетам в лучшие годы мы обогащали максимум 18 процентов муки. Почему? Потому, что на это не давалось дополнительных денег.

Со временем американцы сообразили, что никто не ест по килограмму хлеба в день, а едят один-два кусочка. И в 1987 году они уже не обязали, а разрешили обогащать муку и хлеб шестью важнейшими витаминами, а также кальцием и железом в таких количествах, чтобы два кусочка хлеба обеспечили человека суточной нормой. И если у нас промышленность всячески упиралась, то в США, наоборот, мукомолы даже оплачивали исследования, чтобы потом дать соответствующую рекламу своему товару.

Нечто подобное мы только сейчас начинаем наблюдать в России. К нам, в Институт питания, приходят частные владельцы мельниц, пекарен и спрашивают: вы, науна, скажите, что мне добавить, чтобы я мог сказать покупателю: "Мой хлеб лучше"?

Кроме хлеба, можно обогащать витаминами и другие продукты питания. Например, молоко. У нас уже есть (правда, пока мало) предприятия, выпускающие молоко с витаминами и железом.

Очень хорошо витаминизировать соки, различные напитки. В соках, вопреки распространенному мнению, не так уж много витаминов. Очень полезны специальные витаминные напитки. Отечественная промышленность уже производит такие. Например, серия "Золотой шар", рекомендованная нашим институтом. Там собран весь комплекс самых дефицитных витаминов и микроэлементов. А если еще порошок смешать не с водой, а с кефиром, простоквашей или ряженной, получится просто бесценный для здоровья напиток.

Страшилка из прошлого века

Многие считают, что перебор витаминов (гипервитаминоз) еще более страшен, чем недобор. Было время, когда на стенах наших поликлиник и аптек висели плакаты с изображением огромного шприца и устрашающей надписью: "Витамины — это ленарство, принимайте их только по назначению врача". Да и по сей день некоторые врачи рекомендуют принимать поливитамины с перерывами. Глубочайшее заблуждение. Гипервитаминоз — крайне редкое, исключительное явление. Реально он возможен только с двумя витаминами — А и D.

D в строгом смысле даже не витамин, а прогормон. Им можно отравиться, если суточная потребность превышена в десятки тысяч раз! Такое может произойти, если

вместо рыбьего жира принимать концентрат витамина D ложками, как рыбий жир, а не по каплям. Известны случаи, когда с птицефабрик воровали высококонцентрированные растворы витамина D, предназначенного для кур, и продавали под видом растительного масла. В такой ситуации возможен даже летальный исход. Тут можно посоветовать только одно — не покупать неизвестный продукт.

Отравиться витамином А — вообще экзотика. Он накапливается в печени некоторых морских животных (тюленей, моржей), а также белых медведей. Охотники, в соответствии со своими традициями, едят печень убитого зверя. Но чунчи, например, хорошо знают, что есть печень белого медведя нельзя, это яд. А вот европейские любители экзотической охоты не знают, поэтому у них были случаи гипервитаминоза.

Все остальные витамины могут вызывать лишь временные побочные эффекты, например, расширение капилляров, но для этого нужно съесть сотни и тысячи доз.

Сохраним здоровье и... деньги

Сегодня на нашем рынке представлен огромный выбор поливитаминов и витаминно-минеральных препаратов. Что предпочесть? Есть очень неплохие импортные препараты, но они, как правило, очень дороги — до 30-40 долларов за упаковку при реальной цене в 1-2 доллара. Подумайте, прежде чем отдавать такие деньги. Уверю, есть немало отечественных комплексов, не уступающих раскрученным зарубеж-

ным, но при этом в несколько раз дешевле.

Второе. Обязательно проверьте, зарегистрирован ли препарат в Минздраве РФ. Пона у нас создавалась система контроля, на рынок прорвалось много препаратов, реклама которых не соответствует содержанию.

Третье. Внимательно посмотрите на этикетке состав. Чем больше наименований витаминов и микроэлементов, тем лучше. Очень важна дозировка. Все серьезные производители указывают ее — либо в миллиграммах, либо в процентах к суточной норме. Если есть только перечень без дозировки, почти наверняка витаминов там мизер. К сожалению, при экспертизе мы с этим сталкивались не раз.

Одно время пчеловоды активно пропагандировали цветочную пыльцу — пергу. Вот-де натуральный витамин! А на деле оказалось, что для восполнения потребности организма пришлось бы ежедневно съедать... по 10 килограммов перги.

Итак, я надеюсь, убедил читателей, что поливитаминные препараты, лучше с кальцием, железом и йодом, нужно принимать **каждый день, круглый год**, после еды. И тогда не страшно отнестись к своему питанию так же безалаберно, как мы и относимся. Но все же лучше соблюдать хотя бы самые элементарные, не отягощающие правила питания:

- если можете есть черный хлеб, лучше ешьте его;
- меньше ешьте сахара;
- меньше спиртных напитков и табака — они колоссально снижают количество витаминов;

- побольше ешьте растительного жира, поменьше коровьего;
- и, конечно, как можно больше зелени и фруктов.

Помните, что многие витамины быстро разрушаются, они чувствительны к влаге, воздуху, свету и особенно к термической обработке. Многое здесь зависит от длительности и условий хранения. Например, картофель при нормальном хранении через три месяца теряет треть витамина С. Еще быстрее, через два-три дня, С разрушается в переработанных листовых овощах. Подвержены разрушению и витамины группы В, особенно фолиевая кислота. Поэтому используйте продукты, пока они свежие.

Чтобы при варке еды больше сохранить витаминов, старайтесь

не сильно измельчать продукты, добавляйте как можно меньше воды, используйте плотные крышки, длительность варки должна быть минимальной. И не разогревайте еду по несколько раз — это губительно для витаминов.

У французов есть две любопытные поговорки. Первая: "Человек роет себе могилу собственными челюстями". Вторая: "Что не доплатишь мяснику, переплатишь аптекарю". Эти два высказывания как нельзя лучше отражают то трудно разрешимое противоречие, с которым каждый из нас сталкивается. Надеюсь, наш небольшой экскурс в мир витаминов поможет вам успешно разрешить это противоречие.

Будьте здоровы! ■

Записала

Татьяна СМОЛЬЯКОВА.

ЗАО "ТИХОРЕЦКТЕХМАШ"

ищет партнеров

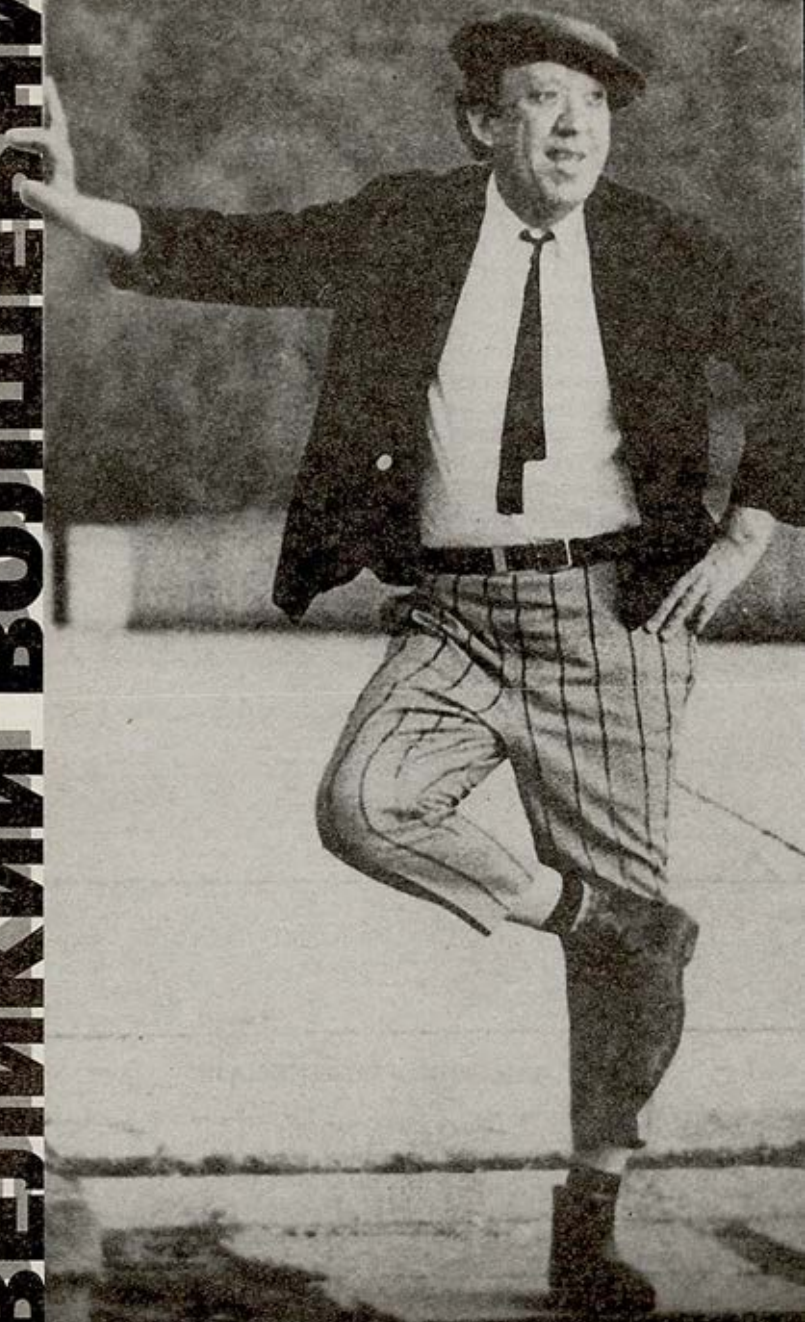
для загрузки

производственных площадей.

Тел.: (86196) 2-31-00,

(86196) 2-10-24.

ВЕЛИКИЙ ВОЛШЕБНИК

Александр КРАВЦОВ

"В произведениях искусства должна быть волшебная ошибка", — повторял великий портретист, передвижник, Валентин Серов. Умеющий видеть обнаружит воплощение этой мысли в шедевре любого творца. Однако самый даровитый творец — Провидение. Значит, у него можно обнаружить и самые что ни на есть волшебные ошибки.

Юрий Владимирович Никулин был во всем "доказательством от противного", сплошной волшебной ошибкой. Он не был похож ни на клоуна, ни на артиста вообще. По всем канонам театра он был несценичен, для кино казался слишком уж узко-типажным — на роли "ханыг и пьяниц". Но все это составляло объем его недюжинной личности.

Лицо его выглядело наивно-спокойным, почти безмятежно-глуповатым, при том, что он был не только умен, но и мудр. Одутловатости под глазами и на скулах, всегдашнее ощущение помятости его лица с розоватым оттенком носа вызывали подозрение ортодоксов в неумеренном употреблении этим человеком спиртных напитков, хотя был он по этой части совершенно здоров. Говорил Никулин как-то непричесанно, сплывающаяся и почти монотонно. Но все это, вместе взятое, составляло гармонию, доведенную до изящества. Невозможно было отвести от него ни взгляда, ни слуха. Дети и животные мгновенно угадывали в Юрии Владимировиче ду-

шу, излучающую доброту и уважение ко всему живущему.

Явление, именуемое **ЮРИЙ НИКУЛИН**, вместило в себя великого актера на манеже, которого невозможно ограничить понятием "клоун"; одного из самых органичных, "киногеничных", разнохарактерных, от героя до чудака, артистов кино; кладезь анекдотов и мастера их рассказывать легко, как бы походя. Наконец, он представлял собой средоточие лучших черт русского национального характера, мужественно сохранял разум и достоинство в жерле государственной пушки, готовой отправить всех нас в очередной кризис.

Забудь ли нам, как в ситуации почти катастрофической Никулин вышел на трибуну государственно-го совещания и обратился к тогдашнему президенту страны:

— У нас есть запасы норма для животных только на двое суток. Если норм не появится, мы погрузим клетки с тиграми на машины и остановимся перед зданием Моссовета. Если и это не поможет, мы откроем клетки...

Так родилась одна из самых трагикомических реприз великого мастера циркового юмора.

Он знал цирк во всех его сложностях и противоречиях и превосходно чувствовал репризу в ее завершенной форме.

Однажды толковый и широко признанный в цирковых кругах автор принес миниатюру для двух коверных клоунов. Один из них всяческими обманными пассажами

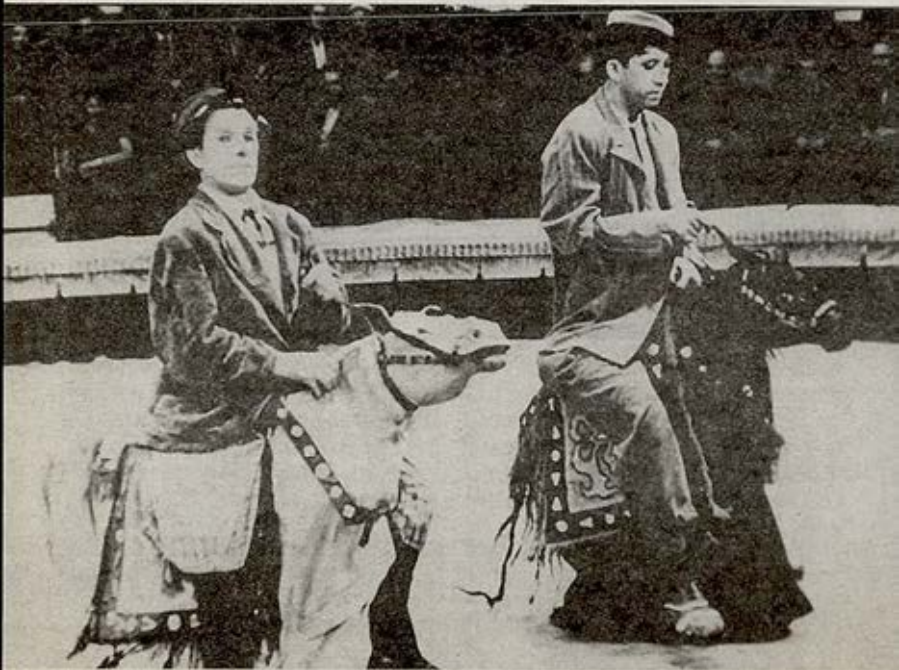
отвлекает внимание другого и подключает его к электросети. То-го, естественно, начинает "смешно" трясти. Юмор состоял в том, что, несколько раз нагревшись на собственной наивности, потерпевший попадался снова.

Нинулин почитал все это и одобрил. Репризу купили для него и его постоянного партнера на манеже Михаила Шуйдина. Однако потянулось время, а купленная миниатюра оставалась без движения.

Наконец, Никулин пригласил начальство принять новый номер. Все шло, как было задано автором. Шуйдин безобразничал, му-

чая рассеянного Никулина электричеством, а тот то и дело "покупался" на очередную уловку партнера. Затем, убежав с манежа от

этих мучений, Никулин возвращался обратно собранный, серьезный, значительный, как маршал Жуков перед генеральным наступлением. Он угадывал момент, живо подсоединял обидчина к электронабелю, тот начинал трястись, а "Юрик" вынимал из кармана электробритву, пристраивал к Шуйдину и брился.

Успех был огромный. Никулин скромно комментировал: "Вот теперь есть реприза. А вы боялись"...

Еще снимался фильм "Бриллиантовая рука", когда Анатолий Папанов все уши прожужжал мне восторженными гимнами никулинской работе:

— Говорят, что советский положительный герой не может быть нелепым и смешным. Выйдет картина — увидишь: Юра там

и слабый, и доверчивый, далекий от детективных интриг, в которые его втягивают с одной стороны мошенники, с другой — законники. Смешной он во всем — спасу нет! Но при этом — образец порядочности, верности семье и гражданскому долгу. Влюбляться в него будут — попомни мое слово...

Попомнил. А теперь уже ясно: поколение за поколением равно восхищаются героем Никулина в "Бриллиантовой руке", породственному любят его. После этого фильма антер незаметно и постепенно развернулся до масштабов личности, способной влиять на умы и сердца сограждан не только в образе персонажа.

Он выходил на манеж старого Московского цирка со всенарод-

но популярной песенной из гайдаевской комедии — про отважных зайцев на ночном покосе. Перед припевом клоун взмахивал микрофоном, точно дирижерской палочкой, и весь амфитеатр пел:

А нам все равно, а нам все равно!

Не боимся мы волка и сову!

Дело есть у нас:

В этот жуткий час

Мы волшебную носим тринтраву!...

Дальше, до конца песни, так и шло: зрители пели, клоун слушал. Назавтра он выходил со словами: "Споём в честь понедельника!" И все происходило точно так же. Шесть дней в неделю...

В Московском Художественном театре знаменитый актер Виктор Яновлевич Станицын славился как человек, который знал, кажется, все анекдоты мира. Мы с ним оказались в директорской ложе на одном из цирковых представлений. В антракте нас пригласили в артистическую уборную Никулиных. Я вежливо устранился, чтобы дать возможность двум магистрам "Ордена Анекдотов" насладиться новинками их коллекций.

Началу второго отделения Станицын вернулся с таинственной улыбкой, и я спросил:

— Ну, и как это было?

Он ответил самолюбиво:

— Ничего нового он мне не сообщил, но какое наслаждение — поговорить с умным человеком!..

Видел я Никулина и в часы глубокого потрясения.

Войдя в кабинет тогдашнего главного режиссера цирка на Цветном бульваре Марка Местечнина, увидел я за столом самого

хозяина, рядом с ним — молодого режиссера Владимира Крымко и, спиной к ним, у окна — Юрия Владимировича. (Земля им пухом, всем троим).

На мое приветствие живо ответили все, кроме Никулина. Он не пошевелился. Это было настолько на него не похоже, что я забыл сесть, несмотря на предложение. Пауза затягивалась.

— У него горе, — одними губами проартикулировал Местечнин.

Никулин обернулся. Глаза его были воспалены и влажны. Он сказал в обычной своей манере, не раскрашивая слова эмоциями:

— У меня умер партнер...

Я дрогнул, подумав прежде всего о Михаиле Шуйдине.

— Это пес Овчарка, — поспешил уточнить Крымко. — Ты, конечно, помнишь его по репризе "Хулиганы".

Как было не помнить красавца-пса, который выбегал на манеж по зову златокудрой Татьяны Никулиной, сбрасывал непку с хулигана-Никулина, затем переворачивал его вместе со снамейной, догонял хулигана-Шуйдина, стаскивал с него штаны. Все это н великому удовольствию зрителей и с большим вкусом.

— Молодая, сильная собака! — вырвалось у меня. — Как же так?

— Перенормили, — негромко, глядя мимо нас, произнес Никулин. — А он был редкостным партнером... Работали мы в Туле. На манеже хватил меня радикулит. Вступило — сил нет, до чего больно. Синю и думаю: пропадаю. Собана сейчас вылетит, сорвет с меня непку, толкнет, а дальше — хоть уползай... Весь подобрался — жду. Он выбегает. Поднима-

ется на задние лапы, передние мягко, осторожно кладет мне на плечи, легким прикосновением стаскивает кепку и отбегает, предоставляя мне решать дальнейшее.

Он снова отвернулся к окну, постоял немного, затем извинился и вышел из кабинета.

Я спросил Местечкина, сколько времени потребуется на замену собаки в таком номере.

— Нну... Надо ведь еще найти и отобрать подходящее животное... Работа с ним займет... месяца три, — ответил высший цирковой авторитет.

Через несколько недель, проходя мимо директорской ложи, я услышал реплики из знаменитой репризы. Мелькнула мысль: "Как же они без собаки?" И я вошел в ложу.

Некоторое время не верил собственным глазам: на манеж выбежал красавец-пес и, нанося два хулиганов, выполнил все положенные ему действия.

В артистической уборной я застал всех: чету Никулиных и Шуйдина.

— Просветите! — взмолился я. — Марк Соломонович уверял, что на дрессуру уйдет не меньше трех месяцев.

Оба клоуна не дрогнули, глядя в зеркала и поправляя грим. Ответила Татьяна Никулина:

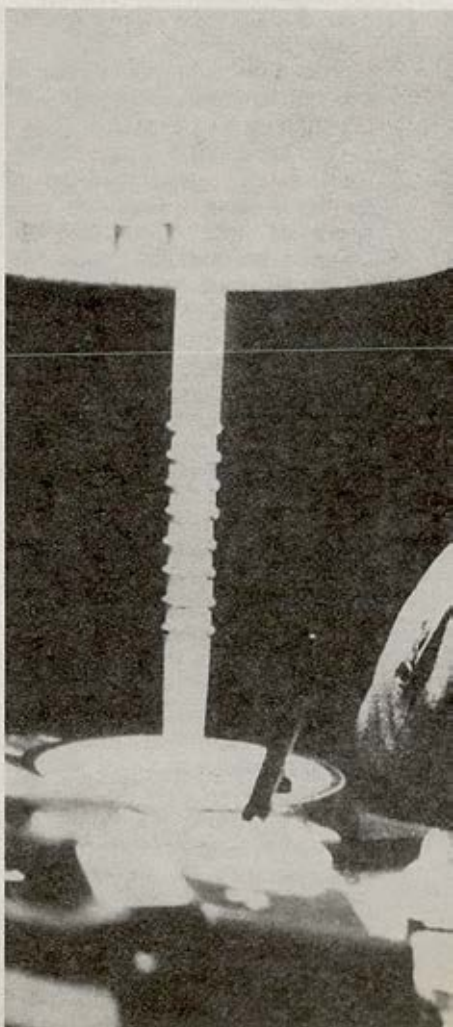
— Марк Соломонович хорошо разбирается в собаках, но плохо знает нас.

Шуйдин улыбнулся в зеркало. Никулин оставался невозмутимым...

Эта манера незримо переходить из одного состояния души в другое при первом знакомстве с ним заставляла держать ухо вос-

тро: как бы не попасться на розыгрыше. Узнав его поближе, вы понимали, что это — результат житейской несуетности.

Однажды мы шли с ним по корде циркового фойе. Третий звонок отзвучал, на манеже вот-вот должно начаться представление. Беседуя со мной, Юрий Владимирович увидел впереди, у гардеробной стойки, двух растерянных, плачущих малышек и их огорченных мам. Мальчишек не пустили на вечернее представление по

малолетству и теперь возвращали пальто. Издалека за этой операцией строго наблюдала женщина — дежурный администратор. Никулин поравнялся с детьми, не прерывая нашу беседу, и вдруг склонился над одним из мальчишек:

— Ты еще здесь? А мы тебя ждем! Мы не можем без тебя начинать... Пожалуйста, поторопись!..

Все немедленно пришло в движение. Гардеробщица срочно

вернула на вешалку ребячьи пальто, родительницы торопливо сбрасывали свою верхнюю одежду. Дети растерянно и счастливо улыбались, удивленные сказной, завожженные Никулиным. А он спокойно двинулся дальше. По дороге дежурный администратор быстро проговорила:

— С ними будет все в порядке.

— Да, не надо обижать, — просто и уже отрешенно, думая о своем появлении на манеже, произнес Юрий Владимирович... ■

СУПРУЖЕСКИЙ
ДОЛГ. ИСПОЛНЯЕТСЯ
ВПЕРВЫЕ!..

ГДЕ МЫ
С ВАМИ МОЖЕМ
ВСТРЕТИТЬСЯ
ПОСЛЕ ЭКЗА-
МЕНА?..

НА
ПЕРЕСДАЧЕ,
МОЛОДОЙ
ЧЕЛОВЕК!..

Красивая женщина?

Иван ЗЮЗЮКИН

Казнь назначат на 15 октября 1917 года. Исполнить приговор военного трибунала поручат команде стрелков, состоящей из четырех сержантов, четырех капралов и четырех рядовых — чтобы представители всех солдатских чинов Франции могли стать участниками ее казни... Но один из офицеров, руководивших расстрелом, побоится, как бы у кого-то из молоденьких солдат не сдали нервы, и в последнюю минуту произведет замену, составив команду почти из одних сержантов, не раз глядевших смерти в глаза. Что ж, его опасения окажутся не беспочвенными. После команды "Огонь!" один солдатик, потеряв сознание, рухнет, как подкошенный, на землю. Поразительно то, что он, видевший расстреливаемую впервые в жизни и то — через прорезь прицела, испытает на себе такое ее влияние, что, как утверждают некоторые источники, почти полжизни посвятит доказательству ее невиновности...

Перед тем, как отправиться для продолжения службы на остров Ява, в ту пору голландскую колонию, бравый капитан Рудольф Маклеод решит жениться. На ком? Нет, он не станет изводить себя этим вопросом: свою руку и сердце предложит через объявление в газете. И вскоре на встречу с ним в одном из музеев Амстердама придет черноглазая, что среди голландок большая редкость, молоденькая (на 22 года моложе Рудольфа) девушка по имени Маргарита, дочь торговца шляпами Адама Целле. Нам сегодня трудно судить, понравятся ли они друг другу с первого взгляда. Но факт, что они поженятся даже по сегодняшним меркам быстро. Затем сядут на пароход и поплывут в жаркие страны Юго-Восточной Азии — строить счастливую семейную жизнь.

Вскоре у них появятся дети: сначала сын, потом дочь. Несмотря на большую разницу в годах, черноглазая Маргарита с нежностью относится к своему грубоватому мужу. "Ах, какое счастье, что и у тебя и у меня такой страстный темперамент! — спешит она признаться Рудольфу в одном из писем. — Даже не верится, что это когда-нибудь кончится..."

Но нет, ее влюбленность и повышенная чувственность скоро Маклеоду станут в тягость. Поначалу очарованный моло-

расстрелять...

достью и наивностью жены, капитан начнет вымещать на ней недовольство своим медленным продвижением по службе, но больше всего — тем, что годы идут, а Маргарита не становится умелой экономной хозяйкой дома, слишком много, на его взгляд, думает о нарядах и прическах, предается непозволительным в ее положении мечтам о балах, путешествиях, курортах. Он-то рассчитывал, что она будет много уделять внимания детям, до блеска начищать его сапоги... Недовольна своей жизнью и Маргарита. «Мой муж отказывает мне в каких бы то ни было нарядах, потому что боится, что я буду слишком красива, — жалуется она в письме голландской подруге. — Это невыносимо! Тем временем за мной волочатся молодые лейтенанты. Мне очень трудно вести себя так, чтобы у мужа не возникало повода для упреков...»

Придет время и ревнивый (при этом часто изменявший жене)

Рудольф от упреков перейдет к более ощутимым способам воздействия на Маргариту. По поводу и без повода он называет ее “скотиной”, “тварью”, “негодяйкой самого низкого пошиба”. Иногда, куражась, наставляет на нее пистолет и грозит пристрелить. И все чаще и чаще избивает. Неуравновешенный, страдающий припадками бешенства, Маклеод прибегает к рукоприкладству и в отношении солдат. Этим он навлечет на свою семью страшную беду. Мстя за избитого им родственника, няня Маклеодов подсыплет какой-то отравы их детям, в результате чего погибнет сынишка...

Несчастливая семья возвращается в Голландию. Не сумев извлечь никакого урока из случившегося, Маклеод во всем винит жену. Он отнимет у нее дочь и поселится отдельно. Но даже бросив Маргариту, пытается не тем, так другим “достать” ее. Не выплачивает ей положенное по закону пособие. Помещает в газетах предупреждение коммерсантам, чтобы они не присылали ей никаких товаров и не оказывали никаких услуг. Просит родственников не предоставлять ей ни пищи, ни крова. Словом, другая женщина на месте Маргариты от отчаяния и обиды могла бы помешаться, наложить на себя руки. Другая — но не Маргарита...

Из двенадцати стрелков восемь почему-то выстрелят в воздух. Трое ранят ее слегка. Лишь один — должно быть, мастер своего дела — угодит ей прямо в сердце. Кровь так и забьет фонтаном из ее полубогаженной груди. Делать контрольный выстрел в висок, как это полагалось уже тогда, не придется.

Таким будет конец ее короткой фантастической жизни...

В 1905 году в Париже — город этот трудно чем-либо удивить — неожиданно и ярко заблистает звезда индийской танцовщицы Мата Хари. На ее выступления почти невозможно попасть. Самые утонченные ценители искусства признают, что такого они еще не видели. Вот как в одной книге, посвященной Мата Хари, описывается ее выступление в салоне, принадлежавшем некоей богатой даме: “Открылась дверь и в нее скользнула высокая женщина с темными глазами. Она неподвижно застыла перед статуей бога Шивы. Зазвучала незнакомая мелодия, и танцовщица двинулась в сторону Шивы, затем прочь от него, призывая злой дух мести. В неистовстве она принялась срывать с бедер прозрачные покрывала. Затем, расстегнув пояс, распласталась перед алтарем. На мгновение взору зрителей предстал полный соблазна облик обнаженной туземной девушки...” А вот Мата Хари (в переводе на русский “Око света”) выступает в помещении, превращенном в подобие индусского храма. “Внутри было сумрачно, в воздухе витали ароматы благовоний, гирлянды цветов украшали мраморные колонны, толстые персидские ковры устилали камен-

ные полы... Сверкающие браслеты охватывали запястье, локти и лодыжки танцовщицы; все остальное тело было обнаженным, утонченно обнаженным”.

Отдав дань ее необычному, смелому (положившему начало стриптиза) искусству, журналисты, критики и просто поклонники женской красоты восторженно отзываются о магическом обаянии новоявленной баядеры. “Мата Хари является олицетворением поэзии Индии, ее мистицизма, ее страстолюбия, томности, ее гипнотических чар”. “Вы — воплощение истинной древней красоты... Ваш облик подобен восточной мечте”. Трепет перед Мата Хари испытывают даже власти Парижа. Принимая во внимание ее туземное происхождение, они снисходительно прощают ей танцы в обнаженном виде. А вот в соседней Англии за то же самое одну танцовщицу на целый месяц посадят в кутузку...

Даже после того, как газеты сообщат о ее расстреле, не все люди этому поверят. Рассказывали разное. Например, то, что абсолютно все стрелки выстрелят в воздух, а она, отменная артистка, блестяще сыграет роль сраженной пулями наповал. И когда опушка Венсенского леса, где состоялся этот заранее задуманный спектакль, опустеет, из-за деревьев выйдет некий красивый молодой человек. Помогая ей подняться с земли, он с улыбкой протянет руку, и они, донельзя счастливые, в объмку войдут в мокрый лес и скроются в неизвестном направлении...

Лишь те, кто присутствовал на ее казни, точно знали, что все это — выдумка. Какой бы она ни была артисткой, невозможно сыграть фонтаном бьющую кровь, смертельную бледность лица, тоску и ужас навек застывших глаз...

В какой семье росла, какое воспитание получила Мата Хари? Кто и где научил ее “танцу живота” и другим эротическим тайнам восточной пластики? Никто в Париже и в других европейских столицах, где она гастролирует, об этом ничего толком не знает. Сама Мата Хари охотнее всего рассказывает о том, как она, дочь индийской танцовщицы, рано осиротела и воспитывалась жрецами храма бога Сва, что затерялся где-то в джунглях Южной Индии. Лишь благодаря влюбившемуся в нее английскому офицеру сэру Джорджу, она, юная невинная девушка, не стала жертвой сексуально-религиозных игрищ, устраивавшихся в храме Сва...

Как водится, газеты не просто смакуют подробности биографии индийской баядеры, но и напускают тумана на ее и без того загадочную личность. Мата Хари становится живым символом Востока. Правда, у нее есть не только поклонники. Так, одна французская писательница сильно сомневается в подлинности ее искусства, называя его умелой, но все же подделкой. Находятся также скептики, которые не верят в ее ту-

земное происхождение. Одно публичное выступление Мата Хари будет омрачено бестактным выкриком из зала:

— Она с Востока? Не смешите людей! Из Гамбурга или Роттердама...

Надо признать, что тот плохо воспитанный зритель был прав. Настоящая родина танцовщицы — Голландия. Настоящее же имя — Маргарита Целле, а Мата Хари — лишь ее артистический псевдоним.

Легче всего объяснить, зачем понадобилось нашей героине выдавать себя за туземку. Начало девятисотых — время, когда Европа нешуточно увлекается восточной мистикой и экзотикой. Смышленная по природе, самоучка Маргарита ориентируется быстрее других танцовщиц: что-то позаимствует у яванских баядерок, что-то придумает сама...

Мы еще вернемся к умению нашей героини создавать вокруг себя ореол таинственности, а сейчас зададимся более земными вопросами. К примеру, почему из всех городов Европы она изберет именно Париж?.. То ли на самом деле наивная, то ли притворяясь простушкой, Мата Хари, уже находясь в зените славы, так объяснит свой судьбоносный выбор: "Я думала, что все женщины, спасавшиеся от своих мужей, бежали в Париж". Но вряд ли это станет главной причиной ее появления во французской столице. Судя по всему, Маргарита Целле-Маклеод, еще пребывая на Яве и маясь от скуки и пресности гарнизонной жизни, пусть и смутно, но видит в своих горячечных снах некий озаренный ночными огнями град полной свободы, безудержного веселья и красоты, каким в те времена и сейчас представляется многим людям Париж. Нет, как ни осуждай капитана Маклеода за его дикие выходки, следует признать, что он поносит и бьет свою жену неспроста. Солдафон мозжечком чувствует, что черноглазая Маргарита — не его поля ягода, силится понять, что за существо ему досталось по объявлению в газете: ангел во плоти? дьявол в юбке?.. Увы, он так и не уразумеет, что женщина может быть и тем, и другим одновременно...

Знает ли сама Маргарита, какие противоречивые начала в ней заложены, какими дарами наделена от природы? Наверное, нет. Ведь, приехав в Париж на ловлю счастья, она сперва пытается стать натурщицей, но ее даже для позирования признают непригодной. Но вот она встречает парижанина, богача и аристократа, который осыпает ее комплиментами (как у многих мужчин, они не бескорыстны), внушая Маргарите, что она необыкновенно умна, обладает фигурой, с какой не пропадет в жизни, и вообще создана исключительно для сцены. Он вводит ее в салоны, где на нее с любопытством взирают через лорнеты пресыщенные снобы и завязтые волокиты. С провинциалки Маргариты быстро спадает (как вскоре начнут спадать прозрачные покрывала) скованность. Понимая,

что этих утомленных бездельем и распутством людей трудно чем-либо пронять, она в своих танцах делает ставку на эротику, чем необыкновенно угождает им. Но и другое она понимает: кто станет с ней разговаривать, представься она этой публике женщиной, брошенной безвестным голландским офицером? И, наделенная незаурядным воображением, преподносит им истории, одну страшнее и экзотичнее другой. К примеру, как тяжело ей пришлось, когда она волей судеб оказалась в холодной неприветливой России. Или о том, как рисковал своей жизнью благородный сэр Джордж, буквально вырывая ее из рук сексуального монстра, живущего в храме Сва. Ее черные сверкающие глаза и суждения о неизведанных глубинах души и темперамента восточных женщин до предела распалют великосветских хлыщей. Ее осыпают уже не только комплиментами, но и визитными карточками, приглашения поужинать чередуются с предложениями руки и сердца. Маргарита (еще недавно “скотина”, “тварь”), становится вожаком мечтой многих мужчин той эпохи. Сегодня ее видят в обществе шоколадного короля Франции, завтра — министра, послезавтра — знаменитого композитора. Но все же чаще всего ее сопровождает кто-нибудь из военных чинов. Офицеры — непреходящая слабость Мата Хари, а, возможно, комплекс Маргариты Целле, стремящейся что-то, пусть заочно, доказать бывшему супругу. Но эта слабость ей будет впоследствии дорого стоить. Когда придет судный день, прокурор военного трибунала в ее любовных предпочтениях увидит злостный умысел и неопровержимую улику виновности...

Маргарита Целле-Маклеод, она же Мата Хари, будет судима и на рассвете 15 октября 1917 года казнена. Остается вопрос: за что? Но вроде бы ясно, за что можно расстрелять женщину, когда Франция, как и вся Европа, охвачена огнем и корчами мировой войны — за пособничество врагу, за шпионаж... Да, главным нервом повествования почти всех книг, посвященных Мата Хари, является ее разведывательная деятельность в пользу Германии. Но обоснованно ли это? И даже если видеть в Мата Хари прежде всего шпионку, не стоит ли поразмыслить, как и почему эта женщина очутилась на краю?..

Итак, с тех пор, как наша героиня объявится в Париже, почти десять лет ее имя не сходит с газетных страниц. О ней пишут как о выдающейся танцовщице — иные критики ставят ее даже выше знаменитой Айседоры Дункан — и как об одной из самых высокооплачиваемых куртизанок Европы. (Здесь, наверное, будет уместным привести мнение одного писателя: “Выдающиеся женщины всегда строят свою карьеру на руинах погранных чувств и никогда больше не ищут любви”.) Растет ее состояние, все богаче становится гардероб. И

хотя Мата Хари — женщина уже не первой молодости, она иной раз ведет себя как шаловливая дочка мультимиллионера: шикует, швыряется деньгами, сутками веселится в ресторанах, путешествует с каким-нибудь, говоря современным языком, “бойфрендом”. Словом, все, о чем она когда-то мечтала, чистя сапоги Маклеода, сбывается и, кажется, ее счастьем и успехам не будет конца...

Начавшаяся в 1914 году мировая война разом перевернет ее жизнь. Она застанет нашу героиню на гастролях в Берлине. Вот как сама Мата Хари описывает свои впечатления: “Грибель (начальник берлинской полиции и ее любовник) взял меня с собой на площадь. Перед Императорским дворцом колыхалась огромная, совершенно обезумевшая толпа. Слышались крики: “Германия превыше всего!”. Танцовщице не сразу удается покинуть эту страну, немцы несколько раз арестовывают ее как “русскую шпионку”, но за неимением прямых улик всякий раз отпускают. С большим трудом, растеряв в спешке почти весь свой гардероб, обворованная в берлинском отеле, она пересекает немецкую границу и только тут осознает, что ее счастьем пришел конец.

Но кончится не только беззаботная жизнь эстрадной звезды, но и эпоха, которая породит ее. С Мата Хари все реже заключают контракты, ей, как куртизанке, платят все меньше. А наша героиня ничего другого, как демонстрировать прелести своего обнаженного (и, увы, с годами блекнущего) тела и потворствовать своей повышенной чувственности, в сущности не умеет. Пойти, как некоторые патриотически настроенные француженки, медсестрой в лазарет и выхаживать раненых? Нет, она подданная Голландии и излишним патриотизмом не страдает. Да и, в конце концов, в центре ее мира всегда была она сама, любимая. Мата Хари мечется, уже, пожалуй, от нечего делать заводит новые романы (один с русским офицером, другой с французским лейтенантом-танкистом), но таких побед ей мало. Она по-прежнему ищет приключений, ей не хватает острых ощущений, да и денег — тоже! И вот однажды она оказывается не где-нибудь, а в кабинете главы французской разведки и контрразведки капитана Ладу...

Но сначала остановимся на некоторых особенностях натуры Мата Хари, сыгравших в ее судьбе роковую роль... Все, кто пишет о нашей героине, называют ее прирожденной авантюристкой. Спорить с этим трудно — вся ее жизнь тому пример. Но что такое авантюризм? Только ли склонность к рискованным приключениям и ловкому одурачиванию людей? Многие поступки Мата Хари наводят на мысль, что как личность она была подвержена самогипнозу и не всегда отличала реальность от фантазий. Словно стремясь стереть в памяти

все неприятные эпизоды жизни (а к тем, о которых мы уже знаем, добавим также, что Маргарита рано потеряет мать, что она будет с позором изгнана из колледжа за то, что ее, шестнадцатилетнюю ученицу, соблазнит директор сего благонаправленного заведения), она нагромождает один вымысел на другой. В результате она имеет не одну, как у всех, биографию, а несколько. Кроме Южной Индии, она считает местом своего рождения также Яву, Малайзию. Время от времени возвращаясь к теме своего пребывания в России, она будто напрочь забывает, что на самом деле никогда не была в этой стране. Как выразится один ее биограф, “физически не способная говорить правду”, она постоянно запутывается, точно бабочка в тенетах, в собственных вымыслах и, чтобы найти выход, выдумывает еще что-нибудь.

Нет, правды о самой себе Мата Хари не боится. Иной раз она шокирующе откровенна, в особенности, когда речь идет о любовной жизни или о ее пристрастии к деньгам. Но ей так хочется украсить, расцветить какой-нибудь небывальщиной свое прошлое! Беда же в том, что Мата Хари слишком далеко пойдет в самообмане. Когда ее арестуют, следователи на допросах будут впадать то в бешенство, то в истерику, выслушивая взаимоисключающие, почти каждый день меняющиеся показания. К несчастью, это лишь укрепляет уверенность следователей, что перед ними изворотливая преступница: раз путается, значит, ей есть что скрывать!..

К главе французской разведки она придет по доброй воле, но без особой охоты. Цель этого визита состояла в следующем. Выбравшись в начале войны из Германии, Мата Хари на несколько месяцев оседает в родной, но нелюбимой Голландии. (“Мою жизнерадостность словно бы придушили”, — строчка из ее письма подруге.) Мата Хари рвется в Париж, куда попасть теперь можно лишь морем, на английском пароходе. Но тут она сталкивается с противодействием то британских, то французских властей: те и другие долго не выдают ей въездных виз. (Потом выяснится, что за свое пребывание на гастролях в Германии она получит от англичан статус “не вне подозрений”.) Приехав наконец в Париж, она вдруг замечает, что за ней ведется слежка. И вот тогда, чтобы выяснить, в чем дело, она приходит к капитану Ладу. О том, какой между ними состоится разговор, после войны он напишет в своей книге:

“Она гордо вошла в мой кабинет. У нее была легкая походка, которая бывает только у актеров, привыкших ходить по сцене... Когда я не удосужился предложить ей присесть, она сама взяла стул и села с таким видом, словно всегда здесь была.

— Что вам от меня нужно? — спросила она на прекрасном французском языке, слегка окрашенном гортанными звуками

ми, что вполне сочеталось с ее восточным типом лица. — ...сделайте одолжение, скажите этим легавым (Тарле и Миньеру), которые тенью следуют за мной, что, поскольку очень жарко, вы позволяете им выпить за мое здоровье в бистро через дорогу.

Я сделал вид, что не понимаю, о чем она говорит.

— За мной следят, куда бы я ни пошла... они даже обыскивают мой багаж, когда я отлучаюсь из отеля. Каждый раз, когда я возвращаюсь, все перевернуто вверх дном, а вы, должно быть, знаете, что у меня нет лишних денег на чаевые горничной...

Увидев, как она спокойна и самоуверенна, как держит себя в руках, я задался вопросом: а что, если британская разведка, вот уже больше года забрасывавшая меня сведениями относительно Мата Хари, не ошиблась в своих утверждениях — правда, не имея никаких дополнительных доказательств, — что она германская шпионка, о чем она, похоже, знает и говорит совершенно открыто?"

Действия спецслужб и сегодня не всегда отличаются логикой. Но капитан Ладу в этом отношении побьет рекорд. Едва смекнув, что к нему в кабинет добровольно явилась матерая германская шпионка, он тут же предлагает ей... работать на Францию. А Мата Хари? Признавшись, что французы ей милее немцев, она соглашается и, назвав сумму положенного ей вознаграждения, выражает готовность поехать в оккупированную немцами Бельгию и соблазнить, сделать ручным самого германского кронпринца!.. Но Ладу, не отменяя слежки за ней, отправляет танцовщицу в Испанию. Там она совершенно открыто встречается с германским военным атташе, обедает с ним в ресторанах и, по ее собственному признанию, крутит с ним любовь. Открыто она встречается и с французским атташе, который, как пишет биограф Мата Хари, "был в восторге от ее общества и вел себя как потерявший голову кадет". Те, кому Ладу поручит следить за ней, ничего подозрительного в ее поведении не замечают. Вернее, они уже не сомневаются, что Мата Хари — настоящий ас разведки! Ведь парадокс подозрительности в том и заключается, что чем безыскуснее ведет себя человек, тем он подозрительнее. Про это прекрасный роман написан — "Наш человек в Гаване".

Но когда Мата Хари с ценной информацией (а на самом деле, как выяснится потом, дезинформацией, которой ее за любовь и ласки заботливо снабдит германский атташе) вернется в Париж, никто из французских контрразведчиков не захочет с ней встретиться. Ей придется в буквальном смысле гоняться по Парижу то за одним, то за другим (ведь именно так ведут себя все настоящие шпионы, не правда ли?) И лишь месяц спустя, когда она, отчаявшись понять, что же происходит, решает снова уехать в Голландию, к ней в отель приходит чуть

ли не взвод полицейских и секретных сотрудников, которые по подозрению в шпионаже против Франции арестовывают ее и увозят в тюрьму...

Как идет и чем закончится следствие, а также ход процесса по делу Мата Хари — это уникальная история, хотя все время, пока ее изучаешь, на ум приходит одно и то же слово — бред. 80 лет прошло с тех пор, а что мы имеем, как говорят, в сухом остатке? Одни исследователи утверждают, что на совести Мата Хари гибель десятков тысяч французских солдат, потопление английского крейсера и еще 17 военно-транспортных судов союзников. Другие, ссылаясь на поднятые архивы разведок, убеждают, что Мата Хари не имела и не могла иметь никакого отношения к этим прискорбным событиям войны. Согласно одним источникам, она работала под руководством Эльзы Шрагмюллер, шефа германской разведки в Антверпене, и считалась одним из самых ценных агентов. Согласно другим, Эльзы Шрагмюллер как таковой вообще не существовало, а Мата Хари если и использовалась германской разведкой, то лишь для прикрытия какого-то своего супер-шпиона...

Уникальность (и бредовость) этой истории еще и в том, что и по сей день остается открытым вопрос, была ли Мата Хари шпионкой вообще или нет. Итог всех споров на эту тему таков: может, была, а, может, нет... Говорят, в основу приговора трибунала лягут перехваченные и дешифрованные французскими депеши германского атташе в Испании своему начальству. Но потом обнаружится, что эти депеши... подправил капитан Ладу, представив их в таком виде суду. Не исключено, что наша героиня, играя со следователями — заиграется... Но, как бы то ни было, истину следовало устанавливать по горячим следам. А вот этого, судя по всему, французским властям как раз и не хотелось. Война явно затягивалась, страна была уже на пределе. И нет, чтобы сказать людям, что в проигранных сражениях, в плохом снабжении армий виноваты бездарные генералы, тупые чиновники и интенданты-ворюги, — куда проще побыстрее расстрелять Мата Хари и объявить, что во всем виновна она и подобные ей предатели. Не верите? Тогда послушайте, что скажет несколько лет спустя после ее казни лейтенант Морне, между прочим, главный обвинитель нашей героини на процессе:

“Знаете, в деле Мата Хари показаний не хватало даже для того, чтобы отстегать кошку”.

А капитан Ладу, сдавший Мата Хари правосудию, но не предоставивший сколько-нибудь убедительных фактов ее виновности, напишет в своей книге слова, читая которые не знаешь: то ли плакать, то ли смеяться.

“В том и состоит истинное значение секретной войны... что она принимает символический образ танцовщицы в позо-

---

лоченных мягких туфлях, стремящейся сорвать с губ случайного любовника секрет точного (!) расположения армейского корпуса...”

В этих-то словах и зарыта собака. И капитан Ладу, и следователи, и обвинители Мата Хари спешат предупредить общественность Франции и союзных стран: **Осторожно! Враг повсюду! Он даже может оказаться в вашей постели!** Первая мировая война даст пусть не первый в истории, но прежде невиданный всплеск шпиономании. В Европе, кичившейся перед всем миром своей цивилизованностью, начнется, как в средние века, “охота на ведьм”. По воспоминаниям одной из современниц Мата Хари, в Париже с первых дней войны в витринах магазинов, в трамваях, подземке появятся плакаты: **“Храни молчание, помни, что уши неприятеля слушают тебя”**. Другая современница, на которую падет подозрение, что она — вражеский агент, и которая чуть не подвергнется линчеванию разъяренной толпой, назовет этот шпионский психоз “серьезной формой умственного расстройства пылких патриотов”.

Мы делаем упор на свидетельства современниц, а не современников Мата Хари потому, что ее судьбы коснется не просто шпиономания, а, так сказать, шпиономания с женским лицом. Действительно, в ту пору женщины, кто исходя из патриотических, кто из корыстных соображений, нередко выступали в роли секретных агентов. Но эти случаи будут возведены в абсолют. Обе воюющие стороны издают приказы, предписывающие военным не вступать в контакт с неизвестными женщинами, в особенности, красивыми. Дело дойдет до курьезов. К примеру, в Англии власти предупреждают население, что среди прачек, нянь и гувернанток находятся женщины, засланные немцами для сбора секретных сведений, и что даже вывешивание белья в определенном порядке может быть способом передачи этих сведений. Как читатель, наверное, уже догадывается — если под подозрение попали прачки, то что говорить о разъезжающей по разным странам обольстительной танцовщице и куртизанке? Кажется, это и есть ее призвание — срывать с губ мужчин наиважнейшие секреты, в том числе и такие, как принципы устройства французского танка, в чем ее тоже заподозрят...

Думается, что Мата Хари могла быть если не оправдана, то за неимением прямых улик отпущена на свободу, суди ее беспристрастные, не отягощенные никакими комплексами мужчины. Увы, среди военных юристов, судивших ее, таких не окажется.

Не исключено, что кто-то из них, жрецов справедливости, если не знал Мата Хари лично, то до войны видел ее на сцене,

вместе со всеми аплодировал ее мастерству и восторгался красотой ее тела. Когда же она предстанет перед ними подозреваемой в шпионаже, у них появится соблазн расправиться с ней. Почему? Да потому, что все, прежде восхищавшее в ней, теперь вызывает ярость. Подумать только, сколько фальши и коварства в этой артистке! Да и какая она куртизанка? Обыкновенная продажная шлюха... Поди теперь, разберись, сколько темных инстинктов разбудит в следователях когда-то ослепительная Мата Хари, которую в застиранном тюремном халате под охраной будут приводить в их кабинеты. Прежде и в мыслях не мечтавшие общаться с ней (это им было не по карману), они теперь разговаривают с ней через губу, не скрывая своего злорадства и презрения.

На свою беду Мата Хари до последнего дня не сознает, что ей грозит смертельная опасность. Недаром она рассмеется, когда узнает, что президент Франции отклонил прошение ее адвоката о помиловании и что до приведения приговора в исполнение остаются минуты...

Свой арест она с самого начала воспринимает как недоразумение, которое вот-вот разъяснится. Однажды тюремный врач, совершая обход камер, спросит ее: "Вы в чем-нибудь нуждаетесь?". С поразившей его искренностью она ответит: "Да, мне нужна ванна и телефон". Сидя в тюрьме, она беспокоится о сохранности вещей, оставленных в отеле, переживает, что не успела расплатиться с горничной за выстиранное белье. Все ждет, что кто-то из голландских дипломатов заступится за нее. И ни на минуту не забывает, что она — око света: "Когда люди заговаривают со мной о своих родных странах, — скажет она тюремному служителю незадолго до казни, — мой дух устремляется к далекой земле, где в струящейся реке отражается золотая пагода..."

На суд она придет как на очередное представление. "Она была очень элегантна в свободном темно-синем пальто, накинутом поверх сильно декольтированной блузки, — так описывает ее появление в военном трибунале парижский журналист. — Она прошла мимо своим пружинистым шагом танцовщицы, голова была высоко вскинута, на губах играла улыбка, последняя улыбка, обращенная к последним зрителям". А когда ее уже поведут на расстрел, она, увидев, сколько людей собралось у выхода из тюрьмы, тихо скажет сопровождавшей ее монахине: "Сколько народу! Какой успех!"...

Английская журналистка Джулия Уилрайт в течение нескольких лет будет раскапывать эту давнюю, но и по сей день злободневную историю. Недавно выйдет в свет ее строго документированная, написанная умно и с высоким чувством книга о жизни и гибели Мата Хари. Перевернув горы литературы, архивных записей,

она столь глубоко войдет в материал, что многие страницы ее книги воспринимаются как свидетельства очевидца. В особенности это относится к описанию дня казни.

“Капитан Тибо приблизился к ней. У него в руках был карандаш и записная книжка, — рассказывает Д. Уилрайт о том, как ведет себя Мата Хари перед лицом смерти. — “Не хотите ли сделать какое-либо признание?” “Я? — спросила Мата Хари. — Мне нечего сказать, а если бы и было... то не вам”.

Она попросила начальника тюрьмы позволить ей написать два или три письма. Одно было адресовано ее дочери Нон, а два других — “людям, входившим в тесный круг друзей”... Когда стражник попытался взять ее за руку, она оттолкнула его прочь: “Не прикасайтесь ко мне! Я не воровка и не преступница...”.

...Машина представителей властей медленно продвигалась в грязь; начинало светать. Команда, отобранная для расстрела, уже была готова. “Примкнуть штыки!” — прозвучала команда. Артиллерийские трубы сыграли марш. Утренний туман начал рассеиваться... Мата Хари стояла менее чем в десяти метрах от столба и в своей треугольной шляпе и ярко-синем пальто... представляла довольно трогательное зрелище. Она обняла плачущего Клюне (ее престарелый адвокат), прижавшегося долгим поцелуем к ее губам. Кто-то рядом с прокурором пробормотал: “Бедная Мата Хари! Военный трибунал не приговоривал ее к этому!”

Жандарм подвел ее к столбу и обвязал веревкой вокруг талии, но когда он наклонился, чтобы связать ей запястья, она остановила его; она предпочла стоять у столба, не будучи привязанной к столбу. От черной повязки на глаза она тоже отказалась.

“Огонь!”

Она тяжело рухнула на землю перед столбом. Команда повернулась и зашагала прочь, зазвучали трубы, и солдаты прошли мимо того, что стало теперь ворохом нижних юбок...”

К сказанному выше остается добавить немного. Знакомый нам Рудольф Маклеод, узнав, что его жена расстреляна, примчится в Париж с претензией на ее имущество. Но окажется, что после Мата Хари почти ничего не останется. Какие-то ее вещи будут проданы с молотка, а вырученными деньгами французские власти возместят расходы на ее казнь. Таким образом, как справедливо заметит автор другой работы о Мата Хари, нашу героиню и расстреляют за ее собственный счет... ■

ФЕНОМЕН

Нежный, вкрадчивый голос 16-летней певицы Алсу волнует и тинейджеров, и людей старшего поколения. "Взбаламутив" эстрадный мир на родине, Алсу предприняла попытку прорыва в западный музыкальный мир.

— Алсу, что означает твое имя?

— В переводе с татарского — розовая вода. Бабушка рассказывала мне, что Алсу — это героиня древней легенды. Она ради возлюбленного, которому угрожала опасность, превратилась в розовую рену, чтобы

АЛСУ

он вместе со своим войском смог уйти от врагов.

— А почему в розовую?

— Не знаю, в легендах ведь много необъяснимых вещей.

— Тебе не трудно совмещать учебу и тяжелый труд певицы?

— Пока еще нет, но чем дальше я занимаюсь вокалом, тем больше понимаю, что впереди меня ждет адская работа под названием "шоу-бизнес". Но это дорога, которую я выбрала сама и мне по ней идти. Конечно, я не думала, что увлечение музыкой может перерасти в страсть. Мне нравится то, чем я занимаюсь, ведь пою о том, что мне близко и дорого, то, что находит отклик в моей душе. А если это нравится людям, то лучшей награды для себя и не мыслю.

— Если тебе так нравится карьера певицы, почему же ты не отдаешься ей сполна?

— Я всегда мечтала стать архитектором. Когда была маленькой, я смотрела на неназистые и обветшалые здания в моем городе и думала, что вот вырасту, обязательно выучусь на архитектора и совершенно по-иному буду проектировать дома. Так, чтобы людям было удобно в них жить, а особенно детям. Ведь до сих пор во многих наших дворах нет элементарных игровых площадок для детей. А на западе — это первостепенное условие при строительстве многоэтажных высоток. Моя будущая специальность — архитектор-дизайнер. И потом, я хочу владеть наной-то более серьезной специальностью, чтобы приносить людям пользу.

— Но все-таки решилась выйти на сцену, запеть...

— Я неплохо играю на рояле. Когда к нам приходили гости, мама часто просила меня сыграть что-нибудь для них. Потом я увлеклась Мерайей Нэри и Уитни Хьюстон. Даже пыталась подражать их манерам и повадкам. Конечно, втихаря, когда никого не было дома. Однажды моя школьная подруга "застукала" меня за этим занятием и сказала, что у меня неплохо получается. О моем увлечении музыкой прознали родители и рассказали своим знакомым. Они то и вывели "предков" на моего нынешнего продюсера Валерия Белоцерновского. Это знакомство и стало "роковым" для меня.

— Ты довольна случившимся?

— Скорее да, потому что чувствую, что мне приятно петь. А в жизни так мало приятного, что пренебрегать даром судьбы глупо. По натуре я очень стеснительная девушка и поначалу боялась сцены, зрителей. Сейчас воспряла духом и пробую себя в разных стилях музыки.

— В каких, например?

— Во всех, кроме джаза и блюза.

— Как тебе живется в Лондоне?

— Хорошо. Там несколько иная жизнь, чем в России... Но мне одинаково комфортно и в Москве, и в Лондоне. Я ведь уехала в 9-летнем возрасте и с тех пор в России как гость. Но чем чаще приезжаю домой, тем больше ощущаю притяжение корней. У нас все же люди душевнее и отзывчивее...

— В твоём возрасте уже принято иметь друга...

— Да, он из Индии. Его зовут Опендро, на год старше меня. Очень милый мальчик.

— Герой из индийских фильмов, которыми грезила вся страна?

— Нет, я не поклонница любовных сериалов, хотя в душе я — романтик. Просто мировоззрение Опендро совпадает с моим. Мы прекрасно понимаем друг друга с полуслова. Но о замужестве говорить еще слишком рано. Я даже и не думаю об этом.

— Алсу, говорят, что ты так и не удосужилась выучить родной татарский. Это так?

— Я знала татарский язык в детстве. Потом наша семья уехала жить на Север. А в девять лет меня отдали учиться сначала в Америку, потом в частный архитектурный колледж в Лондоне, где я и учусь по сей день. Так я окончательно забыла родной язык. Более того, я и по-русски говорю плохо, потому что все время общаюсь исключительно на английском. Лишь изредка говорим по-русски с подругой, с которой учимся на одном курсе. А татарский непременно наверстаю. Этим летом я гостила у бабушки в Татарии. Поначалу совершенно не понимала, что она говорит, но потихоньку, помаленьку стала сообщать. Знаете, так забавно переключаться с английского на татарский.

— Какъв твой лондонский распорядок дня?

— Ой, напряженный. Пять дней в неделю с девяти утра до шести вечера занятия в колледже. Потом, если остаются силы и желание, могу с друзьями посидеть в кафе или сходить в спортзал.

— И что, никогда не сбегала с уроков?

— И не думала. Здесь даже не возникает подобного желания.

Все настолько интересно и увлекательно, что даже не замечаешь бег времени. Хотя нет, вру, было дело... В Лондон приехала Мадонна, и мы с подружками сбежали с уронов и весь день проторчали у гостиницы, где остановилась американская дива, чтобы хоть краем глаза посмотреть на нумира. Было очень холодно, и мы простояли несколько часов на улице. В результате я простыла и пролежала в постели целую неделю.

— Удалось увидеть Мадонну?

— Да, но ожидаемого эффекта она не произвела на нас. Маленькая, бледная и совсем не сексуальная.

— А что в твоём понятии "сексуальность"?

— Ну, никак не бедра или грудь. Сексуальность женщины должна исходить изнутри. Манера поведения, взгляд, походка, и даже сказанное слово. Ведь не все секс-символы отличались стройностью стана и высоким ростом. Та же Мадонна. Удивительно, как ей удалось, имея столь маленький рост, заставить называть себя самой желанной женщиной планеты?

— А тебе хотелось бы прославиться на весь мир?

— Не знаю, как на весь мир, но я уже заключила контракт с звукозаписывающей американской фирмой "Юниверсал", которая занимается моим продвижением на Запад. Насколько удастся — покажет время. Конечно же, каждый человек мечтает о славе, локальной или мировой. Но не нужно мечтать, надо что-то предпринимать. Опасность кроется

еще в том, что, добившись славы, нужно уметь ее удержать. Вот это и не удается многим.

— Ты сама-то готова к встрече с мировой популярностью?

— К самому "прыжку" для достижения популярности — да, готова, ну а дальность прыжка должна определить "Юниверсал".

— Алсу, на каком языке ты думаешь?

— На английском. Если я говорю по-русски, то сначала строю мысль по-английски, затем перевожу ее на русский и только потом озвучиваю.

— Как все сложно у тебя...

— А что делать, приходится разрываться на две части, а скоро прибавится еще одна — татарская. Представляете, каной сумбур будет в голове!

— Ты уже начала курить?

— Нет, совершенно не тянет.

— А как обстоят дела со спиртным?

— Здесь проще, и выбор богаче. Бокал красного вина за ужином — святое. На дискотеке могу выпить джин-тоник, причем не один бокал. А вот крепкие напитки не приемлю в принципе. Я просто не выдерживаю 40-градусную жару внутри себя.

— У тебя есть братья, сестры?

— Старший брат, в семье которого я и проживаю в Лондоне. Ему 22 года, он очень современный парень. С ним я могу поговорить обо всем и доверить самые сокровенные тайны. ■

Беседу вел

Рамазан РАМАЗАНОВ.

фото автора

Гуляй

Олег ПОЛОНСКИЙ

Февраль — третий месяц зимы. За ознобистые ночи, за колючие ветра, за лихие вьюги прозвали его **сеченем**. Ветры в феврале секут холодом и метелью. Февраль в понятиях наших предков представлялся в образе дородной женщины, крепкой и видной, эдакой владычицы снегов, северных ветров и суровых морозов. Став зимней хозяйной, принимала она на себя заботу о роде. Считалось, что ходит она по земным угольям в медвежьей шубе и сапогах из волчьего меха.

Обычаи, обряды февраля, закреплённые древними примета-

ми, наблюдениями предков, несут заботу крестьянина о зерне, которое по весне ляжет в землю, а потом поднимется хлебной нивой. О реке, в которую должна прийти весенняя снеговая вода и раскопать берега. О домашней скотине, которой Бог скотоводства Волос-Велес даёт силу, здоровье, крепость. Корова, коза, овца являлись кормильцами, а потому так почитались в крестьянской среде.

Много разных забот клал февраль на крестьянские плечи. Ещё зима и стоят морозы. Ведь некогда в старину говорили: "Фев-

— не хочу?

евраль

раль месяц — лютый — спрашивает как обутый". Есть примета, что коли ночью в феврале иней обметает деревья и столбы, то днем снег не выпадет. А если днем вдаль над лесом синь разлита, то говорят: "К теплу". Про синицу в феврале сказывают: "Если она с утра песенку поет, то мороз еще придет".

1 февраля. Макарий. Макар валенком раздувает самовар.

Путру — целительный чай. Без него нигуда. А к чаю полагались полезные травы: ромашка, дающая теплоту и покой желудку, вероника, что головные боли от-

водит, листья земляники, дающие силу, да липовый цвет, что вселяет в души радение о близких.

2 февраля. День Ефима.

На Ефима — с печи слезай, о масляной гадай. Масленица-блиноедка не за горами. На Ефима — тут уж девкам нейдется, узнать торопятся: какова сударыня-маслена будет? А старики подначивали: "Налетели с утра метели — быть маслене метельной". У девок надежда на масленицу себя показать. А на Ефима торопятся они по утру к речке или к колодцу. Парней подзадоривали: "Ни-

рисунок Виктора Ковалева

как пошел, что Ефим на метель? Да и заблудился! Аль к коромыслу чьему присох! Ах-ох". На Ефима солнце в полдень — к ранней весне. А когда ветер завывал, снега поднимал, то говаривали: "Помелу на маслену. Придет сударыня метельная". Рожденный на Ефима слыл неспокойным, в избе места себе не находил, будто одержимый заботой каной-то. Сходил он с крыльца, поспешал к мельнице, а после к лесной чаще. Так и ходил кругами возле деревни. Февраль — месяц, когда метель перенимает у земли дороги. А значит, и у человека, считалось, уводит путь из-под ног. Прежде говорили, что все дороги в феврале — с печи на полати и с полатей на печь. А коли кто отправлялся в феврале в путь, то остерегались, что его с пути свернет.

6 февраля. Аксинья. Накова Аксинья, такова и весна.

В зависимости от погоды по этому дню делали прогнозы на весну. Если день выдавался солнечным и тихим, то и предстоящая весна ожидалась теплой, скорой, с большим количеством солнечных дней. А если день был хмурым, пасмурным и холодным, то ждали весну затяжную, зябкую и пасмурную.

10 февраля. Ефрем. Ветер на Ефрема — к сырому году. Именины домового.

Домовой — это добрый дух дома, хранитель хлебного духа в печи, ревнитель того, как хозяйна обихаживает дом, лучину подлаживает, деток наставляет, обряды старины соблюдает. Когда варили в этот день пшеничную нашу на молоне, приговаривали: "Батюшна домовой, хозяин заревой, приди мово угощеньца отну-

шать, сядь рядом, поговорим ладком!"

14 февраля. Трифон-звездистый.

Если небо звездное, то жди позднюю весну. Ночью на звезды глядеть — ожечься мышинным огнем. Звезды в эту ночь, что свет гнилушек — не согревают, ознобом пытаются. Лишь рожденному на Трифона полагалось по звездам по весне гадать.

15 февраля. Сретенье.

На Сретенье, говорили старые люди, сходится, встречается зима с весной. Поэтому отмечен этот день и сретенскими морозами, и сретенскими оттепелями. Зима на Сретенье старела. Устраивались на Руси в этот день в деревнях игрища-зимоборы. "Зимобор, гляди, Сретенье на печи не засиди!" На виду парни старались показать удаль свою молодецкую. А девицы и бабы не отставали. Чья деревня верх возьмет? Ведь и шуба с кафтаном в этот день тоже сходятся, борются. Вот и гляди, чья деревня наголе останется, то есть без шуб. Трещали по швам тулупы. Из сугроба торчали рунава от чьей-то шубы. Порой снег чернел от ключев овечьего меха. То-то была потеха! И впрямь нафтаң доставай да масленицу встречай.

Не хотела зима уступать весне. Боролись они. И сшибала весна о зиму рог, то есть нику, головной убор замужней женщины. Простоволосила весна зиму. А всякой простоволосой бабе в старину стыдно было показаться на улице. Ребятишкам — раздолье. С горок катаются, в снегу валяются. Наперенор сретенской стуже ребятишки кликали весну: "Нам зима-то надоела, хлеб и соль поела, руни-ноги познобила, скоти-

нушку поморила, и соломку подобрала, и мянину подмела!"

С языческих времен до наших дней сохранились приметы на Сретенье. На Сретенье снежок — весной дождик. На Сретенье ветер с деревьев нечисть сметает — цвет и плод оберегает. Сретенье капелью — август-жнивень пшеничной густелью. Снег на Сретенье поутру — жди ранних хлебов в поле густоту. Снег на Сретенье в полдень — средние хлеба уродятся полно. На Сретенье снег вечером повалит — поле с хлебом яровым подымет. На Сретенье ясно и тихо днем — быть бабе со льном. На Сретенье занорми кур овсом — весной и летом будешь с яйцом. На Сретенье выговей — снег выметает с полей.

18 февраля. Агафья-коровница.

Ходит смерть коровья. Поэтому обереги коровушку, посытнее накорми, ласково молви: "Пригрей, солнышко, и нашей коровушке бока, не опростай хлевна!"

24 февраля. Влас.

До Прохора старуха охала: "Ох, студено". Пришел Прохор да Влас, никак скоро весна у нас.

26 февраля. Окликание звезд.

В этот день в старину в сельской местности существовал обычай ходить ночью в поле и смотреть на звезды. Замечено, что эта ночь бывает тихой и ясной. Небо словно тщательно вымыто, и звезды сияют ярко. Если смотреть на звезды и при этом иметь чистые помыслы на сердце, то глаза твои станут зорче, а от предвесеннего сияния звезд будет легко и радостно на душе. Пройдет еще несколько дней и наступит март, а вместе с ним и долгожданная весна.

29 февраля. День святого Касьяна.

День этот, наступающий лишь раз в четыре года, издавна считался тяжелым, несчастливым, как, впрочем, и весь високосный год. Говорили: "Касьян злопамятный, Касьян недобрый, завистник. Касьян на траву — трава сохнет, Касьян на скот — скотдохнет". В невисокосный год день памяти Касьяна переносится на 28 февраля, но этот день не считается страшным и приносящим беду. ■

Вот вам

**Дедушка Крылов
изобразил
в известной басне
ворону каркающей
дурой,
которую обманывает
хитрая лиса.
Но в реальной жизни
все как раз наоборот:
ворона обманывает
всех, включая
человека,
а сама если и
обманывается,
то по-умному.
Может быть, у нее
есть разум? — задаем
мы себе вопрос,
наблюдая за вороной,
макающей сухарь в
лужу.**

Еще несколько десятилетий назад сама постановка вопроса о разумном поведении животных, в том числе и птиц, казалась крамольной, поскольку противоречила устоявшимся представлениям. Помню, как в МГУ, где я учился, наш профессор Л. Крушинский в своих лекциях употреблял для машировки специально изобретенный термин "экстраполяционный рефлекс". Это означало, что животные могут предвидеть развитие событий на основе сложившейся ситуации. Например, по шоссе мчится автомобиль, а ворона пережидает его, наблюдая с обочины. Если скорость его движения велика, ворона будет ждать, пока он проедет. Если он едет медленно, ворона пересечет дорогу перед ним пешком. Голуби решить подобную задачу не в состоянии.

В аудитории Крушинский демонстрировал нам опыт, ставший

Валерий ИЛЬИЧЕВ,
доктор биологических наук

И дура! И дура!

классическим. Представим себе ширму с вертикальной прорезью посередине. По одну сторону ширмы ручная ворона, голодная и поэтому жаждущая клюнуть что-нибудь съедобное. По другую сторону ширмы движется тележка с кусочком мяса, которая проезжает мимо щели и в какой-то момент становится видимой вороне. Ворона должна решить задачу, с какой стороны — справа или слева — обогнуть ширму. Если тележка движется к правому углу ширмы, ворона, направившись туда же, встретит ее и получит корм. Выбрав противоположное направление, ворона корма не получит.

Оказалось, что вороны лучше других птиц решают эту задачу. Голуби, например, топчутся около щели, в которую они увидели проезжающую тележку с кормом. К правильным решениям не способны и утки. Зато для хищных птиц

выбрать правильное направление не составляет труда.

"Природа ничего не делает зря, — говорил нам старый профессор, — поэтому и у птиц разума столько, сколько его требуется, чтобы обеспечить их жизнь".

Почему именно вороны и хищники такие умные, а голуби и утки глупые? Да потому, что вороний разум и разум хищника обслуживают важнейшую для их существования задачу — поймать подвижную добычу, например, мышку. Что касается голубей и уток, то задача предугадать перемещение корма перед ними не стоит.

"Мозг птиц примитивен и устроен проще, чем у млекопитающих", — эта формула была узаконена и долгие годы сопровождала в нашей стране всю науку о поведении птиц. Но формула эта вступала в явное противоречие с тем, что умели делать птицы. Своими способностями к обучению и ре-

шению задач они опровергали стереотип.

Мне пришлось заниматься изучением ворон и их родственников значительный период жизни. Прежде всего для того, чтобы научиться управлять их поведением и разработать методы отпугивания их от важных архитектурных объектов, которые вороны пачкали своим пометом. Оказалось, что вороний разум не одинаково хорошо срабатывает во всех ситуациях. Сплошь и рядом вороны ошибаются и предпринимают неверные шаги, которые иногда имеют для них неприятные последствия. На этих тупиковых решениях со стороны ворон, собственно, и были основаны наши поиски управляющих средств.

Однажды к нам обратились за помощью представители вертолетного КБ. На заводском полигоне, где выстраивались готовые и отправке вертолеты, обитало множество ворон. Они бундально облепляли продукцию завода, предпочитая садиться на закрылки, покрытые брезентом. Используя закрылки в качестве стола, вороны раздалбливали на них лакомые кусочки, принесенные со свалок. При этом они портили и брезент, вытягивая из него толстые нити. Дырочки в брезенте лишали дорогие машины товарного вида, завод терпел убытки.

В ходе экспериментов выяснилось, что вороны боятся простой бытовой сетки, называемой в народе авоськой, даже небольшой ее кусок обращает их в паническое бегство. Все остальное было, как говорится, "делом техники". Ключки сетки, прикрепленные к закрылкам, сразу же отучили ворон от вредной привычки.

Другой метод отпугивания мы применили в Московском Кремле, где вороны во время своих игр, спускаясь по наклонной поверхности куполов, процарапывали когтями позолоту. Воронам демонстрировали составленную компьютером звуковую композицию тревожных сигналов птиц с одновременной демонстрацией живьем залятого врага ворон — ручного ястреба или сокола. Как в старинной русской охоте, прирученный хищник ловил и терзал одну из зазевавшихся ворон, что называется, на глазах у изумленной публики. А дальнейший сценарий сводился только к озвучиванию мест тусовки ворон. В своем полном объеме шоу ставилось только один раз. Вороны сразу же устанавливали связь между звуками и реальной опасностью, и в дальнейшем одного звука хватало для того, чтобы их отпугнуть.

Для того, чтобы прогнозировать события, вороне приходится считать. Эксперименты показывают, что вороны способны к примитивному счету и простым арифметическим действиям — сложению и вычитанию. Например, рядом с охотничьей избушкой любимая воронами помойка, которую они навещают в поисках лакомых кусочков. Но помойка находится от избушки на расстоянии ружейного выстрела, дистанция которого воронам хорошо известна. Поэтому, если в избушке есть хотя бы один охотник, вороны к помойке не подлетят. Если в избушку зашло четверо охотников, а покинуло ее трое — то же самое. Но вот если пришло 10, а ушло 9 охотников, вороны к помойке подлетят, потому что такое количество людей сосчитать они не в состоянии.

Для вороньего ума это тупиковый вариант.

А вот случай вообще анекдотический. На одной из университетских биостанций жила ручная ворона. Студенты проходили полевую практику, а ворона их развлекала. То в палатку залетит, то затеет ссору с собакой, кормившейся чем Бог пошлет тут же. Благодаря вороне даже строгая кампания по борьбе с курением приняла комический оборот. Ворона стала залетать в палатки и раскидывать окурки из пепельниц. Может, первоначально она принимала их за помойки, где все вкусненькое запрятано в глубине. Как бы то ни было, ворона почему-то вдруг ста-

ла таскать отдельные окурки в клюве, а затем при появлении студентов вылетать из палатки с окурком. И наконец студенты вдруг увидели ворону с непотушенным, дымящимся окурком. Хохоту было! Позднее я видел собственными глазами сорок и ворон, живущих на дачах, в ближайшем соседстве с человеком, и таскающих в клюве окурки, в том числе и дымящиеся — птицы, видимо, решили перенять вредную привычку у человека...

Имитируя реальные ситуации, вороны часто и много играют. Вот типичная сценка. Сердобольные горожане кормят бездомных собак, прячущихся в подвале боль-

шого дома. В моменту, когда появляется пища и подходят собаки, прилетают и вороны. Одни из них атакуют собак, дразня их и отвлекая от пищи, тогда как другие эту пищу хватают и уносят.

Зимой на замерзшей Москвене я не раз наблюдал "хоннейные" игры ворон, перекидывающих друг другу кусочки льда. Ключет одна таной кусочек, он катится к другой, та в свою очередь наносит удар и так далее. Однажды я даже видел, как вороны катали по гладкому льду замерзшее куриное яйцо, невесть откуда воронам доставшееся, но это уже был скорее бейсбол, так как каталось яйцо по крутой дуге и при этом еще и крутилось.

Игровая деятельность ворон помогает им приспособиваться к городской жизни, вырабатывать полезные привычки и навыки.

Вороны-горожанки без труда находят засохшие куски хлеба на помойках, свалках и просто под ногами прохожих. В большинстве случаев этот хлеб уже засох и для поедания недоступен. Однако вороны научились размачивать такой хлеб в лужах, доводя его до съедобного состояния. Интересно, что из животных-горожан, включая бездомных кошек и собак, этому научились только вороны. Так как хлеб выбрасывается на помойки в большом количестве и быстро засыхает, становясь недоступным для животных, легко представить себе, какие пищевые резервы открыли для себя вороны.

Но вороны способны еще и к использованию "инструментов". Мне приходилось неоднократно наблюдать, как в виварии вороны и грачи затыкают пробной сливное отверстие, создавая неболь-

шую лужу для питья и купания в жаркий полдень.

Всем известна любовь ворон к блестящим предметам, которые они таскают с балконов в свои пустые гнезда, попеременно с кормом. Эта привычка была для меня непонятной, пока я не обнаружил, что они тащат к себе и куски проволоки, и старые гнутые гвозди, перекладывая ими толстые веточки, используемые для строительства гнезда. Таким образом вороны-горожанки осваивают еще и профессию строителя-сборщика.

В своем поведении вороны — индивидуалисты. Мы видим скопление их только на кормежках, чаще всего свалках, куда они прилетают кормиться утром, и в основном в холодное время года. У них есть излюбленные места тусовок, куда они собираются вечером и на ночь тоже большими компаниями — других посмотреть и себя показать. Но чаще всего вороны держатся парами. По крайней мере, начиная с весны, когда он и она отыскивают место для гнезда, старательно его строят, долго высинивают кладку и затем выкармливают своих ненасытных птенцов.

Хотя по окраске он и она неотличимы, но по внешнему виду и какой-то особой горделивой стати, поднятой и слегка нахочленной голове всегда чувствуется, что именно он — главный Заботливый муж и защитник и вообще главное лицо в паре. Она чуть мельче, с прижатым оперением головки и, главное, особой деловой покладной. Что-то ищет, пробует клювом, не обращая ни на кого внимания и не оглядываясь по сторонам. А вот следить за опасностью, то и дело просматри-

вая на свою деловитую подругу, — это уж его дело.

Но так ведут себя вороны весной. А вот пришло лето, и здесь уже роли во многом меняются. Главной защитницей и опекушкой птенцов становится она. Первой бросается на неосторожно приблизившихся кошку или собаку, даже человека, хотя никто из них и не помышляет нападать на драгоценных вороньих отпрысков. Неустанно таскает корм, впрочем, этим усердно занимается и он — с рассвета до темноты. Что делать — пятеро голодных ртов неустанно требуют пищи, накормить их ох как нелегко.

Но вот воронята выросли, обучены, все умеют сами, и у пары ворон опять начинается спокойная жизнь. Сначала они вроде бы существуют поодиночке, но близости от старых гнезд и, видимо, все же следя друг за другом, потому что зимой мы все чаще видим их вместе, а ближе к весне это опять сплоченная семейная пара, и все начинается сначала.

К воронам нельзя относиться как к курам и другим птицам. По своему поведению они чем-то напоминают мне людей.

Я давно заметил, что к больным или неокрепшим воронам тяготеют одинокие пожилые женщины. Держат их дома или подкармливают на улице. Валентина Всеволодовна подкармливала молодую ворону Карла, который появился на ее балконе неокрепшим слетком и сразу заявил претензии на нежную дружбу. Совершенно ее не боялся, вскоре стал подходить близко и даже позволял чесать и гладить головку. Ел почти что из рук, особенно любимый им круто сваренный яичный желток. Приле-

тал на балкон рано и будил спавшую там хозяйку особым нарканьем и стягиванием одеяла. Точно знал о припасенном под подушкой лакомстве. Покричав над ухом хозяйки, давно проснувшейся и только делавшей вид, что спит, Карл это лакомство получал.

Через год Карл появился на балконе в компании симпатичной воронихи, которая не сразу, но под впечатлением супруга стала дружить с Валентиной Всеволодовой, хотя до конца ей и не доверяла. Карл же доверял ей полностью. Я думаю, что вырос он у кого-то на даче птенцом, а затем его вывезли в город, где он или потерялся или его бросили. Но человека как члена семьи и кормильца он уже запечатлел. Отсюда и такая необычная, почти собачья, привязанность Карла к людям. И вот еще одна важная деталь. Когда он был нужен, Валентина Всеволодовна звала его по имени с балкона (или со двора), и он почти всегда прилетал на зов или отзывался. Жизнь вороньей четы продолжалась и их благополучие во многом зависело от Валентины Всеволодовны и ее гостеприимного балкона. Летом вороны приводили молодых и те также приучались не бояться людей. Но к осени молодые исчезали, зато взрослые продолжали регулярно бывать. И когда через пять лет Валентины Всеволодовны не стало, птицы еще долго появлялись на балконе, подолгу сидели на своем любимом месте.

Подводя итоги, отметим, что ворону мы вправе отнести к птицам-интеллектуалам. Может быть, именно на них природа опробовала еще один разум, только другой, не наш.

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

10. В. ЖЕЛТОНОЖНО

Екатеринбург

2

11. Р. СУРВОВ

Москва

2

12. А. ВАРИЦКИЙ

Брест, Беларусь

2

13. В. СИМОНОВ

Самара

3

14. В. КОВАЛЕНКО

*г. Большой Камень,
Приморский кр.*

3

15. М. МАТРЕНИН

*г. Колпино,
Ленинградская обл.*

4

16. Ю. СУШКОВ

Санкт-Петербург

5

17. М. НЕДЕЛЬКОВИЧ

Югославия

6

18. В. МОРОЗОВ

Москва

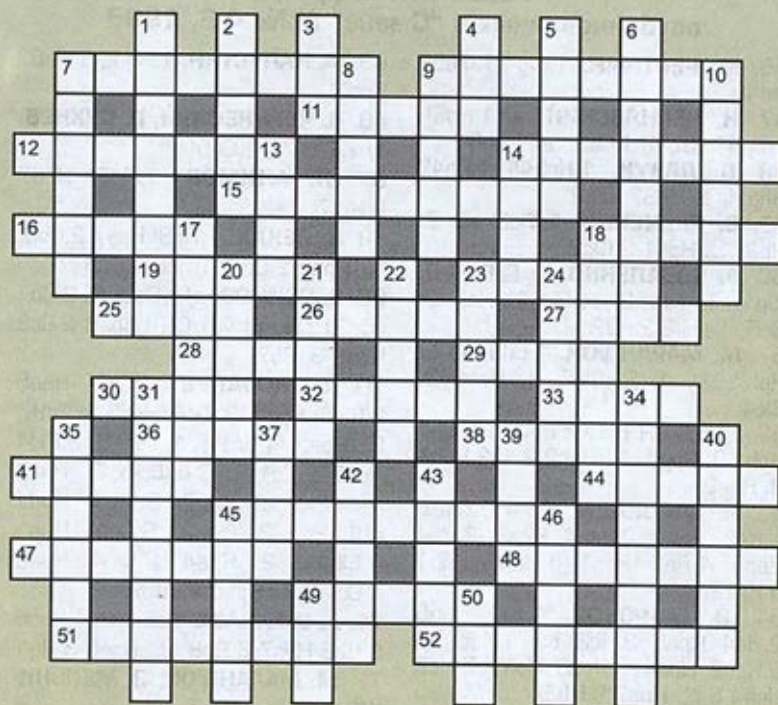

8

**РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ,
опубликованных в "Смене" №№ 4-6, 1999**

46. **М. РЕЙТМАН.** 1.Фg4, 1.Фс5? Hd4!
47. **Н. ЧЕРНЯВСКИЙ.** а) 1.Hd8!, 1.Са4? с5!; б) 1.Cd3!, а) 1.Cb3
48. **В. ДЯЧУК.** 1.Hph4!, 1.Ch4? Hhg1!, 1. Hh3? Hpg2!
49. **С. РАДЧЕНКО.** 1.Фd2! а3 2. Hb3, 1...Кра1 2.Фс2
50. **В. КОВАЛЕНКО.** 1. Cb6 H- 2. Фе1, 1...Hf4 2. Hpf4, 1...Hc5 2. Cc5, 1...Hf2 2. Cf2
51. **М. МАРАНДЮК.** 1.Cd6! а5 2. Hpb7, 1...а6 2. Фс5, 1...Hpb6 2. Фс4
52. **Г. АМИРЯН.** 1.Ce1 Hpg1 2.Cg3 Hph1 3. Hpg4, 1...Hph2 2. Cf2 Hph1 3. Hpe2
53. **И. СОРОКА.** 1...Кра4 2.Ла2х; 1.Hd5 Кра4 2.Hpc4 Кра3 3.Hb4 Hpb4 4.Ла2 Hpc1 5.Hpd3 Hpb1 6.Hpc3
54. **В. МОРОЗОВ.** 1.Hf6 Hpb5 2.Ke4 Кра5 3.Hc3 b5 4.Hd5 b6 5.Hpc2 Кра4 6.Hpc3 Кра5 7.Hc7 Кра4 8.b3 Кра3 9.Hb5x
55. **В. КОВАЛЕНКО.** 1.Ch6!, 1.Cf6? Cd4!, 1.Фh6? Cd4!
56. **В. ПИЛИПЕНКО.** 1.Ce3!
57. **Н. АКИМОВ.** 1.Ke7!
58. **Л. ГРОЛЬМАН** а) 1.Hpd5 Кра5 2.Hpc6; б) 1.Hpb2 Кра5 2. Фсб; в) 1.b4 Краб 2. Hpb3
59. **М. ЧЕРНУШКО.** 1.f7 Ke7 2.f8Л, 1...Hb4 2.f8Ф
60. **С. КОВАЛЕВ.** 1.Lh5! Hpd4 2. Hpd2, 1...Hpf4 2.Hpf2, 1...H- 2.Lh4
61. **И. СОРОКА.** 1...Кра5 2.Ла7х; 1.Lb8! Кра5 2.Lb4 Краб 3.Hc5
62. **С. АБРАМЕНКО.** 1.e7 ba 2.e8Ф а1Ф 3.Фe4, 1...b2 2. e8H b1Ф 3.Hf6
63. **В. КОЖАКИН.** 1.Hf2! Hpd5 2.Hd3 Hpc4 3.Lb6, 1...Hpf5 2.Ke4 Hpe5 3.Cg8
64. **В. КОВАЛЕНКО.** 1.Hpg4!, 1.Hph4? с5!, 1.Hpf4? h5!
65. **Ф. КАПУСТИН.** 1.Ha4!, 1.Ke6? Hpb7!
66. **Н. ЧЕРНЯВСКИЙ, В. СУХНЕВ.** а) 1.Lf6!; б) 1.Ch5!
67. **Н. АКИМОВ.** 1.Ld7! Hpd7 2.Hpf7
68. **В. ЛЕКАХ.** 1.Lg8! Кра7 2.Cb5, 1...Кра5 2.Cd7, 1...b6 2.Cc6
69. **В. ВОИНОВ.** а) 1.Cd5! d6 2.Cb7 d5 3.Hc6х; б) 4 1.Са6! Кра8 2.Cc8 Hpb8 3. Cb7
70. **С. КОВАЛЕВ.** 1.Cg5! Кра5 2.Фсб Hpb4 3.Фс4 Кра5 4.Cd8x, 3...Кра3 4.Cc1x; 1...Hpb3 2.Фd4 Кра2 3. Cc1 Hpb3 4.Фс4x, 3...Кра2 4.Фb2x, 2...Hpc2 3.Фb4 Hpd1 4.Фd2x, 2...Кра3 3.Cc1 Hpb1 4.Фb2x, 2...Кра4 3.Фс4 Кра3 4.Cc1x, 3...Кра5 4.Cd8x
71. **А. ШАХНАЗАРЯН.** 1.Ha4 Hpe6 2.Hb6 Hpe7 3.Lh8, 2...Hpe5 3.Lg4
72. **М. МАРАНДЮК, В. МЕЛЬНИЧЕНКО.** 1...Кра5 2.Hpc6 Краб 3.b4 Кра7 4.b5 Кра8 5.Hc7 Кра7 6.b6х; 1.Hpc7! Краб 2.Hpb8 Кра5 3.Кра7 Hpb5 4.Hpb7 Кра5 5.Hpc6 Краб 6.b4 Кра7 7.b5 Кра8 8.Hc7 Кра7 9.b6х

Правильные ответы на все задания прислали: **Г. КАРМАНОВ** (Сыктывкар), **Ю. КАРТАШОВ** (Санкт-Петербург), **В. КОЖАКИН** (Магадан), **А. МОТОВИЧЕВ** (Архангельск), **Г. ПОПОВ** (Якутск), **В. СИМОНОВ** (Самара), **В. ШУМАРИН** (Москва), **А. ЦАЛИТИС** (Даугавпилс, Латвия). По одной задаче не решили: **Н. ИГОЛЬНИЦИН** (г. Киров) и **А. РОГАНИН** (пос. Строитель Белгородской обл.) ■

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Отношения между человеком и природой. 9. Полигон для скоростных соревнований на двухколесных машинах. 11. Кутеж с непотребствами. 12. Человек с живым характером. 14. Северное мясо. 15. Занюханная коробочка. 16. Мышеловка. 18. Шашка-нарьеристка. 19. Наполовину покрытое песками плато в излучине реки Хуанхэ. 23. Речной порог или низвергающийся поток. 25. Жилая "тюбетейка". 26. Зовущий музыкальный инструмент. 27. Советский физик-ядерщик. 28. Герой греческих мифов, с наим Ж. Верн сравнил Ардана, героя романа "С Земли на Луну". 29. Дофранковая денежная единица Франции. 30. Терпеливый сосуд, способный лопнуть. 32. Звездный цветок. 33. Полба для Балды как блюдо. 36. Культура, цветущая "бабочками". 38. Ослепительная бестелесная соблазнительница. 41. Младший брат метлы. 44. Насущная книга в руках географа. 45. Великий средневековый взлет культуры в Европе. 47. Имперское звание П. Мериме. 48. Зо-

лотисто-желтый хризоберилл. 49. Рассказ в "Записках охотника" И. Тургенева. 51. Отложения легкого вещества, лежащие тяжелым бременем на толстяна. 52. Увертна, хитрый оборот.

По вертикали. 1. Ткань, купленная на подкладку для шинели Ананием Ананиевичем. 2. Древнейшая эпоха каменного века. 3. Голубая мечта Остапа Бендера. 4. "Нотлетная" сельхозкультура. 5. Рыба, высушенная в тоске по пиву. 6. Один из двух авторов книги "Волшебный рог мальчика", о которой Гете сказал, что "она по праву должна быть в каждом доме". 7. "Послушный" глубиномер. 8. Азербайджанское название обрыва, оврага. 9. Ну очень мало. 10. Игровая страна Европы. 13. Бунва славяно-русской азбуки. 14. Из песни: "Здесь живут мои друзья. И дыханье затая, в ночные ... вглядываюсь я". 17. Любимый овощ Петра Первого. 18. Лес, радующий свиней. 20. Конечный пункт ралли с началом в Париже. 21. Чувство не для Зигфрида, героя опер Р. Вагнера. 22. Хлесткие па в балете. 23. Ковер без ворса. 24. Автобусное бронирование в часы пик. 31. Убеждение словами, а то и действиями. 34. Непрочность, неустойчивое положение. 35. Металл, стоивший в Древнем Египте гораздо дороже золота. 37. Французский композитор, чью "Фенеллу" слушал в театре Печорин (в романе М. Лермонтова "Княгиня Лиговская"). 39. "Законный" русский физик. 40. Игра по своей сути. 42. Травяной настой как лекарство или отраву. 43. Опора, основа. 45. Публичная схватка новбоев с бычками. 46. Тип лимонада. 49. Несчастный шекспировский король. 50. Былинная шея богатыря. ■

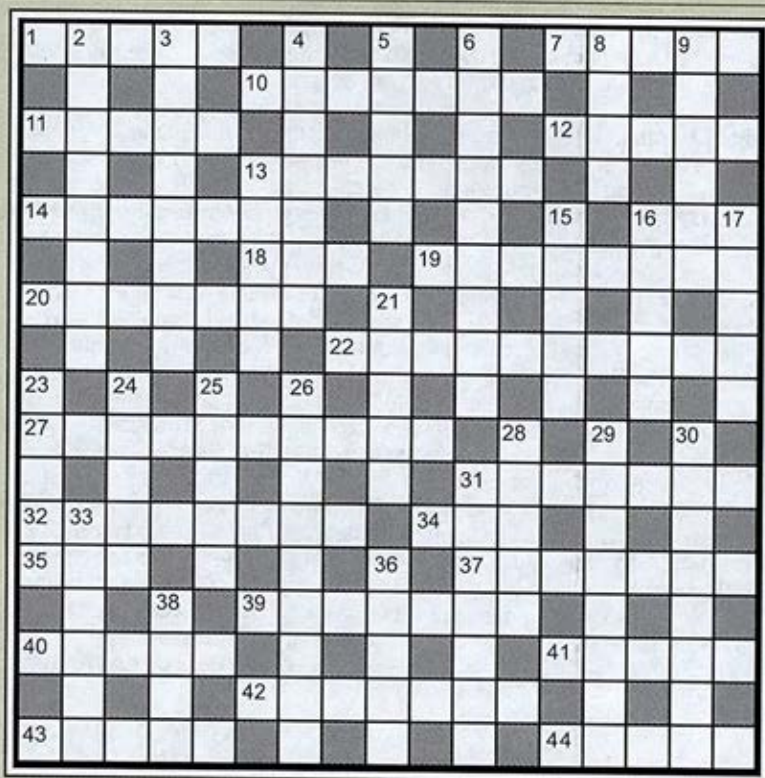
Составила **О. САТАРОВА,**

Брянск

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 1. Тропа. 4. Энлер. 8. Шайба. 12. Анкорд. 13. Ярцево. 14. Валет. 16. Червячок. 17. Фаталист. 20. Инс. 21. Расклад. 24. ...сани... 26. Луна. 27. Анафист. 28. Утюг. 30. Заяц. 31. Конверт. 32. Цок. 38. Нутромер. 40. Фрунтоза. 41. Выдра. 42. Двойна. 43. Осечка. 44. Маска. 45. Лампа. 46. Вьюга.

По вертикали. 2. Рекорд. 3. Портянки. 5. Карнавал. 6. Есенин. 7. Харчо. 9. Аран. 10. Блеф. 11. Гость. 14. Вой. 15. Таннист. 18. Фанфара. 19. Ислуг. 20. Индюк. 22. Дурак. 23. Ланце. 25. Яновлев. 29. Гороскоп. 30. Зорность. 33. Снедь. 34. ...строфа... 35. Юра. 36. Новчег. 37. Жакан. 39. "Рыба". 40. Фрак.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Справа — десница, слева — .... 7. Большая группа людей, которая, по А. Гумбольдту, любит и восхищается тем, чего не понимает. 10. Бюрократическая машина. 11. Французский живописец, создавший жанр галантного праздника, учитель Ватто и Ланкре. 12. Один из основных видов защиты в боксе. 13. Кавказская гора, которую Норгей Тенцинг назвал наседной, а все горы вокруг — цыплятами. 14. Тополь, называемый рай-деревом. 16. "Королева..." — поэма, которую Б. Шоу считал лучшим произведением Шелли. 18. Символ неизвестности. 19. Сущность телосложения Кости в рассказе И. Тургенева "Бежин луг". 20. Наука, переносящая особенности живого мира в мир машинный. 22. Фабрика казенных бумаг. 27. Русский полковник, которому Линкольн присвоил звание бригадного генерала и который закончил жизнь бродячим скрипачом. 31. Нимфа, обитающая на реинской скале, обладающей чудесным эхом. 32. Пристанница в песне В. Баснера "На безымянной высоте". 34. ...Чи — императорский чинов-

ник древности, создавший по образцу птичьих следов китайскую пиктографию. 35. Ненецкое название небольшой реки, ручья. 37. Анекдотический жанр как первоисточник многих басен А. Сумаронова. 39. Сын Аристотеля, которому философ посвятил одно из главных произведений (по этике). 40. Русская пианистка, неподражаемо исполнявшая "Нартинки с выставки" М. Мусоргского. 41. Индийский бог, чья шапка — личный символ, — раковина. 42. Американский поэт, в публичном чтении своих произведений использовавший ритмику богослужения, спиричуэлс, джаза. 43. Сладость из застывшей сахарно-ореховой пены. 44. Если ... села в воду — жди хорошую погоду (примета моряков).

По вертикали. 2. Русский педагог, сказавший, что привычка не переносить, а одолевать страх увеличивает смелость. 3. Приплывшая из древности голубая рыба, чья чешуя по химическому составу близка к зубам человека. 4. Подковырна. 5. Антриса Голливуда, "миф 40-х годов". 6. Женщина, способная честно заработать деньги, не пошевелив и пальцем. 8. Итальянский город, где в 1893 году прошел первый европейский чемпионат по гребле. 9. Индейский народ в Мексике, на праздники танцующий под звуки трещоток из тыквы. 13. Вереск, растущий южнее мыса Пицунда. 15. Задор, основанный на ловкости. 16. Тип болота у истока Днепра. 17. "Снежный" заяц. 21. Танец, следовавший за сарабандой в сюитах XVIII века. 23. Обычное в произведениях А. Пушкина название жизненного пути. 24. Сумрак в человеческом сознании. 25. Рюрик, Синеус или Трувор по скандинавскому происхождению. 26. Член совета при византийском императоре. 28. Каждый из тех, кто в средневековой Европе олицетворял ангельскую жизнь. 29. Основной хрөвельный материал в Древнем Риме. 30. Трава, называемая в народе мышеем. 31. Швейцарский писатель и богослов, чью "Физиономику" Гете определил как "гениальную эмпирию", т.е. научный дилетантизм. 33. Весьма странный и невероятно сильный для своих размеров австралийский зверь. 36. Выше леса, тоньше колоса (загадка). 38. Чувство, искажающее и лицо, и восприятие действительности. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 1. Сочиво. 7. Зюйд. 10. Балобан. 11. Пайцин. 13. Анды. 14. Наблюдатель. 15. Илья. 17. Ландрин. 18. Уксус. 22. Детинец. 23. Тонование. 25. Федоскино. 26. Хлодвиг. 28. Верфь. 29. Богарне. 33. Щель. 35. Простодушие. 37. Лира. 38. Якулов. 39. Шолохов. 40. Медь. 41. Тантал.

По вертикали. 1. Сапфир. 2. Чайтя. 3. Воин. 4. Баллада. 5. Мордвинов. 6. "Санте". 8. Юань. 9. Дрын. 12. Нанарейна. 13. Александр. 16. Рубидий. 19. Женевец. 20. Ризосфера. 21. Голландия. 24. Энтомолог. 27. Парубок. 30. Цеолит. 31. Дьявол. 32. Остол. 34. Алям. 35. Пруд. 36. Енса.

Левково

пансионат

Пансионат "Левково" Администрации Московской области — современный комплекс индивидуального, семейного и детского отдыха на охраняемой территории. Находится в 35 км от Москвы по Ярославскому шоссе. Бывшая барская усадьба. Современные постройки, пруд, лесопарк 18 га.

К Вашим услугам:

2-х комнатные люксы, 1-комн. полулюксы, 3-х местные с удобствами, 3-х разовое питание, бар, 2-х этажная сауна с бильярдом, футбольное поле, спортплощадка, катание на лошадях, библиотека, медпункт, прекрасные условия для проведения конференций, семинаров, банкетов, свадеб, конференц-зал на 250 мест, залы для занятий спортом, транспорт. Работает детский оздоровительный лагерь (июнь-июль).

Развлекательные программы с участием известных артистов эстрады и кино.

141200, г.Пушкино, пансионат "Левково"
тел. (095) 584-39-49, 584-39-62, ф.(253) 2-44-21

**Вниманию
владельцев
микроволновых
печей!**

Хотите быть уверены в том, что вы правильно пользуетесь микроволновой печью, и она не оказывает вредного влияния на ваше здоровье?

Вам необходимо приобрести Индикатор СВЧ-излучения.

Контроль с помощью "Индикатора" достаточно прост. "Индикатор" поворачивают тыльной стороной к работающей печи и перемещают в пространстве вокруг печи на расстоянии 0,8-1,0 м. Появление звуковой и световой сигнализации свидетельствует об обнаружении повышенного уровня излучения.

В этом случае необходимо обратиться в ремонтную мастерскую.

Контролируя излучение микроволновой печи "Индикатором-СВЧ" завода "Протон", вы сохраняете здоровье.

Тел. (095)534-02-86, 534-33-50,
факс (095)534-33-08.

Знакомьтесь, ЛИТА-ЦВЕТ ...

Почитателей продукции московской НПФ «Лита-Цвет», известной косметическими сериями «Прикосновение...», «Мастер и Маргарита», продолжаем знакомить с новой разработкой фирмы — косметической линией «Лита-Цвет».

Во всех косметических средствах линии, а их — 26 наименований, присутствует «Эксолин» — уникальный, не имеющий аналогов биологический стимулятор регенерации тканей. «Эксолин» — производный коллагена, который содержит весь необходимый для кожи комплекс аминокислот, пептиды, уроновые кислоты, микроэлементы и минеральные вещества. «Эксолин», идеально усваиваясь, обновляет кожу, способствует синтезу новых коллагеновых клеток, отвечающих за упругость и эластичность кожи, обеспечивает полноценное питание и защиту кожного покрова от вредных воздействий окружающей среды.

Серия «Лита-Цвет» включает в себя несколько средств, которые полностью удовлетворяют потребность кожи в очищении.

1. Гели-пенки для умывания для всех типов кожи «Лита-Цвет» — обеспечивают глубокое, но деликатное очищение кожи, удаляют косметику, а также водостойкий макияж, ороговевшие клетки, нормализуют работу сальных желез, не раздражают слизистую глаз, увлажняют, смягчают кожу.

2. Тоники для всех типов кожи «Лита-Цвет» — эффективное средство для завершения процедуры очищения кожи, восстановления pH-баланса, обладают отшелушивающим эффектом, устраняют чувство стянутости, очищают и сужают поры, снимают раздражение, освежают цвет лица.

3. Крем очищающий серии «Лита-Цвет» обеспечивает глубокое, но мягкое очищение кожи, не содержит грубых частиц. Хорошо удаляет секрет сальных желез, способствует профилактике и лечению угревой сыпи, сужает поры, делает кожу нежной и ровной.

4. Сливки для тела превосходно заботятся о вашей коже, увлажняя, тонизируя и питая ее. Легкая, комфортная пленка делает кожу бархатно-мягкой и ухоженной, препятствует испарению влаги из глубоких слоев.

«Лита-Цвет» — косметика для тех, кто хочет выглядеть молодо всегда, независимо от возраста.

Приобрести косметику «Лита-Цвет» можно не только в магазинах Москвы, но и во многих городах России.

Приглашаем оптовых покупателей:
Москва, ул. 9-я Парковая, дом 37, корп. 1.
Телефоны:
(095) 965-20-38, (095) 467-18-88,
(095) 466-68-44, (095) 165-90-01,
(095) 965-05-39.

Тем, кто ценит и изящество

"Когда-то в мире не было лучше российских мехов и изделий из них. Они составляли гордость и богатство государства российского. Так было и так будет!" — говорят в "Калинке".

"Калинка" — молодая развивающаяся российская фирма с широкими творческими и технологическими возможностями — уверенно осваивает не только отечественный, но и европейский рынки. Специализируется она на выпуске меховых и кожаных изделий, на их реализации. Промышленные и торговые площади находятся в Кирове. Компания имеет разветвленную сеть филиалов и магазинов по всей стране. К богатому ассортименту отечественных мехов и пушнины, которые использует "Калинка", недавно прибавилась и всемирно известная черная норка (Blackglama) из США. Ее поставляет Сиэтлский Пушной Аунцион (Seattle for Exchange). Для пошива дубленок "Калинка" использует широкий набор дубленочного материала на любой вкус — от классического "велюра" и длинношерстной "Тосканы" до изысканной "черепахи" и лакированного "кронодила", которые поставляет давний партнер "Калинки" итальянская фирма "Альбатрос".

На только что построенной фабрике компании установлено самое современное швейное оборудование немецких фирм "Dürkopp Adler", "PFAFF", "Hanniqiesser", "Strobel" и "Mauzer Spezial", японской фирмы "Juki", американской "Bonis Brothers" и других. Но что может машина без художника? В компании созданы все условия для творчества. Изюминка фирмы — вышивка каракулем, которая украшает дубленки "Калинки". Новое направление фирмы — работа с трикотажем: его комбинируют с кожей, замшей. В компании работает дизайнерская группа из семи человек, в основном, молодежь. Все таланты — местные, вятские. Здесь говорят: как художнику дается Богом талант, так скорняку даются руни и взгляд на мех. Поэтому главное богатство "Калинки" — классные специалисты.

Компания — постоянный участник "Недели Российской моды" в Москве. Весной 2000-го года продукция "Калинки" будет широко представлена на ежегодной специализированной международной меховой выставке во Франкфурте-на-Майне.

610002 г. Киров, ул. Милицейская, 14
(8332) 67-18-33 — менеджер по оптовой торговле
(8332) 67-32-52 — директор
(8332) 67-31-47 — факс (круглосуточно)
e-mail: morozov@kalinka.kirov.ru

красоту

МЕХА КОЖА
Жалинка

В королевстве русского меха

Шуба, дубленка, меховая шапка –

отнюдь не роскошь в России. Многие модницы, щеголяющие в мехах в суровую русскую зиму, и не подозревают, что благодарить за элегантные наряды надо не только модельеров и портных, но и специалистов-звероводов, потому что основа добротной меховой одежды — красивый, качественный мех. Каково состояние селекционно-племенной работы в звероводческих хозяйствах — таковы меха, такова в конечном счете и сама зимняя одежда. Хороших хозяйств, сохраняющих свой высокий потенциал, не так уж много.

Зверосовхоз "Пушкинский" — наш крупнейший производитель пушнины. Гордость хозяйства — созданный здесь черный "Пушкинский" соболь, достойно представляющий Россию на международных пушных аукционах в Санкт-Петербурге. Хозяйство — родоначальник нескольких так называемых заводских типов пушных зверей — темно-коричневой норки, серебристо-черной лисицы, голубого вуалевого песца.

Недавно в "Пушкинском" открыли собственное ателье, высококвалифицированные специалисты которого помогут вам подобрать мех, сошьют модную шубу, шапку, пелерину. А меха — просто великолепны! Это серебристо-черная, красная, снежная лисицы, соболь, хорек, песец... И нигде в России вы не найдете такого разнообразия норки: сапфировая, серебристо-голубая, мойлалеутская, пастелевая, ампалосапфировая, темно-коричневая. Особую любовь женщин заслужили шкурки лавандовой и жемчужной пород норки.

Специалисты ГПЗ "Пушкинский" обладают коллекцией мехов, отвечающих высоким требованиям внутреннего и международного рынков, готовы поделиться своими знаниями и опытом, оказать помощь коллегам и предложить высококачественную продукцию.

ГПЗ "Пушкинский"

**ГПЗ "Пушкинский":
141214, Московская
область,
Пушкинский район,
п. "Зверосовхоз".
Тел.: 584-35-38,
факс: 584-93-44.**

Лучшая керамическая плитка из Дедовска

Трудно представить себе интерьер современной квартиры или особняка без красивой и практичной керамической плитки. Да и в офисах, ресторанах, клубах этот отделочный материал все чаще применяют для украшения стен, полов, фундаментов, внутренних двориков. Какими же качествами должна обладать плитка?

Во-первых, она должна радовать глаз. Красоту изделий дедовских мастеров подчеркивают даже названия серий различного вида плиток: вслушайтесь, взгляните... Выберете "Бриз" — и на вас пахнет терпкий запах Средиземноморья. Серия "Норрида" расскажет вам о тореадорах и ослепительной Кармен. "Итальянский мрамор" позволит почувствовать себя римским патрицием, а "Снифы" окупят в историю древнего мира. А может быть, вам ближе родные "Истра", "Ладога" или классические интерьеры "Петергофа"? Пол в кухне украсит плитка, которая так и называется — "Паркет".

Во-вторых, отделочный материал должен быть прочным, надежным в быту. Плитка, произведенная АООТ "Сокол", идеальна для нашего сурового климата, выигрывая прежде всего по такому показателю, как морозостойчивость. А удобно ли с ней работать? На "Соколе", например, выяснили, что при производстве с традиционным жестким штампом плитка не получается идеально ровной. Применили так называемый изостатический штамп, который позволяет выпускать плитку с равной плотностью по всему объему. Эта технология гарантирует качество на каждом этапе. Именно поэтому дедовская плитка безукоризненна.

"Сокол" не гонится за модой, потому что сам формирует ее, повышая не только общую культуру строительства и отделочных работ, но и улучшая самое главное — качество жизни россиян.

АООТ "Сокол" производит и продает:

плитку керамическую **НАПОЛЬНУЮ** форматом 33x33x0,8 см — 60 наименований, включая стилизацию под паркет, под мрамор, под старый камень;

ОБЛИЦОВОЧНУЮ форматом 33x20x0,7 см — 30 наименований, под мрамор;

ФАСАДНУЮ форматом 296x92x9 мм (черную, белую, синюю).

Широкий выбор бордюров и декоративных панно собственного производства по низким ценам.

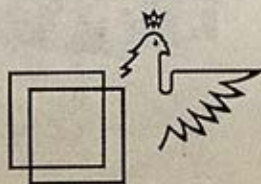
Наш адрес:

143530, Московская область,
Истринский район, г.Дедовск,
керамический завод.

Тел.: (095) 561-74-87,
561-75-50.

Факс: (095) 561-74-83,
561-72-60.

Розничная торговля —
тел.: (095) 561-75-04.

Александр Туманов

Александр Туманов очень жизнерадостный, веселый и добрый человек. Жизнь воспринимает как дар, чему и сам радуется и заставляет радоваться других. И то правда, окружающая действительность на полотнах художника светла и безоблачна, что бы ни писал — яркие цветы на полянах, пруды с гордыми лебедями, реки с колесными пароходами, городские дома, вывески лавчонок, горожан, степенно разгуливающих по улицам, серьезных и бородатых мужиков, пышных, нарядных дам, шелудивых барбосов и прелестных мурок.

Александр закончил художественное училище “Памяти 1905 года”, театральный факультет, но стал свободным живописцем. Еще студентом на практике попал в старинный город Калугу, и провинциальный быт так поразил художника, что на долгие годы сделался главным “героем” многих работ Александра. Он создал пестрый, порой сказочный мир без временных рамок, и населил его разудалыми шарманщиками, веселыми дворниками, упитанными городовыми, довольными гражданами и прочей всякой живностью: лошадыми, собаками, да курами с петухами.

А еще Александр проработал год главным художником Политехнического музея, что не прошло бесследно для его творчества. Запасники музея хранили удивительные вещи: фонограф Эдисона, граммофоны, старинные самовары, первые велосипеды, домашнюю утварь, древние рукописи и фотографии, что пригодилось для натюрмортов и других картин художника.

Когда-то Александр принадлежал к андеграундному искусству, участвовал в “бульдозерной выставке” в Измайлово, позже входил в группы “20” и “21” на Малой Грузинской и выставлялся в квартирных вернисажах. Выставки эти сопровождались скандалами, давлением властей, зарубежной прессой и неизменным зрительским успехом.

В начале 90-х Александр попадает в Нью-Йорк, сотрудничает с американскими галереями, ему предлагают остаться, но, не подавшись соблазну, он возвращается в любимую Москву. Позже состоялись выставки в Страсбурге и Дюссельдорфе, в штаб-квартире ЮНЕСКО, в последнее время

Зима.

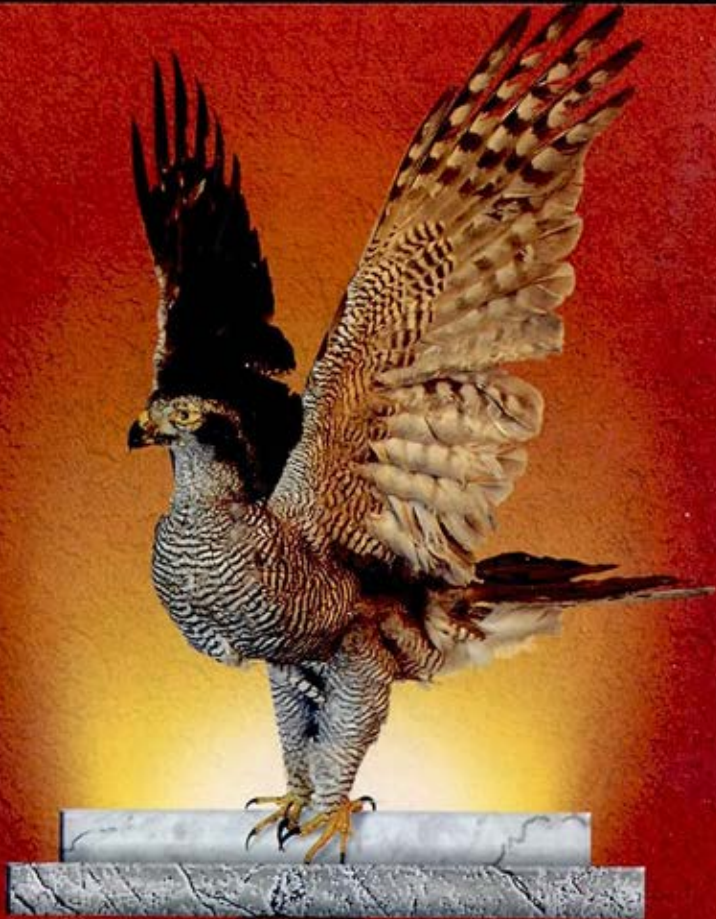
Воздухоплавание.

художник сотрудничает с галереями в Милане. У него более 100 выставок в Москве и за рубежом. Картины, независимо от мастера, живут своей жизнью и появляются на самых престижных западных аукционах.

В творчестве Туманова присутствуют традиции первого русского авангарда — Ларионова и Шевченко, впервые обратившихся к уличной культуре. Вспомним лубок и “праздничные” иконы. Живописи Александра присущи элементы наива с нарушением всех законов живописи, с ирреальным пространством, фантастичностью образов и буйством цвета.

У художника неистощимая фантазия: “Каждые 15 минут рождается новая идея, — говорит Александр, — и что получится на холсте — непредсказуемо. Картина пишется интуитивно и спонтанно. Она должна быть как книга — сколько времени на нее смотришь, — столько открываешь нового и неизвестного. Не верю художникам, ждущим вдохновения, — я сажусь и работаю”.

Людмила КАНДАЛОВА

ВЫСОКИЙ
ПОЛЁТ

Наш адрес:
143530
Московская обл.,
Истринский р-н,
г. Дедовск,
керамический завод
Тел.: (095) 561-74-87,
561-75-50
Факс: (095) 561-74-83,
561-72-60
Розничная торговля:
Тел.: (095) 561-75-04

ПРОИЗВОДСТВО
И РЕАЛИЗАЦИЯ
КЕРАМИЧЕСКИХ ПЛИТОК

